

**ИСКРЕНКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ 2020**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. Презентация сказки про Нину Искренко	5
Часть 2. Искренковские чтения	15
Часть 3. Afterparty	20
Часть 4. Интервью с участницами чтений	
Алтын Капалова: Можно нам уже, наконец-то, самим говорить о себе?	29
Ганна Шевченко: Что кричит женщина, когда летит в подвал?	31
Евгения Джен Баранова: Без ощущения сестринства далеко не уедешь	32
Алёна Асенчик: Очаровываясь ритмом	35
Марина Гарбер: Любые довески к слову «поэт» дискредитируют поэта	36
Елена Саморядова: У меня нет книжного шкафа	40
Дана Курская: Улицу я бы назвала в честь себя	43
Жанна Бадалян: Право реализовать свои таланты	45
Марина Темкина: Когда женщины стали писать о себе, возникла другая литература	47
Анна Седая: Мир спасут женщины	56
Юлия Немировская: На Западе любой интеллигентный человек, мужчина или женщина — феминист	59
Анна Маркина: Простота, практичность, искренность и ответственность	62
Людмила Вязмитинова: Выходить за пределы художественной литературы	64
Стефания Данилова: В нашей стране нужно выбирать — либо быть убитой, либо сидеть в тюрьме	66
Ирина Котова: Около 70% моих пациенток — жертвы мужского насилия и не обращаются в полицию	69
Анна Голубкова: Большинство женщин предпочитает жить в мире розовых пони	75
Илона Махотина: Словам «свобода» и «терпимость» искусственно придали негативную окраску	81
Лета Югай: Сказки рассказывают матери	84
Света Литвак: Литературная жизнь — копия политической	91
Наталья Елизарова: Необходимо законодательство, защищающее права женщин	94
Ирина Чуднова: Новая книга будет двуязычной	98
Татьяна Данильянц: Путь независимого деятеля культуры	102
Ирина Машинская: Пусть завтра конец света, но сегодня ты делаешь все, что обычно	104
Ирина Коноп: Никогда не поздно попробовать что-то новое (во всех вью выше беседовала Любава Малышева для сайта Московского женского музея)	110
Надя Делаланд: Биография Нины Искренко должна отозваться в каждом детском сердце (беседовал Борис Кутенков для сайта Формаслов)	112
Кира Искренко: Нина была очень непослушным ребенком (беседовала Надя Делаланд)	114
Евгений Бунимович: Она была абсолютно открыта миру — и в этом абсолютно беззащитна (беседовала Надя Делаланд для сайта Горький)	116
Любава Малышева про Искренковские чтения – 2020 (для сайта Артикуляция)	119
Часть 5. Рукописи участниц чтений	127

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СКАЗКИ ПРО НИНУ ИСКРЕНКО

Любава Мальшева: Дорогие друзья, добрый день!

Приветствую вас в Московском женском музее на презентации нашей книги о Нине Искренко, она пятая в серии «Женская история для детей». Я покажу вам предыдущие книги: о Евфросинии Керсновской, Наталье Горбаневской, цыганской поэтессе Папуше и правозащитнице Галине Кожевниковой. А про новую книгу расскажет ее автор Надя Делаланд.

Надя Делаланд: Здравствуйте, друзья! Я рада приветствовать вас на первых Искренковских чтениях. Отчасти их родоначальником можно считать Евгения Абрамовича Бунимовича, который много лет назад за сценой на Цветаевском фестивале в городе Александрове нарисовал на одноразовой тарелочке портрет Нины Искренко и по краю написал «Искренковский фестиваль поэзии». Нам кажется, что мы шутим, но потом эта шутка оказывается пророческим жестом. Вот сейчас Искренковские чтения. Я поздравляю всех с появлением этой книги. То, что я сейчас буду говорить, это не столько факты, сколько эмоции. Потому что меня переполняет благодарность и радость. У меня есть целый список тех, кому эта благодарность адресована. И первая в списке, конечно, Любава Мальшева, с которой мы беспрерывно общались на протяжении всего процесса подготовки книги и подготовки этих чтений. Я хочу сказать, что Любава — потрясающий человек! У нее такое количество энергии, я просто не понимаю, когда она спит. Когда мы переписывались, она была все время онлайн. И днем, и ночью. У нее огромное количество идей, невозможно поверить, что у человека в голове может их столько беспрерывно рождаться. Причем замечательных. Любава очень настойчиво курировала то, как все это происходило. Для меня было довольно сложно просто найти время для того, чтобы этим всем заниматься. Я приходила с работы уставшая, открывала холодильник, и оттуда выглядывала Любава и напоминала о том, что надо было работать. Тоже самое было и из микроволновки, духовки и утюга, и так далее. От этого было не спрятаться. И я теперь понимаю, что только так и надо было себя вести, иначе у нас ничего бы не получилось. Любава при этом совершенно талантливый поэт, у нее прекрасные стихи, у нее безупречный поэтический слух. И, конечно, огромное счастье, что она этим занимается, и здорово, что Любава выбрала для этого меня. Я бесконечно это ценю. Второй человек в моем благодарственном списке — это, конечно, художница Ирина Коноп. Я восхищаюсь этими картинками. Они тоже очень талантливы и, конечно, я знаю, я много

общаюсь с художниками, что, каким бы талантливым художник ни был, это огромная редкость — рисовать для детей. Это особый дар, это особый талант и нам так повезло, что здесь все в этом отношении круто. Ирине я очень благодарна за то, что с ней было приятно и легко работать. И когда я ее просила где-то цвет поменять, еще что-то, я понимаю, что это могло бы встречать сопротивление, но этого не было. Все получалось идеально, хорошо и круто. Я очень благодарна нашим информантам, потому что я в основном опиралась на то, что мне рассказывали Кира Юрьевна Искренко — это младшая сестра Нины — и Евгений Абрамович Бунимович, друг Нины и тоже участник Клуба «Поэзия», они вместе много перформансов сделали. Я ужасно благодарна им за то, что я чувствовала. Во-первых, за то, насколько они сами искренне любят Нину Искренко, во-вторых, за то, что они стремились помочь всем, чем могли. Я звонила Кире Юрьевне по телефону, записывала с ней наши беседы, потом перезванивала, потом списывалась, то есть дергала и мучила ее как могла. Кира Юрьевна очень доброжелательна, и она очень здорово помогала. Что касается Евгения Александровича Бунимовича, то я его застала в разгар избирательной кампании, у него совершенно не было времени. Мы просто в машине ездили по разным точкам, где были встречи с избирателями. И я в машине его допрашивала или, когда где-то был перерыв — тоже. Это было такое дискретное, очень длинное интервью. Евгений Абрамович рассказал много всего ценного и важного, направил меня, чтобы я смогла связаться с людьми, которые могли мне что-то подсказать, были дружны с Ниной. Я старалась по возможности с ними связаться, но, тем не менее, в основном эта книга опирается на то, что говорили Кира Юрьевна и Евгений Абрамович. Я благодарна всему Московскому женскому музею за эти начинания замечательные, в том числе Екатерине Дробязко, которая вычитывала текст сказки очень внимательно, проверяла на прочность каждое слово. Это очень важно и очень ценно. Это команда профессионалов, и я горжусь, что тоже здесь оказалась. Конечно, я думаю, что цель издания этой книги и Искренковских чтений — стратегическая: привлечь максимальное профессиональное внимание к фигуре и поэзии Нины Искренко. Потому что, конечно, она не обделена вниманием читателей. Если мы откроем интернет, то мы увидим, что очень много и профессиональных актрис, и просто любителей поэзии читают ее стихи, их бесконечно много постят и так далее. Но вот филологического внимания, критического внимания ее стихам не хватает, они ждут еще своего исследователя,

и я могу сказать, что уже сейчас мы в какой-то мере добились этого эффекта. Потому что по реакции в Facebook, где-то положительной, поддерживающей, где-то критической, но это нормально, любое начинание может встречать такую реакцию, видно, что на Нину Искренко обратили внимание многие. Спасибо большое!

Ирина Коноп: Здравствуйте! Всем привет. Я Ирина. Художница. Я хотела бы поблагодарить и автора книги, Надю, и куратора и редактора, Любаву, это было бесценно. И я хочу перевести разговор в практическую плоскость. Дело в том, что на подготовку всех иллюстраций у нас было критически мало времени, а конкретно — три недели. Три недели — это 15 рабочих дней, 15 иллюстраций, плюс разная мелочевка, плюс обложка. Дело в том, что я в предыдущей своей жизни 10 лет занималась производственной логистикой непосредственно на печатном производстве. Я была на стыке между логистикой и творческой частью нашего прекрасного издательского дома. И я понимаю важность соблюдения сроков. Я хотела рассказать, как у нас, собственно, получилось уложиться в эти три недели, которые изначально выглядели... Я, когда это услышала, то подумала: «Нет, ребята, это невозможно. Три недели! Но ладно, в конце концов, где наша не пропадала, будем делать». Выхода у нас особо не было. И я для себя давно разработала некую структуру действий, что надо сделать, для того, чтобы умудриться все сдать в срок. И, возможно, кому-то это будет интересно, а кому-то покажется слишком стандартным, но мне кажется, многие люди, занимающиеся производством печатной продукции, будут счастливы, если творческие люди начнут соблюдать эти простые правила. Первое, что я сделала: заручилась поддержкой куратора, редактора, вечного энерджайзера, Любавы. Человек, который действительно на связи 24 часа в сутки, такой человек для проекта совершенно необходим, потому что у любого творческого человека в какой-то момент может случиться ступор, может случиться затык, может случиться какой-то вопрос, нужно будет поговорить и обсудить творческий процесс. Лично для меня всегда нужен такой человек рядом. Я была счастлива. Мне кажется, без Любавы этого бы не получилось. Потом, как человек-логист, я говорю: «Ребята, сделайте график». Я узнала, что у нас 15 иллюстраций и одна обложка — и я составила очень детальный график производства, список иллюстраций и список по этапам. Конкретно в моем случае этапы включали идею, набросок, обсуждение, утверждение, чистовик в линиях и чистовик в цвете. И этот график должен быть максимально подробным. Желательно учитывать собственные биоритмы, но в том плане, что я, например, творческую часть люблю делать только по ночам, а, скажем, раскрашивать можно только днем, и я посчитала это необходимым учитывать. График должен

быть максимально подробным и, желательно, с запасом, то есть, ребята, отдыхать надо! Да, у нас всего три недели, но выходные очень важны. Хотя бы один выходной в неделю — это уже хорошо. И после составления четкого графика по этапам и со списком иллюстраций я приступила к созданию концепции, чтобы не разбираться с этим делом и потом уже в процессе не говорить: что же мне делать, что же мне делать? Во-первых, мы создали маскота, альтер эго Нины. Это была темная овечка, прекрасная овечка, которая присутствует на каждом развороте. Она символизирует некую отдаленность от общей массы людей, но при этом особую ценность. То есть это такой персонажик, который говорит: «Ребята, это нормально — быть другим. Все хорошо: вы другие — и в этом ваша прелесть». Потом я для себя разработала концепцию. Так как у нас было очень ограниченное время, надо было чем-то жертвовать, например, цветовым решением. И я для себя ограничила, что в цветах мы делаем только Нину и непосредственно членов ее семьи, ближний круг, чтобы не отвлекаться на что-то другое. Плюс я сделала разделение в линиях. Потом, когда посмотрите книгу, увидите, что за обводку толстыми линиями у нас отвечает земной мир, а тонкие линии — это поэтический мир. И так получается, что с каждым этапом, с каждой иллюстрацией, у нас все меньше толстых линий и все больше тонких. Нина обретает себя, обретает свое окружение, и мир становится все более поэтическим вокруг нее. Четкая структура мне помогла потом не останавливаться на каких-то технических моментах. Конечно же, это очень важно в самом начале, да и в течение всего процесса, набрать то, что называется mood board, «доску вдохновения». Кому как удобнее — в физическом виде, в электронном виде — некие картинки, которые будут вдохновлять на дальнейший процесс. Когда только чувствуешь «я не знаю, что делать дальше» — открываешь, понимаешь и видишь общую концепцию. Это очень полезно. Как логист, не могу не сказать: хранение всего должно быть четко структурировано, как в электронном виде, так и в бумажном. Я прекрасно знаю, как можно потерять в последний день неотсканированный оригинал. И бывает так, что это очень сильно стопорит работу. В Москве я была очень расслабленной насчет материалов, то есть, ну есть какой-то материал — зачем мне нужен запас? Я всегда могу пойти в магазин и купить еще что-то. Я переехала в европейскую глубинку, тут нельзя пойти в магазин и купить что-то. Потому что в ближайший магазин нужно достаточно долго ехать, доставка онлайн тоже не такая быстрая-быстрая, как хотелось бы... А потом начался карантин, и оказалось, что ничего не работает. Ни в магазин не сходить, ни онлайн не заказать. И совершеннейшим чудом для последней иллюстрации я покупала маркеры буквально за один день до того, как конкретно у нас перекрыли выезд даже из города. Повезло. На будущее это, конечно, хорошо бы

учитывать, что все творческие материалы должны быть рядом. И последнее: мелочи жрут больше всего времени. Казалось бы, у меня все готово, что тут переживать, все, я уже готова сдавать книгу, я готова сдавать все иллюстрации. Но нет: надо еще отсканировать, надо еще вычистить, надо еще обсудить цветное решение обложки, надо еще сделать это, это, это... То есть в начальный график, конечно, надо закладывать все такие мелочи. И да, выполнять, наверное, простые, но обязательные правила. Мы умудрились сдать абсолютно все иллюстрации за три недели и то, что я считала совершенно невозможным, мы сделали. Что я могу сказать, ребята, стык логистики и творчества всегда работает. И мне кажется, все-таки графики — настолько важная вещь! Мы умудрились успеть до пандемии сдать в печать, до увеличения цен, опять-таки напечатать! И я считаю, что это прекрасно!

Любава Мальшева: Ирина, расскажите, пожалуйста, подробнее про альтер эго героини.

Ирина Коноп: Она у нас темная овечка. Изначально, исторически (я думаю, что это известный факт), темные овечки считались теми, кто портит стадо. Темная шерсть не ценилась так высоко, как белая шерсть, и общее впечатление, конечно, было такое. Поэтому в фольклор многих языков вошло выражение «темная овечка». Например, как у нас — белая ворона. Но в итоге постепенно, конечно, стало понятно, что ничем не хуже овечки совершенно любого цвета. И нормально быть другим, и нормально выделяться. И нормально, когда тебя изначально не принимают, тем выше твоя ценность будет потом.

Любава Мальшева: Большое спасибо. Сейчас мы с вами посмотрим отрывок из телепередачи «Успех» 1993 года и увидим, как читает сама Нина Искренко (видео).

Николай Винник, хранитель коллекции книг Нины Искренко: Я, наверное, скажу сначала, как я познакомился с Ниной и ее стихами. Я родом из Молдавии и приехал в Москву в 1989 году, поступать. Стихи Нины Искренко попали ко мне в руки, видимо, в 1990-м. Это был сборник под названием «Новая поэзия» или «Поэзия новой волны», и там было много разных поэтов. Запомнил я только двух — Бунимовича и Нину Искренко. И она на меня произвела совершенно ошеломительное впечатление. Можно сказать, что до Нины Искренко я вообще не представлял себе, что такое стихи и зачем они существуют, и зачем их нужно читать. То есть, мне казалось, что мне нравятся какие-то стихи Лермонтова, что-то из Никитина мне нравилось. Но чтобы стихи проникали к тебе под кожу и пробирали до костей, я и представить себе не мог. Нина полностью перевернула мои представления о поэзии. То есть именно

с Ниной я начал читать стихи и писать стихи, и издавать стихи, и искать, коллекционировать. Если бы не она, у меня ощущение, что я бы вообще никогда не узнал, что такое поэзия. Да, в этой книжке был опубликован так называемый «Фиванский цикл». Он был написан, по-моему, по заказу театрального режиссера Бориса Юхананова, но так и не был поставлен. Там несколько текстов по мотивам разных частей «Фиванского цикла». Меня среди прочего поразила консонансная рифма, наверное, но не только. «Допрос Антигоны» я, по-моему, запомнил наизусть со второго прочтения. Познакомился с Ниной я где-то за год до ее смерти, у нее дома. Я был с другом, и мы думали, чем бы заняться. Он внезапно предложил: «Можно пойти к кому-нибудь в гости. Вот, например, к Нине Искренко». Я подпрыгнул на месте. Мы позвонили ей, она оказалась свободна и принимала гостей, и так я ее впервые увидел. Единственное мое общение с Ниной живьем было, как ни странно, не на каких-то поэтических чтениях, а у нее дома. После ее смерти я познакомился с ее семьей и побывал у них дома. И Сергей Кузнецов, ее муж, рассказал мне, что вот есть полочка, на которой лежат собственноручно собранные Ниной книжки. Я знал, что что-то у Нины есть неизданное, а там был большой объем, книжек 20. Я в это время вел литературную жизнь и тоже что-то там свое успел издать, и я пришел к Кузнецову. Мы начали издавать эти книжки, первая из них выглядела вот так (показывает). Она называется «Интерпретация момента» и на обложке рисунок Нины собственноручный. Всего, по-моему, издано было 11 книжек в издательстве «АРГО-РИСК» Кузьмина. Первую делал я, затем, по-моему, занимался Данила Давыдов при каком-то небольшом моем участии. Дальше все пошло без меня. Последняя издана, по-моему, в 2015 году. Я тут, пока готовился к сегодняшнему мероприятию, посмотрел, сколько всего было издано книжек Нины, и мне удалось найти 17 штук. Первая была издана в 1991 году и называлась «Или», у меня ее нет. Вторая книжка называлась «Референдум» и была издана совместно с Юрием Арабовым. Она выглядит так (показывает). С одной стороны — стихи Нины, с другой стороны — стихи Арабова. Вот и книжка 1991 года, наверное, самая радикальная в графическом отношении. Я вам, наверное, покажу пару разворотов (показывает). Вот так, с различным текстом в рамке, с какими-то машинописными изысками, набивками, картой. Здесь изображена пластинка с текстом в разных направлениях и черной точкой в центре. Это вторая книжка, и еще были две книжки. Одна, изданная в Париже, у меня ее нету. И вторая, изданная в США, она выглядит вот так (показывает). «The Right to Err» — «Право на ошибку». Она была подготовлена, когда Нина еще была жива, и вышла, когда Нины уже не было в живых. Таким образом, при жизни Нины вышло в свет всего три книжки: одна индивидуальная, одна совместная

с Арабовым и одна тоже индивидуальная, но не в России, в Париже. Я не буду рассказывать обо всех книжках, их много. После смерти Нины вышла еще вот такая вот книжечка (показывает). Она называется «О главном» и сюда вошли, в частности, самые последние стихи, написанные, когда Нина уже была больна. И по стихам в книге это видно. Там и про болезнь, и про какие-то ощущения ее накануне приближающейся смерти. В общем, местами это читать тяжело, конечно. После смерти Нины было издано нами с Кузьминым две книги. Вот эта — издательство «Независимой Газеты». И «Избранное» — в серии, посвященной поэтам новой поэзии (к которой Бунимович, присутствующий здесь, тоже принадлежит, его книжка тоже выходила в этой серии). У Марка Шагуновского выходила, больше не знаю у кого. Здесь, действительно, довольно представительное избранное. Вот две единственные изданные книжки, насколько мне известно, вышедшие с Ниниными стихами. Это первая (показывает). У меня они не все, кстати. Из 17 у меня их половина примерно. Книжка «Гости», вот так она выглядит (показывает). Книжка «Стихи о Родине», она интересна, среди прочего, тем, что в ней использована Нинина масляная живопись. Она рисовала на досках такие странные полуабстрактные картины. К сожалению, здесь довольно плохая черно-белая печать, поэтому невозможно увидеть текст. Можно разглядеть картинку, но на всех картинках еще присутствует какой-то текст. Здесь написано: «У вас весь менталитет белый», там другое — «Вас много, а плюрализм один». Или: «Психоделичка несчастная», или: «А еще с компьютером» (показывает). Еще есть прозаическая книжка, называется «Рассказы о любви и смерти с отголоском о житие Лысого и Вермишеля». Такие немного сюрреалистические рассказы, где Лысый и Вермишель — семейная пара. И Вермишель выступает то как человек, то как реальная вермишель. Есть эпизод, пародирующий визит трех ангелов к Аврааму. И вот тот Авраам — Лысый, и он кормит ангелов вермишелью. А потом у него в саду вырастает вермишелевое дерево. Книжка оформлена иллюстрациями и картинками полностью в этой стилистике. И они, в общем, все примерно такие. Их можно искать или на сайте vavilon.ru, или, если в бумажном виде, то в Ленинке. И будем надеяться, что когда-нибудь будет издано полное академическое собрание.

Да, я еще хотел! Я должен был с этого начать. Я хочу поблагодарить и сказать спасибо. Так получилось, что в этой серии есть книжки про людей, которые много для меня значили. Из этой серии уже два человека представлены.

Любава Малышева: О какой второй героине вы говорите?

Николай Винник: Галя Кожевникова.

Любава Малышева: К сожалению, я не могу показать книгу о ней, она недавно была издана. В январе. И она приехала в Барселону, но из-за коронавируса мне ее не передали.

Николай Винник: Понятно. Я знаю, что она вышла, но не держал, к сожалению, в руках. Надеюсь, что когда-нибудь. Я хотел бы приобрести обе.

Любава Малышева: Но сейчас уже стало полегче. Можно эти книги достать. Мы все благодарим вас за эту прекрасную коллекцию! Сегодня мы собрались в день рождения Нины, день рождения 69-й, а в следующем году это будет 70-й день рождения. И мы призываем всех друзей и родственников Нины подумать, что можно переиздать к 70-летию, чтобы его достойно отметить. И сейчас мы приглашаем Евгения Бунимовича.

Евгений Бунимович, друг Нины Искренко: Спасибо! Здорово, что вышла книжка. Тем более — детская книжка. Это вообще удивительная история. Но с Ниной, по-моему, всегда происходили истории удивительные, поскольку сама она была удивительной, и ничего другого там быть не могло. Мне нравится, что этот поэтический фестиваль фактически сегодня происходит в zoom, в модном формате. Нина очень любила такие «фишки» — новые форматы, новые идеи. И zoom-формат огромного поэтического фестиваля — это очень здорово, очень по ней. Среди огромного количества вещей, которые можно было бы вспомнить, история о том, как мы с Ниной были на первом Цветаевском поэтическом фестивале. Это такое уже легендарное время, самое начало перестройки, впервые начали появляться негосударственные, неофициальные фестивали. И в Александровской Слободе был первый поэтический Искренковский, вернее (вот видите, как я говорю), Цветаевский фестиваль. Да, идеи-то были новые, а все остальное — такое же как всегда. И поэтому на сцену выходили такие, знаете, филармонические дамы в плюше до пят, или в бархате, в кружевах. Они пели романсы, это было дико фальшиво. С точки зрения музыкальной, наверное, все было правильно, а с точки зрения цветаевского фестиваля все было фальшиво. Но трогательная провинциальная публика, которая сидела в ДК, полностью соответствовала представлению о поэзии с большой буквы О и большой буквы Э. Только мы вдвоем с Ниной должны были выступать от какой-то другой поэзии, от совершенно другого какого-то мира. Меня зал еще как-то вытерпел, и, наверное, это связано с тем, что мужику, они думали еще как-то можно. И вот Нина. Как всегда, она стояла такая маленькая, взерошенная, как птичка, как птенец. Она кидала в зал свои резкие, всегда новые — не те, отработанные на публике, а вот эти самые для нее важные строки. Зал, конечно, находился в странном восприятии.

Очень цветаевском. Помните, Цветаева писала «Я слишком сама любила смеяться, когда нельзя»? И вот Нина писала так, как нельзя. И тогда же, кстати говоря, пришла ко мне одна из записок: «Вы думаете, это стихи?» С возмущенными вопросительными знаками. Она эту записку потом поместила как иллюстрацию в свою книжку «Или», она у меня есть, о ней Коля Винник говорил. Единственная ее прижизненная книжка «Или», и там вот это «Вы думаете, это стихи?» Видимо, этот вопрос ее задевал очень сильно, раз она это сделала. И там она очень переживала.

Мы стояли за сценой и, чтоб как-то ее вернуть в наш нормальный иронический контекст, я взял тарелку, знаете, такую бумажную круглую тарелку, и набросал ее портрет в середине, а по кругу написал «ИСКРЕНКОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ 2000 ГОД». У каждого из нас был значок, на нем было написано «Цветаевский фестиваль поэзии», а в середине портрет Цветаевой. Это казалось шуткой. Но когда Нина ушла в 1995 году, уже в 2000 году этот фестиваль был. И сегодня такой же фестиваль, но другой совсем, происходит уже в 2020 году. И мне кажется, что вот этот Искренковский праздник поэзии — он длится. Сейчас, когда искал тексты, я набрал в интернете «Искренко стихи», посмотрел видео — сколько актрис, молодых актеров читают ее стихи сейчас. Я даже не знал. Я знал, что Яна Иртеньева читает. Но вот столько всего обнаружил, это абсолютно живые стихи! Кстати, они всегда были живыми. Они были живыми после ее ухода, они так же будоражили. Я помню, Дима Воденников предложил мне тогда сделать программу на «Радио России». И мы принесли пленки и слушали. И там сидела литературная редакция «Радио России». Эти женщины, которые там сидели, они выходили просто, они не могли вытерпеть этот текст, который они слышали на пленках. Он был такой живой, хотя Нины уже не было, и он задевает и режет сегодня. Она вообще была не похожа, она все время выходила за рамки, даже в этом она выходила за рамки. Вообще-то поэты все эгоцентричны, это совершенно понятно. Все двери внутрь, и так далее. Нина была наоборот. Она была абсолютно раскрывающаяся для всех — причем, веером. Вот этот темперамент, он бил постоянно. Как один из самых счастливых моментов своей жизни, нашей жизни, я вспоминаю, как мы плыли вместе на пароходе «Валерий Брюсов» по Волге. Это было здорово, потому что мы до этого, конечно, встречались друг с другом часто, слишком часто, наверное, все время. Но, если уж там ели-пили, то где-то на улице, пилили эту докторскую колбасу с водкой, а тут мы были наглядными пособиями перед европейскими литературоведами. Нам ничего не надо было делать, кроме как читать стихи и общаться друг с другом с утра до ночи. Там была, кстати говоря, та самая Яна Иртеньева — правда, ей было несколько месяцев. Поскольку там был Игорь с семьей, там был я, там был

Пригов, и там была Нина с мужем Сережей Кузнецовым, с которым мы недавно тоже простились. И вот мы с утра до ночи общались. А ночью еще и пели. Я помню все то, что потом назвали «Старые песни о главном». И литературоведы европейские не могли понять, что это мы — такой авангард, такая вообще параллельная культура, такая анти-все — почему мы ночами с Приговым и с Ниной пели эти советские песни «Артиллеристы, Сталин дал приказ...» и так далее. Но после этого, утром, когда мы спали всего несколько часов, я еще находил под дверью Нинино эссе о моем стихотворении. Одно из них напечатано в той книжке, я не знал даже, что оно напечатано, что вообще оно сохранилось. В той книжке, о которой говорил Коля Винник. То есть ее бил постоянно нерв, энергия, это было все время. Я вообще не понимаю, когда она это написала, если мы только что под утро разошлись, а потом только проснулись — и вот уже это письмо. Это была какая-то немыслимая ситуация. И еще одно. Вы знаете, что Нина любила то, что еще не имело названия. Еще перформанс в России не назывался перформансом, инсталляция не называлась инсталляцией, активизм — такого понятия, наверное, еще не было. Хотя все это она и воплощала абсолютно, вот именно она и была этим активизмом. Вот эти бесконечные перформансы и все остальное... да это была не только Нина. У нас есть другие люди, которые в то время делали, не буду называть их, эти люди вполне культурно вписались в контекст нашего современного искусства. И я участвовал в их перформансах тоже. Вы знаете, что удивительно? Сейчас, когда смотришь это в книжках, это довольно интересно. Сами они, эти перформансы, довольно скучные. Вот в документации они интересные. А у Нины, когда она что-то придумывала, было наоборот. Было классно, все вместе. В документации было плохо, я не очень сейчас вижу фотографии тех перформансов, это осталось все в голове, все в памяти. Хорошо, что потом Света Литвак, Юлия Скородумова восстанавливали что-то из этих перформансов знаменитых. Но это были живые перформансы. Нам было хорошо внутри. Я вдруг сейчас вспомнил, как мы вручали ночью переходящий флаг Клуба «Поэзия» то памятнику Герцена, то памятнику Пушкина, то кому-то еще, и там читали стихи — надо сказать, что для нее это было очень важно. Потом уже мы все стали какие-то отдельные, и стали думать каждый о своем. Нина была такой мотор, который нас собирал вместе. И даже когда она была уже абсолютно больна и никуда не могла выбраться — она все равно надеялась. Мы с ней говорили по телефону о какой-то очередной акции или перформансе, она туда уже не могла прийти, я потом ей звонил и рассказывал, как я это вел, как это происходило. Николай сказал о том, что в этой книжке, которую я вспомнил, красненькой, стихи страшные, больные, но их было очень много, даже когда она еле могла

говорить и писать. Внутри нее этот мотор, этот винт, который раскручивался, он был до последней минуты такой. И поэтому наверное, забыть ее просто невозможно. И я еще раз хочу сказать спасибо, что так здорово все придумали. Спасибо за книжку. И просто прочитаю стихи, которые я написал 25 лет назад, когда она от нас ушла.

Стихи памяти Нины Искренко

1.

не место красит человека
а человек красит место

валиком и кистью
днем и ночью
в крапинку и в полоску

а потом вешает табличку

ОСТОРОЖНО
ОКРАШЕНО

ибо сказано

не место красит человека
а человек место
если конечно оно свято
пусто
и не бывает

2.

не место красит человека
а обстоятельства места

а также обстоятельства времени
образа действия
и семейные обстоятельства

красят они человека
красят

пока не скажут человеку

экий ты сегодня крашенный
краше в гроб кладут

и кладут

Надя Делаланд: Евгений Абрамович, спасибо огромное!
Я как раз, когда начинала говорить сегодня, тоже вспомнила этот случай на Цветаевском фестивале — то, как шутка, казалось бы, стала таким пророческим жестом, предсказанием. Вот страничка в книге, где как раз с ваших слов

об этом Александровском фестивале написано и об этой записке, в которой Нине говорили о том, что разве это стихи, разве это поэзия? (показывает) Хочу вас еще раз поблагодарить за то, что вы так помогли нам, потому что очень многое в этой книге опирается как раз на ваши слова. Спасибо.

Света Литвак, подруга Нины Искренко: Я слышала ее стихи раньше, задолго до этого, но в конце 80-х Клуб «Поэзия» в малом составе явился в студию Кирилла Ковальджи, которую я посещала, и там начались встречи, чтения по кругу. Там мы и познакомились, там вместе читали стихи. И далее я уже участвовала в акционной программе клуба, которая мне была очень интересна. В основном, конечно, это все организовывала и придумывала Нина. Это длилось до того, как она заболела, все это время что-то происходило. Если ничего не происходило, то это тоже объявлялось акцией, как, например, акция коллективного бездействия в пику коллективным действиям Монастырского и, кстати, заключительная эта акция коллективного бездействия закончилась совместным походом в Макдональдс, в котором мы еще не разу не были. Мы стояли в очереди в ресторан, и Нина принесла самодельный флаг. Кажется, там была наклейка какой-то курочки с коробки. После этого мы как раз пошли вручать это переходящее знамя памятнику Герцена. И там заслушивали, заполняли анкеты, какие-то выдавали прокламации, заслушали доклады по хозяйственной части. Почтили конец этой акции минутой бездействия, в конце которой все трясли такие коробочки спичечные, которые раздавала, конечно, Нина — с так называемыми «чичиками». Что это было, я не знаю, но где-то у меня, по-моему, валяется до сих пор коробок. Постоянно встречали Старый Новый год у Евгения Бунимовича — с желательным катанием на коньках. Поскольку не все могли в этом участвовать, то просто шли домой и там читали стихи. И Нина тоже какие-то маленькие акции свои там осуществляла. Помню, что я принесла тогда вместо коньков. В моем детстве в городе Коврове были такие самодельные устройства. Какая-то металлическая проволока, толстая, загнутая, надевающаяся на ногу. И на ней катались на одной ноге по льду или по каточкам на дороге. Я ее принесла, такого никто не видел, всем было очень интересно, все хотели на ней покататься. Я просто зачитаю сейчас, как описала это Нина в газете «Гуманитарный фонд»: «Ледак с элегантным бесхитростным устройством, типа кипятильника или капкана, позволяющим даже тонким стилистам по очереди скользить по льду на одной ноге, не теряя равновесия и подлинной духовности». Она очень остроумно все комментировала, она ничего не упускала, ей интересны были все участники, всегда. Если многие поэты любили слушать только себя, то Нина была

ко всем очень внимательна — ей было интересно, что у кого было написано нового. Она отличалась от всех именно большим интересом ко всему происходящему. Было много акций, я могу просто немного перечислить: Старый Новый год, акция «Мелкие вскрытия», «Кулуарная мистификация». Нина заранее раздавала участникам вместе с пригласительными билетами какие-то коробочки упакованные, как бы с подарками, которые ни в коем случае нельзя было вскрывать до встречи. И нужно было попробовать догадаться, что там внутри, и прочесть свое стихотворение, посвященное своей догадке. Но, конечно, никто не угадал. Оказалось, что у всех одно и то же. Это была иголка в стоге сена, в клочке сена. Мы собирались в разных местах. В ЦДЛ был какой-то вечер, где все должны были приходить в каких-то головных уборах. Помню Павел Митюшов со своей женой пришли в совершенно фантастических, великолепных уборах — и со своими бокалами. Мы там с Байтовым делали перформанс по его рассказу «Фиксатор буквы». Наверное, это было первое исполнение его рассказа. Собирались у Германа Лукомникова дома один раз, «В гостях у Бонифация» это называлось. Потом в Ботаническом саду: «Завтрак на траве». Там мы с Николаем начали писать анаграммы на имена поэтов. И Нине очень понравилась эта идея, ей не хотелось быть все время одной, и она приветствовала, когда кто-то что-то еще делал. Владимир Аристов сделал замечательную акцию «Андерграунд» в метро, где 12 поэтов стояли на каждой станции кольцевой линии. Павел Митюшов сделал акцию очень интересную. Нина обязательно во всем этом участвовала. Ну и конечно сама она была фейерверк, просто источник всяких выдумок. Была акция в Палеонтологическом музее, наверное, в Театре МГУ, на улицах, просто на улицах. В общем, это было всегда очень интересно, и я просто радовалась происходящему. Была еще такая акция «Репетиция сада» на квартире у Джона Хая. И поэтому, когда Нина перестала выходить из дома, это было такое разочарование, такая наступила скука. Это было исчезновение какого-то жизненно важного органа в нашей поэтической тогдашней жизни. Сама я вместе с Ниной участвовала в двух ее перформансах. Каждый раз там предполагались участники — трое человек. Первый раз это происходило на третьем фестивале «Поэзия тишины и покоя» в Смоленске 6-9 января 1993 года. Должна была быть Лена Коцюба, Нина рассчитала перформанс на нас троих. Чисто женский перформанс. Вспоминая о полемике, которая завязалась вокруг Искренковских чтений, где многие выражали неудовольствие, что женская тема ей не близка. Это совершенно неправильно. «Она», то есть ее героиня-женщина, представлена очень интересно в поэзии Нины. И у нее, конечно, были, наверняка, свои проблемы. В тот раз был вечер самодеятельности, когда

надо было делать не то, что ты делаешь всегда, то есть поэт не должен был читать стихи, а представить какую-то самодеятельность. И вот мы представили. Мы читали стихи, но делали это очень забавно. Да, Лена Коцюба не приехала, она заболела, и мы делали этот перформанс вдвоем. Мы репетировали сначала, наш зритель был Сашка. Мы всегда все проверяли на Сашке, втором сыне Нины. И второй ее перформанс тоже проверяли на Саше — смеется он или нет. Сашу я очень полюбила, замечательный совершенно парень. И вот мы вышли в каких-то элегантных кофточках, в каких-то обтянутых, такие женщины-женщины. И мы вышли с подносами на головах, на которых стояла свечка зажженная и лежало, кажется, яблоко. У Нины это получилось все гладко, у меня, конечно, что-то начало падать. Мы читали стихи со всякими прибабасами. Я сопровождала чтение Нины, например, каким-то звуком барабана, первый раз я изображала какой-то ритм. Все это делалось очень импровизационно, репетировано было набросками, что кому делать. Потом я читала с завязанными глазами, Нина что-то делала со мной в это время. В общем, такое незамысловатое действие, очень забавное. И в конце мы с ней, когда я уже заканчивала читать стихотворение, постепенно вставали в позу рабочего и колхозницы. При этом последняя фраза у меня была «И памятником это назовут». Другой перформанс «Метаморфозы», у меня сохранился листочек с распечаткой, которую Нина мне принесла. Это пьеса в четырех действиях, она тоже рассчитана на троих, две женщины-исполнительницы и чтец. Там, кстати, тоже очень интересная женская история в картинках получилась. Текст читал Николай Байтов, Нина всегда настаивала, чтобы Николай читал, ей очень нравилось, как он это делал. Мы один раз попробовали это сделать на квартирном собрании, где все выпили и не очень обратили внимание, как это делалось — всем было весело, шумно, смешно. А позже делали на большую публику этот перформанс: я, Юля Скородумова, которую я попросила исполнить партию Нины, ну и Николай, конечно. Вообще большое спасибо Юле, потому что она великолепно совершенно все сделала. И этот перформанс прозвучал очень сильно тогда, потому что все были очень напряжены, все было очень трагично и переживательно. И вдруг получилось как-будто Нина, дух Нины в этом перформансе, и он живой, произошло какое-то действие. И, в общем-то, это произвело сильное впечатление. Это то, что я смогла вспомнить сегодня о перформансах.

Нина, кстати, очень хорошо относилась к моим детям. Она не знала, что у меня двое детей, это вообще на меня было очень непохоже. Мы с ней случайно встретились, по-моему, в ЦДЛ где-то. Я пришла со своим сыном и дочкой. Видимо, ей очень хотелось девочку, она просто от моей Ани не отрывала глаз. Я даже заревновала и говорю: «А у меня

еще вот мальчик». Показываю ей. А Нина: «Ну, мальчиков мы уже знаем». Все, наверное. Я еще что-то чуть-чуть говорю в своем выступлении. Спасибо всем участникам!

Надя Дедаланд: Спасибо большое, Света, безумно интересно. Здорово, что ты согласилась. В нашей книжке на картинке вот Бунимович, а вот ты нарисована (показывает). А сейчас мы предлагаем вам послушать голос Нины в аудиозаписи. Она прочтет стихотворения (слушают).

Юлия Скородумова, подруга Нины Искренко: Я немного вспомню о себе и наших с Ниной встречах. Впервые я ее увидела еще совсем-совсем давно, когда я еще практически не писала стихи. Но какой-то черт меня занес на поэтическое выступление, где Нина читала. Почти все встречи с Ниной были у меня связаны с какой-то досадой, досадой на себя, с каким-то даже чувством стыда. Вот эта первая встреча: мы сидели, слушали стихи, все мне очень понравилось. А потом мы ехали в метро и так получилось, что оказались рядом, в одном вагоне. И она как-то на меня смотрела, что типа лицо знакомое, а я сидела, слышала, хотела заговорить, но не заговорила, а потом жалела: какой-то все-таки резонанс был в студии. Потом я помню, что мы встречались. А вот какой досадный случай для меня произошел на этом фестивале в Смоленске. Когда я приехала, буквально уже с регистрации начались какие-то интересности, меня приглашали туда поучаствовать в таком перформансе, в такой акции. Но вечером я уехала обратно, потому что мой тогдашний супруг нажрался водки и попал в реанимацию, и я была вынуждена... Ну как вынуждена, я могла, конечно, остаться. Но уехала. Мне было обидно, потому что фестиваль был прекрасный. После него, может быть, моя жизнь по-другому бы сложилась. Дальше мы встречались с Ниной на Хае, уже были дружны отчасти, когда были различные акции. И это тоже было связано для меня с досадой. Потому что надо было что-то показать. У меня уже было стихотворение про цветы, про сад, про что-то, но я не решилась его прочесть. Потому что оно было не начитано. Я прочла какую-то херню про детство, потом жалела. Еще я жалела, что не попробовала у Нины на кухне ее суп, которым она всех угощала. А я суп не ем, тем более не ем борщ. И я как-то отказывалась, отказывалась, она все предлагала, предлагала, «ну немножечко», а я таки отказалась, за что мне тоже немножко стыдно. И конечно, когда мы со Светой должны были приехать к ней, когда она уже уходила и приглашала поэтов. И мы вроде договорились, но я могла бы и раньше. Но как-то мы решили сделать это вместе со Светой и опоздали. Опоздали, к сожалению. Ну а дальнейшее Света все уже рассказала, как мы с ней создали этот перформанс. Да, я помню еще один перформанс, который был в Зверевском центре. Мы рисовали Осириса, то есть каждый должен был читать

про какую-то часть его внешности. Абсолютно не помню, что читала я, кажется, что-то про брови, потому что у меня какое-то стихотворение было про генсека. Помню, что это было большое белое полотно, куда каждый дорисовывал и наклеивал какую-то часть тела. Поэтому у Осириса получилось очень много причинных мест.

Нине было скучно просто читать свои стихи. Если ты преподносишь свои стихи с такой разножанровостью, такой эксцентричностью, то, конечно, это предполагает какую-то театрализацию, взаимодействие с публикой — не когда артисты читают стихи поэтов, вообще я терпеть не могу эту мелодекламацию. А игру, живое, веселое — очень хорошо понимаю. Потому что я тоже не могу сейчас читать свои стихи, скорее пытаюсь сесть или как-то еще исполнять. Вообще она тяготела к некоему синтезу искусств — и мне кажется, что я права. Эта фраза, «Вы думаете, что это стихи?», мне кажется, в положительном смысле для нее звучала. В положительном в том числе. Потому что она ее использовала. Поэтому я хотела представить немного стихов, которые, правда, не совсем стихи. Вот такая есть песенка у нее. Я открыла и подумала, что надо ее спеть. Не знаю, пела ли ее она сама, но, мне кажется, что ее надо спеть (исполняет «Утро ДДДДДТухманное Лошадь ЧЧЧЧУгунная»).

Людмила Вязмитинова, свидетель времени: Поскольку я не только поэт, но и литературный критик, то мне всегда хочется описывать какие-то определения и новые термины давать. И в данном случае я буду выступать в качестве свидетеля времени. Передать впечатления от того времени, в котором Искренко яркой кометой пролетела в этом литературном пространстве... Мы с ней принадлежим к одному поколению, так же, как и Бунимович, и ее ровесники из Клуба «Поэзия». Много раз слышала рассказы Бунимовича об Искренко и Клубе «Поэзия» — он все время говорил, что она была душой этого клуба. Это было яркое явление в 80–90-х. Помню, когда было первое публичное выступление Клуба в ДК завода «Дукат» на Маяковке. Попасть туда было невозможно: все было оцеплено милицией. И руководитель студии «Сретенский бульвар», в которой я тогда участвовала, и Женя Жуков (он был коммерческим директором) проводили нас через какой-то черный ход. Представить сейчас, что выступает компания поэтическая и все оцеплено милицией и невозможно пройти, — немислимо. Время тогда было героическое: толпы, шум, конная милиция. И проходил такой вот парад-алле андеграунда, поднимающегося и выходящего уже на публичную арену литературной истории. И Нина Искренко очень выделялась. Мы были знакомы, но близкими друзьями и даже приятельницами не были. Жизнь развела по разным тусовкам, компаниям, по-разному

функционировали. Я старалась не пропускать ни одного ее выступления. Видела, как она готовилась к выступлению. Она была такая худенькая, маленькая, очень живая, с пронзительным взглядом, но одета обыкновенно. И вот она стала готовиться к выступлению, а я наблюдала. Публика еще не собралась, она достала украшения, стала надевать браслеты, серьги. Это была подготовка актрисы к выходу на сцену. Для нее каждый выход на публику был выступлением актера.

Она умерла в 1995 году, я присутствовала на ее похоронах, народу было очень много, ее любили, ее знали. Казалось бы, впереди светлое такое будущее: ее сотоварищи по Клубу «Поэзия» стали выступать, ездить, занимать важные должности литературные и не только литературные. А Нина навсегда осталась в этом времени. Она осталась в памяти молодой, поэтически активной. Я знаю много ее стихов, я их слышала, читала и писала о ней. Юлия Скородумова мне рассказывала, что, когда Нина болела, она ей часто звонила. Нина говорила: «Ну что ж вы не организуете, что ж вы не выступаете, вот надо то, надо се. Но ничего, вот я сейчас поднимусь, и мы все сделаем». И уже Юлино свидетельство — этот факел как-будто до последнего в ней горел.

Я помню на каком-то выступлении из зала человек, уже почтенный в те времена, стал говорить: «У Вас такая фамилия — Искренко, наверное, она по мужу», а она говорит: «Нет, это моя фамилия» (муж Кузнецов, как известно). Но она не приветствовала того, что она так якобы связана с фамилией. Потому что, в общем-то, она была достаточная язва. Она была доброй, конечно, невероятно талантливая, гениальная. Но если прочитать ее стихи: она умела поддеть... Ее полистистика была такая... Содержала в себе даже не юмор, а сатиру. Как известно, у нас постмодернизм в виде соц-арта был. Соц-арт высмеивал все прелести советской жизни. И ее полистистика — ядовито все это высмеивать — тем не менее была очень человеческой.

Замечательно, что все это было организовано от музея, это движение женское, женская поэзия, женский взгляд на мир, который так сильно распространился. Тогда все только начиналось, и она была в числе первых, кто представлял именно женский взгляд на мир. Не какой-то там худший или лучший, мужской, а иной. Получается некая целостность и мы лучше понимаем, что такое человек. То, что сейчас затеяли Искренковские чтения, — это действительно веяние времени. Это попытка хоть сколь-нибудь передать то, что было тогда. Жалко, технологии были не так развиты и видео осталось не так много. Я думаю, писать о ней будут. Обычно чтения заканчиваются выпусками трудов, альманахов о творчестве и жизни.

Надеюсь, что все это будет и это замечательно. Она, право, этого заслуживает. Она была настолько нескучная, настолько неакадемичная, очень артистичная. В то же время, насколько я знаю, она была семейная женщина, любила детей, мужа и товарищ была замечательный. Душа моя радуется, когда читаю ее стихи и как читатель, и как поэт, который понимает, что есть еще сотоварищ, у которого учились тогда. Неисчерпаемое ее творчество практически не исследовано. Вот Винник сегодня выступал, показывал книжки, Кузьмин ведь пытался издать ее собрание сочинений, которое она сама подготовила. Он писал в предисловии, что это она сама подготовила. Я думаю, что все будет издано, постепенно начнет обрастать альманахами, комментариями, изданиями, мероприятиями. И я считаю, что мне выпала честь быть приглашенной в эту компанию, что я на первых чтениях выступаю в качестве свидетеля времени и рассказываю то, что помню.

Марина Темкина, свидетель времени: Я услышала первый раз о Нине в Нью-Йорке, когда эмигрировал Володя Друк. У нас оказались общие приятели, которые мне сказали: он только что эмигрировал, пойдешь навестить его. Так получилось, что я отправилась куда-то в Квинс и была, наверное, одним из их первых гостей, и мы сразу заружились. Через некоторое время у Володи был вечер, я совершенно не помню, читал ли он свои стихи. Но у меня уже была его книжка. Естественно, он отвечал на вопросы, что происходит сейчас в Москве. Это было начало 90-х годов. Может быть, не самое начало, он еще в жизни Клуба «Поэзия» поучаствовал довольно активно. И я помню, что он начал говорить о разных людях. А когда дошел до Нины, то он говорил о ней с таким восхищением и с таким обожанием, как будто он перешел на другой уровень. С этого момента я стала интересоваться, кто же это. Потом был фестиваль, устроенный американскими поэтами, которые связывают себя с language poetry. Дима Месяц тогда был аспирантом на факультете физики, но при этом он, конечно, дружил с поэтами и большей частью занимался совсем не физикой. Его усилиями и усилиями Эда Фостера был устроен огромный фестиваль. На такие вещи обычно собираются большущие деньги. И как-то они сумели это сделать. И привезли из России Пригова, Курехина, Кибирова, Гандлевского и каких-то еще людей, которых я не помню. И Нину в том числе. Я помню, был день, когда я пришла как участник. И в комнатах для участников увидела Курехина. А в это время американские поэты читали. Я думаю, что ж я буду американских поэтов слушать, если там Курехин сидит. И мы с ним проговорили четыре часа. Это что-то было совершенно феерическое. Но потом, когда начали читать наши люди, то мы конечно пошли в зал. Тогда я в первый раз слышала Дмитрия Александровича Пригова. Потом он у нас и жил, и дружил,

и написал предисловие к моей книжке. Нина вышла с Джоном Хаем. Такая, знаете, обыченькая, совершенно никаких не было украшений, ничего такого актерского. Абсолютно нормальный живой человек с улицы, и Джон такой же был. И, надо сказать, что мы все тогда были довольно-таки молодые. И они сделали перформанс. Нина говорила русские слова, а Джон говорил их переводы. Это была совершенно завораживающая акция, потому что они оба достигли такого уровня интимности, который вообще редко свойственен людям в общении, не говоря уже о сцене. Никакого актерства совершенно. Вот как есть человек открытый. И никакого как бы смысла в этих словах отдельных, которые звучат на двух языках. Ассоциативный ряд совершенно не выстраивался, тем не менее, это захватывало абсолютно убойным способом. И я, конечно, сразу захотела с ними, по крайней мере, познакомиться. Что получилось, собственно. Сначала я познакомилась с Джоном, он меня пригласил куда-то в бар. Но я вообще не человек бара. Совсем. В те времена я была такая вегетарианка ничего не пьющая. Конечно, это англо-саксонская культура — бар. Мы там с Джоном оказались, он говорит: «Нина сейчас придет». И вдруг он мне стал рассказывать об их отношениях, и о каком-то конфликте личном, который был у него между его семьей и Ниной. Я поняла, что вторгаюсь туда, куда совершенно не хочу вторгаться. И в это время входит Нина. Она явно не предполагала, что кто-то там будет еще, кроме Джона. И некоторое время мы поговорили. Я вдруг почувствовала, что этот человек, который сейчас на сцене был такой открытый, ранимый, — родник языка просто... Я тогда сидела и думала, как она соответствует своей фамилии, о ее искренности невероятной... О которой, между прочим, Пригов все время говорил. Искусство искренности, оно к нам пришло откуда-то из Франции, не знаю. Но еще была такая искрометность и это многослойность в ее фамилии — она, знаете, такой салют. Тогда мы немножко поговорили, и я позвала ее на свое чтение, она не пришла, и на этом как бы дело кончилось. Но я поняла тогда от Джона, что Нина болеет, это был 1994 год, я думаю, конец его. Он делал попытки ей помочь лечиться в Америке, что очень непросто, потому что стоит огромных денег. Купить страховку для иностранца почти невозможно. Все эти усилия закончились, по-моему, ничем. Не думаю, что на той стадии в Америке могли Нине чем-то помочь. Помню, что узнав о ее смерти, я звонила Сереже и разговаривала, спрашивала, не нужно ли им чего. Я сама человек достаточно безденежный всю жизнь, но было ощущение, что, может быть, можно собрать, помочь, дети остались маленькие. Я стала слышать о Нине со всех сторон в это время. У меня тоже есть книжка, которую сейчас показывал Коля Винник (показывает). Прекрасная книжка, на этой стороне как раз Джон и Нина. Я хочу сказать, что Нина —

она как-то растет. Конечно, в ее время и в начале 90-х... Я говорила уже об этом, слово «феминизм» было скомпрометировано в русской культуре фальшивым большевизмом, потому что вся эта культура была дико патриархальная. Поэтому в моем поколении, в любом поколении, это слово было совершенно непопулярным. Поэтому в приложении к Нине его нельзя было употреблять. Но по сути своей, по корню своему, она настолько не укладывается в этот патриархальный канон, будь то официальный, будь то неофициальный. Она ничего в нем не разбивала, потому что она к нему никаким образом не относилась, к этому канону. Но она его знала, потому что мы его видим в ее стихах, составные части каких-то стихов, которые она знает. Она вообще много чего знает, это такое богатство. Но самое главное, что она забралась поведенчески, как поэт и как человек, туда, куда вообще люди редко доходят. Поэтому я надеюсь, что и собрание сочинений выйдет, и память какая-то наша о ней останется, не знаю в каких формах.

Между прочим, я никогда не слышала о Женском музее в Москве. Позор. Но таких позорных моментов в моей жизни много, поскольку я уже 40 лет как живу, даже больше, в Нью-Йорке и имею право ничего не знать. Но я хочу с вами со всеми поделиться, когда в 91 году народ стоял у Белого дома в Москве, все мои друзья и знакомые там стояли. Я тогда побежала купить телевизор и думала: «Как жалко, что я не там». И есть такие личности, как Нина, такой человек как раз, о котором я думала, почему бы мне тогда не поехать и не поучаствовать во всем этом, что было. Но жизни у всех разные, и этого никогда не случилось. Читаю стишок. (читает стихотворение Искренко «У меня есть бутылка вина»). Всем спасибо. Всем здоровья.

Надя Делаланд: Спасибо большое. Марина упомянула Джона Хая. И мы тоже хотим показать его, он есть у нас в книжке. Надеюсь, примерное впечатление вы получили. Наша презентация подходит к концу. В финале мы хотим показать видеоролик, который записала специально для нас Кира Юрьевна Искренко. Она сейчас находится на даче, связь там неважная и мы вот так перестраховались.

Кира Искренко: Добрый день, дорогие друзья. Прежде всего я хочу, конечно, выразить признательность и благодарность за создание книги о Нине Искренко, за память, за любовь к ее стихам, выразить благодарность Женскому музею, который организовал эти чтения. Мы, родственники, приятно удивлены и тронуты этим событием. Потому что сейчас литература не очень конкурентоспособна с другими событиями в жизни. Тем более поэзия, тем более такого непростого поэта, как Нина. Поэтому всем огромная, огромная благодарность. Я смотрела книжку

и иллюстрации к ней, мне они очень понравились. Спасибо еще раз создателям этой книжки. Я сестра Нины, и если говорить о детстве, то детство наше было более или менее нормальным, как у всех. Счастливое детство — мама, папа, школа, спортивные секции и так далее. Я знала круг ее друзей, когда только создавался Клуб «Поэзия» под руководством Кирилла Ковальджи. И как они собирались в Нининой квартирке, читали свои стихи. Были такие все замечательные, мне совершенно малопонятные, но у всех чувствовалась одна любовь к текстам. Все внимательно слушали друг друга, все с удовольствием ловили те моменты, которые давались в жизни, наверное, не так просто тогда. Хотелось бы закончить строчками Нинино текста: «Когда придут другие времена, // Не жди от них ни хлеба ни вина, // А угости их сам И по плечу погладь // И подари им новую тетрадь.»

Любава Малышева: Я хочу поблагодарить всех, кто приходил сегодня на презентацию книги и всех, кто технически ее поддерживал. И также весь коллектив, который работал над книгой, это довольно большой коллектив. В нем участвовали даже дети-эксперты. Это наша традиция, мы всегда прислушиваемся к мнению маленьких читателей. Мы благодарим всех наших друзей, которые нас поддерживали во время создания книжки. И теперь мы всех приглашаем на большой фестиваль, на Искренковские чтения. Он действительно фантастический. Я надеюсь, трансляция пройдет хорошо. После чтений мы всех приглашаем, здесь будет вечеринка, потому что сегодня все-таки день рождения Нины Искренко. Друзья, всем большое спасибо.

Часть 2

ИСКРЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Желающих участвовать в чтениях было очень много и zoom-марафон, который предполагался вначале, мог растянуться на целый день. Это было бы технически сложно и для участниц, и для организаторов. Лучшим решением оказалось создать фильм из видеороликов, которые участницы записали самостоятельно. Они читали стихотворение Нины Искренко и свое собственное. В фильм вошли рукописи с текстами этих собственных стихотворений. Открывала чтения актриса Яна Иртеньева, дочь друга Нины Искренко, Игоря Иртеньева. Она прочла стихотворение Нины «Телеграмма».

Полный список участниц первых Искренковских чтений, стран, в которых находились поэтессы, и стихов, которые были прочитаны:

1. Алёна Асенчик, Беларусь
«Фонарь за окном» НИ, «С Якова на Федота»
2. Алтын Капалова, Кыргызстан
«Смерть это белая бабочка» НИ, «17»
(памяти 17 работниц «Печатного экспресса»)
3. Анна Арканина, Россия
«В пустынном доме тела твоего» НИ, «Белый танец»
4. Анна Аркатова, Россия
«Бить или не бить» НИ, «Попробуй так»
5. Анна Голубкова, Россия
«Мнешь комара» НИ, «Ползет, ползет, ползет, ползет» НИ
6. Анна Маркина, Россия
«Квадратных листьев говорливый улей» НИ, «Вместо солнца льняного»
7. Анна Седая, Польша
«Я сплю» НИ, «Для боли какой подобрать сосуд»
8. Ася Аксёнова, Россия
«Петроний» НИ, «Кошка не знает, сколько ей лет»
9. Валерия Исмиева, Россия
«Он обнимает меня» НИ, «Мои стихи»
10. Вера Зубарева, США
«Ожидание» НИ, «Чем дальше в лес»
11. Ганна Шевченко, Россия
«Первый муж был алкоголик» НИ, «Это муж мой»
12. Дана Курская, Россия
«Кладбище ночью» НИ, «Памяти морской свинки Софизы»
13. Евгения Баранова, Россия
«В пустынном доме тела твоего» НИ, «На рукавице вымышленной руки вышит кентавр»
14. Екатерина Казимилова, Россия
«Натюрморт» НИ, «Когда-нибудь»
15. Елена Саморядова, Россия
«В России всегда можно было» НИ, «Интересно, что думают о своем теле»
16. Жанна Бадалян, Россия
«Письмо» НИ, «Вечер карминный»
17. Илона Махотина, Россия
«Антигона» НИ, «Я устала»
18. Ирина Котова, Россия
«Я танцую на электрическом столике» НИ,
«Рубашка Гамлета»
19. Ирина Машинская, США
«В России всегда можно было» НИ, «Gymnopédies»
20. Ирина Чуднова, Китай
«Загустевает влага облако немеет и обнимает» НИ,
«Зеленое или синее»
21. Лера Манович, Россия

- «Ты будешь здесь» НИ, «Налево: Иоанн, Иаков, Пётр»
22. Лета Югай, Россия
«Письмо» НИ, «Дерево вырастает, как город»
23. Лилит Мазикина, Россия
«Они подходят к змее втроем» НИ, «Цунами»
24. Любава Малышева, Испания
«Ког-да-заи-гра-ет-о-дин-фа-ма-жор» НИ (песня),
«Выходишь из гетто»
25. Людмила Вязмитинова*, Россия
«Вдвоем с Ерёмой мы идем по Сакраменто» НИ,
«Вот и вся наша жизнь»
26. Людмила Зайцевская, Россия
«Она выгибается, когда целует» НИ, «Фантасмагория»
27. Марианна Плотникова, Россия
«Смерть это белая бабочка» НИ,
«Совьется нитка пуповиной»
28. Марина Гарбер*, США
«Гимн полистилистике» НИ, «Обычная жизнь»
29. Марина Тёмкина*, США
«Секс-пятиминутка» НИ, «Метафоры падают с неба»
30. Мария Чистопольская, Россия
«Я открываю дверь» НИ, «Надя читает стихи»
31. Надя Делаланд, Россия
«Она поцеловала его в подушку» НИ,
«Там капает вода вывзывая шнур»
32. Настя Строкина, Россия
«Коза моя рогатая» НИ, «По пути обратно»
33. Наталья Елизарова, Россия
«В пустынном доме тела твоего» НИ, «Все говорит о нем»
34. Наталья Сухорукова, Россия
«Мне все равно какая иномарка» НИ, «Так вот оно что»
35. Ольга Андреева, Россия
«Дерево Дафны» НИ, «Не прокляй мне висок»
36. Ольга Буныкина*, Россия
«Я забываю шарф» НИ, «Нине Искренко»
37. Оля Скорлупкина, Россия
«Аппарат 46» НИ, «Плохое путешествие»
38. Полина Корицкая, Россия
«Квадратных листьев говорливый улей» НИ,
«Запавшая в утраченных мгновеньях»
39. Полина Орынская, Россия
«Ожидание» НИ, «Стою и жду»
40. Света Литвак*, Россия
«Девин, кельтский замок в Чехословакии» НИ,
«Японская киноактриса»
41. Светлана Шильникова, Россия
«Загустевает влага» НИ, «В 50 лет положено умереть»
42. Татьяна Данильянц, Россия
«Пролог» («Фиванский цикл») НИ,
«Кому-то не хватает тепла»
43. Татьяна Пушкарёва, Россия
«Мужчина с розой» НИ, «Гадаю годами»

44. Юлия Немировская*, США

«Человек она не птица» НИ, «Время»

В третьей части фестиваля Стефания Данилова прочитала стихи НИ «Антигона», «В России всегда можно было» и свое: «Я люблю тебя, говорит мама».

Некоторые из выступавших в видеоролике по просьбе организаторов чтений рассказывали о своем знакомстве с Ниной Искренко или об особенностях ее поэзии.

В списке они отмечены *. Эти истории мы приводим ниже.

Людмила Вязмитинова: Я очень рада, что возникло такое мероприятие, как Искренковские чтения. Нина Искренко была удивительным человеком. Мне посчастливилось знать ее лично. Близким другом она мне не была. Но в тот момент, на переломе 80–90-х прошлого столетия, когда андерграунд, к которому она принадлежала, выходил из подполья, а такие, как я, выходили из ЛИТО, в которых они участвовали в советское время, приобщались к настоящей литературе, — все это образовывало гремящий кипящий котел. Люди знакомились друг с другом, узнавали друг друга, стремились общаться, в отличие от сегодняшнего дня. Теперь все, видимо, уже наобщались, наелись всего и предпочитают на компании разбиваться, или сидеть заниматься своим творчеством, собою. Мне это немножко непонятно. Мы с Ниной Искренко, практически ровесницы и, наверное, я никогда не смогу забыть то время, когда был просто пик общения. Нина Искренко была, наверное, уже говорил Евгений Бунимович, сегодня, душой Клуба «Поэзия». Я помню знаменитый вечер, когда они первый раз публично читали в клубе «Дукат». Время это забыть невозможно. И Нина Искренко тогда выделялась, как яркий факел. Худенькая, маленькая, энергичная, подвижная. Моментально снималась с места, включалась в любое действие. Перформансы они устраивали с Юлей Скородумовой, с другими девочками. То есть она осваивала все новейшие формы. А ее статья о истинно свободном стихе, по-моему, и сегодня очень актуальна. Когда я на своем мастер-классе учу людей и говорю о свободном стихе, я все время задеваю эту статью. Ее полистилистика до сих пор актуальна. И никто вровень с ней так и не стал. В историю литературы она вошла безусловно. Свое место она обрела, и это действительно ее законное место. Ее помнят. Два года назад у себя в клубе я проводила вечер ее памяти. Это был замечательный вечер. Ее стихи изучают и будут изучать. Много раз я читаю и перечитываю стихотворение, которое хочу прочесть сейчас. Оно посвящено Александру Ерёмченко. Там есть и полистилистика, но в сущности оно близко к традиционному. В нем аллюзии к Высоцкому просматриваются, Высоцкий был кумиром моего поколения. Не только моего, но моего точно. Нашего с Ниной Искренко поколения. Мне почему-то этот

текст Нины Искренко ложится на музыку аргентинского танго и хочется прочесть его в ритме именно аргентинского танго. Не знаю, сознательно ли это Нина Искренко делала или так получилось, или, может быть, я тут чего-то не прочитала вовремя, но мне хочется прочесть в этом ритме. (читает «Вдвоем с Ерёмой мы идем по Сакраменто»).

Марина Гарбер: Я очень рада возможности сегодня попытаться прочитать для вас стихотворение Нины Искренко и сказать несколько слов о ее поэзии и об этом стихотворении. Рада я по нескольким причинам, одной из которых является то, что ее стихи, как мне кажется, необходимо читать именно вслух. Дело в том, что это и стихи, и поэзия, и игра, и перформанс, и также гражданский поступок одновременно. Конечно, у Нины есть стихи, которые выдержаны в определенном стиле. Тоже нередко игровом. То в частушечном, то даже в манере так называемой блатной песни. Например, стихотворение-посвящение Александру Ерёменко: «Вдвоем с Ерёмой мы идем по Сакраменто». Или же пример полисемантического текста Искренко, в котором меняется смысл в зависимости от интонации. Это происходит ввиду отсутствия запятых — как в известной строчке сказки Кэрролла «казнить нельзя помиловать», там, где нужно самому проставить запятую. Послушайте, как скользит этот смысл каждый раз, когда мы повторяем строку, иначе ее интонируя: «он обнимает меня он меня обнимает // он обнимает меня и обняв засыпает // он засыпает». Или с другой расстановкой акцентов те же две строки: «он обнимает меня он меня обнимает // он обнимает меня и обняв засыпает // он засыпает». Это то, что касается отдельных текстов Искренко. Но в целом ее поэзия, конечно же, полистилична. Она также полисемантическая, и даже полиголова, многоголоса, если мы говорим о персонажах Искренко. Если быть совсем точным, то об одном, о множественности одного персонажа, чаще всего этот персонаж женского пола. И когда я выше сказала о том, что стихи Нины Искренко нужно читать вслух, я должна была бы сразу же оговориться и сказать, что это невероятно тяжело сделать. Их тяжело читать. И тяжело именно в силу их полистиличности. Так, наверное, музыканту сложно играть музыку Шнитке. А именно это имя, в общем-то, возникает каждый раз, когда мы говорим о полистиличности. Потому что отдельные его опусы, как известно, представляют собой целый диапазон стилей — от выдержанных мотивов Баха, например, до совершенно атональных мелодий. Стихотворение, которое я сейчас попытаюсь прочитать, конечно же, не вещь в себе, это не упражнение художественное, не упражнение в полистилистике. У этого стихотворения есть достаточно четкий посыл. Стихотворение так и называется — «Гимн полистилистике». И на мой взгляд, оно прежде всего о полистилистике окружающего мира. То есть о смешении

абсурдности и осмысленности бытия. Это стихотворение о совмещении языка официоза и бытового языка. О совмещении красоты и уродства, как звуковых, так и визуальных. И вот каждая строфа этого стихотворения — она контрапунктна, потому что в каждой, практически, строфе присутствует такая онтологическая инверсия. Когда образы, лексика, интонации движутся в противоположных направлениях. И автор их намеренно сталкивает. Поэтому интонации и лексика, образы внутри стихотворения как бы находятся в постоянном противоборстве. И если бы меня попросили как-то охарактеризовать поэзию Нины Искренко одним словосочетанием, я бы, скорее всего, назвала эту поэзию поэзией неподчинения (читает «Гимн полистилистике»).

Марина Тёмкина: Я живу в Нью-Йорке, я поэт и художник. Хочу начать говорить о Нине Искренко с ее фамилии. Потому что она действительно подсказывающая, вроде метафоры, фамилия. С одной стороны, это искренность, с другой — искрометность. Это были такие две категории, Нинины самые главные параметры. Мне интересно было бы знать — фамилия ее украинская — слышала ли она когда-нибудь действительно украинский язык, бывала ли в Украине? Хотя она росла в Москве, но этническая краска всегда что-то меняет: в том, как она употребляла слова, в ее смелости, решительности и какой-то противительности ее речи. Сейчас я пытаюсь показать вам книгу, которая вышла в Америке. Она называется «The Right to Err» (показывает). Английское слово error — ошибка. То есть право ошибаться, право заблуждаться, грешить. В ней чудеснейшая фотография Нины.

Ольга Буякина: Первым делом я хочу поздравить всех нас с выходом книги о замечательной, потрясающей поэтессе Нине Искренко в рамках проекта «Женская история для детей». Очень надеюсь вскоре и сама прочитать эту книгу. И конечно же, я рада поздравить всех нас с днем рождения Нины Юрьевны, ура! Сегодня я не только прочитаю стихотворение Нины, но и расскажу вам об интернет-сообществах, посвященных ей. Так как я создатель группы Нины Искренко Вконтакте — vk.com/ninaiskrenko. Начну с истории о том, как я познакомилась с творчеством Нины Искренко. Виной тому Николай Винник, который участвует в наших чтениях. Привет, Николай! Он был знаком с моей старшей сестрой, когда они оба работали в «Учительской газете». В год смерти Нины Искренко, в далеком 1995 году, Николай написал статью, посвященную ее памяти, которая заканчивалась проникновенным стихотворением «Я забываю шарф». Это стихотворение очень понравилось моей сестре, и она оставила вырезку себе на память. Жаль, я не помню точно в каком году, примерно спустя десять лет, я обнаружила эту вырезку в столе сестры. Как всегда,

полезла, куда не просят. Я была поражена и сражена этим стихотворением. Я тогда любила стихи, но этот стих Нины был ни на что не похожим из того, что я читала до.

С тех пор я и начала увлекаться ее творчеством. Нашла всю возможную информацию о ней на тот момент в интернете. А самое главное — начала писать сама. В 2009 году (практически параллельно с Любовью Малышевой, которая создала группу Нины Искренко в Живом Журнале — nina-iskrenko.livejournal.com) я создала группу Искренко Вконтакте, просто потому что ее там не было. Кто-то написал мне комментарий: «Спасибо, что вы так все здорово систематизировали». Тогда этому человеку я ответила, что я вроде бы ничего не систематизировала.

А сейчас я понимаю, насколько верным был тот комментарий. Я собрала все фотографии, доступные на тот момент в интернете, заполнила информацию о Нине, делала посты в группе, иногда перепечатывая стихи из книжек, так как в сети нет многих стихотворений Искренко. В группе Нины Искренко на данный момент примерно 350 человек. Мало, а что делать? Мы с вами тем и занимаемся, что открываем этого поэта современникам. Всех агитирую присоединиться к группам Искренко Вконтакте, ЖЖ, Facebook. В моей группе Вконтакте есть обсуждение, где участники выкладывают самые любимые стихи Нины. Особо активные поклонники иногда выкладывают в группе найденные редкие видеозаписи Искренко или новую информацию, которую я еще не знаю. Благодаря одному участнику я совсем недавно узнала, что известный музыкант Петр Налич прочитал стихи Нины Искренко в рамках проекта «Поэтические чтения: оставайтесь дома» — это чтения Политехнического музея, которые проходили в период изоляции, недавно закончившейся. А в 2016 году состоялся чтецкий вечер в МХАТ им. А. П. Чехова, как я поняла, состоящий только из стихотворений Нины Искренко. Также существует страница в фэйсбуке под названием «Нина Искренко, поэзия» — facebook.com/pg/Нина-Искренко-поэзия-170691172968182/ С создателем страницы я не знакома. Но там тоже много стихов Нины. Пожалуй, самые редкие стихи Нины Искренко, из доступных в интернете, собраны на сайте Стихи.ру — stihi.ru/avtor/niskrenko. Добрые люди выложили туда полностью ее книгу под названием «151 стихотворение». Как я уже говорила, у меня есть несколько книжек Нины Искренко. Некоторые из них подарил мне муж самой Нины. Совершенно прекрасный добрый человек, с которым мы познакомились в 2011 году на вечере памяти «Нине Искренко – 60». Да, только представить — прошло 10 лет. На вечере, к моему удивлению, присутствовали только близкие друзья Нины, поэты из Клуба «Поэзия», в котором состояла сама Нина. Это был натурально круглый семейный стол в сквере Зверевского центра современного искусства. Человек десять, мне кажется, не больше,

присутствовало на этом вечере друзей-поэтов.

И я с подругой. Друзья вспоминали Нину. А в конце читали по кругу самые любимые ее стихи. Стихи читали из книги «Избранное» — вот она у меня есть (показывает). Раньше эту книжку можно было заказать на сайте vavilon.ru, где также представлены многие стихи Нины. В этой книге собраны, пожалуй, самые лучшие ее стихи. Эта книга была составлена мужем Искренко Сергеем Кузнецовым и наследниками. Как заметил кто-то из поэтов, присутствовавших, естественно, на вечере, каждый прочел самое подходящее ему стихотворение. Я же читала, как вы можете догадаться, «Я забываю шарф» (читает).

Света Литвак: Николай Байтов задумал перформанс, где я должна была исполнять стихотворение с тортом на голове. Я придумала, что этим тортом меня будут кормить во время чтения, это будет мне мешать. Но я не знала, какое выбрать стихотворение. Тогда я поделилась этим с Фаиной Гринберг и она сказала: «А возьмите стихотворение “Японская киноактриса”». То есть Фаина Гринберг была соавтором нашего с Николаем перформанса, который мы неоднократно воспроизводили на разных площадках. С Ниной мы познакомились где-то в начале 90-х, когда она пришла вместе с Клубом «Поэзия» в студию Кирилла Ковальджи. Начались клубные вечера. В основном, это были чтения по кругу. Там я впервые читала внутри Клуба «Поэзия». И затем уже участвовала в акциях Клуба «Поэзия» вне студии. Это происходило на улицах Москвы, в Ботаническом саду, в гостях у Бонифация, на Патриарших у Евгения Бунимовича, в театре МГУ и, в общем, где придется. В основном, инициатором этих встреч была Нина Искренко. Иногда это были проекты Павла Митюшова или Владимира Аристов. Мне Нина Искренко импонировала еще раньше, когда я ее не знала. Может быть, в конце 80-х я слышала ее выступления. Мне импонировала ее дерзость, эпатаж стихов и ее взаимодействие с публикой. Она была достаточно прямолинейный человек, сразу можно было понять, нравятся ей стихи или не нравятся. Она никогда не льстила и всегда была равнодушна к чужой поэзии, если это было ей интересно. Она с удовольствием узнавала новых поэтов, и вообще ей нравилось все время находить что-то новое. И новые формы, в том числе поэтических встреч. Мы с ней бывали на разных фестивалях, на фестивале современного искусства в Смоленске, в Костроме. И вот именно в Смоленске — третий, по-моему, это был фестиваль «Поэзии тишины и покоя», на турбазе «Хвойной» — где мы с Ниной впервые сделали совместный перформанс по ее проекту. Впоследствии мы сделали еще один перформанс «Метаморфозы».

Юлия Немировская: Нина. Начну с 1980-х годов. После семинара Кирилла Ковальджи мы садились на Маяковской,

пересаживались на Новокузнецкой и ехали — я до ВДНХ, а Нина до Бабушкинской. Она всегда была необыкновенно красиво одета. Нашивала на черное платье звезды, круглые золотые блески, отделку — она все умела. Говорили о студии, а когда я вышла замуж, о наших семьях, особенно о детях. На одном перформансе (тогда мы их называли хеппенинги — хотя это не одно и то же) сделали башню из ботинок. Самым большим был ботинок моего мужа, а самым маленьким — моего сына. Между — все остальные. И рассуждали о масштабах и относительности всего на свете. Сашенька, младший Нинин сын, говорил: «А я хочу сказать», но ему никак не давали сказать, что он хотел. Нина могла взглянуть на малюсенький ботинок и придумать целое действие. Коньки на Патриарших, пьяные речи, чтение стихов в Петушках на сороковины Венечки Ерофеева, казнь Чаушеску... Был перформанс «Деньги на ветер»: брали горсти медяков, трясли и выкидывали в окно. Один раз на Бабушкинскую приезжала американская исследовательница женской поэзии, Роберта Финенберг. Фотографировала нас с Ниной — как мы вешаем занавеску, как ходим из комнаты в кухню. Это было забавно. Фаина Гринберг, поэт старшего поколения, потом спрашивала меня: «В студии Ковальджи до ее преобразования в Клуб «Поэзия» были только две женщины — Нина и вы, Юля. Не странно ли вам это?» Я же гораздо позже начала задумываться о гендерных вопросах. Нина за глаза говорила во вполне сексистской манере о женах поэтов «их лахудры». Но, кроме таких замечаний за глаза, она никогда никого не обижала, была бесконечно добра. У нее есть стихи от имени героя, который ненавидит женщин, китайцев, евреев и всех. Такая вывернутая наизнанку политкорректность. Как-то мы с Ниной гуляли по центру, зашли к моей бабушке, она жила на Цветном бульваре. У нее шалило давление и она пошатывалась, на тумбочке у кровати лежала куча лекарств, искусственная челюсть. Нину все это очень поразило — она была совсем без кожи, когда дело касалось чужого страдания. Я часто вспоминаю тот день и представляю себе саму Нину, лежащей с лекарствами на тумбочке. Это кажется невозможным. Нина в 90-х ездила в Америку. Джон Хай ее переводил и приглашал. Она всему радовалась как ребенок. Рассказывала об упакованных орешках на кассе и других прелестных мелочах тогда еще чужого для нас быта. Мы с 88-го года жили между Стокгольмом и Москвой. Я писала отчеты о современной литературе для Нобелевского комитета и ездила с лекциями по университетам. В Скандинавии знали только Бродского. Андерграунд другой там был почти неизвестен. Я, в основном, говорила о советском андерграунде от Лианозово до Айзенберга, о поэтах новой волны или о детях ночи, и о Нине в их числе. Приводила Нинины стихи «Говорил своей хохлатке», «Человек она не птица» и «Полистилистика». Эти стихи

она чаще всего читала. У нас были разные площадки. Одна — регулярная: театр «Сфера» в саду «Эрмитаж». Потом Политехнический, клуб «Меридиан», музеи, квартиры. Мы очень любили, как я думаю, друг друга и стихи друг друга. Переживали, когда исчезал Саша Ерёмченко. Он оставлял портфель-дипломат на стуле и выходил, как будто собирался вернуться и выступить. А потом исчезал дипломат и становилось ясно, что он ушел. Кроме Саши были, например, мягкий и нежный Юра Арабов, добрейший и очень нервный Игорь Иртенев, парадоксальный Володя Друк, отрешенный Ваня Жданов и Володя Аристов, всегда оживленный Лёша Парщиков, яркий Марк Шатуновский, блестящий и насмешливый Женя Бунимович. На семинаре Ковальджи читали по кругу, но через раз один из нас читал, а все остальные комментировали. Очень ярким было Нинино выступление с Юликом Гуголевым. Юлик меня всего на год младше, Нины - на 12 лет, но я вслед за Ниной считала его юным дарованием. Нина изложила свое поэтическое кредо, полистилистику. Было много споров. Женя Бунимович объявил: «Юля положила очки!» То есть я сейчас буду говорить — такая была на семинаре ироническая присказка. И я тогда высказалась в том роде, что и Пушкин полистилист (он совместил славянизмы, галицизмы, канцеляризмы и народный язык, и получился русский язык). Глупость, конечно. Но я училась на филфаке, голова у меня была в XIX веке. Нина же вся была устремлена в будущее. Я не знаю, куда бы она пошла в своем творчестве в нулевые. Как поэт она постоянно развивалась. Когда я приехала в Москву летом 1992 года, Нина уже была тяжело больна. Но, как всегда, нарядна и оживлена. Она угощала меня своим чудесным борщом. Такой борщ я нигде не ела, совершенный борщ. Обычно было так: Нина звонит и объясняет, что делать в такой-то ситуации с ребенком, Нина куда-то относит мои стихи, в газете «Гуманитарный фонд» они выходят с ее предисловием, еще что-то в журнале «Новые амазонки». Она называла меня «пушкиноидом», потому что я писала диссертацию о Пушкине и Парни, а еще потому, что я всегда в семинаре отстаивала классические размеры, говорила, что русская поэзия рассчитана на запоминание. Опять-таки думала о детях, тогда у нас был только старший, и я хотела, чтобы он учил стихи наизусть. Теперь я, конечно, понимаю, что можно выучить любые стихи, если это стихи. Дети же выросли в англоязычной культуре, где классическая просодия приберегается для считалок. Немножечко о 90-х. В 90-е, в эпоху Клуба «Поэзия», я уже была в Москве наездами. Дружила со всеми, но по отдельности, потому что многое тогда изменилось в отношениях поэтов между собой. Но и тех, кто не здоровался друг с другом, объединяла любовь к Нине, неумение строить литературную жизнь без нее. Очень часто о Нине говорят в связи с феминизмом в России. Когда

я стала преподавать в западном университете и многое прочитала, феминизм стал частью моего мировоззрения, как у любого интеллигентного человека дофеминистическая культура изжита, точно также, как рабство. Сначала рабы не хотели уходить от хозяев, свобода казалась им поверхностной и смехотворной. Моя прабабушка, скажем, не хотела от барина уходить. Мы понимали мир глубоко, просто он был наполнен другими смыслами, мимо того рабства. Человек всегда ущербен и всегда полон — в каждый момент времени. Лет через сто перестанут есть животных и на нас будут смотреть с содроганием.

Но мы сейчас любим свое мясное разнообразие и ни о чем не жалеем. Анализ Нининых текстов с гендерных позиций важен, но взгляд на нее как на недофеминистку или протофеминистку не совсем точен, мне кажется. В начале 90-х я много обо всем этом думала и написала целый роман «Лис» об амбивалентности мира в глазах девочки и женщины 80-х годов. Там метафора лисы и змеи. У Нины метафора в ее эротических, на женскую тему стихов, часто

некто Она. И на Ней лежит весь грохочущий маскулинный быт и мир распадающегося Советского Союза. У Нины была совершенно идеальная семья. Она думала, что институт семьи спасет страну и, может быть, даже мир. Но поэт слышит не кипение супа, а гул времени. И отсюда, из этого улавливания гула времени, из поэтических голосов к некоей обыденности, умноженной на сотни масок, рождались Нинины слова. В стихотворении «Человек она не птица» есть такая строчка «Пестик Пестик Я Тычинка Где же ты моя Сулико». Песня, эмблематичная для многонационального Союза, из Грузии, где отношение к женщине было тогда вполне средневековым, то есть эротика, вознесенная над гордыми одиннадцатью часовыми поясами, с отсылкой к трагической ситуации. В 1995 году я в своем университете поставила спектакль по Нининым стихам. И мне хочется вспомнить Нинино стихотворение, которое мои англоязычные студенты исполняли очень эмоционально, но с акцентом, в самом начале, — «Человек она не птица» (читает).

Часть 3

AFTERPARTY

В третьей части встречи, на Afterparty, Ася Аксёнова, Ганна Шевченко, Елена Кукина, Екатерина Казимирова, Ирина Чуднова, Надя Делаланд, Нина Гадаева, Любава Малышева, Марина Тёмкина, Стефания Данилова, Татьяна Данильянц говорили о прошедших чтениях и о будущих планах по документированию фестиваля, а также о грядущем 70-летию Нины Искренко.

Надя Делаланд: Я приветствую всех, кто только что присоединился к нам и тех, кто никуда не уходил, выдержал трансляцию и чтения целиком. Пока все собираются, я от имени и по поручению Московского женского музея хочу поблагодарить — я сегодня по благодарностям — за техническую поддержку: Ирину Чуднову, Ольгу Архипову, Нину Гадаеву и Марию Чистопольскую. Эти люди следили за тем, чтобы трансляция не упала. Это было очень важно. Они постоянно находились на связи, никуда не отходили и очень-очень нам помогли. Спасибо огромное! Также мы благодарим Сергея Конаева и Лену Грунтову за помощь в технических вопросах. Любава с ними постоянно консультировалась, находилась на связи, они бесконечно помогали. Спасибо тем, кто поддержал крауд. Потому что книга была издана как раз на деньги, которые мы собирали. И здесь мы в первую очередь говорим спасибо Лене Грунтовой и Евгению Бунимовичу. Огромная благодарность Анне Гайдук, которая организовала печать и доставку книги. Еще раз спасибо, хотя мы уже сегодня благодарили Катю Дробязко, за редактуру. Я говорила о том, что она проверяла на прочность каждую фразу, каждое слово,

здесь все идеально вычитано. Ее муж, кстати, также входил в Клуб «Поэзия», я специально открыла и покажу, он прямо рядом с Ниной Искренко: Алексей Парщиков (показывает иллюстрацию).

Нина Гадаева: Я представляю Московский женский музей и уже не в первый раз участвую в презентации книг музея. Это наша замечательная серия «Женская история для детей» (показывает книгу «Наталья Горбаневская»). Мы ищем героинь, которые могут быть примером для детей и хотим рассказывать о них в понятной для детей форме. И у нас, конечно, с каждой книгой случались приключения. Как правило, из-за того, что это не просто детские книжки и не просто история, фактически это еще и политический акт. Потому что, например, книгу о Наталье Горбаневской иллюстрировала ее внучка, Нюся Красовицкая. Так случилось, что когда Нюся с другими потомками тех, кто вышел на Красную площадь в 1968 году, вышла в 2018 году — чтобы напомнить об этом событии... Я как раз показываю иллюстрацию, это 68-й год, 5 минут свободы. В 2018 году внучка Горбаневской оказалась тоже арестована. Книга о Папуше, цыганской польской поэтессе (показывает). Тоже ее Нюся Красовицкая иллюстрировала. Совершенно чудесные иллюстрации. Когда мы собирались на презентации, эта книга стала поводом для разговора о правах ромов, которые, к сожалению, очень часто нарушаются из-за ксенофобии общества. И мы, конечно, об этом говорили. Вопросы ксенофобии и нетерпимости поднимались также на презентации книги о Галине

Кожевниковой, которая как раз их исследовала, она исследовала преступления ненависти (показывает). Эта книга — она прошла с нами в марше против нацизма, против фашизма. Когда мы шли, я несла эту книгу, рядом прохаживались натуральные нацики, которые пытались сорвать это шествие. И, честно говоря, мы беспокоились о том, не придут ли они на нашу презентацию и не попытаются ли сорвать и ее. Потому что в то время, когда активно работала Галина Кожевникова, такие вещи происходили сплошь и рядом. Но мы все предусмотрели, благодаря всем друзьям и друзьям Галины, которые к нам пришли и рассказали о ней. Мы отдали дань ее памяти, поговорили о современных проблемах с национализмом, с ксенофобией, нацизмом. У нас получаются детские книги о таких, казалось бы, не детских вопросах, но дети эти вопросы задают. Я знаю это по своему ребенку и по детям друзей. Они задают все эти вопросы, и очень важно на эти вопросы отвечать и давать хорошие положительные примеры. Я очень рада, что есть эти книги, я могу дать их и своему ребенку, и детям своих друзей. Всем спасибо!

Надя Делаланд: Afterparty — это такое пространство, где мы предполагали познакомиться поближе со всеми, кто пожелает сюда войти. Мы бы хотели, конечно, послушать тех людей, которые сейчас здесь оказались. Может быть, они рассказали бы о своих впечатлениях о сегодняшнем мероприятии, рассказали бы о себе и о тех проектах, которыми они занимаются.

Ирина Чуднова: Меня зовут Ирина Чуднова, я живу в Китае с 1993 года. Поскольку я сочиняла всегда, с раннего детства, еще до того, как научилась писать, то и поэзией я тоже интересовалась. Надо сказать, что в 90-е годы интернета в таком количестве, доступе и богатстве, как сейчас, не было. Тогда можно было, ну как... Приезжает какой-нибудь командировочный и что-то привозит. Он с собой привозит какие-то книжки, может быть, газеты. Как правило, газеты, которые были использованы для упаковки. И потом он все это оставляет тем, с кем он познакомился в Китае. И на место этого груза берет то, что купил в Китае. Таким образом у меня оказалось несколько толстых журналов — то есть человек их брал для того, чтобы читать в самолете, потом он мне их подарил. В числе прочего там были публикации стихов Нины Искренко. Я с большой радостью узнала про это имя. То есть с большой радостью узнала, что она публикуется сейчас в журналах. Примерно тогда же, от того же человека, я узнала, что она совсем недавно умерла. То есть для меня это было одновременной новой встречей с ее стихами и скорбным известием о том, что человека, к сожалению, уже нет среди живущих. Когда меня пригласили принять участие в этих Искренковских чтениях, для меня это была связка с 90-ми и через них связка

с Россией еще до моего отъезда в Китай. Такой привет из прошлого. Я с радостью согласилась помочь технически, и я очень рада, что я во все это влилась и поспособствовала. Это редкий случай, когда я поучаствовала в таком мероприятии, находясь так далеко от эпицентра этого события. Спасибо большое за эту возможность.

Ася Аксёнова: Я хотела сказать, что мне очень понравилось то, что я видела и слышала. Во-первых, стихи Нины Искренко совершенно волшебные, они очень разные, они на любой вкус и идеологию. И они просто настоящие стихи. Было забавно смотреть, как в этих текстах отражаются те, кто их читает. Как каждый берет близкое себе, он читает либо продолжая ту же тему, ту же ноту, ту же интонацию, либо наоборот отталкивается и читает как бы внутренний диалог. То есть не продолжение, а некое дискутирование. И в этой дискуссии тоже идет продолжение темы на каком-то другом витке. Мне было интересно смотреть, как самые разные люди, с самыми разными представлениями сплотились вокруг фигуры Нины Искренко. Умерев двадцать пять лет назад, Нина Искренко не могла видеть, во что выльются ее идеи, идеи демократические, идеи феминистские. Как это будет видоизменено, продолжено, истолковано, извращено или наоборот улучшено самыми разными людьми. Я бы не стала говорить, что Нина Искренко — это только про феминизм. Я абсолютно не феминистка, мне это движение чуждо, особенно движение радикальных феминистов, при этом радикальных феминистов обоюбого пола, мужские еще хуже! Но при этом Нина Искренко совершенно замечательный поэт, говорящий с иронией, с нежностью, с любовью, со страстью и с горечью о том, о чем говорят люди самые разные: феминистки и не феминистки, мужчины и женщины, и просто люди, и просто поэты. Мне этот проект был интересен именно стыком оптик самых разных взглядов и разных представлений. И, опять же, люди самого разного возраста, совершенно разных ракурсов... Получилось фасеточное зрение, глаз стрекозы разбит на фасетки, и каждая фасетка видит под своим углом. Потому что понятно, что ровесники Нины Искренко, которые ее знали, видят одну Нину Искренко, а тридцатилетние девочки видят совершенно другую Нину Искренко. А я нахожусь где-то посередине, я понимаю и тех и этих, я вижу третью, я с ней лично не была знакома — естественно, знала ее поэзию, но лично я с ней никогда не общалась. Тут получается срез самых разных оптик, и это очень хорошо, то есть получился такой стрекозиный глаз.

Надя Делаланд: Спасибо большое. Ты буквально озвучила то, о чем мы говорили с Любавой. Любава сказала, что нужна женщина, которая бы осмыслила то, как поэтессы выбирали стихи и Искренко, и свои, как это все взаимо-

действовало внутри. И ты совершенно с ходу так замечательно говоришь. Я хочу сказать, что Ася училась у Лотмана, она прекрасный профессионал. Было бы круто, если бы ты смогла это оформить в текст. То, что ты сейчас говорила.

Ася Аксенова: Я попробую. Потому что я смотрела программку практически с начала и до конца, я отвлекалась раза два минут на пять, но есть запись, можно пересмотреть. Но это была красивая визуально и акустическая картинка, с совершенно разными, сшитыми кусочками, такое лоскутное одеяло. Ведь обычно некий вечер строится по каким-то канонам единомышленников, собираются люди, у которых такие взгляды и представления, и делают моновечер, который тоже из лоскутков на лоскутке, из одной ткани. А здесь и драп, и кожа, и ситец, и солома, и бумага, и парча — все получилось довольно удачно, хотя эти ткани не соприкасаются друг с другом в каких-то других плоскостях.

Любава Малышева: Искренко энциклопедична. И любой человек у неё находит что-то созвучное себе. Пока есть минутка, я расскажу, как я познакомилась с Ниной Искренко. Это было в то время, когда я училась в школе. Моя подруга Лена Ерёменко принесла мне книгу «Новые амазонки». Это сборник, который сделала Светлана Василенко. К сожалению, Светлана не смогла участвовать в чтениях, но мы надеемся, что в будущем она расскажет больше про Нину. Эта книга была совершенно потрясающая, сборник женской поэзии. В то время не было никаких ксероксов. И я переписала от руки «Фиванский цикл». И довольно долго это был мой единственный источник стихов Нины Искренко. Потом я его набирала и выкладывала в сеть. Я просто не знала, где вообще можно было бы добыть такие стихи. Но со временем — Бунякина рассказывала — мы собрали довольно много стихов и информации в интернете, нашли знакомых Нины Искренко, информация стала наполнять сеть. И сейчас, на мой взгляд, самая большая проблема, что нет книг, которые вы можете просто приобрести. То есть если кто-то хочет купить книгу, он вряд ли ее найдет. Разве что какую-нибудь антикварную. У меня есть, например, одна-единственная книга «Вещи, с которыми нужно смириться». Но я очень надеюсь, что через год что-то поменяется. И к 70-летию со дня рождения Нины мы увидим какое-то движение в сторону полного собрания сочинений, хорошего большого праздника. Мы хотели показать не только женские голоса, не только женские манеры чтения, но и женский почерк. Из черновиков, которые мы собирали (пока только электронные версии, впоследствии соберем бумажные), мы хотим составить книгу.

Татьяна Данильянц: Добрый день! Надежда и Любава, мне кажется, вы сделали огромную работу. Невероятно,

я досылала последний ролик вчера. Я действительно очень уважаю вас как профессионалов-организаторов, потому что презентация книги, которую я целиком слышала от начала и до конца, очень стройно организована, очень информативна. Честно вам скажу, я пыталась это в начале сказать, когда записывала ролик, потом решила отказаться от этих комментариев. Дело в том, что я, например, не знала Нину Искренко, очень смутные воспоминания конца 80-х, когда я ходила в Литературный институт имени Горького. И там, мне кажется, были вечера, которые при ее участии происходили и, может быть, был на уровне «добрый день» - «до свидания» какой-то контакт. Но благодаря вашему сегодняшнему вечеру и огромной работе я поняла те многочисленные связи, которые соединяют на самом деле этот слой культуры. Я не хочу говорить банальности и не хочу говорить, что он тонкий. Потому что мне он совсем не кажется тонким. Может быть, не всегда проявленным, но очевидным, очень теплым, очень существенным.

Например, Светлана Литвак очень многое для меня открыла про жизнь культуры того периода в Москве. Мне было непросто читать стихи Нины вслух. Я, признаюсь честно, уже хотела выйти из проекта. И вдруг в последний момент я написала Любаве, что я приношу извинения, но, скорее всего, не получится. Она мне сказала: «А Вы читали “Фиванский цикл”?» Я сказала «Нет», и она прислала мне «Фиванский цикл». И надо сказать, что хотя до сих пор я, может быть, не до конца улавливаю, это нуждается в другого рода осмыслении и проникновении, но во всяком случае я с этим соотношусь, я могу взаимодействовать с этим циклом. И неожиданно узнаю, что этот цикл был написан по заказу для проекта одного из моих учителей, учителя по режиссуре Бориса Юхананова, — и все становится на место. Этот таинственный пазл культуры, который мы даже не осознаем, даже не знаем всего, он — как космос, как Вселенная. Оказывается, что одно связано с другим и каким-то образом присутствует в другом. Вот, наверное все, что существенно я хотела сказать. Я знаю, есть еще замечательный иллюстратор, который работал над книгой, дизайнер. Это правда очень большая работа, и я безмерно вам благодарна, потому что вспоминать ушедших поэтов, которые в свое время определили... Но на самом деле поэзия как бы без времен существует, она вне времени. Поэтому говорить, что какой-то конкретный поэт привязан только к своему времени, — в этом есть неправда. Но есть и правда того, что Нина Искренко была одним из очень ярких поэтов своего времени. И то, что прошло уже 30 лет с того момента, как ее нет, и то, что вы сделали этот труд, это, я думаю очень и очень важно. Поэтому еще раз вам большое спасибо за этот день, за эту презентацию. Я думаю, что многих это натолкнет на какие-то новые соображения.

Я занимаюсь поэзией кино — это мое постоянное занятие. Но еще я фотограф-художник, делаю такие довольно странные, может, местами, безумные вещи. То есть я пытаюсь экспериментировать с материалами — соединяю, например, ткань с муранским стеклом... Какие-то вполне себе радикальные, странные штуки. Год назад — как время шелестит незаметно — год назад вышла книга «В объятиях реки», которую я долго очень писала. В разных точках мира, передвигалась на радикальной скорости, на огромной скорости... И, собственно говоря, после этого я стала писать новую книгу. Но стихи пишутся медленно в моем случае, особенно на карантине, — нет ускорения, которое мне необходимо, драйва, которым я заряжаюсь, особого типа драйва, который мне нужен. Что касается киножизни, она тоже в этой связи несколько замерла. Помимо этого я занимаюсь какими-то проектами, и это здорово. О себе, извините, я могу говорить бесконечно, но это не является задачей нашего вечера. Мне кажется, достаточно. (На экране среди тем музея — «фемцид») Должна вам признаться, о том, что проблема фемцида реально существует (и вообще это слово), я узнала благодаря Любаве. Это очень важно, когда проблема существует не только неназванной, но... она уже определена, существующая проблема. Я думаю, очень многое меняется. Я дружу в фейсбуке с режиссером Германом-младшим, Алексеем. Он очень много говорит о том, как будет меняться мир, как голос женщины будет все слышней и слышней. Мне очень важно, что это начинает затрагивать не только женщин, которые варятся в собственном соку. Поэтому, я думаю, что это все разумный процесс, надо подключать к нему мужчин, нужно создавать какую-то единую сеть взаимной солидарности, поддержки. И просто делать это уже систематически — открытые дискуссии, обсуждения, чтения литературы, всматривание в персонажей. Например, когда я была в жюри Женского фестиваля в Армении, там был очень интересный состав, были эксперты из разных стран. И мы разбирали, какой процент женских характеров сконструирован мужчинами и какой — малый! — процент женских характеров сконструирован женщинами. Это очень интересный взгляд на ситуацию. Потому что это многое определяет. Если женский персонаж сконструирован мужчинами, то он другой, понимаете? Что-то происходит, может быть, потеря каких-то важных существенных смыслов. Может быть, приобретение новых, но в то же время и потеря. Поэтому, может быть, стоит создать какие-то гендерно-социальные линзы, через которые можно будет увидеть перспективу. Мы можем говорить только о перспективе, вся наша деятельность как культуртрегеров, как авторов связана не только с нашим настоящим, но и с нашим будущим. Это очень важно.

Надя Делаланд: Танюша, спасибо огромное! Мне кажется, что сейчас можно было почувствовать, что что-то произошло. Что-то нашлось. Потому что Таня же великолепный режиссер, просто необыкновенный. Мы ходили с мужем на ее фильм «Сад, который скрыт» о Венеции. Это невероятно. У нее такой поэтический взгляд, который во всем сквозит, пронизывает каждый образ. Мне кажется, что, Любава, вы можете найти точки для сотрудничества.

Татьяна Данильянц: Мы в общении, я надеюсь, что мы не прощаемся.

Любава Мальшиева: Очень сложно понять, это мы общаемся или мы просто какие-то инструменты культуры.

Надя Делаланд: Конечно.

Любава Мальшиева: Очень много пишется в последние годы текстов о том, какие бывают герои и как их можно изображать, что можно чувствовать, как описывать чувства, — это огромная тема. И про это на английском уже написаны библиотеки. А на русском вы не найдете много информации. Вообще, есть такой странный взгляд, что не существует женской и мужской литературы, есть какая-то общая литература и общечеловеческие проблемы. А чисто женских — нет. И любой человек может взять и написать то, что чувствует женщина. У мужчины есть собственный женский опыт. Вот это довольно распространенная точка зрения, что мужчина может написать про роды, прочувствовать роды... Это звучит очень фантастично, эзотерически. И про это рассуждают в разных странах сейчас, и мы пытаемся переводить или писать собственные тексты и размещать на нашем сайте. Но после этого дня у нас на сайте открывается целое направление — женская поэзия, у нас огромное количество материала, над которым мы будем следующие годы работать. Мы становимся такой площадкой для женщин-поэтов. И мы можем исследовать уже на научном уровне, это шире чем феминизм.

Марина Тёмкина: Когда умер Хлебников, казалось, что он никому не нужен. Но у него была семья, сестра Вера и ее муж Митурич. Когда умерла Цветаева, она никому была не нужна. У нее осталась дочь. В 61 году, когда вышел ее первый сборник, через 20 лет после ее смерти, мне было 13 лет. Оказалось, что она всем нужна. Нина сейчас всем нужна. У нее ситуация женщины в культуре, в которой женщинам нет поддержки. Стоит ли все переводить в гендерное поле? Да!!! У замечательного Пригова вышел пятитомник. У Рубинштейна выходит книга за книгой. А у Нины что? Так что давайте сделаем это усилие. Она всем нужна.

Любава Малышева: Я расскажу про другие проекты, которые мы делаем в нашем музее. Например, у нас есть любопытная акция, которая проходит каждое 8 мая уже очень много лет. С 2012 года она проходит в Москве. А в Норвегии, где я ее обнаружила, она проходит с 2006 года. Женская историческая ночь. В эту ночь — вечер — все выходят на улицы и меняют названия улиц в честь женщин, которые им нравятся. В честь известной поэтессы или художницы, в честь какой-то женщины-гуманистки. Это не обязательно что-то монументальное в мраморе или какие-то там конструкции. Просто листочек бумаги. В Норвегии дошли до такой идеи, что он может даже улететь через несколько минут, но вот, я хочу назвать в честь Туве Янссон эту улицу на несколько мгновений. Кто-то называет в честь собственной бабушки, потому что бабушка оказала большое влияние на духовное становление. Кто-то в честь женщины-исследовательницы. У каждого что-то свое. Ты сам должен сделать плакат — какая-то певица твоя любимая или писательница. Но каждый человек в выборе имен для улицы, на которой он хочет жить, просто представьте, он открывает свою душу. Правозащитницы разных направлений — они тоже ищут созвучных себе в прошлом, и видна какая-то непрерывная линия в этом. В Москве тоже переименовываются улицы и ходит очень много групп. Сейчас эта акция проходит уже в 8 странах — в Украине, в Казахстане, в Кыргызстане. Были акции во Франции, в Германии. Я делаю в Испании. Но в Испании, на самом деле, это даже поставлено на поток. Здесь в честь женщин уже довольно много названо. Но если вы возьмете карту города, в котором вы находитесь, вы увидите, как мало улиц названо в честь женщин. Вот это один из наших проектов. Такой же серьезный, как и, например, «Женская история для детей», которой мы много лет занимаемся, с 2017 года выпускаем эти книги. Также у нас есть довольно брутальный проект против фемцида — «Нет фемциду!» Мы занимаемся объяснением, что это за явление, какой размах оно имеет в России, как его предотвращать. Мы пытаемся распространить это и на другие страны. Мы очень надеемся, что в Киргизии скоро начнется такой же проект антифемцидный. И очень надеемся, что в Украине это произойдет. По крайней мере, мы стараемся. Это три такие главные линии музея. Хотя, если вы пойдете на сайт, вы обнаружите, что есть также тема просвещения о здоровье или о сексуальности, о насилии и ненасилии, все темы, которые пока не очень, скажем так, адекватно представлены в русском поле, мы стараемся их открывать, писать, привносить какую-то интернациональную повестку.

Надя Делаланд (пытается подключить Екатерину Казимирову): Очень жаль, что пока не получается Катю подключить. Она замечательный биолог, мы с ней

познакомились на конференции по когнитивистике. Очень интересными вещами человек занимается, поэтому было бы здорово послушать. Но, может быть, получится наладить в процессе. О своих проектах... Я преподаю в «Школе юного писателя» на Воздвиженке, со старшей группой мы писали повесть. Каждый ученик — их было 11 — писал одну главу. Это фэнтези с инопланетянами, с такой интересной линией любви-дружбы. И мне надо все вычитать и свести во что-то единое. Я себе каждый раз первым пунктом на выходные пишу: «вычитать повесть», и каждый раз у меня это не получается. Затем, я увлеклась драматургией. Даже на карантине посетила такой марафон, назывался «Пьеса за карантин». У меня есть две пьесы, которые написаны без всяких правил. А вот эту вот, третью, я писала по правилам. И вот мне надо ее дописать, потому что по правилам писать сложнее. В том смысле, что как-то вдохновение пропадает. Вроде все по плану идет, а сдвинуть это до самого конца не получается. Сейчас у нас в активной фазе находится работа над монографией. Я ее написала, но у моей замечательной Людмилы Владимировны Зубовой, моего научного консультанта в докторантуре, проектов на миллиард больше чем у меня, поэтому посмотреть на то, что я написала, она не могла. Она как-то нашла время, и мне надо срочно учесть ее замечания по первой главе. Монография называется сокращенно (по сравнению с диссертацией) «Суггестивность поэзии». А диссертация называется «Суггестивный потенциал языка поэзии на материале современных поэтических текстов». Мне безумно нравится там приложение, это просто жемчужина моей работы, — опросник, который я придумала, когда меня пригласил в гости Виктор Соснора. А он же не слышал уже в возрасте. И я думаю: «Как же мы с ним будем общаться?» Я села и придумала разные вопросы, мне было интересно получить на них ответ. Но он отказался на них отвечать, и мы с ним общались на другие темы, весело и здорово. А из этих вопросов получилась анкета. Я ее разослала, кажется, всем современным поэтам. Их много, сорок, наверное. И они замечательно на это все отвечали. Там 25 вопросов, и они все касаются внутренней кухни. Еще у меня недавно совсем вышла книжка прозы «Рассказы пьяного просода». Она вышла в издательстве «Стеклограф», там же, где вышла в прошлом году поэтическая книжка «Мой папа был стекольщик». У Даны Курской. У меня как-то идеально получается с этим издательством сотрудничать. Почему я об этом говорю? Потому что эту книжку, когда она еще только выходила, еще только версталась, захотело издавать ЭКСМО, несмотря даже на то, что ее издают уже в другом издательстве. Так что вот на днях я подписала договор, и эта книга прозы выйдет еще и в ЭКСМО. Думаю, что я довольно много рассказала о своих проектах.

Екатерина Казмирова: Я страшно благодарна организаторам этой конференции. Для меня это большое открытие. Я не буду скрывать, что я ничего не знала о Нине Искренко. И когда я готовилась, по предложению Нади, спасибо большое, то я заглянула в стихи Нины. Времени было мало, и было ощущение, как от ожога. Ожог — когда ты к чему-то прикоснулся и отпрянул, потому что ты, может быть, не очень понимаешь, ты в другом совершенно регистре находишься. Я вообще лучше воспринимаю стихи с голоса. И сегодня до меня стал доходить размер этого таланта, его совершенная необычность и удивительность. Но для себя я пока как неопит сформулировала так: Нина активно вмешивается в мир. Может быть, мне привиделось, но зеленые чайки, каменный лев, который наблюдает за влюбленными, — это какой-то совершенно удивительный мир. Не говоря уже о том, что люди целуют друг друга в светофоры, в пылесосы и в мармелад. И это та необыкновенная свежесть, которую я даже не знаю, как попытаться объяснить для себя. Потому что направление моей научной деятельности — это как раз попытка нащупать механизмы творческого мышления. Метафорического мышления, в первую очередь. И я понимаю, что в процессе творчества возникают отдаленные ассоциации, но чтоб такие... Они одновременно совершенно удивительные, свежие и они попадают в яблочко. Тебя как водой окатили, и ты новыми ясными глазами смотришь на мир. Поэтому большое-большое спасибо. А если в двух словах о проектах, я так слово «проекты» для себя не употребляю, но я издала сейчас книжку стихов, в 2019 году, под названием «Необъятность». Занимаюсь когнитивистикой в плане творческого мышления. И немножко продюсирую выставки своего мужа Алексея Лебедева, современный авангард. Спасибо большое всем, кто выступил и нес поэтическое слово.

Надя Делаланд: Катюш, а вот помнишь у тебя был проект, в который ты пыталась и меня как-то вовлечь...

Екатерина Казмирова: Органайзер! Он сделан. Пилотная версия сделана. Мы, наверное, будем ее как-то выкатывать, эту бета-версию, на гугл-маркет. И будем рады пригласить всех желающих потестировать. Там смысл в том, что все, что мы делаем в течение дня, в этом органайзере отображается в виде какого-то образного ряда. Растут деревья, строятся дома. Мне, видимо, очень не хватает этой самой метафоры в обычных органайзерах, где только списки дел.

Ирина Чуднова: Немного расскажу о себе. Почти 27 лет я живу в Китае. Сейчас я работаю в издательстве «Синалингва», которое делает книжки для изучающих китайский язык и интересующихся китайской культурой.

У нас много двуязычных книг, не обязательно китайский и английский. Это может быть китайский и русский, китайский и французский, очень много китайский и арабский, китайский и испанский. И есть редкие языки, языки разных постсоветских республик. В связи с тем, что много литературных проектов перенесли онлайн, я довольно много участвую в различных фестивалях, в мастер-классах. Помогаю Людмиле Вязмитиновой развивать ее проект. Перевожу сейчас двух китайских авторов. Поэтов Мао Сюпу и Ван Цзяньчжао. У меня есть свой проект, называется «Вторая среда». Это русско-китайский проект внутри Китая, сообщество для любителей, переводчиков, авторов и интересующихся русской словесностью. «Вторая среда» — изначально придуманная игра слов: это и вторая среда месяца, по которым мы собираемся, и среда как литература, язык, словесность, другая, вторая среда, в которой мы все коммуницируем. С января мы не собирались. Хотелось бы всех наконец-то увидеть, обнять и посидеть без масок. Уже 19 лет я организую и сужу конкурс короткого фантастического рассказа. Сейчас он подходит к своему второму этапу, когда ожидается вердикт арбитра на финальный рассказ. Принимаю участие в жизни совета Poem Book. Немного-много сужу, немного участвую в конкурсах, вот такая сайтовская, поэтическая жизнь. Плюс еще издательство «Стеклограф» ждет мою книгу... Начала писать критические материалы и надеюсь, что буквально на следующей неделе я сделаю две развернутые рецензии на книги Андрея Грицмана и Дмитрия Гвоздецкого. Да, у меня еще готовится публикация моих стихов в переводах Ван Цзяньчжао, то есть готовится в китайском литературном журнале.

Надя Делаланд: Сколько видов искусства, столько и видов арт-терапии. Я занимаюсь, естественно, тем видом, который связан с поэзией, — «стихотерапией». Начала я ей заниматься случайно и судьбоносно. Меня пригласили в психиатрическую клинику. Четыре года я там занималась довольно успешно. Об этом есть интервью «Разноцветными голосами», которое сделала Ольга Балла. Она опубликовала его, во-первых, в журнале «Знание — сила» в усеченном варианте, а, во-вторых, в расширенном — на сайте «Частного корреспондента». Когда я туда шла, у меня была своя гипотеза. Мне казалось, что из одного измененного состояния сознания — а в психиатрической клинике люди, в общем-то, находятся в измененном состоянии сознания — в другое измененное состояние сознания перейти проще, чем из обыденного в измененное. Я не смогла проверить свою гипотезу, то есть я не могу сказать ничего с точностью. Хотя в какой-то степени она даже опроверглась и не подтвердилась, потому что у людей из литературной среды (мы время от времени проводили тоже такие

занятия), я могу точно сказать, у них получалось быстрее и лучше. И внутри группы психиатрической клиники у тех людей, которые были ближе к здоровью, получалось лучше. То есть все эти упражнения, которые мы там делали, они, кроме терапевтического потенциала, обладали и диагностическим. Я, в общем-то, исходила из тех же установок и идей, которые развиваю в своей диссертации, о которой я уже успела рассказать. Она связана с воздействием поэзии на сознание и с измененными состояниями сознания. Большинство из нас училось в школе, а в школе принято так преподавать стихи, чтобы мы их воспринимали рациональным сознанием, логикой. Но в стихотворении большая часть всего обращена к бессознательному. Как Лотман говорил, стихотворение — это сложно построенный смысл. Все его уровни семантизируются, они все наделяются смыслом. Он говорил, что если бы существование поэзии не было бы установленным фактом, то с легкостью можно было бы доказать, что ее не может быть. Он имел в виду способность небольшого по объему стихотворения передавать информацию большую, чем тома нехудожественного текста. Действительно, стихотворение — это что-то уникальное. Поэзия — это что-то уникальное. Там очень много смысловых измерений содержится. Но мы не умеем так себя настроить, просто потому, что нас уже настроили в школе по-другому, чтобы в полной мере поддаться воздействию стихотворения на нас. И вот, когда я практикую эту психотерапию, я иду на такую хитрость, предлагаю сделать разные упражнения, часть из них придуманы на ходу, часть взяты из каких-то других техник, например, у Ассаджиоли из психосинтеза, из телесно-ориентированной терапии, техники художественного транса Юлия Самуиловича Дружкина, на которого я тоже часто ссылаюсь. Все эти упражнения позволяют человеку расслабиться и сконцентрироваться одновременно, стать более открытым — в нашем случае для стихотворения, для воздействия поэзии. Это работает очень хорошо. Когда я проводила первое занятие, у нас в группе был мальчик 15 лет, хотя в этой клинике были в основном взрослые люди, но он там тоже оказался. У него были изменения шизофренического спектра, он себя явно очень плохо чувствовал, он был такой бледный и смотрел вниз, очень напряженно себя чувствовал. Поскольку у нас много упражнений в парах, много взаимодействий перед тем, как мы обращаемся к стихам, он смеялся, разговаривал, давал какой-то фидбэк о том, что чувствует по упражнениям. После занятия ко мне просто подошли врачи и сказали, что это невозможно, то, как он себя вел, для его заболевания невозможно. Он так себя не ведет. Он не смеется и не разговаривает. После этого второе занятие в клинике мне сорвали, потому что пришли вообще все посмотреть, что я там делаю. А потом мы просто

занимались своим ходом. Ко мне туда часто приходили друзья посмотреть, как это происходит. Я думаю, что почти каждый мой знакомый поэтический побывал в психиатрической клинике, посидел на этих занятиях, попробовал все на себе... «Серебряный университет» позволяет людям «серебряного» возраста, которые уже ушли на пенсию, получать дополнительное образование. Сегодня мы упоминали в благодарностях Марию Чистопольскую, она тоже участвовала в наших чтениях. Вот она моя студентка из «Серебряного университета». Она пишет замечательную автобиографическую прозу. В этом университете очень много талантливых людей. Среди них есть люди разных профессий, совершенно разных. И очень небольшой процент филологов. Я там веду занятия по литературному мастерству.

Ганна Шевченко: Я поэт и немножко писатель, или наоборот. Работаю в Чеховской библиотеке. У нас проходит очень много интересных мероприятий. Конечно, сейчас, в связи с карантином, все подвисло, но, когда мы начнем снова нашу культурную жизнь, приглашаем вас на наши мероприятия, на презентации и концерты. Анонсы я всегда размещаю у себя в Facebook. Я много слышала о Нине Искренко, мало читала — к своему стыду и позору. Но, готовясь к фестивалю, я, конечно, посмотрела-почитала. Очень интересно и близко. Кстати, то стихотворение, которое я читала, я его выбрала именно потому, что оно в паре является стихотворением-близнецом такого же моего стихотворения. Такие побратимы. Я их вместе и прочитала. Мне было интересно, что мы с ней ментально совпали. Буду, конечно, продолжать изучать ее творчество, очень интересно. Можно попробовать какое-то совместное мероприятие, когда карантинные всяческие пройдут.

Любава Мальшева: Мы недавно тоже думали насчет библиотеки и семидесятилетия. Может быть, через год сделать стенд или демонстрационный шкаф с книгами. Раз мы сейчас не можем сделать музей Нины Искренко, мы можем хотя бы сделать шкаф.

Ганна Шевченко: Отлично, давайте. Когда до дела дойдет — встретимся, обсудим. Тем более она общалась с московским андерграундом. Мне кажется, многие из ее друзей были завсегдагатами нашей библиотеки. Найдутся, думаю, связи.

Любава Мальшева: Да, это будет очень большой проект. Мы взяли совершенно крошечный сектор, просто женские чтения, потому что мы не хотим покушаться на эту грандиозную память, на все воспоминания и прошлые чувства. Мы думаем, что они сами прекрасно справятся со своими мемуарами. Просто зажгли огонь.

Ганна Шевченко: Вот книжечка, о которой говорила Надя (показывает книгу «Что кричит женщина, когда летит в подвал»). Она вышла в июне. Здесь моя короткая проза. Короткая проза, как мы знаем, она даже ближе к стихам, чем к прозе, потому что она пишется по наитию, это не конструкция «завязка-кульминация-развязка», это совершенно другое... Мне кажется, короткая проза пишется тем отделом головного мозга, что и поэзия. Книжка есть в «Фаланстере», на ЛитРесе ее можно скачать. У нас был очень хороший книжный проект «Книжный ход», когда по году литературы проходил с грохотом роман. И мы приглашали автора, критиков, редакторов, читателей библиотеки. Мы предварительно вели работу с читателями, чтобы они ознакомились с романом. И я думаю, что у этого проекта есть потенциал, чтобы его перевести в онлайн. Еще планируем сделать программу отдельную, возможно, ютуб-канал у нас будет, будем говорить о новых поэтических книгах. Я думаю, что мы договоримся с издателями: у издателей выходит книга, мы у них просим эту книгу — они нам дарят в библиотеку, мы делаем о ней маленькую программу, рассказываем о личности поэта, говорим о стихах, показываем книгу и говорим нашим читателям: «Дорогие читатели, книга уже в фонде библиотеки, пожалуйста, вот такой замечательный есть поэт, вот такие замечательные стихи, приходите к нам за этими стихами, мы вас ждем».

Стефания Данилова: Стефания Данилова, Санкт-Петербург. Автор шестнадцати книг. Лауреат Международной премии «Пушкин и XXI век» за подборку в журнале «Традиции & Авангард». Занимаюсь тем, что пишу стихи и исследую современную поэзию. Труд, которым я могу позволить себе немножко гордиться, это кандидатская диссертация «Коммуникативные практики продвижения современных поэтов». Я беру от античности — про статус поэта, про его роль, про идентичность статусно-ролевою. Говорю о практиках, которые поэты использовали еще со времен древности, и как они трансформировались в связи с глобальной цифровизацией, как они способствуют продвижению автора. И, конечно же, в чем отличие так называемого «пустого бренда» от имени поэта: если в поэта влить много-много денег, он может стать известным, но лучше его стихи от этого не станут. Надеюсь, что через год выйдет научно-популярная книга на эту тему. Собираю антологию про коронавирус, там, думаю, действительно хорошие журнальные поэты. Знаю, что существует некий негласный холодный конфликт между сетевыми и журнальными авторами, постигла это на своей шкуре, можно сказать. Считаю, что и там, и там есть свои плюсы. Если грамотно сочетать возможности сетевого и журнального миров, то автору это будет исключительно во благо. Сама я публикуюсь... есть у меня паблик

Вконтакте, в Facebook публикуюсь и, конечно, в журналах «Юность», «Север», «Аврора», «Перископ», «Зинзивер» и так далее. Еще пытаюсь делать акселератор поэтический в профессии. Выиграла грант. Но больше в это никогда не лезу. Потому что грантовая система — это не мое. Лучше я сделаю камерно и то, что я буду любить, чем мне постоянно сверху кто-то что-то будет диктовать. Все эти деньги я даже не могу потратить как хочется. В общем, гранты — это зло. Это была краткая история, чем я занимаюсь. Хотелось бы освободиться от того, что было написано за 10 лет, поэтому морально созреваю на книгу «Лучшее 2010–2020», 2020 год — время подведения больших итогов, ну и дальше хочется уже... Я начала достаточно рано историю с текстами и очень сожалею, что попала сначала в сеть. Если бы у меня был выбор, я бы пошла все-таки в журналы с самого начала литературной карьеры. Потому что скоростное издание книг — путь, который я не советую, наверное, тем, кто за мной идет. Поэтому дальше я планирую печататься в журналах. Новых книг пока не хочу. Но очень хочу это отпустить. Что касается проектов — вчера возникла идея небольшого фестиваля дорогих памятных записок. То есть тех записок, в которых нам желали чего-то доброго. Это могут быть открытки, это могут быть записки просто на холодильнике, которые мы где-то сохранили и забыли. Сделать такой небольшой фестивальчик, развесить их на веревках и устроить вместе с этим вечер стихов памяти о таких милых вещах. Мне кажется, такая трогательная тема, которую поэты часто в творчестве затрагивают... Эта идея абсолютно еще малосформированная. Но вчера она пришла в голову, и вы первые, с кем я ею делюсь. Мне интересно сразу обкатать эту идею, интересна ли она вам, приняли бы вы в таком участие.

Любава Малышева: Мы с Надей обсуждали, что хотели устроить эти чтения, развесив стихи Нины на веревках, и чтобы женщины снимали стихи и зачитывали. Мы очень любим рукописные тексты, поэтому в нашем фильме, который перед этим был, каждая женщина была с черновиком. Мы хотим сохранить почерк, а не только голос.

Стефания Данилова: Да, эта тема с веревочками давно витает в организаторском воздухе. Первоначально я вдохновилась ею с фестиваля «Сушка». Там были полароиды, фотографии. А недавно обнаружила у себя много старых записочек — могут быть черновики стихов, могут быть записки разных людей, открытки. Сделать тему памяти, которая остается у нас где-то в блокнотах и так далее. Такую тему можно даже по городам запускать, потому что такие записки может у себя кто угодно обнаружить. И, конечно, со стихами Нины. Я жалею,

что не успела с рукописным поучаствовать, но может еще успею. Потому что так ношусь по реальности, что в сеть заглянуть очень тяжело. Я закончила аспирантуру СПбГУ, скоро буду защищаться по филологическим наукам, и я пишу научные статьи. То есть кроме диссертации пишу про современную поэзию статьи в различные вестники и популяризирую в научной среде. Мне хочется писать их очень много, и, если есть люди, которые имеют ученые степени или любят писать в научные журналы, — я буду рада в соавторстве писать, мне это очень интересно. Исследовать авторов, исследовать современный литпроцесс. Это вот мое не то что guilty pleasure, это я просто очень люблю и хочу в этом развиваться. На elibrary.ru — это сайт для научных статей — можно ознакомиться, там мои работы по Сильвии Плат, по Бродскому, по современникам, тенденции русского космизма, то есть много всего. Но вот работа, которую я мечтаю написать, не знаю, получится ли (это было рождено из шутки), — «Пьянка как коммуникативная практика продвижения современного поэта».

Елена Кукина: Не думаю, что я могу принести какую-то особенную пользу участием в проекте, я могу рассказать только о своих впечатлениях. Прежде всего я, конечно, очень благодарна организаторам, потому что я люблю слушать стихи. Нину Искренко я, к своему стыду, не знала. И только когда Надя готовилась к мероприятию, я немножечко прикоснулась к этому. Мне стихи очень понравились. Несомненно, в них блещет талант. Меня поразило, насколько они сейчас современны и в смысле содержания, и насыщенности какими-то современными деталями. То есть цель достигнута: заинтересованного, но довольно далекого до этого от Нины Искренко, читателя ее стихи достигли. Мне было также интересно послушать сами чтения. Я была рада увидеть и многих известных мне поэтесс: Надю Делаланд, Марину Гарбер, Таню Пушкарёву, Людмилу Вязмитинову. И познакомиться с теми, кого я раньше не слышала. Это для меня очень познавательно и очень приятно. Спасибо большое!

Надя Делаланд: Лена — уникальный здесь персонаж, потому что все остальные, кто высказывался, — пишут стихи. А Лена — чистый читатель, она стихов не пишет. Здесь не было ничего кроме читательской любви к поэзии. Но Лена филолог по образованию, она скромничает, она замечательный филолог. Она не защитила диссертацию, но она начинала писать диссертацию по детской речи. Мы с ней вместе учились на филфаке, и она была прекрасной студенткой, очень талантливой. И сейчас она со мной работает на Book24.ru, в книжном магазине, чему я очень рада. Поскольку я раньше с ней обсуждала

в том числе и рабочие вопросы и просила ее чем-то мне помочь, совершенно для нее это никакой выгоды не имело, просто на дружеских основаниях. А сейчас мы взаимодействуем профессионально, это тоже очень здорово.

Елена Кукина: Конечно, мой вкус и интерес к стихам воспитан не только филфаком, но и многолетней дружбой с Надей, поэтому я действительно люблю стихи и чувствую их, даже где-то считаю себя искушенным ценителем.

Любава Мальшева: Хотела бы сказать про людей, которые не попали в наши чтения по разным причинам. Кто-то заболел, кто-то находится вне связи, у кого-то не получилось записать видео, что-то сломалось в последний момент. Но на самом деле это все случайность и удача, что вот мы сами попали, да? Если бы мы захотели провести такой бюрократический — «настоящий» — фестиваль современной женской российской поэзии, это было бы на неделю. Минимум. Если бы мы собрали всех, кто представляет интерес, это было бы, наверное, круглосуточное мероприятие. Мы просим не держать зла тех, кто не попал по разным причинам, и просто делать собственные проекты такие же. Потому что тут нет никакой монополии. Взяли, организовали то же самое, с любым составом, любые книжки можно сейчас навестать-напечатать, это не сложно. Но просто нужно говорить женскими голосами, делать женские площадки, смотреть на других женщин-поэтов и действовать.

Ирина Чуднова: Насколько мой сетевой опыт поэтических сайтов позволяет об этом говорить, я вижу, что женская поэзия сейчас очень сильная. И с каждым годом она становится все сильнее. Если, скажем, сто лет назад выражение «женская поэзия» было синонимом чего-то не совсем качественного, вот есть ПОЭЗИЯ, а есть женская поэзия. То сейчас, я бы сказала, что это показатель качества, показатель уровня. Каким-то чудесным образом голоса женские — все сильнее. Даже у меня есть знакомые организаторы конкурсов, которые пытаются соблюсти какую-то гендерную пропорцию без ущерба качеству. Набрать равное количество мужчин и женщин. У них это не всегда получается. Потому что женские стихи качеством и количеством получаются очень даже. И качество это с каждой итерацией конкурса растет все больше и больше. Может быть, потому что женщины в сети более активны, а мужчины менее заинтересованы участвовать в такого рода мероприятиях. Но это тоже показатель. Хотела отметить... Вы обратили внимание, что организаторы не проводили переключку стихов Искренко и не говорили, что вот это стихотворение уже кем-то занято и вы его взять не можете, поищите другое стихотворение. То есть это был естественный выбор. Можно взять эту трансляцию и посмотреть,

какое количество раз какие из популярных стихотворений Нины были прочитаны. Да, они все были прочитаны по-разному. Вполне возможно, что авторы, которые выбирали эти стихотворения, руководствовались разными соображениями. То есть они не по одной какой-то причине их выбирали, а по разным. Было бы интересно послушать или прочитать хотя бы по две строчки от каждой, почему именно это стихотворение.

Ася Аксёнова: Каждый выбирает близкое себе.

И, собственно, это касается не только сегодняшнего дня, это касается вообще всей нашей жизни. Мы выбираем то, что на данный момент нам созвучно, либо созвучно вообще нашему образу жизни, мыслей, психотипу, опыту.

И, соответственно, это некая проекция.

Надя Делаланд: Я бы хотела сделать coming out. Дело в том, что мы не давали такой возможности, — всем, по крайней мере. Старались не дать выбрать те стихи, которые повторяются. Это иногда происходило. Но они на самом деле могли повторяться значительно чаще. И повторялись. То есть люди выбирали какие-то тексты гораздо чаще, чем другие. А потом им приходилось заменять. Были случаи, когда человек три раза заменял. Он находит текст — читает, второй — читает, третий — читает. И вот только четвертый текст с сожалением он брал себе. Я не знаю, как вы, я получила просто гигантское удовольствие от сегодняшнего дня. Все было по-разному прекрасно. Части отличались друг от друга. И первая часть — у нее какое-то свое лицо было, свой образ, и фестиваль женской поэзии, и обсуждение сейчас совсем по-другому поворачивается — и не менее прекрасно. Я всех благодарю и надеюсь, что мы будем оставаться на связи.

Часть 4

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИЦАМИ ЧТЕНИЙ

Алтын Капалова: Можно нам уже, наконец-то, самим говорить о себе?

— *Алтын, ты давно в литературе. У тебя раньше был опыт участия в интернациональных фестивалях женской поэзии? Чтобы была опция читать на родном?*

— Это мое первое участие в интернациональном фестивале женской поэзии, и у меня никогда не было опыта чтения на родном языке. С одной стороны, это было странно, но с другой — так естественно и приятно. Я не пишу поэтические тексты на русском или другом языке, только на кыргызском, поэтому было безумно приятно иметь возможность читать на языке, который мне близок, как литературный прежде всего.

— *Что ты думаешь про сам формат женского литфестиваля?*

— Ох. Я думаю, это очень и очень круто. Мне надоело искусство, у которого патриархальное лицо. Надоели мероприятия, где вещают только мужчины. Надоело, что на пост-фотографиях стоят лишь мужчины и несколько женщин, которых «съедает» мужская масса. И это не о том, что кто-то лучше, а кто-то хуже. Это о том, что искусство и ресурсы для его создания давно в руках мужчин.

— *Насколько ощущения от нашего фестиваля похожи на то, что было во время Феминнале?*

— Это одно и то же. Только формы разные — литература и изобразительное искусство. Во всем другом, концептуальном, это об одном и том же. Феминистское искусство, которое о женщинах, их чувствах, опытах.

— *Как ты думаешь, каковы основные принципы организации феминистского фестиваля?*

— Тема — феминистская. Инициаторки — женщины. Участницы — прежде всего, женщины. Можно нам уже, наконец-то, самим говорить о себе?

— *Стихотворение, которое ты выбрала, посвящено погибшим в России мигранткам-рабыням. Со времен «Печатного экспресса» изменилось ли хоть что-то с положением мигрантов в России?*

— Не думаю. Они как были в адском положении, так в нем и остаются. Женщинам-мигранткам сложнее вдвойне, потому что они испытывают двойное давление, как трудовые мигрантки, у которых нет никаких трудовых гарантий, нормальных условий жизни, но их и там продолжают контролировать, карать их земляки. На прошлой неделе вышло видео, где мужчины из Кыргызстана в кругу обсуждают, как им отлавливать и наказывать девушек, которые встречаются с не-кыргызами.

— *Ощущаешь ли ты колониализм белого феминизма?*

— К сожалению, ощущаю. Особенно остро на фемплощадках в социальных сетях. Фразы вроде «и это происходит у нас в Москве, а не в каком-нибудь азиатском ауле» или «вы из Бишкека будете объявлять международную Феминнале и отбирать европейских художниц, вам нужно думать об аутентичном, этим вы интересны миру». Эммм. Seriously?

— *Что ты думаешь по поводу сокрушения патриархальных памятников во всем мире?*

— Когда мы делали Феминнале, я увидела конец патриархального искусства. Он далеко. Но есть. Бишкекские художники писали рецензии, что выставка очень плоха. Мне было смешно. Это писали члены Союза художников, которые делают годовые отчетные выставки, похожие на экскурс в прошлый век. Ох. Ребята, вы на полном серьезе будете говорить об актуальных и сильных работах художниц — что это прошлый век?

— *У тебя теперь возникли проблемы с бывшими союзницами. Что произошло?*

— Произошло то, что бывшие союзницы используют очень патриархальные паттерны для узурпации власти и ресурсов. Они запатентовали логотип и саму выставку Феминнале втайне от всей команды. Вначале я была расстроена и раздавлена, но сейчас успокоилась. Феминнале — низовая инициатива. И мы, двое бывших соратниц и я, не имеем права сидеть и делить Феминнале между нами троими. Феминнале сделала команда из 15 человек и десятки женщин, которые перечисляли деньги и покупали наш мерч. И это сложно оспорить или забрать.

— *Как ты думаешь, проблема захвата типична для современного феминизма?*

— Я никогда не думала об этом. Впервые столкнулась на личной практике. Что очень досадно.

— *Как потом работать в одном поле с людьми, которые совершили подлость?*

— Я еще не решила для себя. Это очень сложный вопрос. Феминистское поле в Кыргызстане — крошечное.

— *Что ты планируешь делать дальше в этой ситуации?*

— Мы с командой продолжаем работу. Начали подготовку Второй Феминнале. Если наши бывшие соратницы подадут в суд — что ж, будем судиться. У нас достаточно доказательств того, что это низовая инициатива без централизованного бюджета, с вкладом большого количества людей, у которых все исходники интеллектуального труда.

— *Расскажи про ваше новое пространство-мастерскую.*

— Это Дом художниц! Физически — это старый дом, с женской историей. Дом мне подарен моей мамой. Мы посмотрели домовую книгу — в нем жили в основном женщины, которые работали на заводах. Мы, основательницы этого Дома, моя партнерка Кина и я, представляем наш Дом как место для творчества и свободы, куда могут приходить жить/ночевать/работать художницы. Художницы, которым мы рассказали о нашем Доме, ждут его открытия, кажется, больше, чем мы, потому что просто-напросто

нет феминистских творческих пространств. Мастерские, которые выдавались в советское время, принадлежат мужчинам. Музейные и все другие пространства, годные для творчества, узурпированы мужчинами.

— *Когда и где будет твой следующий крупный проект?*

— Сейчас я (с той же прекрасной командой Феминнале) работаю над своим самым крупным проектом. Крупный проект не кураторки, не писательницы, а художницы визуального искусства. Это мемориальная инсталляция, посвященная событиям 1916 года, когда кыргызы были вынуждены бежать в Китай. Мы знаем только советскую версию, что кыргызы приняли поспешное решение и не надо было куда бежать. А сейчас, собирая истории, я слышу совершенно другие нарративы, полные боли и трагедий. Мне очень хочется рассказать об этом всем. Физически это ландшафтная инсталляция, вереница беженцев в пути по маршруту Кыргызстан – Китай, ветер будет разрушать строй, и силуэты беженцев будут исчезать. В спокойную погоду люди будут продолжать свой путь. Инсталляция будет иметь свою диджитал-платформу с виртуальным музеем личных историй. Сама инсталляция будет установлена высоко в горах, посетителям нужно будет приложить физические усилия, чтобы почтить память жертв 1916 года, многие из которых не смогли выжить в муках тяжелейшей экстренной миграции.

— *Какие женщины повлияли на твоё становление как художницы и писательницы?*

— Прежде всех, это моя мама и мои старшие сестры. Мама пишет. Сестры — художницы. А потом уже все другие. Книга, оказавшая на меня очень сильное впечатление и влияние, — это «Азбука в стихах» Елены Благиной. Ну и огромное количество книг по истории искусств, написанных прекрасными искусствоведками, как Нина Дмитриева.

— *Какие книги, выпущенные твоими подругами, ты могла бы порекомендовать читателям?*

— «Жаңы жомоктор» («Новые сказки»). Книга на кыргызском языке Айзат Шакиевой и Жанно Жарматовой. Это фемсказки для детей и взрослых тоже. «Элемент 174» Сыйнат Султаналиевой — фемфантастика. «Новая жизнь с понедельника» Мохиры Суяркуловой. Ее научные тексты тоже классные. Не могу больше никого вспомнить. Спасибо за этот вопрос. Подумалось, что надо больше читать художественную литературу, а не «сидеть» только лишь на научных статьях. К сожалению, профессиональная жизнь для зарабатывания денег отнимает большую часть времени.

— *Какие из твоих книг изданы?*

— У меня издано около 20 детских книг: «Сказка о тебе и

обо мне», «Оставайся жить», «Квадратная страна», «Мосюндрия», «Эльно и Эмишу» и другие. Большая часть из них — сказки. Сейчас в основном пишу сказки. Они

— разные. Они о любви, о поисках, о том, что мир очень разный, и поэтому очень классный. Есть и грустные сказки, но они тоже о доброте и свободе.

Ганна Шевченко: «Что кричит женщина, когда летит в подвал?»

— Ганна, расскажите, пожалуйста, про вашу новую книгу «Что кричит женщина, когда летит в подвал?».

— В течение примерно десяти лет, наравне со стихами, я писала и публиковала короткую прозу. Два небольших цикла выходили в «Дружбе народов», миниатюры публиковал Андрей Грицман в «Интерпоэзии», была подборка в «Новой газете». Один рассказ выходил в «Октябре», три рассказа совсем недавно вышли у Анны Голубковой в «Артикуляции». Цикл «Инские сказки» в прошлом году опубликован в «Литературе», но, по мере написания, свои сказки где я только ни встречала — эти маленькие анекдотичные истории люди разбирали и постили на литературных ресурсах и форумах. В определенный момент я поняла, что закончен какой-то этап — подобные истории больше не пишутся. Я собрала их в книгу, предложила нескольким редакторам и тут же получила отказы. Во-первых, для полноценной книги не хватало объема, во-вторых, прозаические миниатюры — сомнительный жанр, не всякий издатель пойдет на риск. Тогда я положила книгу в папку и забыла о ней. А вспомнила при встрече с Михаилом Стрельцовым, издателем из Красноярска, когда он рассказал о новом книжном проекте. Михаил сотрудничал (к сожалению, он ушел из жизни в мае этого года) с библиотеками. На грантовые деньги издавал книги тех авторов, на которых был заказ от библиотек Красноярского края. Я предложила свою прозу. Михаил согласился ее посмотреть, и вскоре мы подписали договор. Но есть один нюанс. По договоренности, я с тиража получала только 20 авторских экземпляров, остальные расходились по сети библиотек, и получалось, что эта книга дальше Красноярского края не пойдет. Поэтому Михаил предложил мне доплатить некоторую сумму и увеличить тираж. Так мы и сделали. И у меня теперь есть собственные выкупленные книги, которые буду распространять сама. Несколько уже сдала в магазин «Фаланстер» на Тверской.

— Есть ли среди них история, где главная героиня — женщина?

— Все мои герои — женщины!

— Когда вы описываете женский персонаж, он собирательный или фантазийный? Или вы полностью перемещаете характер и кусочки диалогов в текст?

— Я не выдумываю персонажей, это моя позиция. Считаю, что жизнь намного изобретательнее самой

неуемной фантазии, и важно фиксировать любые ее проявления. Кому есть дело до чьих-то выдумок? А жизнь, как она есть, интересна всем.

— Видите ли вы в современной русскоязычной литературе фиолетовую тенденцию? Появляется ли больше женщин-героинь? Больше книг, написанных женщинами на полках книжных магазинов и библиотек?

— Когда я работала в «Эксмо», не раз слышала от коллег-редакторов, что целевая аудитория книжного издательства примерно на 80% состоит из женщин. Это не предположение, а официальная статистика. И покупают они именно авторов-женщин, если речь идет о художественной литературе. А женщины-писательницы, конечно, в свою очередь, центром повествования делают женщин-героинь. Я считаю, что будущее за женщинами. Не только в литературе, но и во многих других областях.

— Вы делаете книги самостоятельно, не думаете ли вы когда-нибудь в будущем расширить свое поле деятельности — делать книги писательниц и поэтесс, которые не настолько уверены в себе и не обладают достаточными для книгоиздания ресурсами. В Испании я видела множество женских издательств и магазинов женской книги.

— Отличная идея! Я бы с удовольствием этим занималась. Но одной мне не осилить такое большое дело. Если подберется команда, готова стать ее частью.

— Какие писательницы и поэтессы повлияли на ваше творческое становление?

— Когда была совсем девочкой, зачитывалась Ахматовой, приходила из школы и закрывалась в своей комнате с затрепанным томиком. Стихи Анны Андреевны без усилий ложились на память и соответствовали настроениям влюбленной или разочарованной девицы. А сейчас обожаю Туве Янссон. Мечтаю создать сказочных персонажей, которых любили бы и дети, и взрослые.

— Что вы думаете о фестивалях женской поэзии и вообще о женском голосе сегодня? Видите ли разницу в представленности, в тематиках, в методах творческой работы, которые выбирают женщины и мужчины?

— Думаю, что нужно это движение развивать и поддерживать. Мы живем во времена, когда родовые связи ослабевают и человек чувствует себя одиноким. В обществе

будущего малые социальные группы, объединенные по интересам или убеждениям, займут место родовых кланов — это одно из условий выживания. А что касается тематики — разница лишь на поверхностном уровне. На глубинном же все пишут об одном и том же — о смысле бытия. Именно в этом и заключается искусство.

— *У вас вышло семь книг стихов и прозы, вы постоянно публикуетесь в журналах и участвуете в фестивалях, работаете в Чеховской библиотеке, находитесь в самом центре литературной жизни и даже самостоятельно издаете книги. Что бы вы посоветовали молодым женщинам, которые пытаются найти*

Евгения Джен Баранова: Без ощущения сестринства далеко не уедешь

— *Евгения, интересно ли было вам участвовать в женском поэтическом фестивале?*

— Да, это был яркий опыт. Особенно мне понравилась задумка с коллекцией рукописных текстов. Когда мы умрем, люди будут смотреть на наши рукописи и думать, неужели эти дамы действительно все это написали.

— *Обнаружили ли вы интересные имена?*

— Из-за того, что я работаю главным редактором журнала «Формаслов» и давненько обретаюсь в литературных кругах, с большей частью участниц я была уже знакома.

— *Чужие стихи, которые читают профессиональные актрисы, или собственные стихи, которые читают поэтессы*

— *что интереснее? Или это несопоставимые жанры?*

— Мне всегда будет читающая поэтесса интереснее.

Только автор может целиком передать свой текст интонационно. Конечно, у чтения профессиональных актрис есть свои плюсы: поставленный голос, умение держать паузу. Но когда женщина-поэт выходит на сцену, она превращается в песок, ветер, реку — ты видишь, как глаза загораются и гаснут, как жилка на горле подрагивает в особенно личных местах... Волшебство.

— *Открывают ли радикально женские пространства новые творческие или социальные возможности?*

— Для меня лично проекты, подобные Искренковским чтениям, — в первую очередь про изменение статуса поэзии, созданной женщиной. Искусство вообще — дело серьезное, поэтому мне бы хотелось, чтобы написанное мною воспринималось отдельно от моей способности вкусно готовить или мило выглядеть на фотографии. Поэт — это прежде всего душа, а поэзия — род служения.

— *Представленность женщины в современной поэзии, в литературе, возможность пробиться для начинающего*

свой литературный путь?

— Отвечу на этот вопрос, рассказав маленькую историю. Как-то я была на лекции Дмитрия Быкова, организованной для литературной школы CINEMOTION. В конце занятий организатор задал Дмитрию тот же вопрос «Что вы посоветуете молодым авторам?». И Дмитрий сказал, что ответ на этот вопрос есть в последнем предложении романа такого-то (название уже не помню), написанного тем-то (автора тоже не помню). И я не могла дождаться момента, когда зайду в интернет и наугад этот роман — так было интересно найти это предложение. Нашла. Оно гласило: «Ничего не бойся». Мне кажется, это идеальный ответ.

автора из провинции — важные темы?

— Я родилась на юге Украины, а выросла в горном поселке близ Ялты. История «поэт в провинции» — это моя личная история. Могу сказать, что пробиться сложно, но вполне реально. Нужно только не воспринимать очередной отказ как повод для самоубийства. «В этой жизни помереть не ново», а если уж помирать, то явно не из-за отказа в публикации. А еще думается, что талантливо пишущих женщин с каждым годом будет все больше. Это закономерно — чем меньше быт съедает сил, тем больше этих сил может быть потрачено на по-настоящему важное. К примеру, отделение IBM в России уже сегодня возглавляет женщина.

— *Какие писательницы, поэтессы, книги, написанные женщинами, служили ролевыми моделями для вас?*

— В детстве я зачитывалась серией про Анжелику, созданную фактически Анн Голон (ее муж был скорее историческим консультантом). Отсюда тяга к приключениям. Позже настал черед «Унесенных ветром». «Я подумаю об этом завтра», золотые волосы безвольного мужчины, платье из маминной шторы. Бунт и натиск. Умение выжить у меня явно от Кэти-Скарлетт. Я до сих пор считаю, что Маргарет Митчелл написала отличную книжку. В 16 лет запоем читала Франсуазу Саган, лет в 20 — Джейн Остин. А так — ряд достаточно типичный: Сильвия Плат, Симона де Бовуар, Анна Ахматова, Белла Ахмадулина, Харпер Ли. Из ныне живущих пристально слежу за Донной Тартт.

— *Сколько улиц в вашем городе названо в честь женщин-поэтов или писательниц? На улице с каким названием вам бы хотелось жить?*

— Я с удовольствием жила бы на улице Ахматовой, но, к сожалению, купить квартиру там не получилось. Москве не хватает улиц Марины Цветаевой, Айседоры Дункан,

Майи Плисецкой, Дженис Джоуплин, Габриэль Шанель, Фриды Кало — десятки и десятки названий я могла бы предложить, мне кажется, совсем не обязательно жить в городе для того, чтобы его улица могла носить твое имя.

— *«Формаслов» — очень подвижный, современный, горизонтальный проект. Это отражение ваших представлений о том, как устроена идеальная современная плодородная искусственная среда?*

— Спасибо! Да, мы с Аней Маркиной так его и задумывали — воплощением наших представлений об удобном и стильном ресурсе. Я всегда радуюсь, когда «Формаслов» хвалят: впрочем, до конца не привыкну к тому, что всего год назад он существовал только в наших мечтах, а сегодня я рассказываю о нем в интервью. Скажу сразу — журнал и связанные с ним проекты (например, недавно мы запустили бесплатную pdf-библиотеку) почти полностью поглотил нашу жизнь, но я ничуть не жалею об этом. Наша славная редакция, что называется, «горит», и мы как матери-основательницы «горим» вместе с нею.

— *Поэтический дуэт #белкавкедах: как вы познакомились с Анной Маркиной? Что вы считаете залогом долгого творческого сотрудничества? Какой из ваших совместных проектов — нет, не самый удачный — а самый важный для вас?*

— С Аней мы заочно познакомились полжизни назад (пересеклись в финале одного литературного интернет-конкурса). В реальности же связал нас одесский фестиваль «Провинция у моря-2015»: мы читали стихи, заплывали за буйки, пили красное и намертво задружились. #белкавкедах появилась на свет только в 2017 году, то есть мы еще два года дозревали до создания чего-нибудь эдакого. Залогом долгого творческого сотрудничества я считаю, во-первых, совпадающие жизненные ценности, а во-вторых, любовь к текстам друг друга. Без любви, без ощущения сестринства далеко не уедешь. Самый важный для нас проект — формасловское издательство, птенчик которого должен вот-вот вылупиться. Мы сейчас ведем работу с четырьмя авторами (кстати, все они девушки и девушки одаренные), занимаемся оформлением бумаг и, надеюсь, осенью начнем звучать «во весь голос».

— *Расскажите о ваших собственных книгах — где можно их приобрести?*

— Первые две книги — «Зеленый отсчет» (2009) и «Том второй» (2012) — были опубликованы в Крыму в пору нахальной юности, в продаже их нет, зато у меня в сундуке (вру, сундука у меня тоже нет, обычный комод) хранится их перевыпуск 2014 года. Хотите заполучить — за деньги или в подарок — ищите меня в социальных сетях. Что касается двух следующих — «Рыбное место»

и «Хвойная музыка» — то они продаются на Озоне, мелькают в книжных. Если же вы, теоретические друзья-читатели, жаждете получить версию с автографом, пишите опять-таки в Facebook или Вконтакте, слишком грабить вас не стану, а добрая подпись на титульнике у вас будет. Не знаю, стоит ли уточнять, что все 4 книжки — сборники стихов, до прозы я, видимо, не доросла.

— *Расскажите о ваших театральных проектах и планах.*

— Есть мечта сделать белкин спектакль, да руки не доходят. Нужен режиссер, готовый влюбиться в стихи Анны Маркиной и Евгении Джен Барановой и обогатить поэзию визуальным действием.

— *Ваши пять любимых современных поэтесс (с примерами лучших стихотворений)?*

Анна Маркина

Чужой

Октябрь падал, будто подожженный.
И на его крыле у МФЦ
Я встретила с подобием Чужого.
Речь об отце.
Он был заточен, словно ножик острый,
Под стычки: там поранить, тут пролезть.
Нас разделял бескислородный космос
уже лет шесть.

Отец был глух в прямом и переносном...
Как будто в криогенный сон залег
И мчался, замороженный, сквозь космос,
Так был далек.

Луна не понимает сути люстры.
Как за щитом, скрываются вдвоем
За тишиной.
— У нас проблемы, Хьюстон,
Прием, прием.

За два часа бумажного улова,
Пока решались мелкие дела,
Он не сказал мне, кажется, ни слова,
Хоть я ждала

По крайней мере робкой установки
Сигнала, совпадения полей.
Оставь надежду, всякий, на стыковку
Двух кораблей.

Один, среди железа и безмолвия,

Набрав с собой припасов боевых,
Отец все отдаляется за молнии
лет световых.

Но слышу через ночь десятым чувством,
Что все же, пыл утратив боевой,
Чужой передает:
— Вас понял, Хьюстон.
Лечу домой.

Ольга Аникина

Стекло

...Им нравилось мое лицо,
ему они и улыбались.
Когда ж я что-то говорила —
я говорила очень мало,
меня почти никто не слушал.
Но вдруг случилось кое-что.

Всему виной настенный шкафчик
с непрочной дверцей из стекла.
Он много лет висел на кухне,
и странно, что никто не видел,
как вдоль поверхности стеклянной
мелькнула трещина.
И вот —
неосторожное движенье.
Я дверцей хлопнула, не глядя,
достала соль или петрушку,
и наклонилась над плитой.

А в это время гильотина
скользнула вниз.
Надбровье.
Веко.
Щека.
Часть носа.
Подбородок.
Глаз уцелел, о счастье, глаз.
Прошло два года. Что могли —
то залечили.

.....

Нынче люди
совсем не смотрят на меня.
Зато — что ни скажу — то слышат.
Прислушиваются, кивают,
и, отвернувшись деликатно,

еще раз просят повторить.
Смеюсь в ответ: так меньше видно
лицо.

И мне давно понятно,
что ни умнее я не стала,
ни мир не сделался добрей.
Но я все так же, как и прежде —
люблю, что хрупко. То, что бьется.
Стекло? А хоть бы и стекло.

Ната Сучкова

Вот — море, вот — река, полей кривой отрез,
Старухи едут в рай, набились в автобус,
Водитель ждет старух, кондуктор ждет чудес.
Прекрасно и легко все в этой мизансцене —
Их лица не видны, но пестро от платков,
И выпцвела давно вторая часть «Райцентра».
Старухи едут в рай — не очень далеко.
И он спешит туда — в засаленной спецовке,
С нехитрым барахлом на собственном горбу,
Оставь его стоять на этой остановке,
Он постоит, ему — не скучно одному.
Он постоит еще, его надолго хватит,
Пусть держится на нем вот этот край небес,
Пришли за ним потом воздушный самокатик
Или заставь идти на лыжах через лес.

Надя Делаланд

Бог не старик, он — лялечка, малыш,
он так старался, сочиняя пчелок.
Смотри, как хвойный ежик непричесан,
как черноглаза крошечная мышь...

Но взрослые скучны, нетерпеливы,
рассеяны и злы, им невдомек,
какое счастье этот мотылек,
кружащийся над зреющей сливой.

И почему он должен слушать их,
когда его за облако не хвалят?
...Ну что же ты? Как мне тебя обнять-то?
всех вас троих...

Лета Югай

Урок чистописания — Стр. 89

Алёна Асенчик: Очаровываясь ритмом

— Алёна, то такое быть женщиной-поэтом в 2020 году в Беларуси? Слышны ли женские голоса сейчас, представлены ли женщины наравне с мужчинами в литпроцессе?

— Женщиной-поэтом сейчас быть, как мне кажется, вполне комфортно. Говорю о себе, конечно. В процентном отношении не скажу, но женщины есть везде: в редакциях, в жюри конкурсов, премий. И среди участников этих конкурсов. Во всяком случае, я успела побывать в разных ролях: и участницей, и членом жюри. С возможностями быть напечатанной в газетах, журналах, альманахах тоже проблем нет. Во всяком случае, я с таким не сталкивалась.

— Следите ли вы за развитием женского движения в Беларуси, что сейчас происходит?

— Если честно, никогда не относилась к феминисткам, поэтому не слежу за подобными движениями. Возможно, мне повезло в этом отношении: родилась во второй половине XX века, в большом городе, в семье, где всегда царил взаимное уважение — и между родителями, и по отношению ко всем членам семьи. Повезло учиться в замечательной школе, в очень дружном классе. С мужем отношения тоже вполне комфортные. Дочь выучилась на программиста и работает в крупной компании наравне с мужчинами. В общем, у меня просто не было причин считать, что мои права где-то и кем-то ущемляются, за что я искренне благодарна Мирозданию! Понимаю и знаю, что проблема гендерного неравенства есть. И, разумеется, меня это беспокоит.

— Расскажите о интернациональном уровне — о конкурсах, изданиях в других странах.

— У меня все пока складывается хорошо. Благодаря интернету можно найти сведения о любых современных изданиях, конкурсах. Что-то находила сама, куда-то приглашали. Помимо Беларуси, публикации есть в журналах и альманахах России, Украины, Германии, Австралии, Израйля. Лауреатства и победы — тоже в основном в различных международных конкурсах.

— Легко ли побеждать?

— Думаю, как и всем: нужно приложить какие-то усилия, потратить определенное время. И быть в творческом настроении.

— Какие женщины-поэты повлияли на ваше творческое становление?

— Несомненно, Цветаева. Это тот поэт, который со мной с детства и до настоящего времени. Был период, когда

я скупала все выходящие книги (ее и о ней), если они хоть чем-то отличались от тех, что уже были у меня. В детстве понимала далеко не все, что было заложено в ее стихах, но очаровывалась ритмом, рваным дыханием стихов, их бешеной энергетикой. Позже зачитывалась прозой — такой же необычной, как и стихи. Такой же страстной, яркой, живой. Меткой в выражении мысли, внутренних ощущений: «Любить — это видеть человека таким, как его задумал Бог и не осуществили родители»... А вообще никогда не делила и не делю поэзию на женскую и мужскую. Потому что поэзия — это гармония разума и души. Разум если есть — то он есть, и неважно, женщина ты или мужчина. А души, по-моему, вообще бесполы. Гендерно только тело, а оно как раз меньше всего задействовано в поэзии. Разве что опосредованно, для описания страстей человеческих))) Поэтому читаю всегда то, чего в данный момент желает мой внутренний мир, мое настроение. Или то, что нужно по работе: я филолог.

— Искренковские чтения — интересен ли такой формат? Нашли ли вы для себя новые имена?

— Было познавательно и интересно. Вы проделали огромную работу: это вызывает уважение! С творчеством большинства авторов знакома. Открыла для себя Ганну Шевченко, Елену Саморядову, Марину Тёмкину.

— Легко ли в Минске или Гомеле издать книгу своих стихов? Что нужно предпринять?

— За деньги? Никаких проблем. Что нужно предпринять? Написать хорошую книгу и отнести в издательство. В Гомеле (говорю про Гомель, потому как живу и работаю здесь), например, есть чудесное издательство «Барк», детище Милы Александровны Березовской, человека внимательного, активного, с хорошим литературным вкусом: еще никто из стоящих авторов не остался без ее внимания и помощи.

— Какие книги или публикации вышли у вас в последнее время?

— Я в последнее время очень мало пишу. Не знаю, почему. Позже 2016 года книг у меня не выходило, только публикации в журналах. А в 2016 году я оказалась лауреатом областной литературной премии имени Кирилла Туровского в номинации «Открытие года», частью которой стало бесплатное издание книги «Здесь всюду небо» (издательство «Колор» г.Мозырь).

— *А что за приз вы получили в 2015 году?*
— Кубок мира по русской поэзии за 2015 год.
Очень интересный конкурс, абсолютно анонимный.

— *Какое ваше стихотворение там победило?*
— «Не навсегда».

Она верит:

Летать — это очень просто, главное — окрылиться.
Какое дело пространству, что ты не птица?
Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:
все безопасней в тенетах его качаться...

— Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,
дерзкое, бесшабашное!?
Над замыслом покумекав,
мог бы, говорит Марк, и рисует
летающего человека.

Она смеется:

Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!
Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
а солнце к закату стынет и будто вянет...
И мы парим — над розовыми церквями,
зелеными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:

Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,
легкое, как воздух, пронзительное, как бульжник
— в реку?
Мог бы, говорит Марк, и рисует
летающего
человека...

Она плачет:

Марк, но ведь летать — это счастье, да?!!!
Да, говорит Марк. Если не навсегда...

Марина Гарбер: Любые довески к слову «поэт» дискредитируют поэта

— *Марина, во время Искренковских чтений вы говорили о полистилистике.*

— В своем кратком выступлении я попыталась сказать о том, что полистистика многих текстов Нины Искренко отражает многоголосие бытия, и такое — то веселое и трагичное, то абсурдное и гармоничное — сочетание несочетаемого видится мне стержнем ее поэзии. Подобная стилистическая открытость приводит не только к раскрепованию художественной формы и поэтической интонации, но и к подвижному, пластичному «я» — будь то «я» автора или персонажа. Полистиличность позволяет автору говорить от лица разных людей и побуждает необобщенного читателя к непредсказуемому резонансу.

— *Как вы узнали имя Нины Искренко?*

— Впервые я прочитала стихи Нины Искренко в конце девяностых, будучи студенткой факультета русского языка и литературы при Денверском университете (Колорадо, США).

— *Повлияла ли Искренко на ваше собственное творчество?*

— Вряд ли поэзия Искренко оказала существенное влияние на мою поэзию, во всяком случае, для меня это не очевидно. Однако, как и любой значимый поэт, Искренко, помнится, впечатлила меня, прежде всего, своей смелостью и ни-на-кого-не-похожестью: не тематической, не технической, не формальной новизной поэтических текстов, а внутренней свободой автора,

проступавшей сквозь практически каждый текст. Боль без смакования обиды, чувственность без сентиментальной жалостливости, сила без агрессии, ирония без циничной жестокости и, безусловно, любовь, одновременно исключаящая как всепрощение, так и самоуничтожение, — это и есть, на мой взгляд, искренковский баланс. В уже упомянутом выступлении я не случайно назвала поэтический корпус Искренко «поэзией неподчинения» — в противовес не только пассивной покорности, но и агрессивному нападению.

— *Другие писательницы и поэтессы, возможно, правозащитницы, которые духовно важны для вас? В честь кого стоило бы назвать улицу? Поставить памятник?*

— Памятники нужно ставить великим поэтам и писателям независимо от пола, цвета кожи, сексуальной ориентации или вероисповедания, — и Мандельштаму, и Цветаевой... Тот факт, что Цветаева была женщиной, в данном контексте не имеет значения. При этом гендер имеет значение в других контекстах, как имеет значение все, что касается личности и идентичности любого пишущего. Однако, при попытке оценки творчества в целом такой подход представляется мне заведомо дискриминационным, поскольку подменяет индивидуальное, столь ценное в искусстве, коллективным, групповым, кастовым. Учет пола при обсуждении художественных величин, будь то отдельной личности или произведения,

подразумевает послабление, смещение планки и даже снисхождение (иначе — зачем?) и вольно-невольно относит женский пол к пресловутому «слабому» — именно поэтому подобный расклад унизителен, прежде всего, для пишущих женщин. К слову, моя дипломная работа, представленная на соискание степени магистра искусств, была посвящена концептуальной метафоре «любовь как путь», рассмотренной на примере «Поэмы конца» Марины Цветаевой. Помимо Цветаевой в разное время и по разным причинам на меня оказали влияние и Вирджиния Вулф, и Сильвия Плат, и Каролин Форше, — но не потому, что были пишущими женщинами, а потому что хорошо писали. Так, не меньшее влияние на меня оказали Гоголь, Набоков, Кафка, Мандельштам и некоторые современники... Посему, говоря о влиянии и значимости (и по касательной — о названиях улиц и установлении памятников), я предпочитаю опираться не на гендерные (расовые, религиозные, сексуальные или политические) признаки, а на масштаб дарования отдельно взятого поэта или писателя. Мне кажется, чтимая мной Цветаева (впрочем, как и Искренко) предпочла бы памятник поэту — памятнику женщине-поэту (слово «поэтесса», как известно, она не любила), ибо «женщина» в данном звене — не качественное, а уточняющее, довесочное слово, определяющее одну из множества составных личности поэта. История располагает достаточным количеством примеров того, как любые довески к слову «поэт» дискредитируют поэта, как, например, некогда популярное сочетание «поэт-коммунист».

— *Интересны ли вам женские чтения как исторический отпечаток состояния женского литературного сообщества?*

— Меня заинтересовали Искренковские чтения, потому что они посвящены поэзии конкретного нравящегося мне поэта; то же касается любых других чтений: цветаевских, ахматовских, пастернаковских... Я, в целом, против создания обособленных сообществ, специально направленных на сужение общего поля, будто женщины (или, скажем, евреи, эмигранты, геи и т.д.) неспособны работать наравне с мужчинами (христианами, поэтами метрополии, гетеросексуалами и т.д.). Равенство исключает подобное утрированное акцентирование второстепенных характеристик, ибо подразумевает творческий паритет пишущих: в истории остаются лучшие имена, а не лучшие представители пола, расы, вероисповедания... Невозможно себе представить создание какого-нибудь «мужского литературного сообщества» или ярлыка вроде «мужчина-прозаик Толстой»... Искоренять неравенство, в том числе социальное и культурное, нужно и можно одиноким трудом и индивидуальными достижениями, а не групповым сплочением по какому-либо признаку.

— *Состав редакции «Интерпоэзия»: лидерские позиции занимают мужчины, рабочие лошадки — женщины, редакционный совет полностью состоит из мужчин. Что получается на выходе? Слышен ли женский голос и женская проблематика? Влияют ли женщины на принятие решений — как это в реальности? И как это в других журналах — там патриархальнее?*

— Признаюсь, что при беглом ознакомлении с вопросами интервью, именно этот вопрос меня неприятно задел, и я решила, что непременно должна на него ответить. У меня даже возникло ощущение, будто вопрос прозвучал в другой эпохе, примерно в шестидесятых, а отвечать на него следует из дня сегодняшнего. Начнем с того, что в редакции журнала «Интерпоэзия» трудятся семь человек, четверо из которых — женщины. Редакционный совет состоит не из каких-то там «мужчин», а из замечательных поэтов: Владимир Гандельман, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков, Юлий Гуголев, Владимир Друк, Александр Стесин, Игорь Бяльский и Владимир Салимон. Эти поэты по большей части являются независимыми консультантами, текущей работой они, в отличие от членов редакции, не занимаются. А «рабочая лошадка», упомянутая в вопросе, в журнале одна, и она — мужского пола: это живущий в Москве поэт и редактор Вадим Муратханов, человек исключительного литературного вкуса и редчайшего чувства такта. Дело в том, что прошли те времена, когда на «лидерскую позицию» назначали автоматически, теперь за назначением стоит честный труд, полная отдача и неподдельная любовь — не к собственному гендеру, а к делу, которому посвящаешь жизнь. Журнал издается по инициативе известного нью-йоркского поэта Андрея Грицмана, который единолично — без помощи общественных организаций или государственных грантов — оплачивает издание. Мне, как женщине, никто не запрещает сделать то же самое. Более того, если бы я пожелала заняться этим трудоемким и неблагодарным делом, то почти уверена, что, в отличие от Грицмана, могла бы претендовать на определенные льготы. Голос трудящейся в редакции женщины равен голосу ее коллеги мужского пола, ибо не гендер является определяющим показателем, а литературный вкус и редакторский опыт члена редакции. Если бы мне сказали, что мое слово имеет больший вес потому, что я женщина, я бы немедленно ушла из редакции: моим умеренным амбициям и какому-никакому литературному самолюбию был бы нанесен сокрушительный удар. Все-таки женщина — не инвалид, которому положены особые привилегии, она — не слабое ущемленное существо, которому необходимо постоянно потрафлять. Женщины в литературе (да и вне ее), как и мужчины, добиваются определенных вершин трудом и талантом, и любой намек на то, что они достигли этих результатов как-то иначе, представляется неуважительным

в отношении приложенных усилий и природных дарований женщин. Редакцию «Нового журнала», старейшего иммигрантского литературного издания, на протяжении вот уже пятнадцати лет возглавляет неустанная Марина Адамович (Нью-Йорк); нью-йоркским издательством «Айлурос» руководит поэт Елена Сунцова; основателем и бессменным редактором журнала «Стороны света» вплоть до его недавнего закрытия была живущая в штате Нью-Джерси Ирина Машинская; главным редактором нью-йоркского журнала «Слово/Word» в течение многих лет была ныне покойная Лариса Шенкер; Раиса Резник издает калифорнийский ежегодник «Связь времен»; Лиля Склад возглавляет центр искусств «Удивительная кошка» в Торонто, а также проводит ежегодный поэтический фестиваль на Ниагаре; Ирина Чайковская является главным редактором бостонского журнала «Чайка»; Вера Зубарева выпускает филладельфийскую «Литературную гостиную»; Елена Лапина-Балк — редактор антологии «Поэзия женщин мира» и ежегодника «Под небом единым», куратор премии Набокова (Финляндия), легендарная Валентина Синкевич издавала в Филадельфии альманах «Встречи» в течение тридцати лет... Полный список будет гораздо длиннее. Аналогично, не бесправными «лошадками», а бесспорными лидерами видятся мне Наталья Иванова, Ольга Балла, Ольга Ермолаева («Знамя»), Мария Галина («Новый мир»), равно как и редакторы и сотрудники российских сетевых изданий: Наталья Полякова, Евгения Риц, Ольга Девш... Перечислять женские имена в современной русской литературе по обе стороны рубежа можно очень долго. Вопрос о присутствии женских голосов кажется несколько наивным, сродным тому, как если бы при посещении художественной галереи мы спросили куратора выставки: был ли использован в представленных полотнах, скажем, зеленый цвет?.. Человеческие голоса, живые и разные, женские и мужские, в журнале, безусловно, слышны. Что касается «женской проблематики», то, боюсь, наши взгляды по этому поводу кардинально разнятся, потому что мы живем в разных обществах, и положение женщины в США несколько отличается от положения женщины в России, равно как западные феминистки нового образца мало похожи на своих предшественниц, отстаивавших тип сильной и независимой женщины и некогда эффективно боровшихся за равенство женщин и мужчин: за право голоса, за адекватную плату, за юридическую защиту (в том числе от домашнего насилия), за равноправие и безопасность на службе, в учебном заведении, в семье... Боюсь, что борьба нынешних защитников прав женщин во многом сводится к войне с мужчинами в целом. Учитывая коренные изменения в культурной, бытовой и образовательной сферах американского общества, а также то, что для разрушения репутации и/или карьеры мужчины теперь достаточно голословного обвинения женщины,

«жертва» и «агрессор» постепенно меняются местами: мужской пол все стремительнее приобретает статус «второсортного», и такие термины как «патриархальность» и «маскулинность» мало-помалу принимают сугубо орнаментальный характер. Таким образом, «женской» (как, впрочем, и «мужской») «проблематикой» в западном обществе на сегодняшний день мне представляются настойчиво прививаемые женщинам и мужчинам комплексы жертвы и агрессора — опасные и разрушительные для молодых людей обоих полов и, следовательно, для общества в целом.

— *Как начинающей поэтессе из провинции попасть в толстый журнал?*

— Писать достойные публикации стихи.

— *Нужны ли публикации в толстых журналах?*

— Мне кажется, этот вопрос требует индивидуального ответа. Кафка всю жизнь писал в стол — хотя он, скорее исключение, чем правило. Большинству пишущих необходимо ощущение обратной связи, их тяготит ощущение вакуума, а кто-то вроде меня спокойно переносит свою обособленность или же довольствуется постингами в социальных сетях, где мгновенность читательского отклика практически гарантирована. Однако для полноценного критического отзыва автору необходимы толстожурнальные публикации.

— *Сетевая поэзия легче бумажной?*

— Сетевая поэзия доступнее и разнообразнее бумажной. Сеть и бумага — лишь формат, никак не сказывающийся на качестве текста. Если стихотворение одновременно опубликовать в бумажном журнале и в сетевом издании — скажется ли это на качестве текста? Нет, конечно. Формат публикации не влияет на спрос с текста по гамбургскому счету, он определяет лишь доступ к нему, и сеть в этом отношении представляется самым демократичным печатным источником, а толстый журнал (включая его сетевую версию) — самым взыскательным. По причине своей вседоступности книгопечатание тоже не гарантирует качество материала, поэтому решающую роль здесь играют книжные издательства, точнее планка, установленная каждым из них.

— *Бывали ли вы в американских женских книжных или женских издательствах?*

— Не бывала и ничего не знаю об исключительно «женских» книжных магазинах или издательствах. Честно говоря, окажись я в таком книжном, я бы почувствовала, что меня в чем-то умышленно ограничивают, что-то навязывают, а что-то прячут и явно пытаются обмануть. Когда моя дочь была совсем маленькой, мы почти ежедневно ходили с ней

в библиотеку и книжные магазины. Помню, как в одном из таких французских магазинов (мы в тот период жили в Европе) наткнулись на два стенда с книгами для маленьких читателей: «pour les garçons» (для мальчиков) и «pour les filles» (для девочек). В основном это были интерактивные издания — с картинками, тактильными вкладышами, раскрасками и базовым текстом. Первый стенд предлагал книги на различные темы (животный мир, путешествия, профессии, освоение космоса и т.д.), а второй ограничивался одной темой и одним занятием: раскрашиванием нарядов для бумажных кукол. Мы, естественно, выбирали из первого. Так вот, мне кажется, «женские книжные» занимаются примерно таким же ограничением интересов читательниц, хоть и преследуют противоположные, казалось бы, цели.

— *Как складываются ваши отношения с американскими читателями?*

— По-английски я не пишу и лишь изредка перевожу с английского, украинского и итальянского. Так что в этом случае я выступаю исключительно в роли читателя.

— *В вашей лирике, в лирике ваших друзей-поэтов есть женская гражданская проблематика?*

— Разумеется, в стихах современных поэтов женского пола есть и женская, и гражданская, и любовная, и общечеловеческая тематика. Я не совсем понимаю, что подразумевается под «женской гражданской проблематикой», поэтому отвечу более обобщенно. Поскольку равенство полов не отменяет различий между ними (ведь согласно многочисленным исследованиям, мужчины и женщины зарабатывают, тратят, учатся, влюбляются, воспитывают детей и даже совершают преступления по-разному), у женского ракурса есть своя специфика и особенности, возможно, идущие от глубинного осознания себя и, следовательно, мира: интимная «дневниковость» текстов, страсть к певучему «искусству говорения», стремление ко вседосказанности — при константной недоговоренности, радетельность взгляда, останавливающегося как на вещи, так и на ее изнанке, чувствительность не столь к словам, сколь к интонациям, тяготение к отвергнутым за ненужностью мелочам и «безделушкам», относительная «невнятность поэм» и «речи косвенные», самоперебивающий ритм и фрагментарность речи, вокальная протяжность и «бесстыдный» речевой «захлеб»... При этом отдельные из перечисленных особенностей свойственны в равной степени и пишущим мужчинам. В целом, мне ближе видение «поэзии сообщающихся сосудов», а не обособленных «субпоэзий». Что касается моих стихов, то мне кажется, что я пишу на разные темы и не задаюсь целью сказать что-то сугубо женское или, скажем, иммигрантское, хотя на выходе получается и то, и другое, и третье, и десятое. Люди вообще — сложносоставные существа,

тем более — творческие. Несколько имен российских и украинских поэтов, которых читаю с интересом, все же назову: Ирина Евса, Ирина Ермакова, Елена Игнатова, Мария Ватутина, Светлана Кекова, Надя Делаланд, Анна Павловская, Ольга Аникина, Ирина Иванченко, Татьяна Вольтская, Ганна Шевченко, Ирина Котова, Екатерина Симонова, Екатерина Боярских, Анна Грувер, Ия Кива... Это, разумеется, далеко не полный список.

— *Пять современных писательниц-эмигранток и пять поэтесс-эмигранток, за творчеством которых вы пристально следите и удачам которых радуетесь?*

— Поэты: Ирина Машинская, Наталья Резник, Анна Гальберштадт, Марина Темкина, Хельга Ольшванг, Катя Капович, Полина Барскова, Юлия Шокол... Об особенностях поэтики каждой стоит написать детальный очерк (о первых пяти в этом перечне я в свое время писала отдельно и подробно), но если говорить о списке в целом, то самое привлекательное в нем — уникальность каждого голоса, абсолютная неписываемость в жесткие рамки, и в каждом случае — самобытный разрыв и выход. Прозаики: Наталья Червинская, Марина Палей, Лена Элтанг — три абсолютно несхожих пера. Критик: неординарная Лиля Пан.

— *Расскажите про русские книжные магазины в США.*

— Это своеобразного рода культурные центры в миниатюре. Там проводятся поэтические вечера, устраиваются чтения и встречи. Из легендарных, но, к сожалению, закрывшихся точек назову нью-йоркский магазин №21 на Бродвее. Мне дважды посчастливилось читать в его стенах. Другое радужное место — магазин «Книжник» в Филадельфии.

— *Родная речь в эмиграции — это оплот идентичности или для вас любая речь — словно вода для рыбы?*

— Я думаю, чувствую и пишу по-русски. Работаю и общаюсь (в том числе с домашними) на английском, итальянском и русском. Родной язык, конечно же, — неотъемлемая часть меня.

— *Ваше собственное творчество это мозаика, которую вы открываете, словно археолог на раскопках, или лонгрид, хроника полета?*

— Об этом лучше спросить критиков и читателей. Говорить о своем «творчестве» мне представляется проявлением nepозволительной самонадеянности.

— *Ваше лучшее стихотворение?*

— Хочется верить, что оно еще не написано.

— *Расскажите о ваших книгах и о том, как их приобрести.*

— Последняя книга «Каждый в своем раю» вышла в издательстве Водолей (Москва) в 2015 году. Обычно между моими книгами проходит от пяти до восьми лет, и составлять следующую в настоящее время я не тороплюсь. Рассказать о книге поэзии не берусь: стихи все же лучше читать в одиночестве, а не слушать в пересказе. Если не ошибаюсь, последняя книга продается в «Фаланстере» и на «Лабиринте». Это четвертая книга стихов, но лишь вторая из, на мой критический взгляд, относительно удачных (первая: «Между тобой и морем», издательство «Нового журнала», Нью-Йорк, 2008).

Девочки

Есть такие —
спрессованные из марсового песка,
животы у них гладкие, без пупка,
тяжела походка, рука легка,
и когда другие
надрывают от смеха себе бока,
видя, что вместо волос у них — облака,
смотрят снизу вверх, но кажется, свысока,
и светятся, если нагие.

Отродясь,
они сами вылепливали себя,
не для мамы и папы, вообще — не для,

высытятся, соляные столпы, не огля-
дываясь,
и двоясь, как дорогой расколотые поля,
как ручьями распоротая земля,
обезветвленные тела свои для
и длясь.

Покупай им плюш,
заплетай косички,
кlesh, плиссе, бантики, рукавички,
а когда расплачутся, истерички,
посылай в душ,
прячь ножи, веревки, лезвия, спички,
не замечай, говори о птичках,
из дневника вырывай странички,
причитай: «Чушь!»

В 200 ватт —
не поучителен, заразителен свет,
от такого, как под гипнозом, и «да» и «нет»
произносишь автоматом — в ответ
на взгляд.

Но не влезут, паршивки, на табурет,
не прочтут стишок, не споют куплет,
видят себя в тридцать с лишним лет:
саван до пят, именной браслет:
«Сильвия Плат».

Елена Саморядова: У меня нет книжного шкафа

— Елена, зачем стихи?

— Я около 8 лет не писала стихов вообще. Это как-то естественно произошло. Потребность ушла и все. Мне достаточно было читать чужие стихи. Я тот самый, возможно, не самый приятный человек, который, оказавшись в обществе поэтессы или поэта, обязательно попросит что-нибудь прочесть. А в этом году все вернулось. Мне снова интересно писать что-то свое. Поэзия для меня — это коммуникация. Бывают такие состояния, чей внутренний пейзаж наиболее органично можно передать только написав стихотворение.

— Как вам формат женского фестиваля Искренковские чтения? Возможно ли представить подобную передачу на вашем радио?

— Мне интересно исследовать новые форматы. Я считаю, что делать что-то новое необходимо. Мне лично такое мероприятие кажется нужным. Что касается подобной передачи на радио... Я вас, наверное, удивлю. Вместе с Павлом Настиним и Ириной Максимовой я делала радиопрограмму о современной поэзии в 2004 – 2006 годах. В эфире звучали все: от Юлии Тишковской до Елены

Фанайловой и от Тимофея Дунченко до Вадима Месяца. Так что все очень даже могу представить.

— Открыли ли вы для себя новые имена?

— Да, определенно. Мне в целом очень понравился подход, при котором каждая участница снимала свое маленькое кино. Это был такой калейдоскоп женских миров, отличных по цвету, звуку, образу, мыслям. Впечатляющее разнообразие.

— Сама Нина Искренко — после того, что говорили эксперты и как выступали участницы Искренковских чтений — открылась ли ее личность для вас по-новому?

— Я думаю, даже если такие чтения сделать ежегодными, все равно будут открываться новые грани таланта Нины Искренко. Мне кажется, в ее поэзии так много всего... Она, как Байкал, почти бездонна. По сути своей я аудиал. Для меня очень важно, как звучит текст. Ритм, музыкальность в моем понимании сродни душе. У стихов Нины душа мерцающая, переменчивая, как все настоящее, что есть в жизни.

— *Какие женщины повлияли на ваше становление как поэта?*

— Для меня все-таки в первую очередь важнее быть человеком. Не функциональным каким-то полустертым бессмысленным воспроизводителем стереотипов, а кем-то живым. Ну, потому что только если вы живы, у вас есть шанс написать что-то хорошее. К примеру, стихотворение. Так вот человека во мне поддерживали такие замечательные женщины, как Бьорк, Джулия Робертс, Джоан Роулинг, Земфира, Тэффи, Фиби Уоллер-Бридж... Список очень длинный. К счастью, женщин, у которых можно чему-нибудь научиться, великое множество.

— *Сложно ли было вам попасть в литературный круг? Что бы вы посоветовали начинающим женщинам-литераторам?*

— Меня в свое время нашел Леонид Костюков. Я отправляла свои работы на премию «Дебют». Ему они показались интересными, поэтому он позвал меня на свой литературный семинар. В то время его посещали Андрей Гришаев, Алексей Кашеев, Евгений Сулес, Андрей Пермяков, Андрей Егоров, Вячеслав Харченко, Надя Делаланд, Евгений Никитин, Алена Чурбанова... Мне проще назвать тех, кто его не посещал, честно говоря. Собрание было многолюдным и совершенно прекрасным. С этого для меня все началось. Мне всегда глобально советовали только одно: писать. Просто писать. Каждый день. Этот совет и передаю дальше всем, кто нуждается в каких-либо советах. Это и правда работает.

— *Если подойти к вашему книжному шкафу — сколько книг из находящихся там написаны женщинами, о женщинах?*

— У меня нет книжного шкафа. Почти все, что я читаю сейчас, я потом кому-нибудь дарю. «Оливия Киттеридж» Элизабет Страут, наверное, единственное исключение. Книжка настолько хороша, что я не могу с ней расстаться.

— *Сложно ли в наши дни найти издательство, которое печатало бы книги без авторских вложений? Заработать что-то своим литературным трудом?*

— Думаю, да. Найти издателя — задача непростая. Особенно для начинающего автора. В качестве иллюстрации скажу, что для своей дебютной повести я искала издателя больше года. А уж про «заработать» я пока вообще не думаю.

— *Расскажите о вашей книге.*

— Буквально, через месяц — в сентябре — в издательстве «Стеклограф» выйдет моя дебютная повесть «Радио “Честно”». Эту книжку я писала два с половиной года. Ради нее забросила свою карьеру сценариста, вернулась

из Москвы в Калининград, снова устроилась на работу на радио... В общем, мою жизнь она изменила уже очень серьезно. И наверное, важно отметить, что я ни о чем не жалею. Эта книга того стоила. Повесть «Радио “Честно”» можно будет приобрести в «Фаланстере» и «Циолковском» в Москве, а также в магазинах Петербурга и Челябинска. К середине августа, надеюсь, будет ясна дата московской презентации «Радио “Честно”».

— *Ваши сценарии и пьесы фантазийные или вы переносите в них сцены, которые замечаете в обычной жизни?*

— Сценарии я пишу на заказ, при этом обычно идея исходит от заказчика. Моя роль сводится к реализации: это не фантазирование и не подсматривание, это больше похоже на синтез. Я исследую реальные ситуации и реальные характеры, пытаюсь уловить суть — и с этим знанием создаю фантазийную историю, вполне (я надеюсь) достоверную по сути. С театром ситуация иная. Там свободы больше. Свои пьесы я придумываю от и до. При этом я с интересом читаю и смотрю пьесы, построенные на документальном материале, и сама собиралась создать нечто подобное в этом году, однако коронавирус сорвал все планы.

— *Для какой актрисы вы бы написали пьесу?*

— Для Ирины Горбачевой. Она очень талантлива и нестандартна. Я считаю ее одной из лучших. Ну и ее последняя работа в сериале «Чики» — это бомба.

— *Расскажите про радиостанции, на которых вы работали, и о вдохновляющих женщинах из радиоиндустрии.*

— Сейчас я работаю на радио «Балтик Плюс», это старейшая частная станция в Калининграде, совершенно региональная, со своими традициями. Региональные радиостанции заметно отличаются от федеральных. В Москве я работала в двух крупных медиахолдингах: Krutoy Media и «Газпром-медиа». Если вкратце — федералы делают упор на нечто унифицированное, что значительно легче масштабировать на всю страну, а здесь, у себя в Калининграде, мы делаем теплый ламповый натурпродукт, индивидуальный, с характером. В эфире и в менеджменте, в PR- и коммерческих службах работает множество женщин. Пожалуй, самое сильное впечатление на меня произвела Юлия Голубева, в прошлом генеральный директор Krutoy Media, а ныне советник генерального директора холдинга «Газпром-медиа». Поверьте мне на слово, по биографии Юлии Сергеевны можно написать и снять реально очень рейтинговый сериал.

— *Тест Бекдел — это важно? Кинематограф много сделал для распространения мифа о романтической любви, гендерных стереотипов, сказки с принцем и принцессой —*

и хэпти эндом. Порнография искалечила представления людей о сексе. Влияют ли кино-паттерны на жизнь людей в наши дни?

— Безусловно, влияют. Вспомните свой любимый фильм или сериал. Вы же его бесконечно вспоминаете и даже цитируете, не говоря уж обо всем остальном. Возьмем, к примеру, «Друзей» — это же мануал по дружбе для миллионов людей! Поэтому да, я считаю, что тест Бекдел — это важно. Будем честными, мягко говоря, не все кино- и сериальные работы на отечественном телевидении его пройдут.

— Как связаны для вас творчество и путешествие, творчество и природа?

— По первому образованию я геоэколог, закончила факультет географии и геоэкологии БФУ имени Канта. Я до сих пор трепетно отношусь к природе в целом, однако сейчас меня в большей степени интересует природа человека, а путешествия — не сознательные, а бессознательные. Я бы даже сказала — в бессознательное.

— Назовите пьесы ваших знакомых женщин, которые кажутся вам достойными внимания режиссеров — и приведите, пожалуйста, по одному яркому отрывку из каждой пьесы.

Ольга Михайлова «Путь левой руки»

БАБУШКА. Анна Афанасьевна писала мне, что живешь в Замоскворечье возле Николы в Кузнецях.

ГАДАЛКА. Там, сударыня, точно там.

БАБУШКА. Так вот, говорят, тому скоро год, осенью перед Покровом бежала там свинья и кричала петухом.

ГАДАЛКА. Мало ли что люди врут. Москва — город порядочный, чего там свиньям по улицам бегать?

Наговорили на меня.

Елена Исаева «Про мою маму и про меня»

БАБА РАЯ (Лене, грустно и потерянно). Ну что конкурс-то? Выиграла?

ЛЕНА. Неа.

БАБА РАЯ. Почему?

ЛЕНА. А меня ведущей поставили. Номера объявлять, задания раздавать...

БАБА РАЯ. Самой главной, значит?

ЛЕНА. Просто больше никто не хотел.

Анна Гейжан «Сезон закатов»

ОЛЬГА. Ты почему не спишь? Поздно уже.

ЛИЗА. Mam, давай тебе инстаграм заведем? Вот смотри,

мне тут пишут, что ты красивая.

ОЛЬГА. Правда пишут?

ЛИЗА. Да все время пишут! Сама посмотри.

ОЛЬГА. Хорошая фотография.

ЛИЗА. Я хвастаюсь. У меня самая красивая мама и самый сасный брат!

ОЛЬГА. Какой брат?

ЛИЗА. Ну, клевый, отличный. Вот, смотри, вы тут вместе на фотке. Видишь, это две тысячи человек вам лайк поставили. Кто-то даже подумал, что Игорь твой муж.

Правда, смешно?

ОЛЬГА. Очень.

ЛИЗА. Mam, ну дай мне свой телефон, я тебе все сделаю.

Тут можно и видео вешать. Можешь что-то петь и это будут смотреть.

ОЛЬГА. Не надо. Зачем это мне?

ЛИЗА. Не спорь. Так надо. Давай телефон.

Юлия Новгородцева «Яжемать»

«Тогда мы с Максом так рассудили, что люди мы взрослые.

И ребенка не хотим. Я даже список составила, почему мне нельзя ребенка.

Во-первых, придется пропустить очень много серий «Игры престолов» и других мультиков.

Во-вторых, у меня только начало получаться играть на гитаре. Я хочу найти себя в творчестве, да и пацки один знакомый обещал взять меня в инди-рок группу.

В-третьих, я не видела весь мир. Я только в Геленджике была. А тут мне почти сделали визу. Меня ждут Париж и Лондон. Да хоть бы Чехия и Сербия.

Четвертое, у меня красивый тренер по йоге, и только начало все получаться, но какая медитация при вечно орущем ребенке?

В-пятых, не уверена, что Макс моя судьба. Может, я и встречу своего единственного, вот от него и рожу лет в сорок, как звезды Голливуда.

В-шестых, у нас по линии прям жесткая расположенность к полноте. И все жиреют после родов.

Седьмое — надо выплатить кредит за айфон и купить гирокрутер.

И самое главное, мы с друзьями уже решили открыть стартап по продаже смузи и одежды из вторсырья. Природа будет благодарна. Недавно я наткнулась на философию Лагом. Крутая штука. Жить умеренно. Лишнее отдавать. Никого не убивать».

Александра Фомина «Трейспоттер»

СЕРГЕЙ. Ну как так: просто смотреть на одно и то же?

Пашк, они ж все на одну морду, локомотивы. Нет, ну если бы путешествовать любил по железке... Бухать там,

с попутчиками трепаться... А так, это ж напрасно тратить жизнь! Идиотизм какой-то, Пашк! Это или дебилом надо уже изначально быть, или в процессе им стать. Ты извини, Паш, но кто ж тебе скажет, если не мы?

КИРИЛЛ. Он же не просто на локомотивы смотрит. У него цель: собрать определенное количество ценной для него информации.

СЕРГЕЙ. Но это ж не уникальная инфа! Вот устроился бы на железку, и не надо было бы на платформе торчать.

КИРИЛЛ. Ты не понимаешь. Это как нематериальная коллекция. Смысл любого коллекционирования в достижении какого-то количественного результата. Ну и качественного, конечно.

СЕРГЕЙ. Да для меня любое коллекционирование — полная фигня. Но коллекции хоть продать можно,

обменяться там... детям наследство оставить... А тут? Что продавать? Чем меняться? Пашка, нет, ну я бы понял, конечно, там... моделирование... типа в детскую железную дорогу играть всю жизнь или... фотографировать, во, рельсы, там бесконечность жизни всякая — эко..эстальн... экзорцизм? Экс..ги..бицинизм? Кирюх, как это? КИРИЛЛ. Экзистенциальная бесконечность.

СЕРГЕЙ. Кирюх, за тебя! (Выпивает).

КИРИЛЛ. Смысл трейнспоттинга — в самом осознании того, что ты смог увидеть нечто ценное для тебя. Моральное удовлетворение. Плюс упражнения в бездумном созерцании. Концентрация внимания. Остановка внутреннего диалога. Отсюда, по идее, должно возникнуть душевное спокойствие... Конечно, это примитивно, но...

Дана Курская: Улицу я бы назвала в честь себя

— Дана, было ли вам интересно участвовать в женском поэтическом фестивале Искренковские чтения?

— Да, мне очень понравилось. Из похожих мероприятий мне посчастливилось принимать участие в Первом Женском фестивале, который проходил в 2018 году в Екатеринбурге, — там проходили не только чтения и форум, но и различные творческие и дискуссионные лаборатории. Медиа-гостями были женщины, которые строят современный литературный процесс.

— Расскажите, как вы выбирали стихотворение для Искренковских чтений — свое.

— Просто стихотворение «Памяти морской свинки Сафизы» стало уже каким-то народным, что ли. В Сочи в этом году выхожу читать стихи на концерте, а незнакомая сочинская публика вдруг кричит мне: «Про Сафизуу!» — чтобы я читала, значит, именно этот стих. Он какой-то бесприютный, что ли, маленький такой — как морская свинка, которой отпущена недолгая пушистая жизнь.

Прости меня, Сафиза, — все умрут.
Двулапым — свет в тоннеле брызнет искрой.
У особой поменьше свой маршрут —
Но тоже замечательный и быстрый.

Как лапками ты не перебирай,
как мордочкой в матрасик свой не тычься,
за прутьями сияет скорый Рай,
где коготки прилежно будут стричься,

где никогда не заболит живот,
и где дадут сенца любой разявке.
Скачи в опилках, но уже вот-вот
тебя обнимет главный твой хозяин.

Никто из тех, что носом вертит тут,
не избежит печального сюрприза.
И свинки, и несвинки — все умрут.
Мы все умрем. Прости меня, Сафиза.

— Вы возглавляете новое издательство «Стеклограф» — количество выпущенных вами книг исчисляется уже десятками. Наверное, можно посчитать, каких авторов больше — мужчин или женщин?

— Думаю, поровну. В прошлом году издательство — безо всякого госфинансирования, спонсоров и грантов издало 54 тиража. В позапрошлом — 29.

— А на ваших домашних полках — какие книги преобладают, созданные мужчинами или женщинами?
— Как-то не задумывалась. Главные книги моей жизни написаны и мужчинами — Вольфганг Борхерт, Джеймс Барри, Анатолий Алексин — и женщинами — Дина Рубина, Александра Бруштейн, Далия Трускиновская...

— Случалось ли вам издавать книги о женской проблематике в том смысле, как ее понимает радикальный феминизм?

— Совсем недавно вышла книга замечательных рассказов Милы Борн «Голодный остров», в которых героини сталкиваются с проблемами, встающими перед современными женщинами именно с точки зрения фемоптики. Еще я недавно предложила издать книгу стихов Галине Рымбу — она обещала подумать над моим предложением. Книга стихов поэта Екатерины Бармичевой «Кроме времени» во многом посвящена вопросам женской проблематики. В книге стихов Ольги Аникиной «Кулунда» одним из ключевых стихотворений является текст «Стекло» — человеческими словами о лукизме.

— Сложно ли оставаться на плаву во время корона-кризиса? Или же на издание книг это не особенно повлияло?

— Так ведь я и не зарабатываю на жизнь книгоизданием. Это не мой бизнес, это, скорее, история, которая меня три года вгоняет в долги. В этом году уже нечем оплачивать саму печать — прошу авторов самим искать себе спонсоров. Но все остальное по-прежнему бесплатно — верстка, дизайн обложки, коды, пиар-кампании, развозы по магазинам, рассылки в библиотеки, продвижение книги на конкурсы и т.д.

— Есть ли смысл печатать себе в убыток? Почему продолжает работать современный самиздат?

— Когда впервые автор берет в руки изданную мной книгу, у него такие невероятные глаза. Это тот миг, за который можно продолжать влезать в долги, ругаться с типографиями, не спать ночами и решать многочисленные проблемы. Потому что все это оправдывается в одну секунду — когда ты смотришь в глаза автора, который впервые берет в руки свою книгу.

— Какие писательницы и поэтессы повлияли на ваше становление? В честь кого из них вы бы хотели назвать улицу?

— Именно женщины, да? Тогда назову свою любимую поэтессу — Анну Павловскую. Люблю ее стихи просто до одури еще с шестнадцати лет. Сейчас она известнейший признанный автор, ее любят все. А тогда — я одна из немногих, ведь это было давно, и она еще не успела стать знаменитостью. Бесконечно люблю стихи Марии Ватутиной. Из молодых, но безумно мной любимых авторов — Тая Ларина. Недавно я издала ее дебютную книжку, чем горжусь. А уж как я люблю Надю Делаланд! Ведь она — удивительный автор, которого признали все поэтические лагеря. Такого в наше время просто не бывает, понимаете? А она — смогла вот... А улицу я бы назвала в честь себя. Но не потому, что я какой-то хороший поэт. Я просто очень много делаю для многих — за это увековечила бы свою девичью фамилию. Можно так назвать тупик в челябинском районе ЧТЗ — между гаражами за «Спартак» и трубами на Комсе. Был бы Тупик Галиевой. Там бы все пили и говорили о поэзии.

— Если бы у вас была волшебная палочка и книга заклинаний, музей каких писательниц и поэтесс вы бы создали? Какие памятники бы установили и где?

— Это точно был бы музей Светы Богдановой на Арбате — там висели бы ее картины и украшения, и фотографии, сделанные ее мужем Рустемом. Ну и экскурсовод бы ходил — мистический такой весь из себя — и читал бы отрывки из ее легендарной прозы. И, конечно, создала бы музей Александры Васильевны Очировой, ведь она поэт-эпоха.

Ее стихи читают наизусть самые знаменитые актеры, на ее тексты пишут музыку самые известные композиторы. Ну а мне посчастливилось издать тринадцатую книгу ее стихов, одно из которых оказалось пророческим — в нем Александра Васильевна предсказала карантин и пандемию!

— Женский персонаж — когда вы его создаете, это фантазия или же вы находите прототипа и без изменений перемещаете его в текст?

— Я всегда пишу только о себе. Всех мужчин, с которыми у меня намечается роман, всегда честно предупреждаю, что после первой же ночи он будет в подробностях увековечен в моих стихах.

— Сколько по времени вы пишете стихотворение? Есть ли у вас какие-то ритуалы, правила, особенности жизни в момент написания текста?

— Я пишу стихи с четырех лет, и для меня этот процесс давно стал физиологическим. Соответственно пишу стихи я в любой момент, когда приспичит — хоть стоя на одной ноге в метро в час пик.

— Совет начинающей поэтессе?

— Больше читать и не бояться быть искренней.

— Челябинская поэтическая женская сцена, пару слов о ней?

— Именно челябинская, не просто уральская? Сейчас там главный культуртрегер (из женщин) — поэт Наташа Санникова. Ее феминистический подход идет на пользу челябинскому поэтическому пространству, конечно. Она, например, создала вместе с Константином Рубинским замечательный фестиваль «Инверсия», на который обожают ездить медийные московские поэты.

— Что побудило вас создать литературную премию?

Расскажите, как проходит невидимая работа жюри.

И про женщин, которые получали премию.

— Премия МуPrize создана была в 2017 году именно для авторов, которым больше 35 лет, ведь известно, что жизнь поэта в этом возрасте в России условно заканчивается. Я решила продлить жизнь поэтам, а в первую очередь — себе, так как мне тоже скоро исполнится 35, и я эгоистически надеюсь, что мой пример — другим наука, и скоро таких премий «для пожилых» станет больше! В прошлом году первое место разделили поэты Андрей Чемоданов и Надя Делаланд. Члены жюри назвали Надины стихи примером самой лучшей современной любовной лирики:

Я прощаю тебя, потому что прощение есть
можешь даже не верить (поможет, как Бору — подкова).

Потому что не злость и не зависть, не ревность и месть, а — любовь (и «любовь» набираешь в любой поисковой бесконечной системе и видишь нелепый сумбур, из которого вырастет сонное дерево царства).

У тебя ничего не написано больше на лбу, я простила тебя, оставайся. Ты можешь остаться.

— *Как называются ваши книги и где их можно купить?*

Жанна Бадалян: Право реализовать свои таланты

— *Жанна, было ли вам интересно участвовать в исключительно женских поэтических чтениях?*

— Да, было очень интересно. Я думаю, что не решилась бы участвовать, если бы сообщество не было полностью женским. Всегда боишься осуждения (ну, я боюсь). Или даже не столько боишься, что осудят, скорее, что не поймут. Мне нравится, что на фестивале была атмосфера принятия. Поэтому даже такие тайные любители поэзии, как я, смогли раскрыться.

— *Сложно ли быть оперной певицей, что самое трудное?*

— Простых профессий, наверное, нет. Конечно, быть оперной певицей тоже трудно. Оперное пение — это такой же интенсивный физический труд, как балет или спорт. Но снаружи этого не видно. Кажется, ну вышла в красивом платье, попела, похлопали, уехала домой с цветами. Не жизнь, а сказка. На самом деле, когда вы приходите на концерт, вспомните, что певцы готовились к нему несколько месяцев, а рабочий день сегодня у них тоже начался утром. Попробуйте начать работу в 10.00, а закончить в 23.00. При этом последние 3–4 часа самые важные! Но самое большое испытание в этой профессии — это колоссальная безработица и низкий заработок. Не знаю, кто виноват и что с этим делать.

— *Сейчас многие постановки переосмысляются — бывшие герои-любовники теперь считаются абьюзерами-каннибалами. Классическая опера вносит феминистские коррективы в постановки. Что вы чувствуете, проигрывая сцены, которые сами теперь трактуете как мачистское насилие?*

— В большинстве опер есть хотя бы одна героиня, страдающая, часто умирающая от мужского насилия. Изнасилования, похищения, принуждение, домашнее насилие, убийства женщин — все это есть в операх. Я не заметила пока какого-то изменения в лучшую сторону, гуманистического взгляда на женщину-героиню со стороны режиссеров и художников. Интересно, что сюжеты переосмысляются с точки зрения сегодняшнего дня. Костюмы меняются на современные, место и время действия меняется. Но средневековая дикость остается, потому что она сегодня не менее актуальна. Ни капельки не

— У меня всего две книги — «Ничего личного» (2016) и «Дача показаний» (2018). Их можно купить в магазинах «Фаланстер» и «Циолковский» в Москве. Можно в Челябинске в магазине «Поэзия». Можно попросить меня лично — и я подарю. А скоро, надеюсь, увидит свет книга новых стихов «Спросите Кошкину!», посвященная моим юным челябинским годам и их ангелу-хранителю — моей самой лучшей подружке Маринке Кошкиной.

удивительно, что мужчина убивает свою «возлюбленную» из ревности («Кармен», «Паяцы»), конечно же, если быть неосторожной, тебя изнасилуют («Риголетто»), естественно, ты должна быть девственницей, а не то на тебе не женятся («Сельская честь», «Сомнамбула»), нельзя нарушать приличий — это сразу делает тебя уязвимой («Евгений Онегин»), если ты какое-то время была содержанкой, то тебя никогда не примут как равноправного члена общества («Травиата»), если своим поведением ты заставила мужчину подумать, что ты можешь ему изменить — ну, вы понимаете: «Отелло», «Бал-маскарад», «Свадьба Фигаро», «Дон Карлос», «Лючия ди Ламмермур»... Тут список бесконечен.

— *Сложно ли совмещать материнство и творчество?*

— Если карьера идет успешно, то жизнь проходит на чемоданах и времени на детей нет. Многие певицы откладывают деторождение. Я забеременела первым ребенком на третьем курсе Гнесинки. Помню, что некоторое время не решалась сказать своему вокальному педагогу, боялась (смешно вспомнить!), что придется оправдываться. Сама она отказалась от рождения детей в пользу карьеры и считала, что только так можно быть успешной. Но, мне кажется, в наше время все-таки певицам удастся неплохо сочетать материнство и оперную кочевую жизнь. Впрочем, не могу сказать, что мне это удалось. Я выбрала быть с детьми.

— *Расскажите про ваши любимые партии, постановки, достижения.*

— Очень большим впечатлением для меня была партия в опере «Ожидание» Арнольда Шенберга. Это моноопера, то есть там только один певец (эгоцентристская мечта любой сопрано). Меня очень увлекает головоломная музыка и такой же невероятно туманный сюжет. Героиня бродит по ночному лесу, ищет возлюбленного, который не пришел на свидание, и находит его мертвым. Она как бы блуждает не только впотьмах в лесу, но и в своем сознании тоже. Грань между сном, фантазией и реальностью размывается и все труднее становится определить, что же с ней на самом деле происходит. Но в эту ночь она проходит все стадии страдания, неверие, протест, в конце концов примирение

с тем, что нельзя изменить. После премьеры я бросилась переводить либретто на русский язык и две недели работала без остановки. Это был, пожалуй, мой рекорд по скорости художественного перевода. Но я так вросла в текст за время репетиций, что в голове многое уже было готово.

— *Расскажите о своих стихах.*

— Стихи я пишу редко — многое поэтическое, что во мне есть, воплощается в пении. Но бывает, что есть излишек творческой энергии, тогда появляется стихотворение.

Я никому их не показываю. На фестивале, мне кажется, я впервые прочла свое стихотворение вслух.

— *Какие педагоги-женщины, женщины литературы, музыки и театра, правозащиты повлияли на ваше становление?*

— Английские писательницы, особенно сестры Бронте, Энн Рэдклифф и Фанни Бёрни. Масштаб их дарования невероятен. Жаль, что не все их произведения можно найти в хорошем переводе, и поэтому они более доступны тем, кто владеет английским. Эти писательницы жили во времена, когда женщине зарабатывать деньги было неприлично, заниматься литературным трудом тоже.

— *Вы также талантливая переводчица, это очень важно*

— *переводить. Вы помогаете Московскому женскому музею в самом сложном проекте — антифеминизмом, интересуетесь проблемой болезни Альцгеймера.*

Расскажите о своем образовании и опыте переводов.

Почему вы выбрали эту сферу деятельности как одну из основных?

— Мне всегда нравилось учить языки и нравилось звучание иностранной речи. А моя мама мечтала о том, чтобы я стала переводчиком. Так что эту профессию я выбрала во многом благодаря ей. Мне нравится работать на стыке оперного искусства и перевода. Я перевела либретто к двум операм, несколько романсов Сен-Санса, небольшую книгу Луизы Тетрацини — моего оперного кумира, сборник итальянских мадригалов 16 века.

— *Какие права женщин — дело вашего сердца?*

— Мне кажется, каждая женщина имеет право реализовать свои таланты и получать в этом поддержку общества, но для очень многих это верно только в теории. Мне больно думать о миллионах женщин-композиторов, художников, писательниц, которые канули в небытие, потому что им запрещали творить. Сейчас я готовлюсь записать несколько произведений женщин-композиторов, которые исполняются редко или не исполнялись никогда. Начиная с сентября я буду публиковать их на своем канале в YouTube, и они будут в открытом доступе для всех, кто хочет познакомиться с редкой музыкой, написанной женщинами.

— *С какими режиссерами-женщинами хотели бы поработать?*

— Я бы хотела поработать с любыми режиссерами-женщинами, в особенности с теми, которые не боятся делать то, что им действительно нравится, и не стараются копировать мужской взгляд. Сейчас режиссеров-женщин становится больше, но, когда я вижу их постановки, мне становится очень грустно. Каким бы мужским ни был оперный мир, но композиторы (надо отдать им должное) создавали очень глубокие женские образы, такие же богатые, как и мужские. В современных постановках женские образы часто бывают схематичными и поверхностными. Если режиссер мужчина, это еще можно понять. Но женщины-режиссеры должны, я считаю, вложить в героинь все живое, интересное, что есть в них самих, без страха, без смущения и без оглядки.

— *Вы очень заинтересованы в сохранении памяти женщин-композиторов, женщин музыкантов. Почему это важно? Зачем вообще нужны Женские музеи и почему нельзя просто изучать женщин вместе с мужчинами?*

— Я думаю, что мышление настоящего художника все-таки над полом. И вообще-то ничто не должно мешать изучать наследие женщин и мужчин наравне. Но получилось так, что наследие мужчин известно, а женщин — забыто. Я по своему невежеству долго думала, что женщины во все века были вынуждены заниматься семьей, ущемлены в правах и не оставили после себя нот, набросков, рукописей. На самом деле это лишь отчасти правда. Действительно, многие были вынуждены отказаться от своего гения навсегда. Например, старшая сестра Моцарта, Наннерль, была талантливым композитором. Но ее рано выдали замуж, сочинять музыку ей было запрещено, и поэтому от нее к нам не дошло ни одной страницы. Но есть огромное (огромное!) количество законченных и даже опубликованных первоклассных музыкальных произведений, написанных женщинами. Если все эти произведения будут хотя бы исполняться, никому больше не придет в голову сказать, что композиция — не женское дело. Но, самое главное, все это огромное сокровище будет принадлежать нам. Музыка — это источник духовного знания. Нельзя допустить, чтобы оно было предано забвению. Систематизировать это наследие, популяризировать его, сделать доступным для исполнителей и слушателей — это колоссальный труд, который не под силу одному человеку. Такие организации, как Женский музей, могут помочь сдвинуть дело с мертвой точки.

— *Понимать музыку и оперу крайне сложно. Вернее, далекий от сцены человек смотрит на представление и, даже испытывая искренний интерес, может понять значительно меньше, чем эксперт. Научите нас, тех,*

у кого нет возможности узнать иначе. Как слушать оперу, как следить за мелодиями, как чувствовать эмоции певицы и зачем это надо?

— Опера — это просто еще один музыкальный стиль.

Как любой незнакомый стиль, сначала она может не понравиться. У меня есть правило: если я слушаю незнакомую музыку впервые, я не слушаю один раз. Я обязательно послушаю хотя бы два, а лучше три раза. И переслушиваю не сразу, а через некоторое время. Тогда можно преодолеть эту иллюзию и оценить что-то по-настоящему. Если вы хотите пойти в оперный театр впервые, я советую выбрать что-то популярное: «Кармен» Ж. Бизе, например. Вы узнаете многие мелодии, и, возможно, окажется, что вы уже давно любите оперу, просто не знали об этом. А дальше советую нырять в этот мир и регулярно ходить в оперу. Но сначала читайте либретто и даже слушайте музыкальные отрывки, например, на YouTube. Не бойтесь, вам все равно будет интересно на спектакле, но предварительное знакомство очень облегчает восприятие, особенно если опера на иностранном языке. Чем больше вы слушаете, тем больше начинаете разбираться. Постепенно составите себе мнение

о разных композиторах, появятся любимые исполнители, режиссеры, театры. Оперный мир огромен, в нем тоже есть разные стили, мировоззрения, учения, даже войны.

— *Десять женщин композиторов, с которых вы бы начали свой музей женской музыки — пять современных и пять женщин прошлого.*

— Я уже начала! Я работаю сейчас над большим образовательным проектом, посвященным музыке и жизни женщин-композиторов. Но, если мы говорим о музее женской музыки, я бы сделала первым экспонатом портрет Марии Анны (Наннерль) Моцарт и перед ним сложила бы гору пустых и обгоревших страниц, которые бы олицетворяли все то, что могло бы быть написано или было написано ею, но утеряно навсегда. Итак, Наннерль Моцарт. А кроме нее: Йозефин Ланг, Ингеборг Бронзарт, Лоиз Пюже, Фанни Мендельсон-Гензель, Люсиль Гретри, Лили и Надя Буланже, Маддалена Казулана и Элла Адаевская. Я начала бы с них. Я очень счастлива, когда могу слушать и исполнять их произведения. Я покою и ощущаю, что они еще живы и я могу говорить с ними о том, что есть важного в жизни.

Марина Тёмкина: Когда женщины стали писать о себе, возникла другая литература

— *Марина, зачем нужна женская литература?*

— Женская литература нужна была всегда и не разрешалась, подавлялась и поэтому исчезала тоже всегда. И писалась, как и мужская, для всех. Женские голоса прежних времен открываются в эпистолярной переписке и в дневниковой форме. Если говорить о начале записанных текстов, то это Ветхий Завет установил некую норму мужского повествования истории, в нем названо меньше десятка женщин, в Пятикнижии, кажется, их всего четыре на все века. Уже там женщину позиционируют как существо непослушное, неуправляемое, нарушающее закон, она становится объектом обвинения, наказания, надо ее приструнить. Будь то Ева со своим седуктивным яблоком или женщины народа Моисея, вернувшиеся к поклонению старым богам, когда жизнь изменилась, рабство закончилось, и стал угрожать голод. (Это, кстати, из вечных сюжетов, вспомним похожую ситуацию — Перестройку.) Пока в изучение библейского текста не пришли женщины, было непонятно, какова роль женщин во всей этой длинной истории. Оказалось, женщина в Библии является центром главных ценностей и моральных устоев, с ее помощью они подвергаются проверке, восстанавливаются и выживают. В других религиях то же. Или, например, тема возникновения речи у ребенка. Без речи какая литература? Фрейд считал, что ребенок начинает говорить, когда он покидает мать и входит в мир отца, начиная социализироваться в мужском публичном мире. Его мнение

оспорила наша соотечественница Сабина Шпильрейн. Она исходила из реальности: ребенок узнает слова, названия, песенки, стишки, сказки, что и есть речь, от матери, няни, бабушки и начинает их воспроизводить. Раньше о женщинах писали мужчины. Как и о других «меньшинствах», евреях, азиатах, индейцах, афроамериканцах, писали авторы с другой идентификацией с позиции мейнстрима, с предубеждениями, ему свойственным. Есть работы итальянской исследовательницы Бенедетты Кравери (ее знают у нас как адресата Иосифа Бродского и, возможно, как подругу Умберто Эко) о том, что жанр романа, в центре которого история семьи, возник в женских литературных салонах, куда приглашали мужчин-литераторов. Из этих милых светских раутов и обсуждения общих знакомых черпались сюжеты и их интерпретации. Когда женщины стали писать о себе, возникла другая литература. Это не только грамматически-синтаксически и фонетически другой язык, это другая форма речи по интонации, стилю и знаковым системам, главное, это другое сознание. Каролина Павлова еще не могла читать свои стихи публично в русских салонах, женщинам разрешалось только развлекать, петь и играть на музыкальных инструментах. В Англии по многим причинам раньше других стран возникла женская литература, она была частью демократизации и культурологического взрыва в поле образования и гендерных отношений. Мы знаем теперь, с какими трудностями мужского общества и его

литературного мира пришлось иметь дело Мэри Шелли, Джейн Остин, сестрам Бронте. Это ведь не случайно, что и Мэри Шелли, и Колетт во Франции писали романы под именем своих мужей, вынужденно и скрытно, и эти мужья «без комплексов» наслаждались свалившейся на них с легкой руки их жен славой, пока не разразился скандал. Жорж Санд и именем, и внешним видом камуфлировалась под мужчину, и несмотря на профессиональную эмансипацию и литературные заработки, она прожила жизнь самую женскую. Таких примеров теперь сотни. Когда Ахматова, как она писала, читая Анненского и войдя в круг Гумилева, «поняла, как это делать» и «научила женщин говорить», они уже сами без ее помощи умели это неплохо «делать». Как представительница меньшинства, в данном случае не только гендерного, но и этнического, Ахматова по матери гречанка, она интуитивно чувствовала, что одну женщину, исключительную (как и исключительного еврея, чуваша или человека иной расы, хотя я не верю в расы) социум еще кое-как может принять и вместить, но всех женщин? — уж увольте: «Кто их замолчать заставит?». На нашей территории в разные времена было всегда (и до сих пор) патриархально, все зависело от законов и того, что называлось исторической необходимостью. Например, во время войн и социальных катаклизмов. Ведь женщины не просто пишут другую литературу, они живут другую жизнь, у них другая история. Накануне большевистского переворота в России существовало четыре женских журнала, освещавших и социально-политические вопросы, жилищные условия рабочих, медицину, образование. Эмансипированность российских женщин в это время уникальна, благодаря законам женского наследования и образовательным институтам. Возникло целое поколение образованных женщин, писательниц, художниц, врачей и других профессионалок, например, Ольга Фрейденберг. Эта почва была разрушена после 17-го года, когда к власти пришли не очень молодые мужчины с патриархальным и озверело-обсессивным сознанием. Потери от красного террора, гражданской войны, эмиграции (2 млн эмигрантов из русской империи жили только в одной Франции) привели к тому, что некому было строить их утопический социализм. Им пришлось удвоить рынок труда за счет женщин и учредить детские сады-ясли. Как всегда, спасли женщины. Вся русская классика, будучи мужской от Толстого до Набокова и Вени Ерофеева, сюжетно вращается вокруг женщины. Мое поколение должно было писать школьные сочинения на обобщающие темы типа «Женские образы в романе Толстого “Война и мир”» — это уже советская форма объективизации женщины. Есть очень убедительная книга Майкла Скемела о том, что на Солженицына работа-ло шестеро женщин, находившихся с ним в разной степени отношений и родства. Женщинам-авторкам бы такую поддержку от мужчин, или хотя бы дожить нам до «своей комнаты» Вирджинии Вульф.

Возвращаясь к вашему вопросу, да, женская литература есть, и она всем нужна. Из наших недавних событий не забудем, что перестройка заговорила женскими голосами. На разломе истории оказалось, что есть другой способ речи, журналистики, литературного письма, и есть те, кто ими владеет. Женщины оказались теми, кто умел это «делать». Вся официально-кормившаяся и неконформистки-эскапическая литература шестидесятников этого не умела. То есть демократического языка открытого общества в публичном пространстве тогда еще не было слышно, он обитал/щебетал на кухнях и на квартирниках.

— *Ваша личная история, история вашей мамы — как в них отражаются фиолетовые идеи?*

— Собираюсь написать книгу или хотя бы записки о своей матери. Как всем женщинам ее поколения, прожившим советскую историю (возможно, они все супергероини), ей досталась нелегкая жизнь. Она прожила ее достойно, без надрыда и совсем без идей феминизма. Правда, она всегда хотела, чтобы у меня была профессия как можно дальше от политики, позволившая бы «твердо стоять на своих ногах», то есть быть финансово независимой. Про себя: я по мере возможности стараюсь избегать широких ворот успеха, мифотворчества, заимствования поведенческих жестов, доставшихся нам от романтического модернизма с его культом поэта и художника.

Когда я уезжала из Ленинграда в 1978 году, я сознавала, что у меня нет ниши, мне ничего там не подходило, причем, в обеих культурах, первой и второй андерграундной, я как-то не вписывалась никуда. И это не из-за феминистских прозрений, это пришло ко мне значительно позже. У меня было ощущение, что я ни на что не способна в той форме стагнации социума и его идеологической коррумпированности. Как бы и догадывалась, и не понимала почему, не умела формулировать собственные вопросы, почему мне было так трудно. Комбинация женскости и еврейства в той среде, откуда я уехала в 1978, уже достаточное условие для невозможности самореализоваться. Прожить свою жизнь на диване с бутылкой, как это делала Лена Шварц или в официальной культуре Белла Ахмадулина (татаркой тоже в России непросто было быть), — мне это не подходило. Я просто стала видеть, как все мое поколение спивается. Их спас коллапс режима. Так что моей главной задачей после отъезда, как я это понимаю сейчас, сорок лет спустя, стало понять себя, кто я, что я думаю и зачем меня с моим культурным и семейным багажом сюда поставили, в эту и уникальную, и в то же время массовую ситуацию людей, бежавших от тоталитаризма. Это довольно известная тема: что особенного в человеке массы, стоит ли ему о себе говорить, о своем женском? Примерно этим я и занята всю взрослую жизнь, то есть — писать о том, что я думаю, открываю и понимаю. Еще до чтения Ханны

Арендт я знала, что самое интересное это внутренняя жизнь человека, ее трансляция наружу. Я уж точно более интересный человек на внутреннем уровне, чем на внешнем. Моя жизнь периодами складывалась не совсем обычно, но в целом, как у всех. Ну, жила в одном долгом браке, потом в другом. Меня уже не удивляет ситуация, в которой женщина живет под одной крышей с мужчиной, ест с ним одну еду, спит с ним в одной кровати, у них общие дети, но живут они очень разной жизнью. Чаще всего он об этом даже не догадывается, а она знает точно.

— *Что для вас маркеры патриархального текста?*

— Маркеры патриархального текста в настоящее время довольно хорошо изучены и описаны. Для меня эмблематической фигурой в этом плане, вы удивитесь, является Иосиф Бродский. Если анализировать его творчество с позиции гендерной теории, то он находится совсем не в «полете от предсказуемого», наоборот, он прямой и точный стереотип «белого европейского мужчины». Бродский написал много лирических стихов, их адресат-женщина это всегда негативный, покидающий его или пассивный объект, как, например, в стихотворении «Великий человек смотрел в окно...». При этом внешность объекта обязательно обладает признаками расчлененного на фрагменты «другого», включая обязательные характеристики «красоты». Он то «обнял эти плечи», то у нее одни спутанные волосы, то на ней пиджак из тонкой замши, то глаза миндалевидные, то помада, то еще какой-то фрагмент, как некий античный обломок, поэт никогда не видит объект своей привязанности целиком. В его эссе о женщинах-поэтах, Ахматовой и Цветаевой, и о жене поэта, Надежде Мандельштам, проигрываются традиционно заданные роли женщины как сугубо «другой», с функцией оплакивания, жертвенности, несчастья. И кстати, когда он говорил, что от Ахматовой он научился «величию замысла» и человеческому поведению, то подражал скорее ее надменности, не каким-то другим ее качествам. Лет до сорока я не могла так думать, Бродский был для меня фигурой культа. Интересно, как изменилось мое восприятие и как гендерная теория и практика поумерила пыл. Я психотерапевт-психоаналитик и, если соберусь писать о Бродском, то хотелось бы писать с эмпатией к его детскому опыту, который привел ко многим его проблемам со здоровьем и к комплексу гения с его грандиозным «величием замысла», свойственным утопическому сознанию. Вернее, это детская проекция, фантазия о «великом человеке», и тут уже полный демократический провал. В нашей патриархальной культуре принято Бродского анализировать на конференциях и даже в документальных фильмах таким образом, что поэт отдельно — человек отдельно. Но это шизоидный split восприятия, свойственный нашей культуре, ее согласие на раздвоение личности.

Это больше не работает. Вообще, в Америке отучаешься от терминологии великости. На английском говорят признанный, знаменитый, повлиявший на, успешный и в таком роде. Я не пишу о Бродском потому, что он принадлежит поколению детей войны, им коллективно не досталось отношений с матерью в раннем детстве. Это и во всей Европе последнее поколение, оставшееся от травм Второй мировой войны.

В журналистском репортаже я участвовала очень давно, в 80-е, когда писала фриленс для «Голоса Америки» и «Радио Свобода». С 90-х годов репортаж стал облекаться в форму сенсации, будь то природные катастрофы, типа урагана, наводнения, лесных пожаров или коронавируса. Напряжение голосовых связок и вздергивание эмоций до потолка, это актерское мастерство, этому легко научиться. В советский период тоже было радостное ликование в голосе в репортажах о парадах и съездах партии, теперь оно начинает опять распространяться в СМИ. Это на мой взгляд, совершенно неподобающая форма подачи и анализа новостных программ. Хотя в России как бы и стараются дискутировать с разных сторон, но в основном делают вид, что хотят, и звучат фальшиво. Особенно — когда говорят об обнулении или о законах отмена защиты женщин от домашнего насилия, или дело сестер Хачатурян и Юли Цветковой в Комсомольске-на-Амуре. Это официальная манипуляция, трюки сугубо патриархальной юридической системы, ее цель — доминировать над женской половиной человечества, это дремучий общественный позор. Тут не к ночи вспомнишь приговоренную к каторге Катюшу Маслову в «Воскресении» Толстого. В Америке так: чем консервативнее канал ТВ, тем более ликующие голоса. Сейчас может показаться, что происходит откат от движения за права человека. Кажется, что этого американского президента избрали только затем, чтобы он играл свою старую роль в программах ТВ, как персонаж reality show, который, как попугай, научился повторять «Вы уволены». Это — не обладающая разумом правительственная фигура. В Америке сейчас политический кризис, разнообразия проблем хватает. Но, в то же время, здесь очень чувствительны к власти, к силовым приемам — этого не любят и ищут средств противостоять. Благодаря женскому включению в политику, именно сейчас выбирали большее количество женщин в местные властные структуры. Одно это уже говорит, что в кризисе вся надежда общества, как всегда, возлагается на женщин. Женская роль — это роль в прямом смысле Спасителя. Я думаю, что с 70-х годов феминизм и нарастание гендерного сознания — это необходимость, вызванная ядерной опасностью и надеждой, что женщины в политике смогут удержать мир от третьей мировой войны.

— Когда вы первый раз услышали слово "феминизм" и как со временем развивались ваши представления о том, что это такое?

— Я по первому образованию историк, и слышала о феминизме на школьной скамье, то есть университетской, о том, как Советская власть освободила женщину от засилья домашнего труда и вывела ее к свету и образованию, создав для ее детей счастливое детство. Про коллективные изнасилования в Гражданскую войну или в погромах, или про ГУЛАГ — ни слова. Ни слова о женщинах в Советской армии в Отечественной войне или ложные цифры о количестве этих женщин. Кстати, замечательный фильм «Дылда» — об этом. Это все было частью одной большой неправды об истории, которую нам тогда преподавали. Поначалу термин "феминизм" вызывал недоумение, если не отрицание, поскольку этот термин был известен в его совковом воплощении двух рабочих смен в одном дне и раз в году празднике 8 Марта, который даже не был выходным днем. Мое поколение научили ненавидеть все публичное, оно было ложью, мы пытались жить приватно. Многие женщины стали растить своих детей сами, не отдавая в официальные учреждения, где дети болели и им индоктринировали идеологию. Не все это могли себе позволить просто материально. В общем, первая фаза принятия — это часто отрицание. Потом, поразмыслив, почитав-послушав, пришла к другому пониманию своей жизни, своего тела, своей женской перспективы, но это уже в Америке. Феминизмов, кстати, много, и они разные. При тоталитаризме запускали жучек в космос, но не удосуживались производить для женщин менструальные пакеты или противозачаточные средства, когда ими пользовались уже все женщины в демократическом мире. Это вынуждало советских женщин коллективно прибегать к аборту как единственному надежному и разрешенному средству регулирования семьи. Об антропологии родов в советское время я умолчу, иначе боюсь не остановиться. Практический мизогинизм был полностью интернализирован нянечками в роддомах, они садистски говорили почти буквально каждой роженице в процессе родов: «Ты мучаешь своего ребенка».

Я дочь матери-одиночки, мой отец умер, когда мне не было еще четырех лет. По мере роста и знакомства с реальностью института семьи в расширенном составе родственников и в нашей коммуналке, я часто ловила себя на мысли и одновременно ей ужасалась, что мне повезло, что у меня не было отца. Это, конечно, защитная реакция, характерная для травмы. Но у меня на самом деле было больше свободы, чем у других девочек, я не видела страха матери перед мужчиной, не было финансовой зависимости, не было отца-пьяницы и дебошира или обсессивного ревнивца, мучившего контролем свою жену, как

у некоторых моих школьных подруг. Мужчины в моей семье — это старший брат и холостой дядюшка — ветеран войны, их обоих вместе уже вполне достаточно, чтобы понять, какое представление о мужчинах я получила. Была у меня и зависть (к пенису?), когда я слышала, что кто-то с папой ходил в Эрмитаж или на каток или учил немецкий. Это такая неудобная смесь, конфликт между желанием, чтобы мужчина-партнер был в моей жизни и, в то же время, чтобы жить одной. Только однажды так получилось, что я целый год жила одна, по-другому структурировала свое время, занималась йогой, была вегетарианкой и больше успевала.

Я говорю о себе и поэтому звучу как гетеросексуал. Но я верю, что все рождаются бисексуальными и в процессе социализации конструируют свою сексуальность. Я, кстати, хочу об этом написать, исходя из своего детского опыта. В самом начале моей жизни в Америке я почувствовала, что отношения между полами здесь другие и что уважения на душу населения больше, в том числе уважения к женщинам, и больше личного пространства. В нашей русскоязычной общине стало заметно, что женщины быстрее находили работу, общественный статус их меньше заботил, они им не обладали на родине и не привезли его в эмигрантском багаже, даже если в нем лежал диплом о высшем образовании. Это 70–80-е годы. Женщины часто первыми начинали обеспечивать семью, пока глава семьи собирался с мыслями. Одним из последствий трудоустройства было то, что в публичном мире, на службе, женщинам в Америке оказывали больше уважения, и они не могли этого не чувствовать. А возвращаясь домой, они включались в прежний дисбаланс отношений и начинали работать как бы вторую смену. Домашняя работа незаметна, но усталости от нее не меньше, она постоянна и ежедневна, и благодарности за нее не дождешься. В результате многие браки развалились. Мужчина той формации и предположить не мог, что ему нужно взять на себя домашнее хозяйство. Многие женщины и внешне похорошели от перемены социальной среды, из-за повышения самооценки и уверенности в себе. Со мной это тоже произошло, возможно, несколько медленнее, чем с другими. В самом начале 80-х я начала участвовать в работе комитета «Замолченные голоса» в Американском Пен-клубе и познакомилась с разными литературными людьми, с женщинами-поэтами и с тем, о чем они пишут. Где-то в это время мне подарили книгу о феминистской культурной антропологии и о специфике женской сексуальности, отсюда знакомство с концептом «Кто ответственен за ваш оргазм?». Кроме того, я работала с беженцами в группе в основном молодых американцев и сама стала субъектом новых для меня гендерных отношений на службе. Служба предоставила мне возможность участвовать в эпическом, часто непростом

и болезненном процессе интеграции беженцев в местный ландшафт, что, как ни странно, чаще всего закачивается успешно. В силу окружающей меня мультикультуры я начала разбираться в своей этнической идентификации, в реалиях моего вида секулярного русского еврейства. Так что в моей личной динамике много составных. Частью моего культурного шока, когда я начала читать «Нью-Йорк Таймс», было то, что рядом с международными и культурными новостями помещались судебные материалы об изнасиловании и инцесте. То есть высокое с низким сошлось, но не на карнавале, как у Бахтина, а на страницах серьезной и уважаемой газеты. Это феминизм в действии. И просто я ни одной американской женщины не-феминистки не встретила.

— *Считаете ли вы, что многие наши современницы, которые яростно отрицают, что они феминистки, по факту являются крайне радикальными в современном мире?*

— Конечно. Этому есть название в психологии — denial. Повесить на себя ярлык феминистки в таком обществе, как Россия, страшно. Да и везде. Страшно наказание, а в перспективе страха наказания всегда страх смерти, он возникает в подкорке бессознательно, поскольку мы знаем где-то там, что мы смертны. Но бывает и наоборот, когда женщина-феминистка ведет себя показательно-традиционно. Один из примеров такого случая — это Хиллари Клинтон, когда обнаружили отношения ее мужа с Моникой Левински. Хиллари вела себя публично так, как будто не было в ее жизни долгой феминисткой адвокатской практики или как будто мы продолжали жить в «сладких 50-х». Понятно, что на поверхности могло показаться, что она хотела сохранить семью, но на самом деле она защищала институт президентства в лице своего мужа и их с ее мужем общий политический и профессиональный статус тогда и в будущем. Ее позиция его президентство спасла, но она разочаровала многих женщин в Америке. Здесь в личной жизни ведут себя иначе, чем, скажем, в Европе, супружеская неверность в пуританском обществе очень непопулярна. На последних президентских выборах большинство избирателей проголосовало за Хиллари, но из-за побочных обстоятельств устарелой выборной системы мы имеем, что имеем.

— *В каких женских литературных группах вы принимали участие?*

— Моя ситуация усложняется тем, что я живу в Нью-Йорке, в англоязычной среде, а пишу на родном русском, а также тем, что я не очень озабочена продвижением себя в литературном пространстве. Я еще и выставляюсь как художник, и, кроме всего, мне надо зарабатывать на жизнь. Причем работу психоаналитика я люблю, у меня оказались к этому

способности. Плюс муж тоже художник, а два художника в семье — это проблема. И тут, кстати, тоже неважно, семья гейская или нет. Так что занятость не дает возможности пиарить в свою пользу. При этом у меня довольно много публикаций, которые произошли в основном потому, что приглашали. Мне очень повезло, что я встретила по жизни Дмитрия Кузьмина и Матвея Янкелевича.

В 90-е годы я ходила на собрания группы East-West Women. Одной из основательниц группы была замечательная и, увы, теперь покойная Энн Снитов (Ann Snitow), профессор New School for Social Research. Группа состояла из женщин-академиков и журналисток. Я три года была поэтом-резидентом в этом университете в программе Transregional Research for Democratic Studies. Научилась я там главным образом тому, как функционирует группа женщин, потому что такого опыта у меня тогда не было. Вообще, массовому движению я тогда еще не слишком доверяла. В какое-то время мне стало казаться, что Америкой управляют женские группы. Курьезов с ними тоже хватало. Когда разрушилась Берлинская стена, возникло больше связей и интерактивных проектов между женщинами-академиками Восточной Европы и Америки. Помню, одна американская журналистка сказала: «Мы думали, что раз почти все женщины в Восточной Германии работают, значит, там все в порядке». Но оказалось, как в жизни. Вообще, всегда много международных иллюзий, и я часто себя спрашивала: кто жил за железным занавесом, мы или они?

У меня с хронологией неважно, но я участвовала в конференциях с женщинами-писательницами и журналистками из России. Помню выступления Натальи Ивановой, а также Татьяны Толстой, которая безмерно возмущалась феминизмом. Аргументы ее были примитивные, но с них везде начиналось, типа это все про то, кому мыть посуду, но также было и про то, что от тоталитаризма страдали не только женщины, но и мужчины, поэтому зачем раскалывать общество. Я тогда поняла, что у меня в голове все уже сильно изменилось. Слушала на одной из конференций Ирину Прохорову. Познакомилась с Галиной Старовойтовой, с Надей Ажгихиной, со Светой Василенко. Про Нину Искренко уже говорила на конференции. Позднее с Леной Фанайловой, с Машей Степановой — которым уже не надо ничего доказывать про феминизм.

В 90-е в музее Гуггенхайма готовилась выставка русских женщин авангарда, ее курировала Зельфира Трегулова, умная, знающая свое дело и очень дипломатичная, сейчас она гендиректор Третьяковки. Мы с ней разговаривали про тех замечательных художниц начала XX века, но не могли провести много времени вместе, это было перед ее возвра-

щением в Россию. Она попросила меня написать ей про то, как в Америке подходят к проблеме женщины-художницы в изобразительном искусстве. Я об этом говорю потому, что это была моя первая попытка написать на тему, что такое гендерный анализ. Я вдохновилась и расписалась страниц так на десять. А потом услышала от Зельфиры, что она обо всем этом уже знает, чем меня скорее обрадовала. И выставка была замечательная, надо сказать. На открытие приехал Путин. Его попросили что-нибудь сказать, он обычно за словом в карман не лезет, но о женщинах ничего сказать не мог, кроме как, буквально, «да, были у нас такие художницы, такие женщины». Это прозвучало крайне неуважительно именно в плане «женского вопроса», ну подготовился хотя бы, что ли. Но, видимо, женщины для него это несерьезная и нестоящая внимания тема.

Я читала во многих местах и делала перформансы. Одно время я носилась с идеей антологии живых поэтов-женщин, пишущих на русском языке, но всем заниматься невозможно. Я пыталась создать проект устной истории о женщинах, воевавших в Советской армии во время войны, но не подняла денег. Пожалуй, стоит рассказать об одном переломном эпизоде из моей жизни, поскольку это одновременно показательный момент для того, как принимаются решения в Америке. Мой первый муж был музыкантом и художником. Одна наша приятельница оказалась в совете директоров дома творчества фонда Карла Джерасси в Калифорнии, и пригласила моего мужа подать туда прошение. Мы к тому времени прожили в Америке десять лет. Как водится, первые пять лет уходят на то, чтобы понять, откуда ты уехал, вторые пять лет на то, чтобы понять, куда ты приехал, потом начинаешь жить. Это и был такой момент. Естественно, что кроме того, что я стирала-убирала-готовила на мужа и сына, который заканчивал в то время школу, начала заниматься документами для подачи в этот дом творчества и собирать нужные материалы. Муж, между прочим, был когда-то в доме творчества в Паланге от Союза художников. Пишу его био, описываю работы, собираю слайды, делаю лейблы, сочиняю проект, посылаю. Через некоторое время мне звонит сам Карл Джерасси, спрашивает о том о сем, просит написать ему письмо о себе, о семье, почему эмигрировали, какие стихи пишу. Говорит, что он и сам пишет стихи, он тоже эмигрант, его семью вызволила из Австрии после аншлюса Элеонора Рузвельт. Началась у нас с Карлом переписка. И вдруг я получаю приглашение в этот дом творчества. У меня тогда была опубликована первая книга и мало других регалий, ну работала в Пен-клубе, участвовала в правозащитных писателях от цензуры, где-то уже читала публично. Думаю, ошибка, звоню в фонд, говорю, я не подавала, подавал мой муж. Ответ: нет, не ошибка, вас приглашает Карл Джерасси. 1988 год. Я тогда не поняла, что это, как бы моя мама сказала, «поветрие», я думала из

личных симпатий Карла или он как-то заинтересовался мной, благодаря нашей переписке. Наверное, не без того, но это было, в первую очередь, результатом политики включения женщин и меньшинств, среди которых наибольшее — женщины. Когда я теперь вижу какую-нибудь антологию поэзии, где на двадцать мужчин-поэтов две женщины, я понимаю, что в Америке такого быть уже не может. Здесь знают, что надо включать одинаковое количество мужчин и женщин. Два месяца пребывания почти в раю этого дома творчества, когда все время было мое, вместе с десятком разных художников, поэтов, музыкантов, которые оказывали мне дотоле неиспытанное уважение, общих обедов и убирания моей комнаты уборщицами. Я почти закончила вторую книгу, возвращаюсь домой, застаю картину «Не ждали». Два месяца никто не убирал квартиру, готовили еду, но не чистили плиту, не мыли ванну-туалет, не стирали, муж с похмелья. И я это увидела и поняла, какую роль я играю в своей семье. Это очень отрезвляет, говоря о феминизме. Речь тоже как-то разломалась на ее составные. Я тогда написала текст «Набор слов», который вошел последним в мою вторую книгу «В обратном направлении», там написанную. Когда ее уже набирали в издательстве «Синтаксис» в Париже, Мария Васильевна Синявская-Розанова советовала, чтобы этим текстом книга начиналась, но я упрямылась, потому что этот текст — результат «деконструкции» жизни, ее итог. В моей последней книге «Ненаглядные пособия» этот текст открывает книгу. Эта разложимость старой речи не у меня одной случилось, но и у Льва Рубинштейна, у Нины Искренко, и не забудем, что это уже перестройка.

— *Какие женщины-поэты повлияли на ваше становление?*

— Первая Цветаева. Елена Гуро. Строчка Елены Игнатовой «Уже Ахматова мертва и раздражает отдаленно». В Украине Оксана Забужко. Поэзия и все остальное Людмилы Петрушевской. Нина Искренко. Лена Фанайлова. Галина Рымбу. Многие-много женщины-поэты в России и в Америке, от Сильвии Плат до Адриэн Рич и афроамериканских женщин, которые начали писать на сленге гетто. И не только поэты, даже не столько. Скорее Джудит Батлер, Хелен Ксиксус, Люс Иррерагей и другие философы. И, конечно, психоаналитики-женщины: Мелани Клайн, первая, кто сказал, что женская грудь важнее для ребенка, чем пенис отца. Раньше я больше читала женщин-слависток, они замечательно объясняли мне мою родную культуру. Но мой мир чтения не разрезан на женское-мужское.

— *Нужны ли радикально женские пространства в творчестве?*

— Такие пространства помогают, потому что женщины социализируются горизонтально, им не нужна вертикальная

иерархия, капитан команды, лидер, начальник. Женщины организуются по другому принципу, это другая форма отношений, более демократическая. В женских группах лучше принимают, поддерживают, кооперируются, понимают соавторство как преимущество. В среде мужчин начинается конкуренция, которая женщинам часто мешает проявиться и состояться.

— *Можно ли сравнить американскую и русскую женскую литературу — или это искусство разных планетарных систем?*

— У каждой культуры свои задачи. Взаимодействие культур необходимо, конечно. У нас читают переведенную с английского литературу, она популярна, и не только с английского. Я редко читаю фикшн. Мир сейчас глобален, его проблемы тоже глобальны, экология, в первую очередь, климат, его потепление, угроза исчезновения воды. Беженцы, новое великое переселение народов. Ядерная опасность, религиозные, этнические, племенные войны, маниакальные коррумпированные политики, нацеленные только на деньги. Насилие, изнасилование, инцесты, обряд вырезания клиторов у девочек в Африке, отсутствие средств предохранения от беременности, нежеланные дети, бедность, голод, болезни, проблема старости, демографический кризис. Это всеобщие, но и сугубо женские темы, они повсеместны. Не зря Нобелевскую премию дали Светлане Алексиевич.

— *В наше время женщине в литературе полегче?*

— Количественный взрыв художников, писателей в 80-х годах и женской литературы, в частности, конечно, увеличил конкуренцию. На мой взгляд, преимущество у тех, кто может произвести уникальный личный нарратив.

— *Что происходит с женской посмертной творческой памятью?*

— Это интересный вопрос. Я мало слежу за наследием. Была в музее Эмили Дикинсон. Во Франции много литературных музеев и поместий. Ахматовой поставили памятник в Питере, она там в полный рост и выглядит как девочка-панк со слегка кривой шейкой. Ну, пускай. Я вообще-то не за монументальную увековечивающую посмертную скульптуру, она меня скорее пугает. Лучше делали бы дома творчества в таких музеях-квартирах. Это хлопотно, но полезно. Я думаю, женщины выиграли от отсутствия памятников. Книги другое дело. Очень печально, что нет большой книги Нины Искренко. Не знаю, есть ли такая книга Анны Горенко, очень заслуживает. Из последних примеров могу привести один. Решили сделать памятник первым американским феминисткам и поставить его в литературную аллею центрального парка в Нью-Йорке. Оттуда сняли скульптуру мужчины-монстра,

хорошо. И какого скульптора-женщину для этого проекта выбрали? А традиционного, и она сделала бронзовый трехфигурный памятник теть-кисок, сидящих за столом (просто Пушкин), в таком идеализированном гладеньком одежном реализме, хоть плачь. Ну поставили бы стену с цитатами, они же как-никак добились, что женщины в Америке голосуют.

— *Самые яркие женщины-писательницы?*

— Их очень много, назвать десять, обидишь сто. Но если про обязательный список, то каждый должен выбирать чтение, какое ему-ей нужно, и необязательно хорошее или знаменитое.

— *Как можно купить Ваши книги?*

— Единственная книга, которую в настоящее время можно купить, это что-то вроде избранного «Ненаглядные пособия», НЛЮ, 2019. Надеюсь, что план второго издания моей английской книжки когда-нибудь осуществится, все отложено из-за коронавируса. Выставка рисунков моих и моего мужа, французского художника Мишеля Жерара, в Зверевском центре в Москве тоже отложена. Надеюсь состоится, она называется «Иллюминаторы и повторы», и тогда мы устроим лекцию с показом слайдов и женское чтение. Кроме того, Николай Винник хотел к этой выставке переиздать мою третью книгу «Каланча», первоначально опубликованную в Нью-Йорке в издательстве «Слово» в 1995 году. Надеюсь, эти проекты состоятся.

Категория лифчика

В мире еще не родилось женщины, довольной своей грудью. Одним кажется, что её у них слишком много, другим – что её так унижительно мало, что вообще неизвестно, есть ли. Не знаю, поменялись ли бы они друг с другом, но на этом не кончаются с женской грудью проблемы. Одним не нравится, что грудь их посажена слишком низко, другим, что больно высоко задралась, в гордыне как будто или как будто речь идет о задранным носе.

Кроме того, относительно груди не иссякла, как в других сферах, проблема формы. Отношение к форме вообще вопрос сложный и глубоко корнями уходит в антропологию, традиции и мифы. Одним грудь их кажется, как у козы, острой, другим – отвислой, как у коровы, третьим – каких-то дурацких луковичных конфигураций или как недоспелые груши, четвертым – конической, пирамидальной или недопустимо близкой к кремлеобразной форме, или вообще такой слишком округлой, что не помещается ни в какой лифчик. А есть еще разновидность женщин, недовольных тем, что одна грудь у них несимметрична другой, как будто

это детали украшений архитектуры классической, спланированной на чертеже по линейке.

Совсем усложняет дело, когда женщины к соскам переходят. Тут все им кажется не так, природа им не угодила. В добавление к недовольству величиной и формой прибавляется проблема с цветом. Одни недовольны тем, что соски у них коричневые, другие - что розовые, и тем и другим кажется, что это может быть неправильно истолковано противоположным полом как признак их повышенной или пониженной сексуальности, что в обоих случаях неизвестно, какую реакцию вызовет во воображении мужчины, а тебе потом отвечать за их воображение придется. Третьи жалуются, что соски у них бежевые, как туфли. Четвертые – что очень они просто... очень такие светлые, что их совсем и не видно. А еще есть группа, переживающая от противоположного, от сосков слишком интенсивных оттенков, ярких, темных, прямо шоколадного цвета или цвета вишни, а некоторые, как будто существует некий общепринятый стандарт в этой области, жалуются, что они у них какого-то редкого, не как у людей цвета, фиалкового, лилового, клюквенного или абрикосового. Некоторые женщины утверждают, что они у себя никакого даже самого минимального соска не замечали в помине.

Положим, это было бы еще не беда и терпимо, но есть одна проблема, к которой не знаю даже, как говорится, с какой стороны подойти: у многих женщин соски имеют свойство торчать, что некоторыми из них рассматривается как выпад или как оскорбление, направленное против женщины со стороны её собственного тела или как наказание свыше, или личная даже в этом усматривается её невезучесть! Эти больше других бояться нескромными или слишком сексуальными показаться, даже пытаются со своим телом, как с врагом, бороться ношением особых, сшитых по заказу, бюстгалтеров на меху, на поролоне, пенопласте, с китовым усом, из кожи, замши, на металлических дужках или с заклепками.

Иные, но это мне кажется уже клинический случай принесения себя в жертву своим идеалам, в жару норовят в пиджаке оставаться, в толстой кофте, в крайнем случае к жилету прибегая, как к средству, могущему скрыть эту часть их тела и сосков торчком стояние, отчего носительницам их, женщинам бедным, очень стыдно. И главное для них опять же, чтобы их не поняли неправильно мужчины, как приглашение к флирту или легкодоступности их тела, как будто мужчина трудовым процессом не занят, и нечего ему больше делать, как только следить за этим мелким предметом. Существует мнение, что эта группа женщин преувеличивает силу соска

в природе и проецирует это плод своей фантазии ни на в чем не виноватое окружающее народонаселение в брюках.

Женщинам свойственно рассматривать проблему груди как какую-то сверхнагрузку в дополнение к другим женским неприятностям, женским органам, недомоганиям перед, во время и после месячных, к страху беременности, к беременностям, родам, родовым и послеродовым депрессиям, маститам, климаксам, женским болезням, женским консультациям и женским отделениям в больницах.

Замечено также, что у женщин поэтому иные отношения со своим телом, но не в плане получения от него удовольствия, а наоборот, огорчений и отрицательных эмоций. От незнания можно даже обмануться и подумать, что женщина есть отклонение от стандартов природы, за вершину создания мужчину принимая, словно мужчина здоровяк какой-то неуязвимый, и непонятно вообще, почему умирает.

В общем, признаки собственного пола женщину мучат, словно это их личная неприятность, а не тело, данное им природой не напрасно, так что хорошо бы принять располагающуюся на своем теле грудь и соединиться с нею без сопротивления. Удивительно, что молодые высказывают по поводу своей груди претензий больше, чем женщины взрослые и среднего возраста. А также практически поголовно распространяется паника и паранойя по поводу рака груди, поскольку показатели статистики растут, а не падают, и это не шутка.

Стоит также заметить, что все больше женщин прибегают к пластическим операциям. Одни её подтягивают, им нравится, чтобы грудь территориально повыше на теле находилась, возможно для облегченья поисков партнеру или себе, одеваясь. Другие увеличивают грудь в размере, чтобы перестать огорчаться, что тебе чего-то недодали, чего-то важного в жизни лишили, создав вместо женщины на мужчину похожей. Опять-таки все упирается для них в проблему мужчины какого-то мифического, который будет якобы привлечен её груди размером.

Третьи, наоборот, грудь решительно уменьшают, им размер её не подходит, в их воображении, чем меньше, тем изысканней и сексуальней, и как побочный эффект операции, они надеются, что при быстрой ходьбе перестанет их грудь колыхаться и при утренней пробежке от метро в контору, а также перестанет трястись, когда танцуешь. А то действительно надоело, что на эту часть твоего тела больше всего, как им кажется, пристального внимания обращают, будто ты не человек обыкновенный, а редкий экспонат экзотический какой-то.

Вообще отношения женщин со своим телом нельзя сказать, чтобы любящими были или строящимися на взаимном уважении. Относительно груди, этой частной и конкретной части женского тела, скорее их можно даже заподозрить в ненависти к самим себе, в женоненавистничестве просто или в том, что женщины вообще своего тела боятся, большинство и понятия не имеет, как их собственные гениталии выглядят, к примеру. Возможно, это отношение они впитали из окружающей среды, в раннем возрасте усвоили не сознавая еще на уроках физкультуры в школе или на пляже, или дома, незаметно переняв от взрослых. Не говоря уже о том, что грудь представляет особую статью расхода, тут есть от чего в наше время огорчиться.

Мы приблизились к тому, что обещано названием – к категории Лифчика. С таким отношением к своему телу невозможно даже и помыслить, что женщинам может что-нибудь помочь, в том числе, названная часть туалета. В конце концов, это тоже нововведение индустриальной эпохи. Говорят даже, придуманное нашим соотечественником, художником Эрте, оказавшимся в эмиграции в Париже и сделавшим карьеру как дизайнер тканей и костюмов.

Изобретение лифчика, таким образом, мы в полном праве называть достижением российской истории, её образования и вкуса. Модой на русских - иначе как объяснить, что эту пытку ношения лифчика с охотой приняла женская часть человечества.

Сначала, разумеется, парижанки, и они же, что парадоксально, первыми бороться начали против лифчиков где-то в шестидесятых и срывать их публично со своего тела.

Приходит момент поделиться тем, в чем мне лично неоднократно признавались отечественные мужчины, что попав за границу, насовсем или на время, главное, чем они были шокированы, это не отсутствием тоталитаризма, присутствием бананов в лавках или дешёвизной алкоголя, но исчезновением лифчиков с женского тела! Потому что, хотя известно, что это результат понятой нами по-своему сексуальной революции и чуждого нам феминизма, ведь неизвестно, как себя вести в таких случаях мужчине: замечать или делать вид, что ничего такого особенного не заметил и продолжать светскую беседу. А если с этим сталкиваешься впервые на рабочем месте, когда надо сосредоточиться на трудовом процессе?

Однако наш человек справляется с задачей с честью, никто не умер, приспособились, кто медленно, кто быстрее, адаптировались. Причем, где это происходило,

на каком континенте, не имело значения: в западной ли это Европе, на Ближнем Востоке или в Новом Свете. Так что мужчины тоже мутируют благодаря лифчику, и в новых условиях перестают тяжело недоумевать, есть он на женском теле или его нет, и не является ли это со стороны женщины самоуправством, вызовом, бунтом, попыткой конкуренции, и что все это значит? Кто виноват? Что делать? Как дальше жить, к кому за помощью обращаться: к по оружию братьям, к правительству или в Богу?

По сравнению в этом, индивидуальная проблема груди отходит на второй план, на первый перемещаются общечеловеческие нравственные вопросы: является ли женская грудь предметом дискуссии о правах человека? Я, например, лично знаю одну историческую личность, Которая в молодости контрабандой провезла через границу письмо академика Сахарова против ядерного вооружения в собственном американском лифчике.

Или я вот себе пишу, а американский народ в настоящее время возбужденно обсуждает изменение в законодательстве, поскольку закон всегда есть вопрос принципиальный, разрешивший женщинам-матерям кормить младенцев грудью в публичных местах. Иными словами, обнажение груди на глазах общества, если оно функционально, более не считается преступлением и угрозой общественному порядку не представляет, почему и не преследуется законом и не подвергается наказанию или штрафу.

Или рассмотрим вопрос пляжа топлес, где тысячи женщин разного возраста, от восьми до восьмидесяти – и все без лифчиков. Это как по-вашему, хорошо или плохо? И как это влияет на состояние семьи, частной собственности и государства? И как на воспитании детей эти условия могут отразиться? Или это ни хорошо, ни плохо, и не влияет на состояние семьи в обществе и на воспитании детей тем более обнажение женской груди с детства никак не отражается, и не может быть рассматриваемо с точки зрения допущения или недопущения его обнажения, поскольку женское тело есть в природе, причем, снабженное грудью, раздето оно или одето на пляже.

С этим приходится считаться. Раньше на месте женского тела было табу, как будто никакого такого особого тела на свете нету. Довольно долго женское тело показывали в музее в виде совершенства творения образованному классу, видимо, как дополнительный стимул к получению образования. Тело в те времена человеческое рассматривалось как отражение божественного идеала, вечной красоты, мужественности, женственности, абсолюта недоступного, недостижимого. С абстракциями-то управиться легче, а в реальности, когда женился, не с мрамором имеешь дело или терракотой,

не с описанием строчками на странице – сразу все становится иначе, сложнее, с родинкой, с волоском, за иллюзии-то плата дорогая. Так что неспроста женщина своим телом недовольна. В частности, грудью.

Раньше и ножке-то нельзя было показаться из-под юбки, от вида женской коленки мужчина совсем заходил. Бодлер чуть сознание не потерял, сам описывал, сколько было переживаний! Некоторые считают, что что тело есть продолжение лица, а у других и с лицом-то своим проблем

не меньше, чем с остальными частями тела. А есть и такие, что паранджой вынуждены себя в жару кутать.

Сама я, чтобы не уходить от ответа, принадлежу к тем, кто предпочитает, когда есть возможность, нагишом купаться. Хотя у меня достаточно проблем с грудью, но раздеваюсь. А кто стесняется, смотреть не обязан, может отвернуться.

Дельфы, Греция, 1994

Анна Седаёва: Мир спасут женщины

— *Анна, расскажите о вашем литературном опыте в России.*

— Мой родной город — Владивосток. Я поздний советский ребенок, выросла в 90-е годы без интернета (а даже когда он появился, то еще не оказывал большого влияния), остро чувствовала нашу изоляцию, удаленность от столицы, где, согласно телевизору, «случалась жизнь». У меня была обычная рабочая семья. Я все время пела, сцена была в моем детстве так или иначе постоянно. Родители не придавали большого значения этой части моей жизни, в музыкальную школу не отправили. Врачи тоже не рекомендовали дополнительную нагрузку, я была слабым ребенком после тяжелой болезни в раннем детстве. Но я жаждала творчества — и выход нашелся в поэзии. Сначала читала стихи. Затем пробовала писать свои стихи, подражая Ахматовой, но моя учительница литературы подбадривала меня. Благодаря этому я поступила на факультет русской филологии Дальневосточного государственного университета. Вошла в поэтическое объединение факультета, постоянно участвовала конкурсах поэзии, устраивала поэтические вечера, вступила в молодежное объединение Союза писателей. Мне повезло познакомиться с объединением альтернативной поэзии «Серая лошадь». Стихи поэтесс Татьяны Зимы и Киры Фрегер впечатляли. В 21 год мы с друзьями собрали музыкально-поэтическую группу ИмениN. Проводили поэтические вечера с музыкой, выступали в местных театрах, музеях, кафе, библиотеках.

— *А как складывались ваши отношения с поэзией после отъезда из России?*

— В 24 года я уехала преподавать русский язык в Харбин. Сначала это казалось маленьким приключением, но затем захватило и перевернуло мою жизнь. С этого времени мне удалось пожить в нескольких странах, а посетить около тридцати. Я не писала стихи четыре года. За это время я заинтересовалась политикой, пытаюсь разобраться в событиях 2014 года, переехала в Польшу, серьезно увлеклась историей Второй мировой войны, получила

степень магистра по специальности «культурная коммуникация». Моя картина мира кардинально стала меняться. И вдруг в 2016–2017-х ко мне вернулись стихи. Добавилась тема писем и расстояний с близкими, тема гражданской лирики. Я стала искать современных авторов и была очарована русскоязычными поэтессами-феминистками. Но мне долго не хватало смелости никому писать. Я не была уверена в качестве своего текста, все связи с творческим миром в России у меня были утрачены. За границей у меня не складывалось новое русскоязычное сообщество. Поворотным моментом стало мое участие в школе «Хороший текст» в Москве летом 2019, где преподавал Дмитрий Воденников. С тех пор я предприняла много шагов, чтобы быть связанной с творческой русскоязычной средой в онлайн пространстве. Пока не очень получается вернуться на сцену, но год назад я проводила музыкально-поэтический вечер для русскоговорящей аудитории в Варшаве. Не очень легко собирается такая аудитория, трудно найти заинтересованных музыкантов.

— *Находите ли вы время для участия в конкурсах и поэтических фестивалях?*

— В последнее время я стараюсь не пропускать конкурсы, фестивали, акции, слушаю второй онлайн-курс в Школе современных литературных практик. Участвовала в чтениях, организованных культурным центром им. Вознесенского, в поддержку Юлии Цветковой. Ваш женский поэтический фестиваль Искренковские чтения для меня первый. Мне очень понравилась идея книг серии «Женской истории для детей». Я тоже мечтаю, что мы вспомним больше имен женщин и воздадим им по заслугам, поэтому мне захотелось быть причастной к этому событию. Я сохранила, добавила в друзья или подписалась на участниц фестиваля. Почти все они для меня новые. Я стараюсь познакомиться с их творчеством сейчас. Я также выложила отдельно свое чтение в инстаграм и фейсбук. Читаю там не только свои стихи — когда я нахожу трогательное меня стихотворение, записываю видео, выкладываю, добавляю хэштеги. Последний такой опыт —

со стихотворением поэтессы Юлии Тимофеевой «Му European поет» о событиях в Беларуси. Так я делюсь тем, что трогает меня до боли. Иногда меня благодарят за то, что я знакомя с поэзией тех, кто далек от нее. Я чувствую в этом свою миссию, если можно так сказать. Я верю, что стихи обладают огромной силой и способны влиять на общественный дискурс.

— *Какие женщины-поэты наиболее вам созвучны?*

— Оксана Васякина: «поэзия должна мигрировать в язык на котором можно говорить о насилии и не впадать в замороженное упоение говорить о насилии и не замалчивать его поэзия должна мигрировать в язык который остановит насилие». Галина Рымбу: «Я жила в мире школьной литературы, где все видно только мужским взглядом, в мире районных разборок и падигов, набитых потными парнями в черных куртках и рваных ботинках. Я любила сидеть на кортах, любила обтягивающие джинсы, сдавливающие клитор и большие губы». Татьяна Зима: «молча пролетит птица низко низко тяжело так так что встретиться глазами не успеем — успеем посмотри я скажу ей на мое сердце полюбуйся облепили как его мухи о как лопаются в мае почки просто гдохну бешено как распускаются тюльпаны». Кира Фрегер: «впрочем можно и так смотреть на море на тебя в мониторе можно даже не вздрагивать при упоминании имени в разговоре». Елена Фанайлова: «Обещаю, что доживу до времени Тихого суда и громких проклятий плебса Вейся, веревочка, вейся Рой, крот истории, извините цитаты У вождя внезапно откроется рак простаты».

— *Что привело вас к изучению феминизма?*

— Сейчас я думаю, что всегда была де-факто феминисткой, не осознавая этого. Я была амбициозна и ориентирована на карьеру. Меня очень смущало давление и ожидания, возлагаемые на женщину, но мне не хватало теории, которая бы объясняла, что здесь не так. Очень беспокоиться о том, что опыт женщин забывается, я стала, когда взяла несколько курсов по истории в магистратуре. Мощным толчком к осмыслению своего женского опыта стали сначала акция #ЯнеБоюсьСказать, затем Черные протесты в Польше в 2016. Я понемногу начала видеть системность дискриминации, понимать, что я далеко не одна такая неправильная с негативным опытом. Немного позже мне стали попадаться стихи феминисток, потом началась акция #MeToo. Я уже поступила в аспирантуру и была в поиске темы. #MeToo снова вернула меня к мыслям о #ЯнеБоюсьСказать, и я разработала план диссертации, нашла научную руководительницу, начала читать феминистскую теорию, которая стала давать мне наконец объяснение того, что беспокоило меня раньше. Но я долго не решалась называть себя феминисткой. У меня было

предубеждение, что обязательно нужно быть активисткой. И еще я считала, что у меня слишком мало знаний. Только весной 2018 года я написала пост в Facebook и Instagram, что я феминистка, что я вижу мир из этой оптики, это часто очень тяжело, но я не могу уже ничего развить. Мне стало легче после этого признания. Очень многое стало меняться в моей жизни. Я нашла хороших подруг, научилась лучше защищать свои границы, менять стиль одежды на более удобный. Вообще стала меньше оглядываться на других, больше слушать себя. Если бы я знала, какое это облегчение, точно пришла бы в феминизм раньше.

— *К каким выводам вы пришли в своей диссертации?*

— Еще рано говорить о выводах. Я только завершаю свою работу по сбору качественных данных для анализа: беру интервью у активисток и транскрибирую, отбираю материалы для дискурс-анализа СМИ по теме. Я опубликовала предварительные итоги в шведском журнале BalticWorlds и в польском журнале «Практика теоретична», осенью должна выйти моя глава о России в сборнике Ратлиджа «Политика движения #MeToo». Это больше обзорные статьи, но моя задача была описать опыт России, отличный от Запада, зафиксировать появление новых нарративов. Я пишу диссертацию на английском и выступаю на международных конференциях. Я все время сталкиваюсь с предубеждением западных исследовательниц, которые считают, что в России ничего не происходит, хотя последние несколько лет российский феминистский дискурс бурно развивается.

— *Легко ли молодой поэтессе опубликовать книгу?*

— Очень трудно. Все очень трудно, непонятно, с чего начать и куда обращаться. Я сейчас работаю над первым сборником стихов. Мне помогла отредактировать текст Оксана Васякина, а Яна Сметанина занимается дизайном. Это из хорошего. Я решила, что хочу публиковать книгу на двух языках: русском и английском, так как мой мир состоит из большого количества людей, которые не читают по-русски. У меня хороший уровень английского, но поэтически я не чувствую этот язык. Сейчас ишу переводчика — и это затянулось на месяцы. Поэтому работа идет медленно. Печатать буду, скорее всего, в Польше за свой счет. Что дальше — пока не знаю. Планирую завести творческий сайт, но пока диссертация отнимает слишком много времени и сил. Пока мои стихи можно почитать и послушать в моем исполнении в фейсбуке и инстаграме @anna.sedayya.poetry. Я пишу стихи под именем Анна Седа, а научные статьи как Анна Седышева.

— *История вашей жизни напоминает учебник географии. Как разные города и страны влияют на вашу идентичность, на ваш текст?*

— Да, это верно, я путешественница. Мне все надо увидеть своими глазами. Я часто говорю, что Игги Поп спел про меня: «I am a passenger and I ride and I ride». Безусловно, тема дорог и расстояний сейчас ключевая в моем творчестве. Вообще дорога располагает к саморефлексии, к размышлениям о своем месте в мире. Я часто путешествую одна. Когда-то я испытывала жуткий страх перед путешествиями в одиночестве. Но теперь я знаю, какой это опыт, приключение, как это делает меня сильной и обогащает. Мне удивительно везет на людей и забавные истории. Незабавного тоже много. Как женщина конвенциональной внешности, к сожалению, я постоянно должна оценивать риски. Безусловно, мой международный опыт сильно повлиял на мою личность, избавил меня от многих стереотипов, сделал меня более космополитичной, наверно, более взвешенной. Тему поиска идентичностей я недавно описала в своей поэме, которая была опубликована на сайте Ф-письмо. Кстати, пандемия 2020 сильно повлияла на мою жизнь. Отмена поездок, конференций, встреч вызвала сильнейшую депрессию, от которой я еще оправляюсь. Так что я еще раз убедилась, как для меня важно быть мобильной.

— *В какой стране вы чувствуете себя дома?*

— Про дом — это очень трудный вопрос. В каждой стране я нахожу будто кирпичик дома, которого больше нет нигде. Я словно собираю дом по свету, не уверена, где мне хочется осесть (и хочется ли вообще). Польша для меня много значит. Здесь я начала ходить на протесты, получаю вторую степень образования. Мои взгляды менялись здесь кардинально. Я бы сказала, что Польша — моя вторая родина. Конечно, меня огорчает политическая ситуация, но безумно радует дух сопротивления. Есть еще одна страна, которая перевернула мою жизнь, к которой я отношусь с трепетом — Исландия. Все началось с моего увлечения музыкой, поездок на фестивали. Потом меня стал радовать факт, что Исландия — первая в рейтинге стран по гендерному равенству. Я восхищаюсь женскими протестами и вкладом исландок в политику. Моя душа отдыхает в Исландии. Суровый климат меня не отталкивает, даже наоборот. Я и сама ощущаю себя северным человеком, а если вспомнить муссонный недобрый климат моего родного Владивостока — то вообще меня не напугать. Еще мне очень хорошо с исландцами эмоционально, мне очень легко и свободно с ними. Если я придумаю способ, как, то попробовала бы там пожить. В каждой стране, где я жила, я учила местный язык до какого-то уровня. У меня хорошие способности к языкам. Но еще у меня диагноз СДВГ — мой мозг работает, когда мне очень интересно, когда что-то новое. Но если пропадает мотивация — на занятии можно поставить крест. Так, например, у меня было с корейским. Я делала большие

успехи, выходила на средний уровень, но переехала в Польшу — и корейский ушел в небытие. До сих пор что-то помню, могу читать, но знанием это уже не назвать. Также забыла я и китайский, и болгарский. Английский мой рабочий язык и язык общения дома (мой партнер американец), мой стабильный второй язык. У меня высокий уровень польского, но практики, как ни странно, у меня очень мало. Постоянные разъезды тоже портят мой польский. В целом, можно сказать, что три моих нынешних языка — русский, английский и польский. Поэзия у меня до сих пор русскоязычная. Может, пора это изменить. Я перевожу свои стихи и понравившиеся мне стихи на английский, чтобы поделиться с иностранными друзьями. Это обычно для личных сообщений или моих соцсетей, ничего серьезного пока.

— *Ваши отношения с музыкой?*

— Музыка — это колоссальная часть моей жизни.

Я немного пела с детства, и солировала, и пела в хоре, но не училась профессионально. Сама научилась немного играть на гитаре, но потом уехала и забросила это дело. Сейчас снова решила заняться гитарой. Пока для себя, а там — посмотрим. Песни, к сожалению, не пишу, иногда мне кажется, потому что не умею записывать музыку. Возможно, я к этому еще приду. Тоже (спасибо феминизму!) я перестала думать, что стара для чего-то. Мне кажется, я все еще смогу, написать роман и выпустить музыкальный альбом. Музыка — это то, что помогает разгружать мозг. Я выгораю, занимаясь своей научной работой, следя за феминистскими новостями, часто очень тяжелыми. Я могу проживать свой гнев в поэзии. А потом мне нужна музыка, которая уведет меня в другой мир. Я нашла такую музыку. Я большая фанатка исландской музыки, мой путь в эту страну начался через группу Arstidir. Мне удалось познакомиться и близко подружиться с участниками группы. Для меня это больше, чем музыка, это творчество дорогих друзей. Они, кстати, постоянно стараются напомнить о вкладе женщин в музыку, знакомят аудиторию с исландскими композиторками. Тот случай, когда я могу расслабиться и не ждать ничего сексистского от мужчин. Они очень повлияли на мою жизнь. Вдохновили меня на то, чтобы серьезно относиться к своему творчеству. Их музыка очень в духе Исландии. Я отдыхаю и мысленно переносюсь в их страну.

— *На польских выборах победили правые. Права женщин в Польше теперь под угрозой?*

— Да, это большая печаль. Например, Польша решила выйти из Стамбульской конвенции сразу после выборов. Президент известен гомофобными высказываниями и инициативами. Но борьба продолжается. Я верю в протестный дух прогрессивной Польши. Например, меня очень порадовало, что на инаугурацию президента

депутатки из оппозиции оделись по цветам радуги и надели радужные маски — это прекрасный протест против гомофобии президента. Такие акции вселяют надежду.

— *В честь каких женщин вы назвали бы улицы?*

— Раз уж я упомянула Исландию, то одной из них была бы моя любимая героиня Сигридур Томасдоттир (1874 – 1957). Сейчас бы ее назвали активисткой за сохранение окружающей среды. В 1907 году ее отец собирался продать землю с водопадом Гуллфосс под строительство гидроэлектростанции. Она ярко протестовала, говорила,

что бросится в этот водопад. А потом прошла пешком 120 км до Рейкьявика (без дорог, в 1907 году!), чтобы просить администрацию запретить строительство. Она не была услышана, но сделка не состоялась по экономическим причинам. Будто протестный дух Сигридур помешал. Сейчас это национальный парк и красивейшее место Исландии. А еще, говоря о наших постсоветских реалиях, я бы увековечила Светлану Тихановскую, Марию Колесникову и Веронику Цепкало. Эти женщины уже сделали невероятное, сдвинули тяжелые тектонические плиты. Они показали, что этот мир спасут женщины.

Юлия Немировская: На Западе любой интеллигентный человек, мужчина или женщина — феминист

— *Юлия, Вы подруга Нины — что вы чувствовали во время женских Искренковских чтений?*

— Я очень рада этим чтениям и благодарна организаторам. Поэт жив откликами, даже мертвый. Мертвый — с оговорками, никто из нас не знает, что такое смерть. Любое прикосновение к имени поэта есть отклик. И может быть, говоря о Нине и читая стихи, участники не только откликнулись на ее творчество, но и окликнули ее саму.

— *Вы знаете какие-то научные исследования о творчестве Нины Искренко?*

— Я читала предисловия к переводам ее стихов в «Асимптоте» и несколько статей, среди них Ольги Лившиной. Еще книгу Нади Делаланд для детей.

— *Есть огромная проблема с сохранением памяти женщин-литераторов. Как сохранять наследие Искренко?*

— Полное собрание сочинений. Плюс биографии, воспоминания. Я помню, семья Нины активно занималась собиранием ее наследия. А научных работ станет больше, когда все тексты и факты будут собраны. Музей Нины... это было бы замечательно, но я вижу нечто большее, нежели музей — помимо памятных вещей и инсталляций, там будут происходить чтения стихов, чтения о поэтах — да все что угодно: от выставок художников до перформансов, от показа внеземной или авангардистской моды до диспутов об искусственном интеллекте. Такая уж была она, Нина — как фокусник: из рукавов у нее вылетало то одно, то другое — так она создавала свой мир.

— *Кто были ее близкие подруги?*

— Мне неловко было бы говорить о каких-то ее личных предпочтениях, о ее подругах: кто был близок ей, кто нет. На студии Кирилла Владимировича Ковальджи у меня, кроме Нины, подруг не было — за исключением замечательного поэта и литературоведа Татьяны Нешумовой: с ней мы дружили и дружим по сей день. Помню на чтениях Свету Литвак, Машу Арбатову и Таню Щербину.

Они очень мне нравились, Нина о них рассказывала.

Увы, я была довольно молчалива и застенчива, к тому же лет на десять-пятнадцать младше большинства участников — мне трудно было сблизиться с людьми. Как я понимаю, Света Литвак стала ярким членом клуба «Поэзия», который родился из студии, но не совсем с ней совпал.

Она продолжила традицию перформанса. Никто так, как Нина, кажется, не писал, полистилистику как лозунг брал на вооружение Юлик Гуголев, но его поэзия теперь идет особым, своим путем.

— *Для вас имеет значение представленность женщин в современной литературе?*

— Представленность женщин всюду — очень важна. На Западе либеральный феминизм победил, теперь цель пост-патриархального общества — представленность женщин в таких отраслях, как математика. Перекос исправляют: здесь, в США, на кафедрах математики и физики, в технологических компаниях, где мало женщин и представителей национальных меньшинств, охотно их нанимают — сотрудницам, студенткам и студентам из наименьшинств просто легче разговаривать со «своими», на них равняться. Женщины идут в науку и в тех-компании, а это значит, они начинают занимать высокооплачиваемые позиции — ведь понятно, что программисту в Гугле платят больше, чем преподавателю латыни. Что касается литературы, в ней проблем с представленностью, пожалуй, уже нет. Хотя прежде было, как с математикой, — я могла бы назвать десятки примеров, думаю все их знают: даже Джейн Остин не могла подписать свои книги, они выходили как «сочинения дамы» — иначе она была бы скомпрометирована в глазах окружающих. Я люблю Дороти Сэйерс, Эллис Питерс, Конни Уиллис, Антонию Байетт и Джоан Роулинг, но не потому, что они женщины — просто их книги написаны так, что нельзя оторваться. Не имеет значения гендерная принадлежность Манделыштама или Цветаевой, Антонио Молина или Зебальда — не вообще,

а в том, как они меняют твою жизнь. Есть некая граница, за которой все состоит из неба, ветра, света и переплетения голосов. До нее — в решениях о том, кто будет где представлен в мире литераторов, как общество прореагирует на то или другое выступление — гендерное важно — а за ней уже нет. Там «Алеша горшок» Толстого, «Архиерей» Чехова и «Хор камней» Сьюзен Зонтаг равны. Их авторы собирают небесную землянику, и пусть им будет светло.

— *Трудно ли было вам найти и занять свое место в литкругу, в академической сфере?*

— Мне повезло. В шестнадцать лет на студии МГУ «Луч» я встретила с замечательными поэтами; один из них, Женя Бунимович, привел меня на семинар Ковальджи. Там я познакомилась с Ниной и фактически со всеми писателями и поэтами андерграунда Москвы, Питера и других российских городов. Не знаю, как они относились ко мне, но я во всех была влюблена и всеми восхищалась. В конце 1980-х моя работа в Нобелевском комитете в Стокгольме связала меня с новой литературой уже как исследователя. А когда мы приехали в Америку в девяносто первом, все интересовались Россией; кандидат наук с филфаковским дипломом легко мог найти работу. Я не могу сказать, что все шло гладко, но жаловаться было бы несправедливо.

— *Расскажите о том, что вы чувствовали, оказавшись в новой стране и обнаружив феминистские темы вокруг? Это был сложный перелом или органичное принятие?*

— Замечательный вопрос. Скорее сложный перелом. В первый год моего пребывания в США, когда Мэриэн Шварц, переводчица Лермонтова и другой русской классики, перевела и опубликовала здесь мою прозу, меня стали приглашать на конференции, в женские журналы и сообщества — а я отказывалась. Нарочитая некуртуазность мужчин казалась мне смешной. Мне понадобилось несколько лет чтения и опыта, чтобы понять. И тогда трудно стало с друзьями старшего поколения, с теми, кто не доверял мне, даже когда я вела машину (хотя известно, что женщины водят аккуратнее). С теми, кто куртуазен и объективизирует женщину. К счастью, я ни от кого не отреклась. Как сказал мне сын об одном знакомом: объяснить ему уже ничего нельзя, надо просто любить.

— *Вы бывали в женских музеях или залах славы, изучали прицельно историю жизни, архивы какой-либо писательницы или поэтессы?*

— Я изучала жизнь и творчество Эмили Дикинсон. Больше всего потрясло то, что Роман Давидович Тименчик называет «благодарностью материала». Например,

опаздываешь на встречу с поэтом в Амхерсте, ребенок двадцать раз требует, чтобы остановили машину, ему нужно, и вдруг муж говорит — смотри, там написано: «Дом Эмили Дикинсон». И ты плачешь, потому что видишь ее дом. Каждая жизнь, когда ее исследуешь, на уже метафизическом, что ли, уровне связывается с твоей.

— *Нужны ли женские музеи в России?*

— Конечно, история освобождения женщины в России, СССР и в постсоветский период очень интересна! Нужен музей с упором на социально-исторический аспект. Российское общество еще патриархально, хотя появились большие сдвиги. Но даже на Западе сейчас, если одну и ту же речь произносят мужчина и женщина, речь женщины кажется вдвое длинней; женщину перебивают в несколько раз чаще, чем мужчину, ну и так далее. То есть история освобождения началась в России и еще не совсем закончилась здесь, ее важно знать активно.

— *Март — это месяц женской истории во многих странах. Важно ли проводить его в России?*

— Да, конечно! Россия движется в ту же сторону, что и весь мир, но она не в первых рядах, увы.

— *«Пространство только для женщин» — ценность?*

— Если такое пространство нужно большому числу женщин — почему нет, конечно, ценность. Скажем, есть землячества студентов из одной области. Есть клубы по интересам и по возрасту. Тут то же самое.

— *В честь каких женщин вы бы назвали улицы и площади родного города?*

— Цветаевой, мне кажется, нет пока такой в Москве. Нет улиц имени переводчиц Натальи Трауберг, Татьяны Гнедич, Татьяны Щепкиной-Куперник; художниц Натальи Гончаровой, Любови Поповой, балетмейстера Брониславы Нижинской, мемуаристки и литературоведа Лидии Чуковской. Императрицы Екатерины, кажется, нет, Дашкова есть только в Серпухове, царевны Софьи нет. Великих актрис — Марии Бабановой, Фаины Раневской... можно еще долго называть имена.

— *Участвовали ли вы в каких-то демонстрациях за права женщин, в женских политических группах?*

— Нет. Я вообще чувствую себя вне дома немного потерянной, даже студентов боюсь, хотя я их уже больше тридцати лет учу — когда в первый раз вхожу в аудиторию, где сидит новая группа, каменею от страха.

— *Помните ли как появился сборник «Новые Амазонки»? Как это все происходило?*

— Мне очень понравилось это начинание Светы, вообще

она очень интересный, замечательный человек, я рада была мимолетной, перед отъездом, дружбе с ней. Там был опубликован удивительный Нинин «Фиванский цикл», хороший рассказ Татьяны Толстой «Ночь», чудесное «Около эколо» Валерии Нарбиковой, сильные рассказы самой Светы. Все не буду перечислять, только скажу, что это была хорошая книга. Там были мои стихи, которые я до сих пор люблю, но, честное слово, я бы и без того ее купила и прочла.

— *Зачем феминизм в наше время? Какие актуальные проблемы важны лично для вас?*

— Сейчас на Западе любой интеллигентный человек, мужчина или женщина — феминист. Если и есть препятствия, перегородки — они исчезают на глазах. Немного хуже дело обстоит с меньшинствами и эмигрантами. Наша младшая дочь из Африки, поэтому я особенно остро это чувствую. Но это другой вопрос. Идеи феминизма станут историей, когда общества будут пост-мизогинистическими. Как и пост-расистскими, пост-рабовладельческими. Я не могу, не хочу говорить о страшном — насилии, брутальности — и в России, и в странах мусульманского мира, и в Африке. Стихотворения о насилии над женщиной, о несправедливости по отношению к женщинам в религиозных общинах из цикла «Апостолы» мне тяжело дались, после изучения материалов я не могла спать. Но нельзя говорить: на Западе все хорошо, потому что Бoko Харам убивает девочек за то, что они ходят в школу. Представьте себе, у вас депрессия, а вам говорят: у тебя есть дом и еда, ты с жиру бесишься. Если у человека в любой стране боль — она реальна. В нашем контексте, думаю, главное, чтобы у каждой девочки была уверенность в себе, уверенность, что она может выбрать свой путь. Вы, наверное, знаете, что такое «стеклянный потолок» — невидимые препятствия. От мальчика в первые годы ждут, что он будет смешным, рискованным, любопытным. А от девочки — что она будет послушной, миленькой и помощницей. Мы все любим нравиться и стараемся соответствовать ожиданиям взрослых, даже если это нам не по нутру. Этот ранний, молочный опыт должен быть другим. Мальчик и девочка должны нравиться взрослым такими, какие они есть, им нельзя ничего навязывать — пусть свободно изучают мир. Никто из наших дочерей в магазине, где справа, скажем, розовые бантики, пушинки, юбочки, а слева глобусы, отвертки и самокаты никогда не выбирал розовое справа. Они хотели покрутить руль машины, сложить конструктор. Я этому очень рада, но, если бы одна из них выбрала розовую юбочку, — тоже ничего страшного. Пусть покрутятся в юбочке. Без стеклянного потолка женское, перевозносимое в прежние времена, — роды, вскармливание ребенка — будет частью полноценной жизни. А когда есть потолок —

попыткой взять реванш, доказать свое превосходство. Если общество стремится к справедливости, оно будет предоставлять девочке возможность роста: в политике, в науке, в технологии. В Орегоне законодатели-женщины составляют около 30% процентов от всех законодателей, при женщине-губернаторе. Цифра по США — 24%. Нам пока далеко до Северной Европы. Но все меняется. Сейчас много летних лагерей для девочек, интересующихся наукой, программированием, политикой — всем, что было сугубо мужской областью. Мы с несколькими семьями здесь, в Орегоне, ведем смешанные математические лагеря. Девочки в них ни в чем не отстают от мальчиков. Любый одаренный человек при возможности имеет свойство внутренне расти: нужно просто пространство для роста. Да, современный мир меняется, отношения мужчины и женщины теперь строятся как партнерство двух спокойных, свободных и равных людей. Мне кажется, именно о такой семье Нина говорила, что она спасет землю. И у нее самой была очень хорошая семья. Конечно, люди сложны, у них много препятствий к достижению Царствия Небесного на земле. Но если оба партнера работают, растят детей, готовят ужин, возят детей к врачам, планируют отдых и друг другу во всем доверяют — это уже здорово. Пусть такое будет у всех — и у девочек, и у мальчиков. И хочется думать, что они будут полны благодарности и сострадания предыдущим поколениям, когда Ифигению приносили в жертву, чтобы отплыли ахейские корабли, или когда жена солила капусту, а муж строил мосты. Каждая эпоха тайно связана с нашей, в ней таилось зерно нашей эпохи, как в нас таится зерно будущего.

— *Расскажите о ваших книгах.*

— Первая книга стихов 1970–1980-х годов называется «Книжечка», она вышла в 1998 году благодаря Тане Нешумовой в издательстве «АБ» с иллюстрациями Кристины Зейтунян-Белоус. Боюсь, ее уже невозможно купить, я свои экземпляры раздарила, осталась та, куда я перед отъездом в Бостон торопливо вложила статью о ней Жени Бунимовича и обозревателя «Огонька» — плюс несколько черновики. Потом у меня вышла книга «Русские культурные идиомы», об идиомах русского культурного сознания, в издательстве Макгроу-Хилл, в 1999, второе издание в 2001 году. Мне нужно было написать монографию, чтобы моя позиция в университете стала постоянной. Я расположила идиомы хронологически, чтобы книгу можно было использовать как учебное пособие для студентов. Но как только я получила постоянную работу, мужу предложили работу еще лучше и постоянную в месте, где нам хотелось жить, — и я к нему переехала. Это послужило мне хорошим уроком. С тех пор я никогда не писала ничего для карьеры, исследовала литературные произведения или явления культуры, только если это мне самой было

важно и интересно. Мне с детства дарили наглядные пособия по жизни: например, я попала под машину на единственной за мою детскую жизнь украденной вещи — маленьких санках. Вторая книга стихов с иллюстрациями Татьяны Нешумовой и Лизы Вайнтроб вышла в «Водолее» в 2014 году, она называется «Вторая книжечка». Там стихи 90-х и нулевых годов. В 2017 в «Водолее» вышел роман «Лис» с иллюстрациями Кристины Зейтунян-Белоус. Я его написала в 1991 году. Он в приключенческом жанре, о жизни в Москве в 1980-е годы и о голоде в Эфиопии в 1983 году. Книги «Водолея» есть на всех сайтах, их легко достать.

Хоть кол на голове теши —
Стихов не пиши.
Пусть ноздри раздувает октябрь —
А ты не пиши,
Отчаянье тебя души —
А ты не пиши.

Анна Маркина: Простота, практичность, искренность и ответственность

— Анна, что скажете про Искренковские чтения — какие открытия вы сделали лично для себя?

— Поэзия Нины Искренко сама по себе — открытие. Нечто, что можно бесконечно переоткрывать, держать на весу, прикасаться с разных сторон. Интересно было также, что определенные тексты участники выбирали чаще. Например, то же стихотворение, что и я, прочитала Полина Корицкая. Мне понравилось, что оно попало в нас обеих. Будто бы щелчок дальнего родства. Странное чувство.

— Вы вместе с Евгенией Барановой организовали арт-группу #белкавкедах, руководите журналом и издательством «Формаслов». Как работаете вместе?

— Часто люди настолько не верят в возможность продуктивной дружбы между двумя женщинами, что нас не раз спрашивали, не являемся ли мы скрытой парой. Многие считают, что работать проще с мужчинами, потому что женщины лицемерны, завистливы и непостоянны. В литсреде я, действительно, видела много примеров женской зависти и неискренности. Но наши с Женей Барановой отношения тверды, как камень, и могут принимать разные формы, как вода. Кроме, разве что, именно любовных. От дружеского участия до умения выстраивать рабочее партнерство, где никто не халтурит, не завидует, не раскачивает лодку. На этих же условиях мы стараемся строить отношения с редакцией и с авторами — простота, практичность, искренность и ответственность. Следование законам человеческого общения позволяет двигаться вперед семимильными шагами.

Но когда далеко-далеко,
Так, что дышать легко,
Проступает жизнь — твоя, не твоя,
На песке лодка, у бабы локоть,
Но когда начинают, как флаги, хлопать
Всех облаков края,
Пиши — это я и я,
Это я.

Было много часиков — на стене и ручные,
Возле Трех вокзалов, на Рижской, на Белорусской.
Стрелки двигались, и сидели родные.
Бабушка, папа, Санька, вино, закуски.
И дома стояли, теплые соты, как отдых.
Как потом мы ножницами самолетов
горизонт ни кромсали —
Все без толку. А в детстве сестра говорила:
разрежу воздух,
И все люди вниз попадают, воскресая.

— О «Формаслове»: вы приветствуете синтетические жанры, это происходит от исчерпанности традиционных форм или в наши дни это единственно возможный метод?

— С одной стороны, широкая публика вообще устала от чтения. Мир представляет так много способов получения информации, что чтение на их фоне кажется тяжелым и занудным делом. Можно ведь посмотреть пятиминутный ролик с содержанием всей книги или погрузиться в компьютерную игру, где будет воспроизведен звук, визуальный ряд, задействована кинестетика. То есть читатель нуждается в облегчении формы преподнесения информации. С другой стороны, человек вообще чаще устроен консервативно. И представление обывателя об искусстве связано с ясными и строгими формами: если настоящий поэт, то пусть пишет в столбик, рифмует «любовь» и «вновь» и читает заунывным голосом на память, если художник, то пусть пишет так, чтобы было реалистично и похоже. Переключаться на распознавания новых форм художественных знаков мало кто готов. И получается, что новое отпугивает, а на старое спрос падает. Поэтому художники разных направлений занимаются синтезом искусств — иначе поток информации просто задавит нас всех по отдельности.

— Литературный мерч — интересная идея?

— Да, мы бы хотели со временем открыть и продажу мерча в рамках развития «Формаслова». А когда #белкавкедах активнее выступала и гастролировала, мы всегда возили с собой оранжевые ручки-браслеты, магниты с рисунками из книг, белок-орехоколы и т.д.

— *Нужны ли стихи в городском пространстве?*

— Да. Я и выступала много на разных городских площадках, и в рамках деятельности арт-группы мы организовывали чтения с прогулками по городу. Мне нравится, когда культурный проект вписан в интересную локацию, но только если он заранее хорошо продуман, а публика не случайна. Случайные прохожие в целом не очень любят слушать стихи. Уличных музыкантов — да, но не поэтов.

— *Расскажите про студию перевода.*

— Я состою в студии сравнительного перевода «Шкереберть» при журнале «Дружба Народов». Это очень интересный опыт. Мы выбираем несколько текстов одного автора, и каждый участник делает свои варианты переводов. Получается 4-8 вариантов на один оригинал. Дальше мы сопоставляем, обсуждаем, даже ругаемся по поводу того, как кто понял оригинал и насколько удачно сумел воплотить свое виденье. Этой зимой мы переводили украинского поэта Петра Мидянку — переводы опубликованы в «Дружбе Народов».

— *Какие писательницы, поэтессы, книги, написанные женщинами, повлияли на ваше становление?*

— В школе я до дыр зачитала Джейн Остен и Шарлотту Бронте. Мне нравились их умные, честные, принципиальные героини, которые в конце концов обретали заслуженное счастье. Цитатами из «Унесенных ветром» я до сих пор разговариваю. Если мой собеседник их не считает, то я не могу удержаться от легкого разочарования. Атткус, придуманный Харпер Ли, долгое время был для меня идеальным героем. Во времена средней школы я мечтала выйти за него замуж. А вот женскую поэзию в юности я не любила. Цветаева не нравилась мне своим яростным эмоциональным, Ахматова казалась слишком простой. Когда ближе к 18 годам я столкнулась с миром современной литературы, я была поражена, сколько в нем прекрасных стихов, написанных женщинами.

— *Всем интересны секреты по созданию литгероя, новой женской ролевой модели, например.*

— У мужского и женского героя, чтобы они вышли значимыми и достоверными, должны быть судьба, характер, линия поведения. Но хорошая книга редко получается, пока герои не заживут своей жизнью и не станут непредсказуемы для самого автора. Поэтому совет тут один — и для повседневности, и для литературы — отпустить женского героя жить. И он сам обретет значимость и наполнится смыслами времени на дороге становления.

— *Нравится ли вам идея Женского музея, женской музейной мировой сети, сохранения женской истории?*

— У женщин долгое время не было возможности говорить

о себе. То, что веками перерабатывалось культурой, искусством, наукой, в огромной степени формулировалось вокруг мужского опыта, с мужской точки зрения. XX век стал для женщин ступенькой вверх, к освобождению, но таких ступенек до полной свободы обществу предстоит пройти еще очень много. Поэтому любые инициативы нового века вокруг осмысления женского опыта я приветствую, если они совершаются без перегибов.

— *Кого больше читают? Кому проще пробиться?*

— Статистических данных, конечно, у меня нет.

Подозреваю, что женщины читают больше просто потому, что их больше, они дольше живут, более терпеливы и многозадачны. И часто женщины читают женщин. Там, где мужчина в провинции вечером наливает рюмку и утыкается в телевизор, женщина, отрубив смену на заводе и прополов огород, прячется в книгу. Но это больше касается беллетристики. Что до серьезной литературы, то несмотря на огромное количество сияющих женских имен, мужчин все же охотнее подхватывают и забрасывают на плечи журналы и премии. Там, где молодой девушке надо быть умной, красивой, талантливой и работоспособной, чтобы заинтересовать литсообщество, молодому мужчине достаточно послужить охранником где-нибудь на отшибе, сложить верлибр об этом своем суровом опыте и продемонстрировать редактору потаенную голубоглазую печаль — его тут же напечатают.

— *Какие книги подруг-поэтесс вы бы порекомендовали читателям?*

— Евгения Баранова «Хвойная музыка», Евгения Ульянкина «Как живое», Ирина Гумыркина «Сквозь тьму и свет», Елена Лапшина «Сон златоглазки», Надя Делаланд «Мой папа был стекольник», Яна-Мария Курмангалина «Спит Вероника».

— *Расскажите о ваших собственных книгах — где можно их приобрести?*

— В 2016 году вышла книга стихов «Кисточка из пони» — ее можно скачать у нас на сайте или получить, написав мне в Facebook. В 2019 году вышла повесть для детей и взрослых «Сиррекот, или Зефирная Гора». Но там был маленький тираж, и он тут же был раскуплен. Мы планируем перевыпуск книги в «Формаслове», так что через какое-то время, надеюсь, она появится в магазинах.

— *Вы пишете гражданскую лирику?*

— Гражданскую в последнее время часто.

Силу теряет венчик.

Черным исписан лист.

Жердочка-человечек,

Как по тебе прошлись!

Ах, человек тонкий,
Если бы жизнь другая
И по тебе не топали
Болотными сапогами?

Был бы ты полнокровной

Черточкой меж слогами,
Что образуют слово
Над хлебными берегами,

А не большим трехзвучьем
Бешеных сторожих,
Жердочкой перекрученной,
Брошенной под чужих.

Людмила Вязмитинова: Выходить за пределы художественной литературы

— Людмила, расскажите о женщинах, которые повлияли на ваше становление. Кому бы вы поставили памятник?

— Марина Цветаева. Я считаю, что она, наряду с Ахматовой, положила начало не только женской — в самом высоком значении этого эпитета — поэзии, но и пониманию того пути, который проходит женщина, становящаяся значимой личностью. Многое мне дала дружба с Марией Арбатовой, которая на рубеже 1980–90-х провозгласила русский феминизм, заявив, что настоящая женщина борется не за право быть вровень с мужчиной, а за право становиться и быть истинной женщиной, находясь при этом в полноте человеческой личности, проявляя себя в любой выбранной ею области деятельности. Еще — Елена Кацюба, которая органично сочетала в себе большого поэта, преданную и любящую жену, замечательную хозяйку, соратника мужу, товарищам по цеху и умение быть очаровательной и красивой женщиной. Памятников Цветаевой, слава Богу, много. Кацюбе еще будут, пусть и немного. Нина Искренко тоже оказала на меня влияние, но в меньшей степени — в силу того, что мы ровесницы и проходили становление в одно время, занимаясь только литературой. Думаю, и Искренко будут памятники. Всю свою жизнь я наблюдала женские судьбы и, полагаю, сделала из этого достаточно серьезные выводы. Обе мои бабушки, царство им Небесное, были «Вассами Железновыми», хотя выражалось это по-разному — в силу того, что одна вышла замуж по любви, а вторая — потому что любимый отец рекомендовал. Этим определились уроки, которые я усвоила, глядя на их жизнь. Я унаследовала от них упорство и силу духа, а также умение уважать семейные ценности. Мама же дала скорее возможность увидеть отрицательную сторону привязанности к мужчине, царство ей Небесное, я никому не судья и меньше всего — женщине, давшей мне жизнь. Она была удивительным человеком, во многом для меня загадочным — в своей бесконечной любви к жизни и ко всем людям, от нее я унаследовала терпимость, которая также необходима в жизни. Мне пришлось учиться сочетать силу и умную уступчивость, но похвалиться большими успехами в этом не могу.

— Был ли у вас опыт работы в чисто женских литературных группах или участия в женских сборниках и фестивалях до Искренковских чтений?

— Опыта работы в группах нет. Смысл вижу, и очень большой, и уже написала об этом в моих статьях о женской литературе, и в интервью, данном мною журналу «Артикуляция» года полтора назад. Мне были интересны чтения в целом — как явление. Одно время я плотно занималась женской литературой, и даже Сообщество Активно Беседующих Женщин создала (вместе с Даной Курской). Лично себе я ответила на главные вопросы в этой области бытия, и сейчас занимаюсь другими. Но женскую тему поддержку всегда.

— Как праздновать юбилей Нины Искренко в следующем году?

— Развивать Искренковские чтения, привлечь специалистов к работе над ее архивом, издать сборник статей о творчестве Искренко — вместе с воспоминаниями хорошо знавших ее людей. Вообще, все, что делается вокруг имени и творчества Цветаевой. Но, повторяю, сейчас идет перелом эпохи, и трудно сказать, какие сложности и какого рода значимые факторы возникнут на этом пути. В любом случае это начинание продуктивно в смысле взаимодействия женщин-литераторов — в том числе для осмысления того, в чем мы все сегодня находимся. И надо на чтениях проследить то новое, что проявляется в современной литературе. Думаю, можно и конференции проводить — как это делается, например, в связи с именами Хлебникова и Сапгира: темы там самые широкие, не только про Хлебникова и Сапгира.

— Расскажите о своих литературных проектах.

— Многие годы я была поэтом и литературным критиком, в обеих этих ипостасях я отдала большую дань женской литературе. И счастлива, что одно из моих чисто женских стихотворений («Это все попущение Божие...») положено на музыку и исполняется в мужском варианте — автор музыки (Юрий Берг, участник дуэта «Апрель») попросил сделать мужской вариант, и это получилось легко. В литмастерской больше женщин, но пока более успешно

прогрессируют в ней мужчины. Но лично я во всех своих проектах не делаю гендерных различий. Полагаю, что лично для себя я поняла нужное мне, в стихах это отражено, а чтобы писать об этом, надо выходить за пределы художественной литературы. В настоящий момент я работаю над Календарем поэтов – 2021 «Поэты — Достоевскому», все 24 автора уже укомплектованы, надеюсь, он выйдет не позже середины октября. Работаю над несколькими книгами, которые выйдут в издательстве нашего клуба LitClub ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД. Раз в месяц проводим клубные чтения — также он- и офлайн. Начали подготовку к проведению нашего клубного фестиваля «Поэзия со знаком плюс», который традиционно проходит в конце октября. Продолжаю вести мастер-классы в моей литературной мастерской, которая теперь проводится в смешанном режиме — оф- и онлайн — с октября начинаем новый годовой цикл. Вся информация есть в моем фб — вести аккаунт у меня нет времени, но обо всем происходящем я размещаю объявления.

— Если бы вы делали Женский музей, как бы выглядели залы?

— Для женщин-литераторов отвела бы отдельный зал, где каждой был бы посвящен отдельный стенд.

— Что вы думаете о дискуссии насчет «женской ролевой модели» в русской литературе — женщина-жертва или женщина-демон, второстепенный ресурс, бездейственный фон. Стараетесь ли создавать новые ролевые модели для девочек в своих произведениях?

— Я не в восторге буквально от всех героинь классической русской литературы без исключения — и «жертв», и «демонов», да и от последующих по времени героинь русской литературы не в восторге. И не вижу, о чем тут можно дискутировать. Моя любимая героиня еще с юности — Констанция из книги Эрве Базена «Встань и иди». Аналогов в русской литературе не знаю, может быть, пропустила. По-настоящему, на мой взгляд, женский вопрос был поднят в первый раз в пьесе Тренёва «Любовь Яровая» (1926), где любимая жена говорит любимому мужу: «За счастье припасть головой к твоей груди какие головы к твоим ногам положила». Только во второй половине XX века возникла сначала так называемая «гинекологическая» женская литература — осознания своего положения, и тут любимый мною шедевр — рассказ Полины Слуцкиной «Студень», а потом — литература становления, и тут я могу назвать Леру Манович. На мой взгляд, все еще впереди, да и литература сейчас кардинально меняется. Что касается меня лично, то все — в моих статьях. В стихах же моих легко прочитывается личный путь, также включающий в себя осознание, становление и дальнейшее развитие.

— В России высокий уровень насилия над женщинами, число убийств женщин родственниками и знакомыми в десятки раз превышает цифры европейских стран. По этому показателю Россия ближе к странам Латинской Америки. Какой выход вы видите из этой ситуации?

— Выход — в обретении женщинами способности быть независимыми и уметь постоять за себя — во всех смыслах — от занятий боевыми искусствами до умения вести свой бизнес или становиться чиновниками высокого ранга и быть финансово и юридически независимыми. И как можно более четко понимать, в чем различие природы женщины и мужчины. Дурой по жизни не надо быть, а это очень-очень сложно — по себе знаю. Беззащитных детей, конечно, жалко. Необходимо их выявлять и проводить соответствующую работу. Но это легко написать, а в жизни все переплетается и часто режется по живому. Но насильникам любого рода надо давать окорот. И просвещать, и учить и женщин, и мужчин.

— Сталкивались ли вы с дискриминацией в литературе или иной профессиональной деятельности по причине того, что вы женщина?

— С прямой дискриминацией — нет. С «особым» отношением к женщине — да.

— Пять женских книг, изданных в последнее время — которые вы посоветовали бы прочитать каждому?

— Мария Галина «Все о Лизе», Александра Николаенко «Убить Бобрыкина», Евгения Некрасова «Калечина-малечина», Ольга Славникова «Прыжок в длину», Дана Курская — Андрей Явный «Средство от земли».

— Как называются ваши книги и где их можно купить.

— В настоящий момент я работаю над новой книгой избранных стихов, надеюсь, в 2021 году она выйдет. Пока можно прочитать в сети «Месяцеслов» (М.: Стеклограф, 2017). Некоторое количество экземпляров осталось в «Фаланстере», там же есть еще несколько экземпляров книги моих избранных статей «Тексты в периодике» (М.: ИП Елена Александровна Пахомова, 2016, серия «Классики XXI века»). Некоторое количество книг есть у меня дома, если кому-нибудь интересно — пишите. Более ранние мои книги разошлись давно, макетов не сохранилось, и они принадлежат только истории. В издательстве нашего клуба вышел составленный мною сборник рассказов «Реальный магизм» (М.: Личный взгляд, 2020), в котором есть и мой рассказ, написанный в соавторстве с Андреем Цукановым. Очень рекомендую. Он есть в «Фаланстере», и у меня еще несколько экземпляров, эту книгу будем дотпечатывать.

Это все попушение Божие —
от зачатия до падения.
У тебя горячая кожа,
остальное — мое наваждение.
Это все бунтари на ветках
небеса славословят в трубы.
Ты бываешь ласковым редко
и почти не бываешь грубым.
Это все от корней истоки,
поднимаясь, питают крону.
Никогда ты не был жестоким,
только был всегда посторонним.
Это все царапин ожоги
на отвесном пути к подножью.
Если я имею чужое,
то возьми его, Господи Боже.

вот и нет у тебя жены
есть зима и воздух горячий
из решетки резной стоячей
и рисунок кудрей парящий
по-над памятью говорящей
вот и нет у тебя жены
есть свобода от ближних давлений
кубометры пространств без волнений

мириады других измерений
и фигур для волеизъявлений
только нет у тебя жены
рах vobiscum — яну без ини
то не слезы, то звездный иней
серебрящий Господне имя
по-иному для ян — отныне
по-иному для инь — отныне

Небо синее-синее выжжет тебе глаза,
чтоб в глазницах могли прорасти оконца.
И тогда ты увидишь — если поедешь назад,
что ты сделал черным мое золотое солнце.
Сколько колосьев невызревших там и тогда,
в поле, распаханном — не тобою.
А над ними — года, нет, над ними — вода,
тяжелая, зараженная болью вода,
черный штрих-код, несомый тяжелой волною.
Поднимаю руки. Я делаю это с трудом.
Но я делаю: я крушу и бушую.
Под ногами осколки — мой бывший дом.
Но живу я. С трудом, но живу я, дышу я.
Кто поднимет мне веки? Кто скажет мне «имярек»?
В желтых водах каких древних рек
растворится мой мозг, в биллионы солнц облекаясь?
Человек уходит. Or not to be тебе, человек?
Я иду — в глазах твоих более не отражаясь.

Стефания Данилова: В нашей стране нужно выбирать — либо быть убитой, либо сидеть в тюрьме

— Стефания, к каким выводам вы пришли, работая над диссертацией «Коммуникативные практики продвижения современного поэта»?

— Все решает сарафанное радио, но даже его в настоящее время можно «сделать». Еще слышится, к сожалению «а, это девочка, ну о чем она может писать, кроме любви», «выйдет замуж», а в сетевой лирике по комментариям интуитивно понятно, что мальчики-поэты как-то больше вызывают восторг именно потому, что они мальчики. Эстетическое воспитание, тяга к прекрасному не априорна в воспитании мальчиков, которым сейчас за 20 и которые пишут стихи. Мальчик-поэт на сцене — это магнетизм. К счастью, я перестала на это вестись. Примечательно, что в среде поэтов старшего поколения эти гендерные установки совершенно не заметны.

— Легко ли быть женщиной в академической среде?

— Моя альма-матер, СПбГУ, в этом плане очень про господство науки, вне гендера. Взять ту же Вербицкую, светлая ей память. Соотношение мужчин и женщин

на преподавательских и управленческих местах в вузе, я бы сказала, 50 на 50. Лично мне не приходилось сталкиваться с пренебрежительным отношением к себе как к исследователю только потому, что я женщина. Однако в провинции нередко дела обстоят иначе.

— Какие феминистские писательницы повлияли на ваше становление?

— Сильвия Плат с ее блестящим романом «Под стеклянным колпаком», практически вся Маргарет Этвуд, Вирджиния Вулф — иными словами, вся феминистская классика. Мне хочется больше раскрыть современниц: поэт Ольга Левская, она так описывает традиционные женские роли, что даже чайлдфри, читая ее тексты о «я еще раз хочу походить беременной», проникаются. Она мягкая сила, она не пропаганда. Отдельно хочу выделить итальянскую писательницу фэнтези Личию Троиси. Несмотря на то, что об этой книге я ни разу не видела упоминаний в фем-сводке, ее девятикнижие «Хроники Всплывшего Мира» как раз про это. Главная героиня — последняя выжившая

полуэльфийка Ниал, нашедшая свое призвание в блестящем владении мечом, в некоторых главах описаны ее попытки найти свое «типично женское место» — и процесс отделения ее самой от навязанных обществом стереотипов. Мне всегда были близки героини ее типа. Фрекен Снорк с ее вздохами и любовью к зеркальцу, длинноволосая Рапунцель и все, в ком нет борьбы за саму себя, не были мне близки, как и бунтующие ради самого бунта. Мне может понравиться любая героиня, живущая свою историю, даже если она мать шестерых детей и обожает готовить мужу — если это устраивает ее саму, и она не чувствует, что что-то кому-то должна, что ей навязали это. Женщина очень по-разному может проявить свою красоту и силу.

— *При написании биографии или при создании литературного персонажа, или презентуя женщину, ее определяют через отношения с мужчинами — дочь, жена, сестра, вдова, мать такого-то...*

— Одна профессорка из СПбГУ однажды отправилась на конференцию со своим мужем, не связанным с научной средой. Я запомнила ее фамилию: пусть будет Иванова. Ее мужа записали как Mr. Ivanova. И это мне страшно понравилось. Я приветствую эти определения, когда это история про взаимную любовь. Я счастлива называться женщиной того человека, который счастлив называть себя моим мужчиной. Мне все-таки не хватает в мире мужчин, которые были бы горды называться сыном, мужем, братом, вдовцом и отцом Женщины. Радует, что все больше людей берут матчества. Я, воспитанная в типичной советской однополой семье — мама+бабушка, с удовольствием взяла бы «Ольговна-Иевна» вместо «Антоновна», потому что человек по имени Антон, биологический отец, не принимал участия в моем развитии.

— *В каких музеях женщин-творцов вы были, какие считаете нужными создать? В честь кого вы назвали бы улицы и площади вашего города?*

— Сходу могу вспомнить только Ахматову: признаться, я не очень ходок по музеям, мне ближе максимально непосредственное общение с автором — через книги, письма и мемуары. Недавно ушла из жизни замечательная поэтесса и бард Елена Касьян. Очень важно было бы назвать что-либо в ее честь. Я бы выбрала для нее площадь: улицы и проспекты похожи на ручьи и реки, Лена же — море смыслов. Критически важно иметь в мире топонимы в честь Светланы Алексиевич, здесь нужна прижизненная коммеморация. Нужен музей Сильвии Плат. Мучительно нужен. Можно сказать, он необходим лично мне. Галина Гампер — прекрасная поэт из Питера. И ей нужен. Меня, если честно, беспокоит такое засилье топонимов в честь Ленина: не мне оспаривать его заслуги, но я представляю диаспору поэтов и поэтесс и хочу действовать в ее интересах.

— *Может быть, голос женщин уже достаточно слышен?*

— Пока акушерки будут орать на рожениц «с мужем кувыр-калась, не орала, че тут орешь», пока все матери не будут мягко и тактично рассказывать дочерям о месячных, пока одна будет отбивать парня/девушку у другой бестактными методами, пока женщины с маленькими детьми остаются одним из самых незащищенных слоев населения, пока будут замазывать синяки от побоев мужа и родни и врать, что все хорошо, пока на девушек, решивших посвятить свою жизнь не семье и детям, будет оказываться сильнейшее репродуктивное насилие — голос женщин не крик, а только тихий шепот. Меня вообще выворачивает от этой двуликости отношения к женщинам между «в подоле принесешь — убью» / «материнство — истинное и единственное предназначение женщины». Голос женщин начнет обретать настоящую силу, когда все без исключения женщины перестанут унижать и оскорблять других женщин. «Ниче, я тоже рвалась, и ты потерпишь», «Бьет тебя твой мужик, значит, любит», «Разожралась, как корова», «Сука, падла, мужика моего увела», «Ненавижу свою дочь за то, что она красивее меня», «Сама виновата» из женских уст, адресованные женщине, — это то, что я очень хотела бы видеть исчезнувшим из лексикона навсегда. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность кризисному центру «Птицы» Натальи Никифоровой. Я лично пользовалась их психологическими услугами и знаю, как четко и чутко они делают свое дело.

— *Часто говорят, что вина за правовое и сексуальное невежество лежит на людях, создающих тексты, — на журналистах, писателях, поэтах, сценаристах — именно они транслируют миф о романтической любви, создают патриархальные описания сцен секса, предлагают женщинам рабские ролевые модели, а мужчин убеждают, что насилие — неизбежная норма. Работает ли это в обратную сторону? Изменив текст, можно изменить мир?*

— Да, эта сила очень страшна. Но и на этого зверя есть свой волкодав, как поет Хелависа. Весьма фем-певица, я вам скажу. Женщина в ее произведениях — ого-го, а не безголосое создание. У читателя, зрителя, слушателя есть не менее мощное оружие: обратная связь. Здорово мысля о прочтенном, просмотренном и прослушанном, мысля не только в стол и на кухне, но и в публичных пространствах, критикуя, комментируя, аргументированно и жесточенно, они могут изменить вектор этой силы. Даже самый домостроевский фильм, вызвав шквал протестных комментариев, имеет куда большие шансы изменить что-то в мире, нежели произведение искусства, в котором нет конфликта, о котором не хочется громко спорить.

— *Сделав несколько твиттов, писательница Джоан*

Роулинг фактически возглавила мировое феминистское движение. Следите за этой ситуацией?

— Меня очень радует все, что делает и говорит Джоан. Ее тезис о том, что если стереть разницу между полами, то и однополая любовь утратит свой феномен — великолепен.

— *Цензура в современной России...*

— Она работает страшно, это цензура демонстративного отсутствия вариаций, предлагаемая обществу. Взгляните на большинство постеров о, например, покупке жилья или рекламе супермаркетов. Везде изображена нуклеарная семья, женщина с детьми. Должны изображаться и другие семьи. Впрочем, миллениалам, рожденным после меня, больше повезло: они имеют возможность сразу приступить к изучению огромного количества альтернативных источников информации. Про цензуру в целом: ну очень смешно, когда на книгах классиков с элементами насилия и убийства с расчлененкой стоит 18+, в то время как мальчишки продолжают неистово гоготать, узнав, что у девочек-подростков начинаются месячные, да и в принципе случайно «протекающая» женщина вызывает едва ли не больший ужас в толпе, чем вышеупомянутый трэш в фильмах и книгах! То есть, естественная кровь — это страшно, позорно и стыдно, а фильм «Пила» — нет.

— *Только по новостям коэффициент фемцида в России 2,2. Вместе с тем самооборона карается как убийство. Как это изменить?*

— Это очень, очень сложный вопрос. Получается, в нашей стране нужно выбирать: либо быть убитой, либо сидеть в тюрьме. Знаю лишь одно: поэзия не в силах решить эту проблему. У меня есть текст, вдохновленный разными женщинами, они героини. Одна из вдохновительниц — азербайджанка, которую я с другом выкрала из ее села, где ее насильно выдали замуж в 15 лет и не пускали даже в библиотеку, чтобы, не дай бог, «она не стала умной». Спустя месяц ее поймал федеральный розыск. К счастью, родители пересмотрели свои взгляды и дали ей возможность жить свободную жизнь. Она снимает жилье в городе, где учится, у нее все хорошо. А одна из героинь этого текста — прямая отсылка к сестрам Хачатурян. Сложно назвать это прямым посвящением, стоит мне сесть за тему женщин в поэзии — я как будто слышу много женских криков или молчания, именно что много, и получаются тексты-сплавы, из разных металлов, но одной боли.

почему они не бегут, что их держит в такой тюрьме — пишут “два” через “не могу”, единицу держа в уме? почему они в инстаграм постят фото всегда вдвоем? а на снимках не видно драм за фильтрованным бытием для сокрытия всех следов — крем тональный и рукава не выходят из берегов реки, если вода мертва

у одной никого совсем: ни любви, ни ее самой застарелый страх “жить как все” замечает дороги тьмой и она бы сбежала прочь, если б высветилось, куда у нее скоро будет дочь, мужем спрятаны паспорта не жила никогда в шелках, под убежищем длинных кофт руки — в розах и васильках ссадин, шрамов и синяков у другой есть и целый мир и звенящая тишина — только это — бесплатный сыр в мышеловке,

где мышь — она как сыр в масле, ей говорят, ты катаешься по земле... муж ее не в пример богат, вечерами навеселе, дома он выпускает гнев, скрытый от посторонних глаз — он цистернами возит нефть, и никто ему не указ третья, тут ведь как повернешь —

чуть удачливей первых двух: под рукой оказался нож, и огонь злобных глаз потух, “довела его, довела, виновато во всем бабье” синеврюхие купола не подходят рукам ее пишут в чат: “у меня все гуд” и уже не заходят в чат. почему они не бегут? почему они все молчат?

— *«Фемцид» — важное слово?*

— Самые важные слова либо замалчиваются, либо обесцениваются. К сожалению, я довольно часто встречаю следующее: те женщины, кого не били, не унижали, в чьем кругу такого не происходило, просто не верят, считают, что другие сами виноваты, а уж с ними-то точно такого не случится. Я обычно им рассказываю историю про мужа, который очень любил свою жену, а потом вывез в лес и отрубил руки. Или про Соколова и Ещенко. Вроде тоже ведь любил, ничего, как говорится, не предвещало. Так вот: ни одна из нас не застрахована. В самой несексуальной одежде, в самом приличном публичном месте. Одной моей подруге мужчина в метро прямо перед лицом достал член и начал мастурбировать. Я говорю: что ж ты не закричала на весь вагон? Она ответила: ну, я не так воспитана. А кто воспитывал? Мать. Которая просто не представляет, что может быть вот так. Абстрактный насильник на улице с ножом — это то, о чем можно предупредить дочь, а о дробчуне в метро — нет, потому что как такое в здравом уме вообще предусмотреть можно?

— *Какими всемирными женскими акциями вы интересуетесь?*

— Я люблю акцию #янебоюсьсказать, она очень помогает выпустить из себя истории, не дающие жить дальше, и понять, что ты не одна. Понравилась и акция в Инстаграме, где места шрамов и побоев девочки покрасили

блестками. Мой главный способ поддержки любых акций не привязан к конкретной дате. 8 марта — это всего лишь один день из 365 в году, стихи же можно читать в любой день, потому что проблема существует все 365 дней, у нее нет отпусков. Клип на стихотворение «Тыжедевочка» набрал почти миллион просмотров. Мы сняли его с первого дубля. Там на заднем плане женщина прислуживает мужчинам, которые ее не замечают, а я разбиваю камеру молотком. На самом деле камера не пострадала, зато у комментаторов-мужчин почему-то знатно бомбануло.

Тыжедевочка, тыжедевочка, значит — шей.
Не сутулься, тяни носок да рубашки гладь.
Все должно идеально быть в комнате и в душе:
сотня книг о любви, что в жизни тебе не знать.

Тыжедевочка, сигарету не поджигай,
чтобы легкие не бывали твои черны.
Ну какой из тебя охотник или джедай?
Меч твой — нож, и враги — капустные кочаны.

Тыжедевочка! Ну какой из тебя юрист?
Твое дело молчать, а крики — в родильный дом.
Тварь дрожащая, за права свои не борись.
Воды патриархата не вычерпать решетом.

Тыжедевочка. Тыжебудущаяблинмать.
Ты всего лишь для продолжения рода путь.

Ирина Котова: Около 70% моих пациенток — жертвы мужского насилия и не обращаются в полицию

— *Ирина, ваши бабушки и мама — важна ли для вас история их жизни, изучаете ли вы женское прошлое семьи и зачем это нужно делать?*

— Серьезно изучаю. Эти воспоминания в последнее время еще больше сблизили меня с мамой. По маминой линии одна из моих родственниц, Мария Ветрова, была народо-волкой, которая в знак протеста сожгла себя керосиновой лампой в Петропавловской крепости. Бабушка по маминой линии практически вырастила меня, и мы были очень близки. Ее муж, мой дедушка, был на двух войнах, а, вернувшись, очень быстро умер. Бабушка по папиной линии в 37-м году потеряла отца и брата, а мужа и свекра сослали на станцию Тайга в ссылку, ее с тремя детьми из барского дома переселили в землянку. В детстве я удивлялась — почему она никогда не улыбается, а теперь — понимаю. Двойневая сестра моего деда по папе собиралась стать врачом, но ее, чтобы спасти от советской власти, выдали замуж за мужика. Он зверски избивал ее. Она умерла в 28 лет, оставив двух детей. Кстати, больше

Если будет муж об колени тебя ломать,
значит, дуб из себя не корчи, тростинкой будь.

Возлюби, пусть и нитяного, но своего.
Тыжемасть тыжедочь тыжебаба тыжежена...
...Тыжедевочка миру этому ничего
не должна.

Я думаю выпустить футболки «Тыжедевочка миру этому ничего не должна» и привязать их выпуск к какой-либо акции или придумать свою. Нужно время. Хорошие идеи рождаются непросто. #MeToo. Проблема домашнего насилия также очень сильно волнует меня. Мой первый возлюбленный, писатель Михаил Елизаров, с которым мы встречались 8 месяцев в 2013 году, бросил меня без объяснений, и, когда я в очередной раз пришла на его концерт, чтобы задать вопрос — почему, он поставил мне фингал под глазом. Это старая история, но сейчас я считаю нужным сказать о ней. Этому человеку уделяется много почестей в последнее время, он очень даровит — но его поступок он никогда не сможет оправдать, как и любой, поднявший руку на женщину. Любую. Это просто грубость, это ни разу не про «домашнее», но я искренне любила этого человека и посвятила ему много стихотворений, которые он даже хвалил, а люди продолжают читать их. Мне жаль, что тогда, в свои 18, я не дала ход этой истории в СМИ. А у нее есть очевидцы. И, конечно, обвинили меня — потому что в нашей стране виновата женщина. Заявление в полицию не принесло никаких результатов.

никто в нашей семье со стороны мужей насилию не подвергался. Тетя, несмотря на то, что росла в землянке, выучилась, стала дендрологом, преподавала на Украине — Мария Попова (в замужестве Демченко).

— *Бесправие матерей в России передается по наследству?*
— У моей дочери серьезная детская травма после моего развода с ее отцом, он ни разу не захотел ее увидеть. В последний раз они видели друг друга, когда ей было два года. В день пятнадцатилетия позвонила свекровь и сказала ребенку, что отец не хочет ее видеть, так как обижен на нее. Как и за что взрослый человек может обидеться на двух-летнего? Я очень сожалею, что подчинилась маме и подала на алименты. Думаю, смогла бы справиться и без его небольших насильственно снятых взносов. Теперь, по закону, он вправе подать заявление, по которому она должна будет платить ему алименты, к счастью, только при определенных обстоятельствах. Но этот факт все равно неприятен. Однажды у меня в гостях два поэта обсуждали — как

можно уйти от алиментов. Причем смаковали все это довольно долго. С тех пор мы практически не общаемся. Если мужчина звонит на работу и отпрашивается в связи с тем, что перепил накануне, все веселятся и его отпускают. Если у женщины заболел ребенок — на нее злятся. На государственном уровне к проблемам женщин, пытающихся спастись от ежедневного насилия, относятся формально. На самом деле все очень страшно. Сколько женщин после развода живут в однокомнатной квартире с мужьями-алкоголиками, которые избивают их на глазах у детей, а разбегаться — некуда. Не идти же на улицу. И государство ничего не делает для их спасения.

— *Какие женщины повлияли на ваше становление как медика?*

— Во-первых, моя мама была и остается фанатом медицины. Она давно на пенсии, но до сих пор читает преимущественно медицинскую литературу и постоянно всех лечит. Из-за нее я и пошла в медицину. На третьем курсе я буквально влюбилась в профессора Нину Викторовну Боброву. Ее отец был известным военным хирургом. Три его дочери тоже стали хирургами. Но самой выдающейся, без сомнения, оказалась Нина Викторовна. Она руководила кафедрой факультетской хирургии Воронежского медицинского института. Когда познакомилась, ей было уже около 70, на своих точеных ножках она буквально вспархивала по лестнице на 12 этаж. Лифтом никогда не пользовалась. Я любовалась, как ловко она работает в операционной, как звонким властным голосом дает распоряжения хирургам по обследованию больных, как проводит утренние конференции, разбирает врачебные ошибки, устраивает взбучки своему мужскому коллективу. Экстренная хирургия — тяжелая ноша и для молодого крепкого мужчины. Это нагрузка не меньше, чем у шахтеров или на галерах. Работают в ней, по большому счету, одни мужчины, а Нина Викторовна всем этим руководила, занималась наукой, читала лекции. Вскоре мы с ней подружились. Оказалось, она тоже иногда пишет стихи, я много раз была у нее в гостях. Но в последние годы не виделись. Она дожила до ста лет. Конечно, глядя на нее, меня и понесло в хирургию, а она это только поддерживала. Не могу не сказать еще об одной женщине в медицине. Это профессор-патоморфолог Ирина Александровна Казанцева. Сотрудники называли ее «великая Казанцева». Когда я только начала работу над докторской диссертацией в МОНКИ, мой руководитель отправил меня с поручением в патоморфологию. Я заглянула в открытую дверь профессорского кабинета — спиной ко мне сидела женщина с львиной седой гривой. С фиолетовых стен смотрели в никуда посмертные маски писателей. Она повернула голову, и мы узнали друг друга. Невероятная харизма, незаурядный ум, широта взглядов — такой

я всегда представляла себе истинную интеллигентку. В Ирине Александровне эти качества сочетались с красотой, тончайшим чувством юмора и в то же время принципиальностью по отношению к делу, порой даже жесткостью. Со всей страны к ней везли морфологическое препараты для постановки правильного диагноза, и она никогда никому не отказывала. Странно, но мужчины ее почему-то боялись. Большинство мужчин боятся умных женщин.

— *Сталкивались ли вы с дискриминацией в медицине?*

— После окончания института я получила ординатуру по хирургии. Дело оставалось за подписью-согласием заведующего кафедрой, где я собиралась обучаться дальше. Заведующий кафедрой был замечательный хирург, очень хороший человек, которого по сей день считаю своим первым учителем. Положила ему на стол заявление, он прочитал, поигрывая шариковой ручкой и сказал: «Думаю, ты в курсе, что я против женщин в хирургии. К тому же, знаю, ты еще и наукой займешься. Запомни: для женщины кандидатская — это один ребенок, докторская — второй. Пожалеешь об этом». И подписал заявление. Подписал бы он это заявление, если бы не был знаком и даже дружен с моим папой — профессором-лесоводом и дядей — профессором-хирургом? Не уверена. Почему я пошла в хирургию? Эта профессия казалась мне наиболее творческой, и в ней сразу же был виден результат. Для моего психотипа это важно. Плюс ко всему, на фоне студенческих дежурств, уже начал затягивать образ жизни. Не скрою — в то время присутствовал романтический элемент. Ты не такой как все — не спишь ночами, первые проблески рассвета встречаешь в операционной, и они бросают розовые блики на блестящие инструменты и лица в масках. Или приезжаешь домой после десятичасовой операции, совершенно опустошенный, переступаешь порог и с трудом доходишь до дивана. И эта опустошенность несет в себе столько смыслов, что для тебя уже нет иного пути. Самое важное в этой истории — тебе вдруг становится позволено войти в человеческое тело, найти болезнь и избавиться от нее человека. Почему я должна была лишиться себя всего этого только потому, что женщина? Ординатура была самым лучшим периодом в моей хирургической карьере. Окружающие мужчины видели во мне красивую девочку, которая играет в хирургию. Мальчишки мне завидовали, так как хирурги с большим удовольствием давали именно мне делать вначале этапы операций, а потом и самостоятельные операции. Потом защитила кандидатскую диссертацию, и это всех насторожило. Защита диссертации выдает карьерные намерения. В хирургию, как правило, идут мужчины с доминирующим характером. И как бы они ни были самодостаточны, в их подсознании живет страх, что ими

вдруг начнет руководить женщина. Еще менее комфортно стало, когда, уже работая в Москве, защитила докторскую диссертацию. Полгода в отделении царило напряжение. Если бы тогда я проявила характер и, в силу нового положения, подавила всех, пожалуй, у меня были бы большие перспективы на медицинском поприще. Но я слишком мягкая, слишком добрая, слишком не конфликтная и физически не могу переносить конфликты — сразу заболеваю. Потому повела себя иначе. К тому же для того, чтобы в подобной ситуации женщине занять доминирующие позиции, мало быть умнее или талантливее окружающих мужчин — важно, чтобы хирургия была самоцелью. А я всегда считала себя поэтом, работающим врачом, а не врачом, пишущим стихи. Для того чтобы работать врачом, главное — быть порядочным человеком и иметь знания. К тому же у большинства медработников, как бы они ни горели медициной, в нашей системе через 20 лет все равно случается выгорание в профессии. Быть же руководителем в медицине — большая ответственность и большая потеря времени для всей остальной жизни. Когда мужчины поняли мою слабость, они постепенно начали задавливать меня — подсовывать операции, которые не дают развития в профессии, захватывать себе побольше больных и набивать руку. Им нужно было, чтобы я писала статьи и ставила их в соавторы, так как писать практически никто не может. Да и обстановка в отделении изначально была направлена на дискриминацию женщин. Один профессор иначе как «курицами» нас не называл, а другой набрал в коллектив женщин (что редко в хирургии), так как ими проще управлять. Причем сами женщины в коллективе, руководствуясь стереотипами, были настроены исключительно на мужское правление. В голове у мужчин-хирургов приблизительно такая аксиома: женщина серьезным хирургом быть не может, автомобилем ей лучше не управлять, деньги ей тоже не нужны. Деньги для нее мужик должен зарабатывать. Например, когда я всеми силами стремилась дать хорошее образование дочери, помогала ей в поисках путей ее самореализации, постоянно раздавались реплики: «Зачем девку так учить? Потеря сил и времени. Выйдет замуж, мужик содержать будет». На это мне приходилось отвечать, что я, несомненно, яркий пример содержанки. Не знаю, что происходит в их головах. Такое ощущение, что они настроены растить своих дочерей только для семейной проституции. Возвращаясь к женской хирургической карьере, могу резюмировать следующее. Даже если женщина не пишет диссертаций и не представляет никакой угрозы в плане захвата сфер влияния, ее пускают только до определенного уровня. Мужчины никогда не воспринимают женщин-хирургов как равных себе. Исключения — одержимые хирургией женщины с очень жестким, непробиваемым характером и женщины с мощной мужской

поддержкой (например, жена или любовница главного врача). В науке поначалу я не сталкивалась ни с какой дискриминацией, но со временем, дабы сделать меня никем, новый начальник удалил мою тему из научных планов отделения. У меня было двое аспирантов. Теперь уже никогда не будет и, соответственно, профессором я никогда не стану. Но, по большому счету, это не гендерная ситуация. Мужчины-доктора наук в том же положении. Это личная закомплексованность нашего руководителя. Но, думаю, если бы я вдруг начала пробиваться в академики, гендерная проблема встала бы передо мной стеной. Тем не менее именно в науке у меня много настоящих друзей-мужчин по всей стране и в ближайшем зарубежье. Горько только, что настоящей науки в нашей стране теперь нет.

— *Ваше отношение к существованию «Списка запрещенных профессий для женщин» в России?*

— В юности я никак не могла избавиться от обиды, что родилась девочкой. Это было связано с тем, что, казалось, у мальчиков больше возможностей и все, чем хотелось заниматься, традиционно считалось мужским. Я дралась с мальчишками, играла в хоккей, футбол, занималась дзюдо, стрельбой из пистолета. В какой-то момент смирилась, и сейчас мне даже нравится быть именно женщиной. Но, тем не менее, и хирургом стала, инструктором по горному туризму поработала. Конечно же, нельзя запрещать женщинам быть в профессиях, которыми им очень хочется заниматься. Это один из главных рычагов дискриминации. Но в то же время каждая женщина при своем стремлении к «запрещенной» работе должна максимально адекватно оценивать свои физические возможности и состояние здоровья. Например, для меня почти самым сложным в хирургии является перекладывание больных на операционном столе. Их нужно приподнимать, а, как правило, это не менее 90 кг. Думаю, собираясь в хирургию, об этом никто даже не догадывается.

— *Врачи и цинизм.*

— Мне никто никогда не прививал цинизм в медицинском институте. Вскрытие трупов и изучение по ним анатомии — это учебный процесс. И не слишком приятный. В медицинских коллективах тоже с цинизмом по отношению к больным не часто сталкивалась. Скорее, цинизм проявляется в отношении к коллегам. Можно, конечно, считать цинизмом не совсем здоровый медицинский юмор. Но, поверьте, если у врача умирает его пациент, для него это всегда трагедия. Или приведу пример. Были времена, когда несколько человек в день из моих уст должны были узнать, что у них рак. Многие этого не понимали с первого раза — видимо, мозг выставлял блок. И мне приходилось несколько раз повторять одно и то же. Если не отодвинуть эту ситуацию, не выставить блокировку, можно сгореть

в течении нескольких месяцев. Врачу просто необходимо возвращать в себе чувство самосохранения. Кстати, это тоже непросто, все равно пробивает.

— *Коррупция в российской медицине и ее последствия для пациентов?*

— У меня есть уверенность в том, что курс нашего государства — на переход к платной медицине и, соответственно, на уничтожение пенсионеров. Вдруг что-нибудь изменится? Всегда есть надежда. В последние годы мы довольно резко перешли из врачей в сферу обслуживания. Иногда ощущаю себя биологическим роботом. Раньше при поступлении пациента я пыталась анализировать в целом его состояние, могла дообследовать и довольно часто выявляла недиагностированную, порой очень опасную, патологию. В этом был определенный творческий процесс, так как медицина близка к искусству. Теперь врачи лишены этой возможности. Например, если поступает пациент сразу с двумя заболеваниями, которые можно удалить из одного разреза, лечится только та патология, которая значится в направительном диагнозе, и ее лечение оплатят страховые компании. То есть через несколько месяцев пациент должен оперироваться повторно в той же зоне. Смириться с этим невозможно. В погоне за деньгами от страховых компаний во многих больницах перешли на работу в две смены. Что значит для хирурга работать в две смены? Приходить на работу к 8 утра, уходить — в 22-23 часа. Это самое настоящее рабство, подогреваемое угрозой закрытия отделения. На вопрос о законности советуют «закрыть рот». При этом у страховых компаний задача — оштрафовать больницу за работу не по стандарту, помарки в оформлении историй болезни и т.д. Порой они являются инициаторами заявлений в суд от пациентов с послеоперационными осложнениями. Увы, хирургия без осложнений не бывает.

Например, в нашем отделении штрафы за истории болезни обсуждаются на утренней пятиминутке. Если ошибку совершила женщина — следует ее непременно унижение, если мужчина — ничего не происходит. Раньше больница брала на себя ответственность за проигранные судебные процессы, теперь все материальные взыскания переложили на плечи врачей. Из чего складывается наша зарплата — понять трудно. Но по факту — работаем все больше, а зарплата все ниже. Нет смысла обсуждать и то, что возникают вопросы, почему закупили именно эти, неудобные для нас, инструменты и расходные материалы, а не предпочли лучшие — другой фирмы. Сейчас, например, выгодно болеть болезнью, которая хорошо оплачивается, но при этом опасно — низкооплачиваемой. Вас могут не госпитализировать в приличную больницу. Закрываются действительно нужные проекты. Например, я участвовала в проекте помощи больным, находящимся

на гемодиализе в Костроме, и ощущала себя причастной к очень важному делу. Три года назад этот проект остановили, и организаторы никак не могут его реанимировать. Значит, тяжелые больные не нужны нашему государству. Вообще, если говорить о коррупции в медицине, она начинается с заведующих отделений и идет выше. Врачи и пациенты — ее заложники.

— *Что вы думаете про отношение российских врачей, полицейских, психологов, судей к изнасилованным и избитым женщинам?*

— Что бы ни говорили, сколько бы воды ни утекло, трудно уйти от фразы-аксиомы: «Изнасиловали — сама виновата». Люди мыслят шаблонами. Я не сталкивалась вплотную с формальными органами, так как правозащитой занимаюсь только посредством поэтических текстов. Из моего опыта хирурга: около 70% моих пациенток — жертвы мужского насилия и не обращаются в полицию. Раньше мы могли отпустить больную на день домой, так как, например, прорвалась труба в доме. Но этими «трубами» оказывались мужья, ушедшие в запой. Иногда эти женщины возвращались в страшных кровоподтеках. Однажды поздним вечером прораб моих соседей (жил во время ремонта в их квартире) снял кусок скальпа с головы своей жены. Она буквально доползла до нашей двери. И врачи скорой помощи, и полицейские отнеслись к ней с вниманием и даже нежностью. В то же время моя подруга рассказывала, какое унижение пришлось ей пережить после группового изнасилования. Никакой психологической помощи не было. Правда, случилось это уже лет 15 назад. К сожалению, домостроевскую аксиому «бьет — значит любит» в голове большей части женщин победить нельзя до сих пор. Думаю, на государственном уровне необходимо введение уголовной ответственности за рукоприкладство. Но надо помнить, что не только подвергшимся насилию женщинам, но и мужчинам необходима психологическая, а в особо сложных ситуациях — психиатрическая помощь.

— *Вы следите за ситуацией с самооборонщицами?*

— Я знаю многих из тех, кто постоянно организует акции в поддержку женской самообороны в России. Например, очень уважительно отношусь к деятельности Дарьи Серенко. По мере возможностей стараюсь участвовать во всех этих мероприятиях. Участвовала и в поэтических чтениях в поддержку сестер Хачатурян. Когда-то лежала на сохранении в роддоме, и туда поступали девочки для прерывания беременности в большом сроке. Почти все забеременели от отцов и отчимов, которые за это не понесли никакого наказания. Все это есть в моих поэтических текстах. Ощущение единения, которое выносишь с подобных мероприятий, остается в тебе. И невольно возникает чувство, что «лед тронулся».

— *Ситуация с сексуальным просвещением, клерикализацией, скрепностью в России?*

— В последние годы все идет к тому, что в нашей стране секса нет — как в те времена, которые многие сейчас идеализируют. Мне кажется, мы скатываемся в допетровскую Русь, а слово «патриархальность» теперь рифмуется со словом «невежество». Кстати, это именно то, что впоследствии порождает насилие. Достаточно один раз в год на два часа включить телевизор, и тебя буквально накрывает насаждением домостроя и патриархальности, что трактуется как семейные ценности. Я очень горжусь молодыми, образованными юношами и девушками. Их сейчас много, и они уже не видят себя внутри патриархального общества. К сожалению, люди среднего поколения полны предрассудков. Например, мои сотрудники — совершенно закостенелые люди с полным набором достоинств: гомофобия, шовинизм и т.д. Но в то же время они помогают людям, и это многое нивелирует. Само слово «феминизм» часто вызывает усмешку. Очень многие считают, что среди феминисток одни лесбиянки, не понимающие прелестей традиционной семейной жизни. По моим наблюдениям, само слово «феминизм» вызывает отрицание и страх в наших людях.

— *Что вы скажете о мнении, что литератору и врачу не нужно обращать внимание на происходящее в политике, нужно «делать свое дело».*

— Как врач я не имею права дифференцировать людей по политическим взглядам. Знаете ли, операционный стол приравнивает всех. А вот как литератор, наоборот, не имею права оставаться в стороне от политических событий. Поэт всегда внутри этого, даже если пишет о любви.

— *Поэт должен быть гражданином?*

— Должен. Для меня никогда не было второго мнения.

— *Ирина, воспринимаете ли вы женские поэтические чтения как радикальное женское пространство, пространство женского голоса?*

— Начиная с 2014 года, который стал переломным во всем, вдруг образовалась черта, за которую не захожу. Хотя для меня нет принципиального разделения на женские поэтические чтения и смешанные, но я не хочу выступать с поэтами-гомофобами, с фашиствующими поэтами и терпеть не могу тягучие графоманские чтения. Конечно, участвовала и в женских чтениях. Мало того, очень люблю их. Например, в этом году запомнился вечер-перформанс в галерее на Винзаводе. Организаторы — Лиза Неклесса и Нина Александрова. Получился чудесный синтез изобразительного искусства и поэзии. Огромное впечатление произвело слияние разных женских голосов. Порой полярные темы перекликались, переплетались, создавая визуальный образ свободной современной женщины.

Ее красоты и мудрости, начиная с вагины и заканчивая кончиками волос, даже если они сеченые. Буквально на границе эпидемии случился любопытный вечер в Чеховской библиотеке. На него пригласили феминисток, поэтика которых в основном несет черты авангардной, и женщин-поэтов, тяготеющих к традиционализму во всем. В конце вечера стало понятно — говорим об одном, но разными словами и ритмами. Два года назад молодая художница Варя Терещенко устроила перформанс на тему гендерного насилия. Это было душераздирающее визуальное-вербальное зрелище, основанное на реальных фактах, но с философским уклоном, сопровождающееся чтением текстов о насилии над женщинами.

— *Есть ли профессиональные барьеры для современной женщины-литератора?*

— Если пишешь стоящие стихи, их публикуют независимо от того, женщина ты или мужчина. Что касается экономического выживания... В этом смысле мне очень помог мой папа, который создал небольшую, но спасительную финансовую подушку. Для меня замужество никогда не было шагом ради экономического выживания. Я работаю с утра до ночи, получаю небольшие деньги, но зависеть от мужчины в этом смысле не хотела бы. Да у меня так никогда и не складывалось. Конечно, литературой прокормиться нельзя. Женщине-литератору, как правило, приходится работать и даже делать определенную карьеру, не относящуюся к литературной сфере, таскать ребенка в школу, кружки, учить с ним уроки да еще умудряться писать в отпуске и в выходные. А если есть муж, готовить еду, тратить время на разговоры с ним, выводить его из запоев и т.д. Это двойная и даже тройная жизнь. Отчасти из-за всего комплекса перечисленных факторов я не писала почти целых 14 лет.

— *За чьим творчеством вы следите наиболее пристально?*

— Елена Фанайлова. У нее хватило мужества бросить медицину и полностью уйти в слово. Поверьте, это очень непросто. Она была первой, чьи тексты отличались жесткостью и вместе с тем огромной энергией и силой поэтического высказывания. Она всегда писала и пишет о современном мире — его боли, несправедливости, жестокости. Иногда она просто-напросто раскалывает его, иногда — собирает по крупицам. Язык ее текстов, ее голос нельзя перепутать ни с кем. Также уже многие годы очень привязана к Елене Костюкович, которая живет в Милане. Это замечательный литератор и близкий человек, наделенный невероятным умом, эрудицией и силой. Очень важно для меня все, что делает Людмила Улицкая — и в плане литературы, и в плане правозащиты. В последние несколько лет полюбила Галину Рымбу за ее талант, смелость, равнодушие, четкость позиции, активность.

Хотелось бы отметить поэта, издателя, активистку Анну Голубкову. Еще мне очень близки молодые — Оксана Васякина, Лиза Неклесса, Лолита Агамалова, Юлия Подлубнова, Екатерина Захаркив.

— *Любимый женский персонаж?*

— Может быть, княжна Марья из «Войны и мира». Почему-то еще в голову приходит Настасья Филипповна, но это, наверно, потому, что любовь к ней ассоциирована с любовью к Родине.

— *Зачем нужны женские музеи?*

— Надо сохранять женскую историю, плюс они могут быть основой для нашего женского единения, потому что работа предстоит большая. Очень трудно изменить менталитет, воспитать цивилизованность в людях.

— *Расскажите о ваших книгах.*

— У меня были две самиздатовские книги, вышедшие еще до моего четырнадцатилетнего молчания. Потом вышла книга «Подводная лодка», а в 2018 году — «Анатомический театр», полностью посвященная вопросам насилия. В настоящее время есть около 220 неопубликованных текстов. Будем надеяться на скорое их издание. Может быть, несколько экземпляров «Анатомического театра» остались в «Фаланстере».

Отработка по анатомии

преподаватель по анатомии
выбрала двух самых инфантильных —
меня и шурика
дала в руки
мне — половой член
ему — влагалище
вырезанные из промежности трупов
приказала:
рассказывайте анатомическое строение
помню как загорелись мои щеки
как разом перехватило дыхание
как резок стал запах формалина
я посмотрела на половые губы и влагалище
в руках остолбеневшего шурика
подумала:
при жизни они напоминали подсолнух
лепестки — по краям по центру — черная бездна
член в моих руках походил на беременный кактус
пе-ще-рис-тые те-ла го-лов-ка кли-тор
ма-лые по-ло-вые гу-бы пред-две-рие вла-га-лица —
наперебой подсказывали одногруппники
мы молчали
почему вы не выучили домашнее задание?

мы молчали
в перерыве алекс предложил:
давайте засунем член во влагалище
и начал сближение
не смей: они — чужие
— прорезался мой голос
все выходные я рисовала влагалище
— в разных ракурсах и разрезах
половой член
— в разных ракурсах и разрезах
готовила реферат для отработки двойки по анатомии
после той отработки я и шурик впервые прогуляли две
лекции
впервые пили пиво на желтой жухлой листве в детском
парке
будто все что было раньше:
чаны с трупами кости-мышцы-печень-почки-сердце
— не о смерти.

Больная Родина

В моей палате лежит больная Родина.
Фамилия у нее такая.
Тело ее, похожее на морского льва,
выгружали ребята из МЧС.
Ее привезли, коматозную,
просьбам детей потакая.
Спина ее — пролежни, брюхо —
гноино-кروавый замес.
А еще тело ее похоже на ежа:
иглы и трубки, трубки и иглы...
Я не знаю, где грань, разделительная межа,
когда битва за жизнь уж не битва, а роли и игры.
Этот ежик все бродит в тумане и бредит,
рыдая и хохоча,
этот Родина-ежик не дышит,
не слышит и пышет пожаром.
Я кричу ей: проснитесь же, Родина!
Вы узнаете врача?
Но недвижно лицо. Все усилия — даром.
Я ночами не сплю, я мечусь, как укушенный пес.
Все твердят, мол, уходит.
Каталка уж катится в морг.
Вот — священник, вот — ведра с охалками роз.
Я стою со шприцом. Я не верю.
Бессмыслен торг.

Анна Голубкова: Большинство женщин предпочитает жить в мире розовых пони

— Анна, что вы думаете по поводу Искренковских чтений?

— Искренковские чтения, как мне кажется, стали большим событием для русскоязычной поэзии, потому что, кроме всего прочего, они наконец-то дали возможность женщинам высказаться. И возникшая вокруг чтений полемика тоже оказалась очень важной, потому что снова привлекла внимание к поэзии Нины Искренко. Надо сказать, что позиция друзей и соратников Нины Искренко меня сильно удивила. В конце концов, никто не мешает им сделать цикл своих мероприятий в ее память. Понятно, что воззрения самой Нины Искренко вряд ли были феминистскими, так и в чтениях принимали участие поэтессы с самыми разными взглядами. Особенно всех возмутило неучастие мужской части клуба «Поэзия». К этому вопросу можно относиться по-разному, но даже по обсуждениям в комментариях было хорошо заметно, что друзья и соратники Нины Искренко склонны говорить не столько о ней как о человеке или о ее стихах, сколько о ней как о женщине и о себе на ее фоне. Так что в этом смысле неучастие мужчин, пожалуй, было даже оправданным, потому что они сместили бы тематику разговора в совершенно другую сторону. И, опять-таки, ничто не мешает участникам клуба «Поэзия» сделать свое мероприятие в память Нины Искренко.

Женские литературные мероприятия и коллективы бывают самыми разными, создаются с разными целями и выбирают разные тактики. Можно вспомнить выстроенные по гендерным стереотипам женские поп-группы, нечто похожее иногда появляется и в современной поэзии, правда, скорее в популярном ее сегменте. Совершенно не важно, как выглядит мужчина-поэт, но женщина-поэт должна непременно еще и «торговать лицом». Количество фотографий в блогах поэтов мужского и женского пола просто несравнимо. И для женщин подобные фотографии тоже являются способом продвижения.

— Расскажите про ваш опыт работы в исключительно женском коллективе.

— С 2008 года существует арт-группа БАБ/ищи, в которую входят Юлия Скородумова, Дарья Суховой, Марина Хаген и я. В 2009 году мы выпустили коллективный поэтический сборник «БАБ/ищи и глобальное потепление», который был замечен и отмечен критиками и литературоведами. К сожалению, по разным причинам выпустить вторую книжку так и не удалось, но мы много лет подряд проводили 8 марта бабищенские мероприятия, видеозаписи которых тоже сохранились. Они не были исключительно женскими, но гендерные аспекты там постоянно присутствовали, хотя и по большей части в карнавализованной форме.

Сейчас я являюсь со-редактором интернет-альманаха «Артикуляция», вся основная редакторская команда которого исключительно женская. Это, кроме меня, Татьяна Бонч-Осмоловская, Гали-Дана Зингер, Евгения Риц и, надеюсь, временно вышедшая из редакции Дарья Суховой. Чеховская библиотека 12 марта этого года по инициативе Ганны Шевченко проводила «Вечер женской поэзии», в котором как бы столкнулись «традиционная» и феминистская женская поэзия. Со стороны феминисток, кроме меня, участвовали Мария Малиновская, Нина Александрова, Ирина Котова, Лиза Неклесса, «традиционную» поэзию представляли Надя Делаланд, Наталья Полякова, Ольга Сульчинская, Ганна Шевченко, Людмила Вязмитинова. Для меня эти чтения были интересны тем, что особой разницы между женской оптикой абсолютно всех выступавших я не обнаружила. Но другие обнаружили — уже после чтений выступила поэтесса и известная московская литературная тусовщица Ася Аксенова и заявила, что все феминистские стихи — это страшное фу, а все стихи ее подруг-«традиционалисток» просто гениальны. Ну, каждый человек имеет право на свое мнение.

— Зачем нужны радикальные женские пространства?

— По моему опыту работы в «Артикуляции» и участия в различных женских обсуждениях, женщинам довольно сложно говорить в присутствии мужчин, потому что тут же вступают в действие заложенные с детства социальные механизмы. Вообще на круглых столах, я обратила внимание при расшифровке, мужчины говорят в 2-3 раза дольше женщин, постоянно их перебивают и делают неуважительные замечания. На смешанных мероприятиях очень трудно создать комфортную безопасную атмосферу. И при работе с женщинами-авторами нужно в 2-3 раза больше деликатности и внимания, что у меня, признаюсь честно, пока что не всегда получается. Есть героические женщины, готовые вынести абсолютно все ради своей литературной карьеры, но их не так много, все остальные тихо отходят в сторону и продолжают писать в стол или выкладывать стихи и прозу в своем блоге. Могу также сказать по своему опыту, что общение в чисто женских группах бывает очень поддерживающим, за исключением, разумеется, тех случаев, когда женщины используют феминистский дискурс исключительно для того, чтобы вписаться в патриархальную культурную парадигму.

— Оказала ли Нина Искренко влияние на ваше собственное творчество?

— Не могу сказать, что Нина Искренко на меня повлияла, но я, естественно, много общалась с участницей арт-группы

БАБ/ищи Юлией Скородумовой, которая, в свою очередь, много общалась с Ниной Искренко, так что опосредованное влияние тут, безусловно, присутствует.

— *Как обстоит дело с сохранением памяти о женщинах-поэтах?*

— Кое-где отношение к значимости женской литературы действительно менялось, однако о России этого сказать, к сожалению, нельзя. Время от времени тут возникали интересные проекты, в том числе университетские, но потом странным образом куда-то пропадали, а все ими сделанное так и оставалось отдельным информационным островком. И только в последние два-три года на фоне все более увеличивающегося интереса к феминизму действительно стали возникать какие-то подвижки в этом направлении. А так у нас было две официальные поэтессы, вернее, два поэта женского пола — Анна Ахматова и Марина Цветаева, на которых женское представительство в русском литературном каноне начиналось и заканчивалось. Женскую прозу критика, как правило, относил к бульварной и развлекательной литературе. Все это, безусловно, в будущем требует радикального пересмотра, и предсказать, каким через пятьдесят лет будет литературный канон и будет ли вообще существовать единый список обязательных для чтения авторов, по-моему, невозможно. Лично я очень люблю стихи Зинаиды Гиппиус и Софии Парнок. Также очень важными для меня оказались романы Евдокии Нагродской (дочери Авдотьи Панаевой-Головачевой) «Гнев Диониса» и «Белая колоннада», в которых обнаружилась проблематика, полностью отсутствующая в современной литературе.

— *Бывали ли вы когда-нибудь в музеях, посвященных женщинам?*

— Да, я посещала московский Дом-музей Марины Цветаевой. Меня в нем поразили огромная светлая детская и маленький темный уголок чуть ли не под лестницей, который Цветаева использовала как кабинет. Это очень наглядная метафора приоритетов женской жизни. И еще музей Ахматовой в Фонтанном доме, который мне почти не запомнился.

— *Нужен ли в Москве Женский музей? Другие музеи женщин?*

— Москве Женский музей безусловно нужен, потому что такой музей и его деятельность станут еще одним поводом обратить внимание на гендерное неравенство в нашей культуре и помогут увеличить видимость женщин. Что касается персональных музеев, то они, безусловно, должны адекватно отражать жизнь женщины во всех ее аспектах — не только творческом, но и бытовом. Нужно обязательно показывать всю изнанку и подоплеку женских

культурных достижений. Я бы еще сделала акцент на дневниках и переписке в тех местах, где они описывают взаимоотношения с мужчинами и мужское отношение к их творчеству. Это тоже очень показательно.

— *Женщины-филологи, женщины-ученые, которые оказали влияние на ваше становление...*

— Как ни удивительно, на мое становление оказали влияние исключительно женщины. Разумеется, многому я научилась из книг, но если говорить о научном общении, о непосредственной передаче знаний, то это было именно женское влияние. Прежде всего следует упомянуть моего первого научного руководителя Фираю Хабибуловну Арсланову, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории Тверского государственного университета. О ней есть статья в Википедии. Под ее руководством я написала диплом по истории изучения археологии в Тверской губернии последней трети XIX – начала XX века. Но в первую очередь, конечно, она научила меня пытливости и равнодушию к предмету своего исследования, научной честности и полному исследовательскому погружению. Все это преимущественно происходило во время работы в студенческих археологических экспедициях, которыми постоянно руководила Фирая Хабибуловна Арсланова. Она была просто потрясающей женщиной, я часто ее вспоминаю, и у меня есть даже о ней стихотворение:

преподавательница археологии
казахская татарка
необыкновенно красивая в молодости
рассказывала
как она раскапывала степные курганы
у нее в палатке
висела сумка с деньгами
рабочие — недавно освобожденные уголовники
об этом знали
ни рубля не пропало
еще она пыталась донести до нас
всю прелесть занятий археологией
вот, говорила, вот — раскрываешь могилу
а он там лежит себе
и улыбается...

Еще на меня очень повлияла Мария Викторовна Михайлова, доктор филологических наук, профессор кафедры истории литературы XX века (теперь это кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса) Московского государственного университета. Мария Викторовна активно сотрудничала в феминистском журнале «Преображение», и она сделала и продолжает делать очень много для возвращения

женщин-писательниц в историю литературы. Именно под ее руководством я окончательно сформировалась как исследователь. Она научила меня не доверять видимости, что очень важно при работе с текстами, и во всем доходить до самой сути. Также просто необходимо упомянуть Ирину Анатольевну Едошину, доктора культурологии, профессора кафедры истории Костромского государственного университета, которая много лет организовывала и проводила в Костроме Розановские чтения. Именно ей удалось создать на этих чтениях совершенно уникальную атмосферу — демократичную и очень доброжелательную. Собственно говоря, это был тот опыт Академии в античном смысле, которого подчас так не хватает в рамках современного вузовского образования.

— *Любимые феминистские писательницы?*

— В достаточно юном возрасте на меня произвели очень большое впечатление эссе Вирджинии Вулф «Своя комната» и книга Симоны де Бовуар «Второй пол». Но вообще я довольно много читала авторов-женщин, хотя в какой-то момент книг авторов-мужчин в моей библиотеке оказалось несравнимо больше. Это очень обширная тема, которой, наверное, стоит посвятить отдельную статью, а то и не одну, поэтому тут я лучше на этом и остановлюсь.

— *Расскажите про «Артикуляцию».*

— Есть страничка «О проекте», где можно прочесть высказывания всех редакторов нашего интернет-альманаха о том, каким они видят свое участие в нем и какие цели перед собой ставят. В силу различных особенностей внутритусовочного общения я давно думала либо о возобновлении альманаха «Абзац», либо о новом издании. Однако окончательным толчком к появлению «Артикуляции» стала история Ксении Чарыевой и Кирилла Корчагина, которая получила публичную огласку в феврале 2018 года и разделила литературное сообщество на два лагеря. Сейчас, два года спустя, острота этого скандала несколько сгладилась, но поднятая им проблема гендерной дискриминации так до сих пор и остается нерешенной. В тот же момент меня просто поразила реакция мужчин на эту историю, причем это были люди, которых, как мне казалось, я хорошо знала. Почти все они поддержали Кирилла Корчагина и выступили с позиции «ачотакова». И я в абсолютном ужасе задумалась о том, что в подобной ситуации тоже не получила бы никакой поддержки, а даже и наоборот, была бы просто размазана по стеночке своими литературными знакомыми мужского пола. Именно после этого стало ясно, что нужно больше литературных ресурсов с женской редакторской командой, потому что необходимо увеличивать область женского влияния и возможность женской самореализации. Ведь в ином случае мы имеем тотально мужскую точку зрения не только на литературу,

но и на случаи насилия и харассмента в литературных кругах. Безусловно, делаются попытки вынести это все в сферу «личной жизни», которая никак не затрагивает собственно литературу. Но это неправда! Ведь пострадавшие женщины, столкнувшись с совершенно безобразным к себе отношением, уходят из публичной сферы и очень часто перестают если не писать, то публиковать свои произведения. А это уже напрямую связано с общим состоянием современной русскоязычной литературы, картина которой в результате оказывается сильно искаженной. Впрочем, не хотелось бы быть неправильно понятой: «Артикуляция» — это профеминистское, но не феминистское издание. У редакторов альманаха абсолютно разные мнения по этим вопросам. Но простое наличие в литературной среде такого альманаха, по-моему, делает ее чуть более комфортной для женщин. Все редакторы альманаха далеко не первый год работают в литературе и как практики, и как организаторы, а некоторые даже и как теоретики. У каждой из нас свой взгляд на современную поэзию и прозу, и потому с самого начала было понятно, что для нас удобнее всего будет демократическая горизонтальная структура. То есть фактически «Артикуляция» объединяет сразу несколько изданий, и если зайти на страничку редактора, можно прочитать все то, что было ею опубликовано в альманахе. Общее содержание мы не согласовываем, оно становится известным только на последнем этапе подготовки выпуска. И тем не менее все опубликованные произведения, на мой взгляд, вступают в особую переключку друг с другом и образуют специфическое метатекстовое единство. В общем-то, изначально именно это и было главной задачей «Артикуляции».

— *Пять перформансисток, которые наиболее интересны вам?*

— Специально перформансами я, так пока получается, не интересуюсь. Видела в основном то, что делают в рамках поэтических мероприятий. Например, Света Литвак и Юлия Скородумова однажды в рамках мероприятия арт-группы бАб/ищи 8 марта воссоздали перформанс Нины Искренко. Это было очень впечатляюще! Также делала перформансы Евгения Сулова. Еще меня поразило описание знаменитого перформанса Марины Абрамович «Ритм 0», который наглядно показывает, что стремление к насилию не только может обнаружиться внутри каждого человека, но и как бы «заразно», начинает передаваться окружающим. Это многое объясняет в природе нацизма и советских репрессий.

— *Важны ли для вас новые женские ролевые модели?*

— Вся многовековая культура воспитывала из женщины удобную домашнюю прислугу, а порой и жертву. И любые попытки выйти за рамки предложенной гендерной модели

делали художественное произведение маргинальным и обреченным на осуждение и забвение. И до сих пор такие книги у нас в России практически невозможно нормально издать и донести до широкой публики. Отчасти, конечно, потому что эта публика просто не готова к разрушению привычных стереотипов. И тем не менее факт остается фактом: слишком прямолинейное следование внушенным с детства принципам гендерной социализации — и прежде всего убеждению, что без мужчины она неполноценна — рано или поздно приводит женщину к личной и семейной катастрофе. Все эти тургеневские девушки, Лизы Калитины, Наташи Ростовы, княжны Марьи, роковые женщины Бунина, романтические барышни Александра Грина, все эти фильмы, все современные сериалы, все модные журналы и вся выстроенная на гендерных стереотипах реклама — это все одно большое наебалово, которое имеет своим результатом неврозы, фрустрации и тотальную неудовлетворенность женщин своей жизнью. Так что альтернатива патриархальным представлениям не просто важна, это единственный путь к воспитанию довольного своей жизнью человека женского пола, способного к нормальной самореализации.

— *Вам удастся создавать такие модели в своих произведениях?*

— Как ни странно, да. Сознательно феминистскую повестку я разделяю не так давно, но гендерная проблематика меня, естественно, волновала с самого раннего возраста. Помню, что лет в шесть я начала переделывать классические сказки так, чтобы у меня активные роли в них исполняли женские персонажи. В подростковом возрасте я под-сознательно нашла промежуточное решение гендерной проблемы, придя к выводу, что я очень некрасива. Женщина по определению должна быть красивой и нравиться, но если ты некрасива, тебе совершенно не обязательно жить настоящей женской жизнью. Потом, конечно, оказалось, что всего этого недостаточно, потому что внешность женщины волнует мужчин гораздо меньше, чем считают сами женщины. Да и не была я, скажем уж честно, на самом деле такой прямо некрасивой. В художественной прозе я писала о том, что меня волновало. Вероятно, именно поэтому мой первый роман «Постмодернистская любовь» получился феминистским, на что указала в своей рецензии Елена Георгиевская. Роман этот был издан одной книгой со сборником рассказов «Мужчины провинциального города», в котором гендерные вопросы ставились даже еще более остро. Частично эти рассказы были опубликованы в периодике, роман же в свое время так нигде опубликовать и не удалось. Когда я пытаюсь переиздать его сейчас, мне говорят: «Но у тебя ведь уже была книжка». В общем-то, да, книжка была, и на нее было написано несколько совершенно замечательных рецензий. Если же говорить именно о новой женской

ролевой модели, у меня есть рассказ «История одного дауншифтинга», опубликованный в блоге на сайте «Нового мира», который уже несколько лет не поддерживается, не обновляется и, видимо, находится на грани издыхания. Этот рассказ тоже оказалось очень сложно опубликовать, потому что там представлен тип женщины, которая отнюдь не отказывается от отношений с мужчинами, но они вовсе не являются смыслом ее жизни. Говоря проще, она постоянно от всех уходит. И я на самом деле считаю, что это единственно возможные гармоничные отношения с современными гетеросексуальными мужчинами, которые в любом случае не видят в женщине человека и ждут от нее психологического и бытового обслуживания.

— *На детской книжной полке у вас дома больше книг, написанных женщинами или мужчинами?*

— Наверное, пока больше книг, написанных женщинами, особенно за счет серии «Познавательные истории» немецкой писательницы Фридерун Райхенштеттер. Но это все не показательно, потому что, во-первых, мой ребенок только начинает по-настоящему интересоваться чтением, так что выбор до сих пор был довольно-таки случайным, во-вторых, авторы-женщины, особенно русскоязычные, в основном пишут книги с точки зрения патриархальной оптики. В дальнейшем, безусловно, с этим придется что-то делать.

— *Что вы думаете про запрещенные для женщин профессии? Как объяснить ребенку, почему россиянка по закону не может быть капитаном корабля, а норвежка или испанка — могут?*

— Прежде всего нужно объяснить ребенку, что она живет в России, а это совершенно особенный экзистенциальный опыт. Запрет на многие профессии для женщин — это следствие нашего политического и социального устройства. И очень хорошо, что в принципе альтернатива существует, пусть и не в нашей стране. Так что, если девочка захочет стать капитаном корабля, у нее будет два выхода — эмиграция или политическая борьба за свои права. И это все уже далеко не так безнадежно, как было раньше.

— *Сексуальное просвещение — важно ли оно?*

— Сексуальное просвещение, безусловно, важно. Хотя в современных условиях эта проблема благодаря интернету не такая насущная, как это могло быть лет тридцать назад. Информация есть, она представлена самыми разнообразными способами, и ее достаточно легко получить. А вот перевод сферы сексуального обратно в зону умолчания кажется мне крайне опасным. И прежде всего по своим последствиям для здоровья и нормального психологического самочувствия женщин. Но тут, опять-таки, все далеко не так печально, потому что отсутствующее в литературе

с лихвой компенсируется в интернете. Безусловно, с появлением всемирной сети мир стал объективно меньше и гораздо демократичнее, хотя тут есть много еще всего, над чем можно и нужно поработать.

— *Сталкивались ли вы или женщины вашего круга с дискриминацией или мачистским насилием? Что бы вы посоветовали женщинам, которые прямо сейчас находятся в трудной жизненной ситуации?*

— Да постоянно! Вся наша женская жизнь состоит из дискриминации и абьюза. Конечно, большинство женщин не готовы это признать, они предпочитают жить в мире розовых пони. Но я всегда старалась видеть реальность такой, какая она есть, и соответствующим образом с ней взаимодействовать. Психологическому насилию в своем первом браке подверглась моя близкая подруга. Я была непосредственной свидетельницей происходящего, и даже тогда мне подобная ситуация не казалась нормальной. А когда этот брак прекратился, помогала ей преодолеть последствия. И должна сказать по этому непростому опыту, что женщины в трудной жизненной ситуации должны обращаться к специалистам и в соответствующие организации. К сожалению, происходило это почти двадцать лет назад, и таких организаций тогда еще, по-моему, не было. А обращение с этой проблемой к психологу, воспроизводящему патриархальные штампы, могло закончиться еще более печально. О насилии в литературных кругах предпочитают не говорить. Историю Чарыевой и Корчагина уже перевели в «сферу личной жизни», выдав Кириллу индульгенцию за талант и неподражаемые литературные способности. Но это только одна история, получившая такой резонанс прежде всего потому, что стремившийся быть суперпрогрессивным литературным деятелем Корчагин вписался в движение против насилия над женщинами. Больше всего потрясло всех именно это лицемерие и двойная мораль. Но, с другой стороны, если женщина не считается полноценным человеком, то она тем самым как бы выводится за рамки «человеческой морали». И тогда выходит, что можно быть великолепным профессионалом, талантливым поэтом, прекрасным другом и просто хорошим человеком, но при этом в своем ближнем кругу практиковать насилие и унижение. Ведь это «личная жизнь» и «всего лишь женщины». Такое поведение было нормой. Сейчас, слава богу, это нормой быть перестает, и во многом благодаря скандалу 2018 года. Когда Олег Асиновский избил свою жену Марию Максимову-Столпник, его осудили очень многие. Но отфренживать стали только после того, как он нанес телесные повреждения поэту Богдану Агрису, мужчине. Я знаю как минимум еще трех поэтесс, пострадавших от семейного насилия, то есть, если говорить прямо, их просто избивали, некоторых регу-

лярно. Один прекрасный поэт и великолепный организатор литературного процесса сломал своей жене ребро. Другой известный прозаик избил свою жену так, что она неделю не могла выйти в люди и пропустила много важных для нее событий. Имена я не называю, так как у нас до сих пор стыдно быть жертвой, и согласия на обнародование этих историй они мне не давали. Да, мы все тут люди творческие и при некотором усилии воображения, конечно, можем поместить себя в мир розовых пони. Но остроту проблемы это не снимает. Но кроме прямого насилия, есть еще и насилие психологическое. Многие литераторы мужского пола по факту практикуют полиаморию, в которой лично я не вижу ничего плохого, если эта ситуация приемлема и комфортна для всех ее участников. Но когда мужчина сначала представляет отношения эксклюзивными, а потом начинает стравливать несколько своих любовниц, все это уже далеко не так весело и интересно. Некоторые женщины могут потратить годы на подобные бессмысленные отношения, которые наносят очевидный вред их собственному творчеству и профессиональной карьере.

— *Что делать с фемицидом в России?*

— Мне представляется, тут есть глобальное и локальное решения проблемы. В глобальном смысле нужно работать над повышением социального статуса, чтобы женщина наконец стала считаться полноценным человеком, а не таким удобным бытовым устройством, с которым можно отвратительно обращаться. Локальное решение — это расширение той помощи, которая уже существует, пропаганда ненасилия, поддержка пострадавших от насилия женщин. Но больше всего, конечно, помогло бы введение в школах обязательного для девочек изучения боевых искусств. По моему личному опыту, желание совершить акт насилия немедленно исчезает, как только потенциальный насильник понимает, что сам может хотя бы слегка пострадать во время этого действия. В подростковом возрасте на меня большое впечатление произвел фильм «Игла» Рашида Нугманова, после которого я пошла и записалась в секцию рукопашного боя. Этот поступок очень сильно повлиял на всю мою дальнейшую жизнь. Думаю, что эпизодов харассмента, абьюза и попыток изнасилования в моей жизни было в несколько раз меньше, чем у других женщин. Я просто знаю, куда и с какой силой надо ударить, чтобы человеку стало не очень хорошо, и мужчины странным образом это чувствуют.

— *Интересует ли вас интернациональная женская правовая повестка — Декларация прав женщин на основании пола, противостояние транс-лобби, всемирная женская забастовка, феминистская урбанистика, флешмоб «Насильник — это ты», антифемицидное движение?*

— Я стараюсь следить за всем этим, но активного участия

в акциях пока что не принимаю, если не считать онлайн-участия в поэтических чтениях в поддержку сестер Хачатурян, которые проводились в Москве и Екатеринбурге (я участвовала в екатеринбургских чтениях), акций в поддержку Юлии Цветковой. Но я обязательно и очень внимательно прочитываю все то, что появляется на эту тему в наших СМИ.

— *Десять самых лучших книг, написанных вашими подругами.*

— В этом году в «Артикуляции» вышел большой обзор женских поэтических книг в трех частях. В него включены заметки (и цитаты там тоже есть) о книгах Наталии Азаровой, Татьяны Бонч-Осмоловской, Евгении Вежлян, Янины Вишневской, Лилии Газизовой, Марии Галиной, Анны Глазовой, Нади Делаланд, Насти Денисовой, Екатерины Деришевой, Гали-Даны Зингер, Ирины Котовой, Ольги Логош, Марии Малиновской, Юлии Подлубновой, Евгении Риц, Галины Рымбу, Наталии Санниковой, Екатерины Симоновой. Давайте пока ограничимся этим списком, потому что для литературоведа и литературного критика вопрос о «самых лучших» книгах сразу же вызывает дополнительную проблему критериев оценки, а это очень непростая тема, о которой можно написать целую докторскую диссертацию.

— *Пять писательниц, поэтесс, литкритиков из Твери?*

— Тверь — это такой город, из которого все, к сожалению, постоянно уезжают. И потому именно из тверских авторов могу назвать Марину Батасову — поэта, прозаика, организатора литературной жизни, поэта и прозаика Александру Ключину и поэта Дарью Родину. Конечно, только этими именами женская поэзия Твери отнюдь не исчерпывается, но не все они, к сожалению, мне известны. В городе Ржеве, районном центре Тверской области, живет поэт Люба Колесник со всероссийской, не побоюсь этого слова, известностью. Но вряд ли ее можно отнести к тверским авторам, тем более что родилась она в Москве. Из тех, кто так или иначе связан с Тверью, могу назвать Марию Галину, которая родилась в Твери, но в раннем детстве отсюда уехала, Юлию Крылову, Марину Яуре. Есть еще писательница Нина Дашевская, которая уже стала классиком современной детской литературы и выдвигается на международные премии. Она тоже родилась и выросла в Твери и тоже отсюда уехала — учиться в Москву.

— *Расскажите про ваши книги.*

— Самая первая моя книга вышла в Твери в 2004 году — это сборник рассказов «Школа жизни». Купить его нельзя нигде, и в интернет пдф я тоже не выкладывала, потому что в нем опубликованы первоначальные версии рассказов, впоследствии вошедших в цикл «Мужчины провинциаль-

ного города». Издали эту книгу мои близкие родственники, так что ее вполне можно считать самиздатом. Вторая книга — это тоже сборник рассказов под названием «Типа о любви» — вышла в 2009 году. Это уже был в чистом виде самсебяиздат, для которого я основала при альманахе «Абзац» издательскую серию. В этой серии вышло несколько очень любопытных книг (и не только моих). Сейчас я этой серией не занимаюсь, но, если появится время, буду ее развивать. Эту книгу рассказов я не продавала, а в основном раздавала. Третья книга — это поэтический сборник «Адище города», в основном посвященный сложным отношениям провинциалки с мегаполисом. Она вышла в 2010 году в серии «Собрание актуальных текстов» петербургского самиздатовского журнала «Акт», который выпускают поэт Тамара Буковская вместе с поэтом и великолепным художником Валерием Мишиным. Этот сборник украшают его прекрасные фотографии. В свое время эта книга продавалась у Файзова с Цветковым и в «Фаланстере», но сейчас, думается, лучше просто воспользоваться пдф. Две поэтические книги («Мизантропия» — 2013 год, «Тетрадь путешествий» — 2015 год) вышли у Михаила Евзлина в его издательском проекте Ediciones del Hebreo Errante в Мадриде. Эти книги Михаил делает вручную на типографском оборудовании XIX века, их можно заказать и купить через магазин русских книг «Эстерум». Способом самсебяиздата я выпустила еще три книги: это «Постмодернистская любовь» со сборником рассказов «Мужчины провинциального города» (2013 г.), «Природа и вещи: Археологический роман» (2014 г.) и сборник критических статей и рецензий «Взгляд сбоку и немного сверху» (2016 г.). Все они выходили презентационными тиражами и в свободную продажу не поступали. Самой популярной на данный момент является моя монография «Литературная критика В. В. Розанова: Опыт системного анализа», которая была выпущена в 2013 году издательством Костромского университета в серии «Библиотека журнала “Энтелехия”». Несколько экземпляров еще можно, наверное, найти в «Фаланстере», но весь небольшой тираж давно разошелся. У меня даже есть предложение о переиздании, но я так пока и не могу решить, надо мне делать вторую редакцию или же можно переиздать как есть. ПДФ всех этих книг, кроме самой первой, выложены на отдельной странице моего сайта. Их можно совершенно свободно отсюда скачать и прочесть. Никаких премий за свои книги и за всю свою деятельность я не получала. Только нападки и оскорбления. Мои критические статьи, правда, два раза входили в лонг-лист екатеринбургской премии «Неистовый Виссарион». Но, конечно, какое-то ситуативное признание у меня имеется, иначе не было бы смысла продолжать всем этим заниматься в публичном пространстве.

* * *

никогда я не сталкивалась
с гендерным угнетением
думала она
поднимаясь в шесть утра без будильника
и раскладывая на столе кучу белья
которое необходимо выгладить
что это вообще за слово такое гендер
что за понятие дурацкое
думала она в шесть сорок пять
принимаясь за приготовление завтрака
как вообще можно делить людей
по половому признаку
ведь все такие разные
продолжала размышлять она
в семь пятнадцать
отправив в ванную
сонных огрызающихся детей
и приступая к нелегкой задаче
пробуждения супруга
она продолжала размышлять
о гендерном угнетении
собирая в школу детей
и вывешивая для мужа на плечиках
свежую хорошо отглаженную сорочку
она продолжала размышлять
о гендерном угнетении
стоя у раковины и перебивая
оставшуюся после завтрака посуду
она продолжала размышлять

о гендерном угнетении
привычными быстрыми движениями
наноса макияж
натягивая тонкие колготки
узкую неудобную юбку
и туфли на высоком каблуке
она все еще думала
о гендерном угнетении
втискиваясь в переполненный автобус
и занимая позицию спиной к стене
чтобы никто не мог
ухватить ее за задницу
и прикрываясь спереди
широким портфелем
против желающих слишком тесно прижаться
своим утренним потным организмом
и вот когда за окном замелькали
привычные серые пейзажи
а люди вокруг погрузились
в род сонного оцепенения
она наконец смогла немного расслабиться
и пришла к окончательному
выводу о том
что никогда в своей жизни
не встречала и даже просто
не могла встретить
этого самого гендерного
(слово-то какое смешное)
угнетения

Илона Махотина: Словам «свобода» и «терпимость» искусственно придали негативную окраску

— *Илона, вы много участвуете в литературе фестивалей, конкурсах? В женском поэтическом фестивале — впервые?*

— На самом деле, Искренковские чтения — мой первый поэтический фестиваль. Надеюсь, их будет больше. Что касается конкурсов, то я участвовала только в трех. В прошлом году я заняла третье место в номинации «поэтический сборник» в цыганском конкурсе искусств «Amico Rom» (Италия), а в этом году, буквально несколько дней назад, в том же состязании заняла первое место в категории «живопись/дизайн». Летом выиграла в номинации «поэзия на цыганском языке» в цыганском литературном конкурсе имени Папуши (Румыния).

— *Нужны ли такие форматы лично для вас? Что меняется, если пространство радикально женское?*

— Такие форматы для меня предпочтительны. Как мне кажется, современное женское пространство не страдает косностью, развивается, становится дружелюбнее, здесь не будет столь снисходительного отношения, как там,

где преобладают мужчины. Плюс, это отличная возможность познакомиться, узнать о других творческих женщинах схожих взглядов.

— *Созвучна ли вам поэзия Нины Искренко? В чем точки соприкосновения?*

— Признаюсь, что я не знаток новейшей русской поэзии. Я открыла для себя поэзию Нины Искренко именно благодаря фестивалю, поэтому я еще нахожусь на стадии знакомства с ее творчеством. Боюсь, что, до конца не зная контекста, я могу что-то неверно понять в ее стихах. Но мне особенно близка ее смелость и равнодушие, отсутствие манерности, то, как она смешивает высокий стиль с жаргоном.

— *Какие из участниц показались вам наиболее интересными?*

— Мне трудно выбрать. Я не могу сказать, что мне кто-то не понравился — я смотрела, открыв рот.

— На встрече, посвященной книге о Папуше, Халина Кулешова рассказывала, что цыгане непрерывно сочиняют текст. Поэзия лично для вас — это форма путешествия, форма мышления, форма осознания или что-то другое?

— Я не могу согласиться с этим утверждением, хотя оно, безусловно, очень красивое и романтическое. Способность и потребность выражаться через текст не может быть свойством всех и каждого. Думаю, как и у любого народа, в цыганской среде творческий человек всегда выделяется на фоне остальных, и, кстати, тот, кто отступил от традиционных, привычных форм творчества (пение и сочинение песен, рассказывание историй, игра на инструментах, танец), может даже оказаться на положении чудака... Для меня поэзия — неотъемлемая часть моей эмоциональной жизни, возможность быть откровенной с собой, справляться со скорбью, мечтать.

— Расскажите про цыганские литорганизации, библиотеки, цыганскую поэзию в современном литературном мире.

— Все не так просто. Сказать, что вот там так, а здесь эдак — нельзя. Большинство инициатив, связанных с литературой цыган, (организации, публикации) — все же частные. Я недавно была принята в международное объединение цыганских литераторов, которое создано в Финляндии тамошним классиком цыганской литературы Вейо Балтцаром. К сожалению, подобные организации имеют проблемы с финансированием, поэтому и встречи, и коллективные публикации очень нерегулярны. Я пока не имела удовольствия в чем-то подобном участвовать. Но цыганская литература в мире существует уже более 90 лет, и за эти годы она очень маленькими шажками, но все-таки идет к читателям. Значительное число которых часто не подозревает о ее существовании.

— Какие женщины-писатели и поэты повлияли на вас? В честь кого их них вы бы назвали улицу, на которой живете?

— Я бы не сказала, что именно женское творчество как-то на меня особенным образом повлияло, но любимые писательницы и поэтессы, разумеется, есть. Я очень люблю творчество классических японских поэтесс и писательниц. Сэй-Сёнагон перевернула мое сознание в раннем детстве. И с тех пор ее «Записки у изголовья» — одна из моих настольных книг. Обожаю поэзию Агнешки Осецкой, сказки Туве Янссон. Несколько лет назад я открыла для себя творчество словацких цыганских авторов — поэтессы Терезы Фабиановой и писательницы-мемуаристки Илоны Лацковой, женщин с удивительной и очень непростой судьбой... Я бы хотела, чтоб улица, на которой я живу, носила имя цыганской писательницы и поэтессы, ученого-биолога и моей доброй подруги, недавно ушедшей из жизни Любови Николаевны Панковой.

— Что поменялось со времен Папуши — легче ли живется ромским поэтессам?

— Со времен Папуши поменялось многое. Возникли Папуша сейчас, весьма вероятно, что она очень скоро встретила бы цыганскую наставницу и покровительницу, которая помогла бы ей учиться, развиваться. За десятилетия вырос престиж женского образования. Притом что существует еще очень консервативная среда, на протяжении нескольких поколений появляются женщины-литераторы, художницы, активистки, врачи, преподавательницы, ученые. И сейчас все проще в плане пути к читателю. Своего читателя может найти каждый, даже самый юный неопытный автор и самое безыскусное творчество. Написала, выложила в сеть, собрала лайки (или комментарии завистников) и думай, куда тебе дальше расти.

— Насколько академическая среда благоприятна для ромских исследовательниц? Какие научные работы вы делали раньше и готовите теперь?

— Я осмелюсь утверждать, что академическая среда вообще не очень благоприятна для женщин. Иногда чувствуешь себя невидимкой, особенно когда в пятый раз читаешь чью-то очередную статью, написанную по мотивам автореферата твоей собственной диссертации, где автор даже усилия не приложил, чтоб хоть чуть-чуть увеличить список литературы. Всегда неприятно и неожиданно сталкиваться с внутренней мизогинией женщин-ученых. У меня очень широкая сфера интересов. Говоря коротко, я занимаюсь языком, традиционной культурой и литературой цыган восточнославянского окружения. Года полтора назад я участвовала в написании коллективной монографии «Цыгане» (серия «Народы и культуры»), куда вошли более десяти моих статей, посвященных народной медицине, ветеринарии и педагогике, истории цыганского исполнительства, фольклору, традиционному жилищу, костюму, литературе и т.д. Скоро выйдет интересная статья об одном эпизоде истории цыгановедения в СССР. Выясняется, что у советского цыгановедения вполне себе женское лицо.

— В чем для вас феминистский колониализм? Встречаете ли вы его со стороны российских феминисток?

— Я не вращаюсь в феминистической среде где-то помимо Интернета. В Сети, конечно, сталкивалась с расистскими, высокомерными, невежественными и даже неприличными комментариями. Описываешь ситуацию с вопиющим нарушением прав, например, детей выселяют среди зимы из единственного жилья — реакция: «Ну, это же цыгане! Они привыкли в палатках...» Когда речь идет о нарушении прав женщин в какой-нибудь стране с небелым населением, то по комментариям становится понятно, что большинство представляет себе в роли жертв белых туристок, будто

своих женщин в этих странах нет. Именно поэтому ближе всего мне интерсекциональное направление феминизма, это очень сдержанные сообщества, отличающиеся готовностью к нетоксичному диалогу, саморазвитию. К сожалению, это направление, по моим наблюдениям, в нашей стране непопулярно.

— *Самые большие правовые проблемы цыганских женщин в России сейчас?*

— Я не хочу сейчас говорить о проблемах женщин непосредственно в среде — это отдельная, очень непростая тема. Как человек, имеющий отношение к сфере науки и образования, не могу не сказать об общей проблеме, связанной с невозможностью цыганских детей заниматься в школе по программе с опорой на родной язык и культуру. А так, например, не так давно на очередной волне антицыганской истерии в СМИ маму подруги уволили из детского сада, где она была поварихой, по доносу в духе: «Куда вы смотрите, у вас цыганка работает?!» И это обычная жительница маленького городка — вся семья привыкла трудиться, даже в советское время не смогли бы упрекнуть. А что говорить о женщинах из компактных поселений, не получивших образования, не владеющих современными профессиями, придерживающихся традиционного стиля в одежде? Они сталкиваются не только с косыми взглядами и придирками в общественных местах, но и с незаконными задержаниями и т.д. Конечно, чем выше включенность в окружающее общество, тем меньше проблем. Главное, чтоб эта включенность не означала потерю идентичности, утрату языка и культуры. Гадость, которую может отпустить даже грамотный человек, приходится выслушивать, но, в общем, переживу. Рукоприкладства, выволакивания из машины на снег под автоматом, с которым сталкивался мой отец, пока на себе не испытывала. Но где наша не пропадала.

— *Есть ли в России женские цыганские фемгруппы и нужны ли они, какие задачи они могли бы решать?*

— Нам до этого далеко. Хотя я встречала чудесных юных девочек из городских семей, интересующихся феминизмом, употребляющих словосочетания «патриархальные установки»... Может быть, за ними будущее. Задач немало. Прежде всего, просвещение в самой среде, я уже не говорю о посреднической работе... В нашей стране словам «свобода» и «терпимость» искусственно придали негативную окраску, чтобы они воспринимались как некая угроза. А феминизм буквально стигматизирован. СМИ прикладывают столько усилий, чтобы опорочить тех, кто борется за права женщин. Это не может не огорчать. Я даже в собственной группе в соцсетях сталкиваюсь с агрессией (правда, нецыганской — почему-то окружение считает, что цыгане обязаны остаться каким-то нетронутым островком патриархата, не развиваться, не высовываться),

когда публикую материал определенной направленности, скажем, материал о девочке-спортсменке, занимающейся боксом, вызвал в свое время раздражение у нецыганской публики. Цыгане, по счастью, выразили героине статьи поддержку!

— *Расскажите про ваши книги.*

— Собственных книг у меня пока нет. Только отдельные публикации в антологиях цыганской или национальной литературы разных стран. Большинство моих текстов можно совершенно бесплатно прочитать в Сети.

— *Расскажите о своих прошлых и актуальных художественных проектах.*

— Первая публикация моих рисунков вышла в 2001 году в цыганском журнале «Rrom p/o drom» (Польша). В 2012 году я плотно сотрудничала с АДЦ «Мемориал», который выпустил несколько публикаций с моими иллюстрациями. Это был проект для цыганских классов — азбука-плакат, пропись, книжка-раскраска. Пропись я разрабатывала сама. В начале года благотворитель помог мне издать небольшим тиражом просветительскую публикацию «Цыганский календарь» на 2020 г. В нем рассказывается о праздниках цыган всего мира и памятных датах, связанных с современной цыганской историей. Издание было очень ожидаемо, и публика его встретила доброжелательно. Весной в Украине вышла в двух вариантах (на влашском и кишиневском диалекте) детская книга под моей редакцией и с моими рисунками. Почти все упомянутые публикации можно найти и бесплатно скачать в Сети. Сейчас я участвую в подготовке цыганской азбуки, делаю наброски книги для семейного чтения. По моей задумке, в ней будут представлены тексты на основных цыганских диалектах, распространенных в России. Но это пока мечта.

Лист

В огненном всплеске
спелись мы и сплелись.

Вспомнить успела
пару из ста молитв.

Взвейся над пеплом,
пегий осенний лист,
в море житейском
парусом стань моим.

3.10.2200

Лета Югай: Сказки рассказывают матери

— *Лета, сопровождалась ли Искренковские чтения какими-то личными открытиями для вас?*

— Я не знаю, можно ли это назвать личным открытием, но при участии в чтениях у меня было абсолютное совпадение с текстом Нины Искренко, который я читала. Такое бывало и раньше — например, с некоторыми стихами Елены Гуро — когда ты читаешь чужое, а оно как будто исходит прямо из тебя. И это не связано с проекцией на себя личности поэта и всего наследия в целом (как бывает иногда в более раннем возрасте с любимым поэтом). Удивительно, что у Нины Искренко есть тексты под разные голоса. Во время фестиваля, будучи прочитанными разными голосами, они создали роскошную полифонию.

— *Участвовали ли вы раньше в женских литфестивалях?*

— Кажется, нет. Объединения для меня как интроверта вообще не та форма, где я нахожу для себя духовные смыслы. Но мне близка идея сети. Некоторого сестринства — выборочного и рассеянного по миру, но иногда загорающегося общим светом на расстоянии, через принятие и понимание. Такие отношения связывают меня с некоторыми однокурсницами по Литинституту.

И с некоторыми коллегами по научной деятельности.

Впрочем, «братья-лебеди» у меня тоже есть.

— *Была ли у вас в детстве любимая сказка, написанная женщиной?*

— Мир Елены Гуро (раз уж она вспомнилась сегодня) можно воспринять как некое сказочное пространство, с дорожками и развилками. Но для меня сказки скорее ассоциируются с фольклором, который не пишется никем. Я помню, на одной из лекций по указателям сказочных сюжетов внимание слушателей обратили на зазор между ареалами сказочных сюжетов и языковых групп, т.е. набор рассказываемых сказок не совпадал с языком, на котором они рассказываются. Есть гипотеза, объясняющая это тем, что сказки рассказывают матери, те сюжеты, которые помнят из детства, но делают это на языке своих мужчин (язык дело политическое, его определяет сильный). Например, существуют сюжеты, распределение которых совпадает с родством по женской линии (гаплотипом митохондриальной ДНК), что не совпадает с родством по мужской линии (гаплотипом Y-хромосомы). То есть в обществах, где женщина выступает как ресурс и трофей, заложенные в сказках модели поведения могут проникать в обход языка от побежденных этнических групп к победителям.

— *Размышляете ли вы про женщин своего рода, про прабабушек, бабушек, про детство мамы?*

Про их быт, про перенесенные трудности, про характеры? Какие их черты характера и способы реагирования вы видите в себе? Какие предметы сохраняете в память о них?

— Моя бабушка любила акцентировать внимание на том, что она никогда не играла в куклы — сразу стала читать книги, и тем отличалась от сестер. Когда дедушка сделал бабушке предложение, она сказала, что не хочет заниматься хозяйством, и он ей пообещал, что она и не будет. На этот момент она уже уехала с ним из поселка, где они вместе росли и куда он вернулся с войны, поступать в институт и учиться (в общем-то, смелый, с точки зрения потенциального общественного осуждения, шаг). И действительно, когда жизнь стала налаживаться, они расписались и родились мама и дядя, у них появилась няня, которая вела дом, а бабушка посвящала себя работе — была начальником отдела погрузо-разгрузочных работ Сухонского речного пароходства (она вспоминала, как в командировке группу сотрудников обозначали «восемь человек и одна женщина»). Свою фамилию (Жук) она тоже не меняла. У моей мамы также была мужская профессия — геодезист-полевик (обычно в этой сфере женщины работали в камеральных вычислительных бригадах, а мужчины ездили «в поле»). Они с папой десять лет проработали в геодезической экспедиции (это очень интересная, тяжелая и ответственная работа), а когда мама (совсем не похожая внешне на замужнюю даму) приходила к гинекологу с проблемой забеременеть, ей говорили: «а чего вы хотите с такой работой». Я родилась по тем временам поздно, когда маме было 33 (а поженились они, когда маме было 18). И до школы меня все принимали за мальчика — у меня были детские джинсы (начало восьмидесятых!) и короткая стрижка, потому что мама и бабушка предпочитали брюки (когда мама преподавала в вузе, с ней проводили воспитательные беседы на этот счет). А я в шесть лет заявила, что хочу быть девочкой. И начался долгий путь коррекции (даже гиперкоррекции) — длинные волосы, женская специальность (филолог), юбки (мне до сих пор комфортнее в длинной юбке, чем в брюках, даже в поездке). Но и мама, и бабушка, и прабабушка были (а мама и остается) эмоционально зависимыми от мужей (все трое очень яркие, каждый по-своему), с которыми прожили всю жизнь, окруженные уважением и поддержкой.

У меня в силу обстоятельств сложился другой тип реагирования: выстраивание эмоциональных связей скорее с городом, с профессией, а не с людьми. В общем, несмотря на принятое в шесть лет решение, до воплотиться до традиционной женщины мне не удалось. Гендер перформативен, но это не значит, что достаточно расслабиться, и тебя вынесет

в общественно принимаемую модель. Материал оказался слишком упрямым.

Моя бабушка умерла в возрасте 94 лет два года назад. Сейчас, во время карантина находясь в Вологде, я разбираю ее книжный шкаф. И во многих книгах были закладки — где-то с пометками, где-то просто номера страниц. Я читала эти, выбранные ею, стихи — и это было как разговор. От моей прабабушки по женской линии не осталось вещей (бабушка вообще была равнодушна к вещам, и все это рассеялось), но остался рассказ, как прабабушка, Елизавета Добровольная, будучи помолвленной с богатым владельцем магазина в Петербурге (шампанское на свадьбу было куплено), сбежала с садовником, моим прадедом, Владимиром Жуком. И другие семейные предания, рассказанные мне бабушкой и мамой. Такая вот нематериальная память... В книжке стихов, которая сейчас готовится к печати, есть моя попытка поэтически осмыслить историю рода через цикл посвящений. Так получилось, что они выстроились именно по женской линии. Не потому, что история рода по папе менее интересна — мне или вообще, а, думаю, потому что эта память была дана мне в форме нарративов.

1930-е

моей бабушке Тамаре Жук (Теремовой)

Жук-листоед
Листы листает,
Глотатель страниц,
А сам иностранец.
Дочка садовника все время болеет, все время читает.

Отец-чародей
Учит соседей
Растить помидоры,
Привозит дары:
Младшей дочери — мишку, старшей — уборы,
Средней — книжку, новенький переплет.
Ветер листья треплет.

Средняя
Среди дня
Засыпает,
Солнце поет,
Ночью глотает за томом том.
Потом
В школе Лёшка нарисует жука,
Покажет бумажку,
Получит книжкой по голове,
Поймает на слове...
Еще до выпускного,

Войны,
Свадьбы,
Судьбы,
Книжного шкафа,
Детей,
Внуков,
Правнуков.

1950-е

Мане (Марии Николаевой), няне моей мамы

Лет с семи работала: поле, дрова —
И младшие все на ней.
Мир раскалывается на острова,
Между ними — море теней
Умиравших, забранных в лагеря,
Выработанных на заводах...
Ходила в школу три февраля да три января.
...Мир требует перевода...
С пятнадцати лес валила, зима,
Все себе застудила.
...Тени близких любящих пап и мам —
Не было, хоть и были.

Или вот: цветы в граненой воде,
Журнал в переплете
И малыш. А мама-начальник где?
Горит на работе:
В синем кителе, переправляет лес,
Пока вода не упала.
...Тени разбиваются о волнорез.
Детства как не бывало.

И на этом смысле, собранном по сердцам
Продналогом, комбайном,
Вырастает страна чужого отца,
Непонятная, дальняя.
В зале тикают ходики, как на века —
Пустота и порядок,
Только где-то припрятано три колоска,
Стопка тонких тетрадок.
Одиноко взрослея, дочь взглянет в трюмо,
Жизнь с учебником сверит.
...Остров сух и песчан, только время само
Подбирается к двери.

— *Расскажите про ваши куклы в детстве и сейчас.*
— Идея делать куклы (очень хочется написать — кукол) занимала меня, как себя помню. В школе я пошла в кружок, где показали основы, и в течение жизни часто уходила в это занятие от насущных дел.

В момент, когда меня хотели научить заниматься этим профессионально, я поняла, что не хочу: для меня важно было соотношение акта выпуска характера в мир и минимального возможного времени на это (и так долгий процесс, сложно себе позволить большее). Из относящегося к теме — я скорее делала персонажей, в которых сильны признаки противоположного гендера. Моя учительница кукольного ремесла говорила: «из любого лица можно сделать мальчика», имея в виду, что кукла-девочка обязательно должна быть красива, а мальчик может таковым не быть (на этом уровне мастерства, на котором мы находились, неудачные лица получались спонтанно характерными). Я, наоборот, внутри себя считала, что из любого лица можно сделать девочку, потому что любила характерные женские персонажи и фактурные мужские (т.е. инвертировала стандартное распределение «умные / красивые»). Иногда играла на контрасте лица и одежды (в категориях «грубое-нежное»). Но у кукол — если ты занимаешься не на уровне искусства, а на уровне ремесла — тоже есть социальные роли. В подарок лучше всего шла миловидная барышня в аккуратном платье. А их как раз довольно скучно делать. Так вот мои тряпичные неженственные девочки столкнулись с общественными стереотипами. В общем, я думаю, для меня это было проигрыванием каких-то ролей и проживанием сюжетов. У меня было несколько выставок кукол в Вологде, последняя — в 2018 году в Вологодской областной библиотеке (Юношеский центр), под презентацию моей книги «Травник-разговорник деревни Рождество».

— *Новые ролевые модели для девочек в кино, в книгах, в театре, новые куклы — нужны?*

— Да, я убеждена в этом. Это не обесценивает старые, но помещает их в культурный контекст. У каждого времени свои вызовы. Я помню, как приехала в гости к подруге, у которой маленькая дочь, и девочка настояла на том, чтобы я посмотрела с ней «Фрозен». Там есть момент, когда, как и в мультфильмах Диснея моего детства, показана любовь с первого взгляда: внезапно все лебеди начинают плыть парами, а звезды складываются сердечком. Потом дружелюбный персонаж говорит героине: «Ты знаешь его несколько часов и уже собралась замуж?», и в этой фразе звучит сомнение в правильности ее решения (по сюжету сомнение оказывается прозорливым). Я тогда подумала, что Дисней как будто оглядывается на поколение, мое поколение, выросшее на полнометражках про принцесс, от Белоснежки до Красавицы и чудовища, с их волшебными любовями как основным двигателем сюжета, и со словами «е-мое, что я сделал» новыми фильмами про принцесс 2010-х решает исправить все, цитируя самого себя и давая другие ответы. И это здорово. Мир изменчив, и он требует новых моделей поведения в нем, которым, конечно, нужно учить.

— *Расскажите про пять вологодских поэтесс и писательниц.*

— Вологда — богатое литературой пространство, и вологодская литература представлена преимущественно женскими именами. Если выбирать пять, пожалуй, это будут: Мария Маркова, в апрельском номере «Нового мира» за этот год можно прочесть ее стихи, полные полутонов, идущие в развитии лирического сюжета за языком, разные, но узнаваемые; Ната Сучкова, чья поэтическая сила и цельность вызывает неизменное восхищение (в этом году в издательстве «Воймега» вышла книга «Страна», которая, несмотря на небольшой объем, вмещает в себя целый мир — и поэтско-всемирный, и локально-вологодский одновременно); Наталья Мелёхина, яркий и вдумчивый прозаик, автор книг «Железные люди» и «По заявкам сельчан», на новом уровне возвращающий в литературное пространство деревенскую прозу; Наталия Боева, чутко реагирующая на время в своей поэтике, несмотря на то, что она человек и автор очень внутренний. Книга стихов «Знак улитки» (2015) вышла в вологодском проекте «Том писателей» (автор идеи и редактор — Ната Сучкова); Мария Суворова: можно назвать, например, книгу «Маленькие Марии. Книга поименованных вещей» (Русский Гулливер, 2015). В недавних стихах Маши есть строчка — «Подальше на север, поближе на север: / не из чего выбирать. / Расстояние за полярным кругом измеряется / не милями, а теплом, исходящим от тебя». Отвечая на вопрос об общности вологодских авторов, я бы привела эту строчку. Концепт «севера» предполагает высокую значимость внутреннего — потому что тепло надо беречь и все время поддерживать, какие бы холода ни были снаружи (если обращаться к материальной стороне образа). И в этом, мне кажется, Вологда — это Север. В этой связи очень интересен проект доктора филологических наук Людмилы Егоровой, который она публикует в Вестнике вологодского университета, — аналитическая заметка о поэтических или прозаических текстах вологжан сопровождается развернутым интервью. Надеюсь, в скором времени выйдет монография с «портретами» Наты Сучковой, Натальи Мелёхиной, Марии Суворовой и Натальи Боевой (четыре из пяти представленных в книге авторов — девушки).

— *Какие еще российские поэтессы — современные и прошлого времени — созвучны вам?*

— Как и многие, я прошла через Цветаеву. Очень любила в школе «Крысолова», рваные космические стихи. В студенчестве был созвучен текст Лидии Червинской «Все-таки мы не об этом тоскуем» — попыткой говорить о неуловимом и в результате отказом делать это. Тогда же мне были дороги стихи Ирины Ермаковой (книга «Улей») — за разговор о счастье, что вообще русской поэзии скорее

не свойственно. Инна Лиснянская, книга «Сны старой Евы». Ольга Седакова, особенно «Ангел Реймса».

— *Плачи и заговоры — большая часть женского исторического наследия. Расскажите о вашем научном поиске и выводах. Какие институты сейчас сохраняют подобные архивы?*

— Когда я выбирала тему для кандидатской диссертации, мне хотелось, чтобы это был действительно старый жанр, чтобы он касался ключевых точек бытия и чтобы его можно было записать в живом бытовании (потому что хотелось работать с людьми, а не только с книгами). И таким жанром стали похоронные плачи. Я защитила диссертацию в 2011 году, но тему не оставляла. В прошлом году у меня вышла монография «Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке» в издательстве «Индрик» (Институт славяноведения РАН). Посмотреть видеофрагменты причетов и почитать тексты также можно на сайте Центра типологии и семиотики РГГУ. Плачи по умершим — жанр, который имеет очень долгую историю. Уже в «Повести временных лет» пересказываются плачи по князьям, и некоторые формулы буквально совпадают с тем, что можно записать в вологодских деревнях сейчас (по крайней мере, можно было в начале 2010-х). В эпосах разных народов, от Гильгамеша до Илиады, есть свидетельства о мужских плачах. В эпоху, доступную для наблюдения, это стало абсолютно женской компетенцией. Более того, если мужчина начинал причитать, это вызывало смех, и ритуал не мог состояться (такие случаи описываются в моих интервью). И это неслучайно. Кроме дара импровизации, причитальщица обладала особым статусом, позволявшим ей выступать в качестве проводника между этим миром и потусторонним. Она была ритуальным специалистом. Показательно, что часто эти же самые женщины славились своим умением петь матерные частушки и особенно смешно рядиться на Святки. То есть они отвечали не за горе как таковое, а за выход из профанного времени, состояния в сакральное — будь то праздник или похороны. Из интервью с одной такой женщиной, невероятно харизматичной, появились мои стихи про Бабу Галю.

Баба Галя

Выпейте по пять капель,
сейчас принесу винца.

тирили-тирили

А то ходила на праздник в учительскую семью.
Сидят все такие культурные,
ну, думаю, сейчас вам устрою.

тирили-тирили

Вышла, вернулась.
Ботинок с левой ноги на правую ногу
и носами в разные стороны.
Вилкой как в кого ткну: «Тебе — выпить!»
Напела писен-то с матюками.
Они смеются.
Под утро все учительницы матюкались хорошо!

тирили-тирили

Да что вы лачете, как котенки!
Допивайте.
Зла на меня не оставляйте.

тирили-тирили

А то на похороны зовут.
Прихожу, все такие культурные и не ревят.
Стоят, да и все.

тирили-тирили

Запричитаешь, так всем и жалко, всех расклевишь.
Сердцу тяжело, дак как без причета?

тирили-тирили

Хоть клубники поешьте. Мелкая в этом году.
Этакие вши, не хочется и собирать.

тирили-тирили

По мужу ревела, никак остановиться и не могла,
к бабке ходила.
Он хороший был, когда трезвый.

тирили-тирили

А как пьяный, запустит в меня тазом.
Ой, бабоньки, говорю,
я сегодня работала влатарем,
перво место заняла!

тирили-тирили

А то замахнется, а я и бежать.
Ой, бабоньки, говорю,
я сегодня работала бегуном,
перво место заняла!

тирили-тирили

А назвали Галиной.

Была у нас деушка, умерла.

Баушка сказала: назови Галиной, может, и эта умрет.

Я ж одиннадцатая, кормить-то нечем.

тирили-тирили

Ну, с Богом, девки, красивые, счастья вам!

А то так ночуйте, не жалко!

Я бойк'ая, я вам сколь хошь напою.

тирили-тирили

тирилирили

тирили-тирили

Вот эти «прибаутки о домашнем насилии», как окрестила их моя коллега, абсолютно реальные, из интервью.

В них ужасает даже не сам факт насилия, а спокойное, веселое отношение рассказчицы: хороший, мол, у нее был муж, только металлическими тазами в нее швырял...

В такие моменты — а они в моей экспедиционной практике не редкость — чувствуешь глубокое желание, чтобы мир никогда больше не был таким. Поэтому, когда в разговорах о традиционной культуре возникают ностальгические настроения и мне как фольклористу предлагают их поддерживать, я не могу этого сделать. Но с точки зрения самих текстов и психологических методов работы с горем, поэтической и человеческой силы, причитание — это, конечно, космос. И это поражает и не отпускает. Я счастлива, что мне за 10 лет экспедиций удалось записать причитания, в том числе в живом исполнении, и пообщаться с деревенскими плакальщицами.

— *Вологодские музеи рассказывают «мужскую» версию истории, музей кружева лишь косвенно рассказывает про женщин, они не становятся в центр повествования. Восстановить то, что веками игнорировалось и замалчивалось, трудно. Нужно ли делать в каждом городе музей, сохраняющий именно женскую историю?*

— Для меня музеем, где в центре повествования была женщина, был «Мир забытых вещей» — купеческий дом, в котором в моем детстве была возможность вовлекаться в разные активности, взаимодействовать с предметами быта. Но это женщина традиционной модели, где в женской компетенции находится дом, мелочи и умение эти мелочи наполнять смыслом (отчасти из-за перекрытого доступа к большим вещам — поступкам, политике, странствиям!). Там я, кстати, училась кукам, и кроме собственно ремесла это сопровождалось рассказами о быте дворянских девушек, пересказами мемуаров. Но эти рассказы, кроме того, что они безусловно поднимали уровень нашей

образованности, вызывали и желание подражать.

С детьми сложно поддерживать баланс — с одной стороны, сохранный память, а с другой — отсутствие реконструкции и воплощения ее в жизнь. Холодная память никогда не будет привлекать множества (неспециалистов, детей). Привлекая, она «теплеет». А вырастая барышней и попадая в современный мир свободы — и необходимости свободы, — ты превращаешься в такой чемодан без ручки.

— *В честь каких женщин-гуманисток вы бы назвали улицы родного города, кому поставили бы памятник? Что насчет Москвы — там были бы другие персонажи?*

— У нас в Вологде была потрясающая художница Джанна Тутунджан, москвичка, вышедшая замуж за вологжанина и рисовавшая вологодскую деревню. У нее есть цикл графических работ — «Разговоры». Очень точно переданные характеры вологодских деревенских женщин (редко — мужчин, но это отражает и реальное соотношение на селе). Большие, много работавшие руки, лукавые улыбки, трагические глаза, фразы, сказанные на диалекте. Мне кажется, она много сделала для создания — и сохранения — образа города и области, в первую очередь, людей. После смерти художницы было выдвинуто предложение переименовать улицу Воровского в улицу Тутунджан. Но жители этого не приняли: нерусская фамилия. Ну и художников даже в своем городе знают меньше, чем революционеров (а может быть, и последних не знают — просто привычка, что старое — значит хорошее). По поводу Москвы — мне кажется, все, что происходит в Москве, имеет скорее не локальное значение, а общероссийское — не потому, что она транслирует, а потому, что в ней пересекаются дороги. И тут я бы скорее говорила не об именах, а о темах, которые должны подниматься. Для меня, например, очень важная и болезненная тема — это рассказанные Светланой Алексиевич истории воевавших женщин. Они вернулись после общего дела свободными от гендерных ограничений — и были поставлены в ситуацию, когда вынужденно стыдились того, чем мужчины гордились (своего участия в войне). Возникла необходимость либо отказаться от создания семьи (семья — это ведь не женская, а общечеловеческая ценность: мужчины-то, вернувшись, создавали семьи с подростками в тылу девушками, а фактически ставшая мужчиной сильная женщина вряд ли могла рассчитывать на то, что ей позволят взять в мужа «молодого и невинного»), либо отказаться от памяти, а память — это часть личности. В книге есть истории о том, как уничтожали фронтовые фотографии, как сестра мужа на глазах фронтовички разбила дорогую ей пластинку — мол, мало того, что он ее дефектную взял, она еще и гордится своим прошлым вздумала. Это какое-то абсолютно необъяснимое на логическом уровне неравенство. И его охранителями выступали не только мужчины, но и другие женщины —

сестры, матери, жены. Я не знаю, как бы мог выглядеть памятник или пространство в городе, где можно было задуматься над этой темой, но допускаю, что возможно такую точку создать. Есть же у нас на одном из вокзалов городская скульптура нежной девушки с косой, провожающей мужественного парня на войну, почему бы в каком-нибудь дворе не быть фронтовичке, рвущей военную фотографию или избавляющуюся от формы и орденов?

Светлана Алексиевич: "Мы поехали в Кинешму, это Ивановская область, к его родителям. Я ехала героиней, я никогда не думала, что так можно встретить фронтовую девушку. Мы же столько прошли, столько спасли матерям детей, женам мужей. И вдруг... Я узнала оскорбление, я услышала обидные слова. До этого же кроме как: "сестричка родная", "сестричка дорогая", ничего другого не слышала. А я не какая-нибудь была, я была красивенькая. Мне дали новую форму. Сели вечером пить чай, мать отвела сына на кухню и плачет: "На ком ты женился? На фронтовой... У тебя же две младшие сестры. Кто их теперь замуж возьмет?" И сейчас, когда об этом вспоминаю, плакать хочется. Представляете: привезла я пластиночку, очень любила ее. Там были такие слова: и тебе положено по праву в самых модных туфельках ходить... Это о фронтовой девушке. Я ее поставила, старшая сестра подошла и на моих глазах разбила, мол, у вас нет никаких прав. Они уничтожили все мои фронтовые фотографии... Ах, моя ты бриллиантовая, слов для этого нет... Не имею я слов..."

Мне очень нравится идея Музея женской истории выпускать книги для детей с рассказами о женщинах, важных для истории (и истории искусства) взрослой. Это мягкое включение в контекст. И это хорошо.

— Как вы относитесь к стихам и жизненному пути Натальи Горбаневской?

— Я восхищаюсь Натальей Горбаневской и как поэтом, и как человеком. Очень высоко ценю гражданские права и свободы, толерантность.

— Место поэта — на протестной площади или в покорном служении властям, или в лесной глуши?

— Место поэта — в жизни, а может жизнь быть в разных местах. И на протестной площади, и в лесной глуши, и в служении идее, если оно искренне. И везде поэт может заблуждаться, как и любой человек, хотя, вероятно, ответственность, которую он за это несет, выше. Но поэтический текст должен быть жив мыслью и словом. На протестной площади жизнь есть, я чувствовала ее биенье.

— Пишете ли вы гражданскую лирику?

— Наверное, гражданскими можно назвать мои стихи,

где возникает тема репрессий XX века. В устной истории это, скорее, замалчиваемая тема, в интервью, которые я записываю с деревенскими жительницами, она возникает редко, через сопротивление собеседниц. Мне кажется важным говорить об этом — только память может помочь выйти из порочного круга повторений.

Девушка открывает сумку — ручка, тетрадки,
зеркало, конституция.

Спрашиваю: «Вы сдавали зачет по праву?»

Отвечает: «Нет, она меня охраняет.

Если меня захотят задержать, я посмотрю статью 51, я скажу им: я имею право с вами не разговаривать.

Конституция — это что-то скорее оппозиционное».

«Так её всегда с собой и носишь?»

— «Так ведь она лёгкая».

...Девушка против толпы омонцовцев.

аки против бисов с натальным крестиком.

против водоворота — держась за лучик-соломинку.

всё время готовая

сказать им. тем. которые...

И в тёмном лесу, и в буйном море,

и на московских улицах.

нет ничего надежней и крепче, чем лёгкое.

если носить его постоянно,

с верой

в добро

и справедливость.

Урок чистописания

Отец не держал обиды на советскую власть.

Можно сказать, камня за пазухой не хранил.

Переписывая набело: любил.

Может быть, чего и хотел рассказать,

но мать ему не давала.

У матери и своя мать, моя бабушка, тоже сидела.

На полях: она была очень честная, даже слишком.

Дала зерна двум солдаткам с детьми,

кто-то и настучал.

Всех троих посадили.

Переходя к главному тексту:

И мать написала письмо т у д а.

А почерк у нее был такой ровный,

красивый, что загляденье!

Через полгода выходит как-то из школы,

а там бабушка,

похудевшая, в отрепьях, стоит поодаль.

Смотрят друг на друга, а обняться не смеют
(мама учительница, мало ли что).

Так бабушка и пошла в свою деревню
еще пять километров.

А мама обратно в школу, вести урок:
«У Шу-ры ша-ры. Ма-ма мы-ла ра-му».

Много ведь писем писали,
говорят, не все читались,

а ее — такое красивое, ладное,
загляденье — прочитали.

Вывод: (мама всегда говорила) учитесь красиво писать,
учитесь, учитесь, учитесь.

Вот мы выучились, разъехались.

И никакой в нас обиды.

Вот это мама. Вот это мама с отцом.

А бабушкиной фотографии не сохранилось.

— *Сталкивались ли вы или женщины вашего круга с дискриминацией или мачистским насилием? В академической среде, в семейной жизни, на работе, на улице?*

— Эти вещи во многом зависят от оптики. Можно всю жизнь прожить под грузом, но не ощутить его. Можно жить рядом и в параллельных мирах с параллельными ценностями. Психологическое насилие часто ускользает от осознания и рефлексии. В академической сфере, к счастью, мне удается избегать столкновений с тем, что мне по-человечески неприятно (там есть возможность выбора), но боковым зрением я вижу, что в других сообществах существуют разные вещи. Если говорить о научно-учебной сфере, есть еще следующий момент. Когда я была студенткой, я мечтала о личной преданности как основе научного сообщества, семейной модели, рыцарской и гендерно окрашенной (у Оксаны Мысиной был спектакль «Кихот и Санчо», где она сама играла Санчо Пансу, женщина и режиссер). Наверное, я повзрослела и сейчас вижу идеалистичность (нежизнеспособность) этой схемы. Оформлять за кого-то библиографию или отчет — это ведь то же, что мыть посуду. Можно раскрасить это в романтические тона и получать удовольствие, можно вдруг с удивлением осознать, что так не должно быть. И здесь, мне кажется, важна свобода дара. Если ты хочешь служить мужчине — служи, твое право. А вот если такие вещи «не в дар, а в долг» — вот тут начинается дискриминация.

— *Что бы вы посоветовали женщинам, которые прямо сейчас находятся в трудной жизненной ситуации?*

— Я не могу давать советы тем, кто находится в трудной ситуации — надо обладать соответствующим опытом или

образованием, чтобы это делать. Но я бы дала совет тем, кто смотрит из окна, и ему/ей кажется, что феминизм занимается не существующими проблемами, потому что лично он/она в своей жизни всем доволен: если что-то разрушает вашу картину мира, то это не значит, что этого не существует. Болезненно понимать, что мир устроен иначе, чем ты думал, и возникает реакция защиты — упорно не замечать. Может возникнуть и обратная реакция — если кажется, что ты не видишь ничего особенного, а должен. Легко отшутиться, указав на слабые стороны оппонента. Я бы посоветовала думать внимательнее. В каждом отдельном случае. Принять и взвесить сильные аргументы другого — и отнестись к этому не как к агрессии на дивный старый мир, а как к защите и условию выживания в новом. И развивать эмпатию — за пределы своей группы.

— *Права матерей в России никак не защищены. Крошечные выплаты при рождении ребенка, невозможность взыскать алименты и нет социальных гарантий.*

Как изменить ситуацию, кто должен это делать?

— Я думаю, как и с любым ущемлением прав меньшинства, важно, чтобы были люди, которые посвящают этому много времени (разбираются во всех юридических тонкостях, просчитывают последствия, работают на изменение ситуации в разных организациях, совершают акции, занимаются просвещением). Думаю, большинство, скорее, делегирует эти функции тем, кого считает своим голосом, потому что активные действия требуют много ресурсов (времени, душевных сил), это работа, часто фул-тайм. Но оно в то же время поддерживает «телом» — солидарностью, согласием и потенциальной готовностью в ответственный момент высказать свою позицию. Это может случиться в любое время — в бытовом разговоре с соседями, при внезапно возникшей во время учебных занятий боковой теме, в повседневности или в ситуации общественной акции. И я не думаю, что объединяться должны именно женщины: неравноправие — это общая проблема. Рабство разрушало господина не меньше, чем раба. Поэтому с ним боролись не только рабы, но и господа. Наверное, звучит смешно, но я вообще не понимаю, чем мальчик отличается от девочки. Есть разные формы и течения феминизма. Я за тот, который предполагает абсолютное равенство. За мир, где мужчина ты или женщина, какой национальности, веры, убеждений, веса, роста, в чем одет — не то чтобы не важно... важно, конечно. Но это твои индивидуальные особенности, глубоко частные, и не более того. Тем более что гендер перформативен и множественен. А объединение женщин (против мужчин?) сводит все к бинарной оппозиции. Поэтому, на мой взгляд, должна быть солидарность не женщин, а тех, кто хочет жить в свободном и открытом мире, в котором решение феминистской повестки —

одно из условий. И потому — актуальная для всех тема (для кого перечисленное выше — ценность).

— *Пять любимых художниц, почему они нравятся, удавалось ли побывать на их выставках.*

— В школе очень любила картину Ольги Розановой «Зеленая полоса». Она мне казалась античерным квадратом. Такая же открытая для интерпретаций — от предметных, стемпель, до ценностных — дорога без конца, свобода, и все они увязываются в жизнь, как черный квадрат в смерть. Мечтала увидеть ее, когда ехала учиться в Москву. А оказалось, что она в Ростове Великом. Уже потом я специально ездила в этот маленький городок посмотреть на нее. И служительницы с трудом нашли зал (как-то не выделяя ее среди прочих). Сейчас она стала брендом экспозиции, сумки-магниты, вот это все. Думаю, заслуженно. Хотя и немного ревную к моменту, когда я приехала к ней на поклон, с трепетом, а она встретила меня в домашнем. По поводу Розановой — в Москве была хорошая выставка «Амазонки русского авангарда», много интересных имен и сильных полотен, и чуть позже — выставка «До востре-

Света Литвак: Литературная жизнь — копия политической

— *Света, расскажите о ваших книгах.*

— У меня было несколько книжек в Вологде, первая вышла, когда я училась в восьмом классе. Это был интересный опыт — и процесс верстки, в котором я принимала участие, иллюстрирование, презентации (в Вологде и в Петербурге), где все взрослые волновались, что я буду волноваться, а я как-то даже не знала, что положено переживать, — просто делала свое дело и была этим увлечена. Потом, после того как я с красным дипломом окончила Литинститут, захотелось книгу в издательстве, которое бы включило в сообщество и в процесс. Переработанный диплом составил книгу «Между водой и льдом», вышедшую в «Воймега». Через пять лет вышла «Забить-река». За стихи из этой книжки мне дали премию «Дебют» в номинации «Поэзия» (2013 год), сама книжка была в числе дипломантов «Московского счета». «Забить-река» выложена на сайте журнала «Формаслов» в красивом, как все на этом сайте, оформлении с рецензиями на нее и картинкой. Также она и предыдущая есть на сайте журнала «Просодия». Скоро выйдет книжка «Вертоград в августе» (Воймега, 2020). Ее можно будет купить в «Фаланстере» и других маленьких и умных книжных, куда некоммерческие издательства поставляют свои новинки. Кроме того, есть две детские книжки с моими стихами и иллюстрациями: «Где трава высока» (СПб., 2010) и «Травник-разговорник деревни Рождество» (М., 2018). Ну и упомянутая выше монография «Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке» (М.: Индрик, 2019).

бования», где были полотна из провинциальных музеев — там было несколько работ Ольги Роз. В 2018 году я побывала на выставке Тиры Клен в Тильской галерее (Стокгольм). Это графика *findes siècle*, про чувства — страх, желание, смирение, предвкушение — но выполненная с какой-то математической точностью. Эта экспозиция надолго осталась в памяти. До выставки, на которую попала случайно (я люблю Тильскую галерею и проездом после научной конференции была в Стокгольме), я не знала этого имени. Потом уже решила поискать информацию о Тире Клен, и нашла, что она занималась антропологией, имела какие-то награды по этому поводу, и стояла у истоков шведской ассоциации женщин-художниц. Собственные отношения — на уровне вышивания. Мне нравится писать маслом, часто снится этот процесс, но для меня это не высказывание, добавляющее в мир новые смыслы, а побочный продукт созерцания. Но выставки бывают, да, — в Вологде есть люди, которые предлагают выставиться, и те, кто смотрит. Дважды выставлялась в Москве — в Вологодском землячестве и в Чеховской библиотеке.

— *Открыли ли вы для себя какие-то новые имена на Искренковских чтениях?*

— Искренковские чтения важны, нужны, дают необходимую информацию о творчестве Нины Искренко и возможность высказывания современным поэтам. Хорошо бы, чтобы эта акция повторилась и закрепилась как ежегодная. Все, знавшие Нину, хранят и чтут в воспоминаниях ее яркий образ. Но время от времени почитать вслух стихи хорошего поэта никогда не лишне. Исполнение стихов разными людьми — тоже своего рода осмысление и жизнь поэтических текстов. Мне понравилось, как выразительно, прочувствованно читала стихотворение Нины Искренко Яна Иртеньева. Хотя сама Нина никогда не подчеркивала эмоции при чтении. Она проговаривала их ровным голосом с нажимом, почти равнодушно, словно нехотя, не повышая голос. Но в этой же манере чувствовался вызов, даже какая-то шпанская манера: ну ты чо, в натуре, не понимаешь? Очень многое тексту давали паузы, довольно насыщенные, даже тяжелые, нагнетающие, а то и мучительные. Ударения, паузы, оговорки, беспощадная ирония. Но и подростковая ранимость, все мы ранимы. На чтениях — неизвестная мне ранее поэтесса Стефания Данилова — симпатичная.

Литература в социуме пребывает в режиме убогого равенства дурного вкуса и поэтических изысков. Многими усилиями (всех видов литературного администрирования) культивируется неразличимость. Возможно, такого еще не было. Вероятно, это естественный процесс.

Тем отраднее, что воспрямил от сна такой бунтарский образ поэта, который, казалось бы, вынесло в свое время на волне демократических идеалов, но он сохранил при этом романтическую преданность принципам элитарности в литературе и искусстве. Мутная трясинка графоманского большинства и тогда ополчалась на стихи Нины, отказывая им в принадлежности поэзии. Умельцы замыливания неповторимости и красоты своими напрасными стараниями заставляют пристальнее вглядываться в строки, предаваемые забвению и поруганию. Думаю, сейчас те же «критики» ставят ее в пример другим, не укладывающимся в рамки их измерительных приборов, незадачливым поэтам, потому что, как ни крути, Нина Искренко теперь претендует на статус признанного авторитета. Во время чтений мне приятно было узнать, что есть люди, такие, как Ольга Буныкина, Любава Малышева и другие энтузиасты, посвятившие немалую часть своего времени и энергии популяризации искренковских текстов и внедрению в информационную среду контентов, посвященных творчеству Нины. Это благородная миссия. Спасибо вам!

— *Какие мероприятия стоило бы провести к 80-летию Нины? Что вы думаете насчет стенда памяти в библиотеке или даже музейной комнаты (хотя бы временной выставки)? Насколько это реальный проект в современной Москве?*

— Стенд памяти в библиотеке? Конечно! А музей уж тогда делать всему клубу «Поэзия», в котором собралась звездная плеяда поэтов того времени. Мероприятие в честь Нины мне представляется в ее стиле: перформансное исполнение стихов. Может быть, даже с театрализацией, с привлечением актеров.

— *У вас есть стихи или рассказы, посвященные Нине?*

— Посвященных Нине стихов у меня нет, есть одно, с упоминанием, но не только ее имени, а и многих других поэтов клуба «Поэзия». Есть мои воспоминания о клубе «Поэзия», опубликованные на сайте polit.ru.

— *Как вы относитесь к музеям, посвященным памяти женщин-гуманисток?*

— В музеях, посвященных женщинам, похоже, не бывала, даже в Цветаевском и Ахматовском. Кажется, посещала из литературных только дом-музей Чехова. Я бы назвала именем поэтессы Ры Никоновой улицу в Ейске и сделала музей Ры Никоновой и Сергея Сигея там же. Не вижу проблемы с музеями, так как не знаю, что и как происходит в музейном мире, наверняка проблемы есть. На мой сторонний взгляд, музеи создаются по степени известности человека, а не по принадлежности к тому или иному полу. То, что знаменитых мужчин почему-то больше, это очевидно. Но я всячески поддерживаю движение

за женские музеи. Скорее всего, им придется тяжелее изыскивать средства на создание и поддержание.

— *До того как вы переехали в Москву, встречались ли вам женщины, поведение которых не укладывалось в патриархальные рамки? Может быть, учителя, артистки, героини книг...*

— Женщина, чей образ запечатлелся и поразил меня в молодости, это Вера Ивановна Кудинова, по профессии логопед, из города Юхнова (впоследствии переехала к мужу в Малоярославец Калужской области). Именно своей неординарностью, особой гордостью и противостоянием обыденности и общественному мнению.

— *Расскажите про современных поэтесс, за творчеством которых вы следите...*

— Сказать, чтобы я пристально следила за чьим-либо творчеством, нельзя. Так сложилось, что больше всего из женщин-поэтесс после Нины Искренко я общалась с Юлией Скородумовой. И знаю ее стихи достаточно хорошо. Кроме того, Юлия — перформансистка, что мне тоже очень близко. Еще, конечно, Елена Кацуба, это комбинаторика, звучарство, перформанс, визуальная поэзия. Умерла она недавно, поэтому уместно пока называть ее современной поэтессой. Татьяна Куцубова, малоизвестная, практически не известная в литературном мейнстриме поэтесса. Мне очень нравятся многие ее стихи. Познакомились мы на поэтическом сайте roezia.ru довольно давно. Живет она в Тарусе. Будучи издательницей журнала «Сентябрь итд», я регулярно публиковала ее подборки и читала ее стихи на вечерах. В свое время отнесла стихи Татьяны в журнал «Знамя», где они были опубликованы Ольгой Ермолаевой. Мне близки ее музыкальная и смысловая работа с языком, внимание к каждому слову, изыски словотворчества, чувство красоты и загадочность, темнота поэтического высказывания. Одно время меня очень интересовало творчество Фаины Гримберг. Очень светлые стихи. Отчаянно откровенные, нежные, ни на кого не похожие. Сильный, упрямый, гордый человек. Но мы давно уже не общаемся. Питерская поэтесса и перформер Лариса Березовчук. Сильная фигура в литературной игре. Интеллектуалка, мастер крупных, эпических форм. Мы познакомились на фестивале в Смоленске. Я бывала на ее выступлениях в Москве. Отношусь с большим уважением. Совсем другого плана (тоже питерская) поэтесса Наташа Романова. Мастер, тонкий стилист. Трэш, кич, стон, кровь, моча, блевотина, «правда жизни». Мне очень нравятся некоторые песни Анны Герасимовой (Умки), это знаковая фигура 80–90-х. Филолог, критик, исследователь, литературовед. Еще мне довелось общаться, но только в сети, с поэтессой Йовиной Блокнайт, пишущей эротические стихи. Она — из самых сильных, пишущих

в этом жанре. Я также публиковала некоторые ее стихи в своем журнале. Когда-то я сотрудничала с поэтессой, акционисткой Анной Альчук, я приглашала ее участвовать в своих акциях, она меня в своих. Помню, например, ее проект «ФИГУРЫ ЗАКОНА», когда были сфотографированы обнаженные мужчины, вооруженные фаллическими символами, ножами и кинжалами. Продолжением стал проект «ФИГУРЫ ЗАКОНА II», в котором и я участвовала вместе с художницами и перформансистками. Женщины сами выбирали себе атрибуты. В задачи проекта входило:

1. Дать возможность женщинам максимально выразить себя в экстремальной ситуации (обнажение для многих — экстрим);
2. Противопоставить «эротическому» (объектному) изображению женского тела (которое мы видим в желтой прессе, рекламе) изображение женщин как абсолютно самодостаточных и независимых от взгляда Другого, пародируя при этом многие привычные рекламные ходы женской иконографии;
3. Сравнить процесс съемки в случае мужчин и женщин, чтобы понять существуют ли различия между отношением к своему телу тех и других. На фото моим атрибутом было весло, я изображала поэтессу.

И много интересного в моей жизни связано с Наталией Азаровой, в проектах которой я принимала и принимаю активное участие. А именно: в акционной программе салона Наталии Азаровой с тематическими литературными вечерами и концептуальной кулинарией. Наталия привлекла меня к активной переводческой деятельности: с китайского Ду Фу и современных китайских поэтов, переводам современной испанской поэзии.

— *Разделяете ли вы тексты по жанрам, или же для вас творчество каждого литератора — это неразрывная ткань?*

— Ткань-то она неразрывная, коли автор один. Но различать можно. Смотря какие цели преследуешь. В одном ракурсе видишь целое, то, что объединяет все эти тексты. С другого ракурса мигают звезды частностей и специальных тем и форм. И то, и другое интересно и необходимо. Особенно сильно я это чувствую на себе, поскольку поэтическое мое разнообразно и далеко не всегда совместимо в одной книге.

— *Чувствуете ли вы различие между личной и политической жизнью?*

— Вот вроде бы чувствую различие. А глядь, — литературная-то жизнь — копия политической. Мне было дискомфортно при коммунистах, тогда я придерживалась диссидентских взглядов. А когда прогнали их вон, мне легко дышаться стало, никто не заставляет лгать, перестала

бояться, что меня будут преследовать за «тунеядство» и так далее. Можно сказать, я стала конформистом. В литературе тоже есть своя власть, чиновники, зависимые от них литераторы. Ведь их кто-то должен печатать, книги издавать, премии им вручать, всякие блага и почести устраивать, заботиться, в общем. И как в любой другой иерархической структуре процветает подхалимаж, бюрократия, чиновный гонор, карьеризм, подковерная возня, цензура. Вот здесь я скорее чувствую себя нонконформистом. Но революции устраивать для каких-то новых функционеров меня не заманишь. Я придерживаюсь собственного честного поведения и занятия любимым делом. Кто хочет властвовать, тот борется за власть. А власть идеальной не бывает. Сейчас очень много эффективных способов манипулировать общественным сознанием. Мне хотелось бы еще многое сделать в литературе и искусстве, прежде чем покинуть этот мир. Поэтому политику оставляю желающим.

— *Вопрос о зарубежных поэтессах: делаете ли переводы, интересуетесь ли кем-то?*

— Волею судеб мне довелось участвовать в некоторых переводческих проектах, где я переводила стихи современных китайских поэтесс И-Лэй и Цун Жун, а также довольно много стихов перевела латиноамериканки Марисы Персико, живущей в Риме, а родом она из Аргентины. Безусловно, это интересно. Переводческая деятельность, связанные с этим проблемы, взаимодействие языков — моя стихия. О Марисе Персико: преподает испанский язык и литературу в университетах Мачераты и Университете Гульельмо Маркони (Рим). Была приглашенным профессором в Крагуеваце, Софии, Лионе и Оксфорде. Участник поэтических фестивалей, редактор выходящего в Риме поэтического журнала «Тетради гиппогрифа» (Cuadernos del hipogrifo).

— *Расскажите о ваших книгах.*

— «Разноцветные проказники», 1992; «Песни ученика», 1994, Издательская квартира Андрея Белашкина; «Мое путешествие на Восток», 1996, проза, иллюстрации автора; «Это — любовь», 2002, ВРС, (псевдоним Левита Вакст), проза; «Книга называется», 2007, Культурная революция; «Безнравственные коллизии и аморальные пассажи», 2009, Тольятти, альманах Майские чтения, Литературное агентство В. Смирнова; «Один цветок», 2010, Таганрог: Нюанс, 32 полосы; «Случаи из жизни», 2011, Таганрог: Нюанс, 32 полосы; this is visual poetry by Sveta Litvak, 2011, chapbookpublisher, Kingston, USA; «Русский мальчик бегаёт», 2015, ИД «Вручную»; «Фегны», Таганрог: Нюанс, 2015, совместно с Н.Байтовым; «Гнев и похоть», 2016, Москва, Издательский дом Л.И. Мудищева, рисунки Нестора Поварнина; «Хуны здес», 2016, Чебоксары, Free

Поэту, художник Игорь Улангин; «Вновь полон сад», 2017, Москва, ИД «Вручную»; «Агынстр», 2020, Москва, Вест-Консалтинг. «Книга называется», «Гнев и похоть», «Агынстр» можно купить в Москве, в книжном магазине «Фаланстер».

*

освобождение от этого кошмара никак не наступит
простая ковровская девчонка, которую любовь погубит
с рабским инстинктом, вынуждающим ее идти по жизни
в обычной московской коммуналке растившая дочь и сына
в бессонных страхах систематически разрушая свое тело
рутину превозмогла, выжила и преуспела
а что такого? не глупа ни разу
захотела иметь двух любовников сразу
и что дальше? в придачу к прежним ошибкам
зверски избита, а затем подвергнута многодневным пыткам
любовники угрожали и возвращались обратно
страх, что жизнь без них никогда
не будет столь же приятной
страх почувствовать себя обделенной
делали ее в делах любви весьма искусственной
и только когда один из них ее бросит
простая девчонка наивно так спросит
зачем мне сдался еще и хуй археолога
как я могла терпеть все это так долго?
я бы не то рисовала и пела другие песни
если б вовремя излечилась от этой ужасной болезни
во всем виноват переизбыток ласки женской
это понимание послужит ей дополнительной поддержкой
ловушка устроена так хитроумно
что, пристрастившись к сексу,
бросить любовника становится очень трудно
он же, издеваясь, развлекается и только
по-садистки наслаждаясь не сопротивлением и болью
что ужаснее всего, такую жизнь ты сама себе выбираешь

открываешь свои слабые места,
а противника до зубов вооружаешь
и, себе, разумный
и во всех других отношениях адекватный
человек стал способен лишь на крики и просьбы:
прекрати, хватит
лишь когда невыносимые мучения
приведут к потере здоровья
нас в очередной раз заставят
почувствовать себя прокаженными
самовлюбленный герой настолько уверен
в себе и своей правоте
что его не заботят нормы, правила и законы
жертва чувствует, что без него лишается
удовольствия и опоры
что сделала эта девчонка? в чем она виновата?
она лежит на полу, в полной власти истязателя и изврата
а когда, наигравшись, он ее, наконец, отпускает
появляется это тревожное ощущение опустошенности,
чувство, что чего-то не хватает
человек становится нервным, неуверенным, возбужденным
жажда этого яда похожа на острый голод
начинаешь испытывать недостаток доверия к миру
подставляя охотно горло своему возлюбленному вампиру
по своей глупости ты попала в зловещую западню
и хотя сердечко трепещет от страха перед каждым прыжком
знай: это оковы длиною в жизнь, если ты не разорвешь их
то взрастишь еще большую ненависть жестоких и злых
но все же прыгай, растопыривай крылышки и лети, лети
хотя на новом месте могут поджидать более страшные тати
там новые мучители из лейки поливают ростки
все же не возвращайся, устыдившись своего малодушия
где упоительное чувство покоя? как найти лучшее?
действительно ли мне это нужно? что я получаю взамен?
абсолютно ничего. нас обманывают. зачем?

2014

Наталия Елизарова: Необходимо законодательство, защищающее права женщин

— *Что вы думаете про стихи Нины Искренко, про Искренковские чтения?*

— Я не буду лукавить, что стихи Нины Искренко — близкая мне поэтика. Но изучение не до конца понятного, погружение в неблизкое иногда дает удивительный эффект: начинаешь видеть второй и третий план, находишь что-то созвучное. Я «человек строчек», могу ухватить что-то и долго носить в себе. Нина Искренко для меня — логик, несущий нечто математическое в своих текстах. У меня есть книга ее геометрически выстроенных стихов «Или». Не назову сейчас пять конкретных фамилий участниц (просто потому, что у меня ужасная память на фамилии и имена), но мне всегда интересно слушать людей, знакомых

не только со стихами автора, но и с ним лично, принявших какое-либо участие в его судьбе. Помимо этого, многие знакомые мне поэты просто прекрасно прочли стихи Нины Искренко: я услышала какие-то впервые, а другие открыла заново — так бывает, когда слушаешь, а не читаешь с листа.

— *Участвовали ли вы раньше в женских поэтических чтениях, проектах, объединениях, сборниках?*

— Некоторое время назад, с учетом демографической ситуации в нашей стране, большинство объединений — литературных или других — состояло преимущественно из женщин. Сейчас статистика говорит нам, что среди 30-летних на 1000 женщин приходится 999 мужчин,

но то ли посчитали неправильно, то ли мужчинам не хочется брать на себя «общественную нагрузку», так что преобладают в любом случае женщины. А бывает, что такое объединение возглавляет мужчина, который докладывает «наверх» о достижениях своих подчиненных, приписывая себе большую часть заслуг. Если говорить о литературных проектах, то я знаю, что существуют женские чтения и фестивали, но раньше мне не доводилось принимать в них участия. Мой выбор фестивалей и изданий никак не связан с вопросом пола организатора, редактора или участников, скорее это вопрос порядочности людей, с которыми я имею дело.

— *Расскажите о вашем пути в литературу.*

— «Путь в литературу» звучит как восхождение на пьедестал или подъем по ковровой дорожке. На самом деле нас нет в литературе. Есть современный литературный процесс, где в кругу писателей и поэтов и то не все знают друг друга, а уж вне его не знают почти никого. Боюсь, что писателям нашего времени доступны лишь несколько изданных при жизни книг и полное забвение. Я бы рада ошибаться. Я начала писать лет в двенадцать, первая публикация стихов была в местной подмосковной газете, на тот момент мне было пятнадцать лет. Это все, конечно, считалось баловством. Я была ребенком, выращенным тремя женщинами. Это не значит, что у меня не было отца, просто он всегда много работал. Был дедушка, который любил меня, но его рано погубил рак. Был младший брат. У меня преподавательская семья: бабушка была директором школы, мама и по сей день работает учителем немецкого языка. Больше всего, пожалуй, мной занималась моя родная тетя — Надежда. Думаю, все они считали, что стихи — это баловство. Вокруг меня никто не писал, общения по интересам не было, и я очень жалею о том периоде, так как упустила огромный пласт чтения, то есть не прочитала многого, что должно было быть прочитано. Здесь я имею в виду и детскую литературу, и более взрослую. И Туве Янссон, и Мандельштам, и Булгаков... Знакомства в литкругу появились очень странно. Я очень недолго работала в Щукинском районе Москвы и подала стихи на конкурс «Золотая щука», потом пришла на их мероприятие, где познакомилась с Еленой Кантор. Лена и привела меня в Бауманку — в студию «Коровий брод», которую вела и ведет прекрасная Елена Исаева, с которой со временем мы стали подругами. Что касается Литературного института, то я совершенно ничего не знала о нем в школьные годы, филология не рассматривалась мной как профессия, это было как некая несуществующая мечта. Я поступала в Литературный институт дважды. В 2003 прошла творческий конкурс, но забеременела и решила не объединять два крупных события в жизни. Вернулась к этой идее в 2006 г. И тут уже училась шесть лет. Преподавателем-легендой

у нас была Гвоздева Инна Андреевна, которой «невозможно» было сдать экзамен. У меня вели занятия потрясающие, умные женщины: Никольская Татьяна Евгеньевна, Михальская Анна Константиновна, Зайцева Ольга Вячеславовна, Можяева Анита Борисовна... С Татьяной Евгеньевной Никольской мы дружим уже много лет, я восхищаюсь ее умом, интеллигентностью, красотой и как раз умением все совмещать.

— *Интересуетесь феминистской лирикой, активностью?*

— Я знаю современных поэток-феминисток, мы так или иначе встречаемся в пересекающихся кругах. Внимательно наблюдаю за правовой деятельностью Мари Давтян — руководителя «Центра защиты пострадавших от домашнего насилия при Консорциуме женских неправительственных объединений», она и ее коллеги делают много для женщин, попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Как бывший волонтер детской больницы, я знаю, как трудно не выгореть, постоянно пропуская через себя чужую боль.

— *По первому образованию вы юрист. Были ли в студенческое время женщины-преподаватели, которые оказали на вас сильное влияние?*

— Восемнадцатилетней девочкой я пришла работать в суд, в уголовный процесс. Туда, где убийства, изнасилования, тяжкие телесные... Я работала с заместителем председателя Каширского городского суда Валентиной Ивановной Здоровцевой, которую я очень люблю и уважаю. Она стала для меня примером строгого и уважительного отношения к людям, включая милицию, прокуратуру, адвокатов и самих подсудимых. Она никогда не позволила бы себе выплеснуть негатив на того, кто по ту сторону, она всегда объективно рассматривала дела и, если не была уверена в объективном рассмотрении дела, возвращала его на доследование. А уж чего стоили ее сердцу все вынесенные приговоры, знают только близкие люди. Этот первый в моей юридической работе суд был местом, где можно было найти истину и справедливость. В нем работали грамотные специалисты, увлеченные своим делом. Их уважали даже осужденные ими преступники. Несколько лет назад я участвовала в гражданском деле по иску матери девочки-инвалида. Дел было сразу несколько, мать билась одна по всем фронтам, отец бросил искалеченного ребенка. Судья опоздал на два часа, пришел пьяный и вынес решение против. Этот контраст настолько силен, что последние несколько лет я стараюсь не заниматься судебными делами, просто не могу участвовать в фарсе. Что касается юридического факультета, то там преобладали преподаватели-мужчины. Впрочем, двадцать лет прошло, я могу ошибаться. Позже я работала с несколькими женщинами-адвокатами, знающими, опытными, но женщинам всегда сложнее совмещать семью и карьеру просто потому, что в сутках

всего 24 часа. Время, уделенное профессиональному росту, отнято у семьи, а время, проведенное с детьми, отнято порой у любимого дела. Еще хуже, если женщина всесторонне развита и кроме работы у нее есть хобби или вообще дело жизни. Несмотря на то, что мы живем в XXI веке, далеко не всем мужчинам понятен интерес женщин к науке, искусству, саморазвитию. Боюсь, что должно пройти еще немало времени, чтобы ситуация изменилась. А пока это непонимание ведет только к разводам и появлению «child-free».

— *Знаете ли вы проблему фемцида в России?*

— В России много проблем. Помимо фемцида, остро стоит проблема отношения к инвалидам, проблема сбора денег на лечение детей, потому что не помогает государство. Детские дома, дома престарелых — эти забытые Богом места, куда не ступала нога ни одного чиновника. Перечислять можно долго. Разумеется, нужно менять законодательство, но не против людей, а в их пользу, в том числе в пользу женщин, которые — будущее. Чтобы воспитывать детей с человеческим отношением к ближнему, будь это другой ребенок или пожилой человек, нужно сначала эти взгляды донести до родителей, объяснить, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». В нашей стране у слабых нет доверия к полиции, к представителям власти. Ведь эти люди считают, что могут творить произвол безнаказанно, и на самом деле так и происходит. Пока чиновник не будет бояться того же наказания, что и простой гражданин, это деление и этот страх будет неотъемлемой частью нашей жизни. Разумеется, необходимо соответствующее воспитание мальчиков с детского сада и школы, чтобы в дальнейшем мысль ударить женщину не могла даже прийти в голову. Да, необходимо законодательство, защищающее права женщин. Но это не только закон о домашнем насилии, это широкая сеть психологической и социальной поддержки женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию. Увы, наше общество до сих пор втолковывает женщине, что она недочеловек, если не жена и не мать. И вот она в поиске этой «нормальности» и любви находит человека, который в дальнейшем становится источником кошмара. А еще женщину приучили терпеть: бьет — значит любит. И она такой же пример подает своим дочерям. И если это большой город, то можно попытаться сбежать, а если маленький или поселок, то и пойти ей некуда, и она может вообще исчезнуть с лица земли, потому что никому нет до нее дела. И в этой системе ценностей «главное — выйти замуж» женщину учат перекаладывать ответственность на мужчину, мужа, а важно вернуть женщинам эту возможность и обязанность: отвечать за себя, за свои решения, свой выбор. Понимать, когда он неверный, давать себе еще один шанс, менять свою судьбу.

— *Расскажите о ситуации с правами женщин юстиции.*

— Я работала в различных коммерческих организациях, где ситуация была примерно такой: в коллективе есть женщины, которые делают основную работу, и есть мужчины — руководители отделов или директора, которые появляются на работе на непродолжительное время, получают отчет о проделанной работе, свою зарплату и едут по своим мужским делам вроде футбола и бани. Раньше я много путешествовала, и коллеги-мужчины зачастую интересовались, зачем мне это. Мол, не сидится ей дома. Про интеллектуальный уровень спрашивающих умолчу. Даже если ты занимаешь руководящую должность, всегда в коллективе найдутся мужчины, которые будут заниматься уничижением тебя как специалиста. Сколько хороших проектов загублено по их лени, незнанию и нежеланию знать. Думаю, что и в литературе то же самое, иначе не появился бы этот оттенок негатива в словосочетании «женская поэзия». Я лично знаю примеры неизданных хороших женских романов, потому что нужно пропустить какого-нибудь мужчину вперед, а потом еще дать ему премию.

— *Исследуете ли вы женскую историю своей семьи?*

Есть ли интересные вещи, которые вы поняли с возрастом о характере женщин своего рода, о причинах их поступков, о влиянии на вашу личность.

— Женщинам моего рода не повезло, среди них не было дворян и белоручек. Все очень много и очень трудно работали. Бабушка со стороны отца растила одна в войну четверых детей, работала на земле. Дед погиб 23 февраля 1944 года, не так давно, благодаря открытым архивам, мы нашли могилу в Новгородской области, где он захоронен. Бабушка всегда повторяла детям две вещи: что отец наказывал учиться и что они должны быть всегда вместе, как в притче о венке. И они сохранили близкие отношения на всю жизнь. Прабабушка со стороны мамы растила в войну одна шестерых детей. Мужа комиссовали с ранением в 1943, прожил совсем недолго. Старшей дочери — моей бабушке — было семнадцать, остальные мал мала меньше. Им было не до лирики. Поэтому причины поступков просты и понятны, как и отсутствие любых «излишеств». Бабушка только и повторяла: «Жить — трудиться».

— *Какие правовые достижения демократических стран кажутся вам значительными и необходимыми для России прямо сейчас? Если бы была волшебная палочка, что бы вы поменяли?*

— Мне кажется правильным такой способ мироустройства, когда главный человек в государстве заботится о своем народе: и о юных, и о пожилых, и о больных, и о здоровых. А этот народ уважает и любит его. И он может пройти по улице без тройного кольца охраны, потому что не боится своего народа. Это если совсем примитивно. Что касается

применения чужих достижений у нас, то я не политолог, чтобы брать на себя ответственность за результат таких инноваций. Этим должны заниматься люди, имеющие профессиональный опыт в политике и экономике, но не имеющие личной заинтересованности.

— *В честь каких гуманисток вы бы назвали улицы Балашихи, Москвы, Парижа, Нью-Йорка?*

— Я бы назвала улицы в честь женщин, спасавших еврейских детей в войну. В честь медиков, самоотверженно спасавших людей. В честь ученых, разработавших новые лекарства и методики. Если говорить о современности, то меня поразила история о самоотверженности Малалы Юсуфзай, девочки из Пакистана, ведь ей было всего пятнадцать лет, когда она отважилась выступить публично в сети против боевиков-террористов. И это едва не стоило ей жизни. В поэтической среде всем известно имя поэта и правозащитницы Натальи Горбаневской, которая в августе 1968 года выступила против ввода советских войск в Чехословакию. Их было всего восемь человек, причем Горбаневская пришла на демонстрацию с грудным ребенком. Это были умные люди, они понимали, что вряд ли что-то изменят, но промолчать не смогли.

— *Современные поэтессы, за творчеством которых вы следите, почему, что вам близко, примеры строчек, которые кажутся вам особенно удачными.*

— В последнее время я внимательно читаю Ирину Еву, Катю Капович, Татьяну Вольтскую, Марину Гарбер, Лену Берсон и других. Дружу с чудесными поэтами Ольгой Сульчинской, Ольгой Аникиной, Анной Гедымин, Еленой Лапшиной, Аленой Бабанской, Еленой Борок. Если кого-то забыла упомянуть, то просто потому, что здесь должен быть довольно длинный список. Здесь нельзя упомянуть ни две, ни четыре строчки, потому что мир автора — он цельный, текст автора тоже цельный, и мысль, вырванная из контекста, всегда искажена.

— *Расскажите о ваших книгах.*

— Книг несколько. Первая такая юношеская книжка называлась «Как сказать о любви?», она была выпущена примерно в 2000 году, с тех пор я никому ее не показывала. А уже потом были: «Осколок сна» (2006 г., Москва), «Черта» (2014 г., Смедерево, Сербия), «Страна бумажных человечков» (2019 г., Москва «Арт Хаус медиа»), книга для детей «Мой ангел» (2015 г., Иркутск). И если в «Осколок сна» вошли остатки юношеского максимализма, то остальные книги, начиная с «Черты», которая, кстати, трилингва, хочется верить — серьезны. Все книги, кроме последней, прошлого года, разошлись. Большая часть трилингвы («Черта») осталась в Сербии и Черногории, книга «Мой ангел» с чудесными иллюстрациями иркутской

художницы Юлии Ружниковой была выпущена небольшим тиражом за счет спонсорских денег и, увы, не переиздавалась. Так что на данный момент можно купить книгу «Страна бумажных человечков» в издательстве «Арт Хаус медиа», в магазинах «Фаланстер» и «Циолковский».

* * *

А ему, наверное, хочется пирогов,
а она сидит на постели — спина строга.
Ей бы в Одессу, в Припят, в Могилев, во Львов,
ей бы отсюда — нагой — к чертям на рога.
А он говорит ей что-то про сломанный кран
и засохший хлеб,
про работу на выходных, пожилую мать.
А у нее голова светится так, что почти он ослеп.
Больно даже дышать, не то что смотреть,
хочется броситься — погасить, сломать.
И он думает: может, ей завести детей,
ну, или, допустим, хотя бы собак —
пару шпицев, и с ними в утренний парк
выходить гулять, и, как у нормальных пар,
к вечеру будет более общих тем.
А она вдруг ложится на бок, сворачивается в узел тугой,
и лопатки корчатся, и волосы заслоняют лицо.
И вдруг спрашивает: «Может, завтра напечь пирогов?»
— Зная точно, что ни мужем не быть ему, ни отцом.

* * *

А она лежит, и нога у нее — бревно.
Говорит всегда: «Без ноги я уже давно,
Как пошла в сберкасса, упала и вот — бедро».
А до этого было лето и огород,
Сад из яблонь и слив, соления — круглый год.
Земляника, смородина — просто просились в рот.
И семнадцать лет не входила я в этот сад,
Там сухие бесплодные яблони тихо спят,
А ворота ржавые — песню свою скрипят.
Там тюльпанов и лилий клубни стали землей,
Королевский крыжовник покрылся коростой-тлей,
Провода над сараем свисают немой петлей.
А сама говорю: «Не волнуйся, лежи-лежи»,
И мучительно вижу, как в ней засыпает жизнь,
И как будто уходит на верхние этажи.
А она вспоминает снова: «...был жив твой дед...»,
Словно и не промчалось стремительно тридцать лет,
Словно он и сегодня еще придет на обед.
И она мне рассказывать будет еще о войне,
О своем отце, попавшем в немецкий плен,
И о младших братьях, но более — о сестре.
Я стараюсь запомнить тонкую кисть руки,
И прозрачную кожу ее, седые виски,
И беззубый рот: «Доживаем мы, старики...»

Мне придется пройти тропинкой, что заросла,
Подписать договор о продаже «сего числа»,
И продать свою память — место, где я росла.
Где, копаясь в земле, собирала я червяков,
Где я плакала из-за капризов и пустяков,
И не думала, что не станет вдруг стариков.

* * *

Козерожья зима наступает, ступает на пятки,
заставляет по дому искать на меху сапоги.
Не услышав вопроса, киваешь обычно: «В порядке»

и идешь на работу — с работы, печешь пироги,
вяжешь варежки... Врешь! Ты вязать не умеешь,
не научена многим простым, но и важным вещам.
В осень — липнет хандра, а зимою, конечно, болеешь,
что-то вечно роняешь и ранишься по мелочам.
Не с кем слова сказать? Снегири — погляди —
прилетели

и сидят на рябинах и ягоды гордо клюют.
Обещают под тридцать мороз и метель на неделе,
Брось им крошек тогда или что там обычно дают?..

Ирина Чуднова: Новая книга будет двуязычной

— *Ирина, как вы чувствовали себя после ночной записи видеоролика со стихами и семичасовой модерации Искренковских чтений?*

— На следующий день после чтений у меня было ощущение сделанного дела. Я подхватила его практически с колес, и многое пришлось делать моментально. Для меня это не впервые. Подобные проекты учат быстро входить в курс дела, задавать только ключевые вопросы, думать на пару шагов вперед, кооперироваться с другими, страховать и дублировать какие-то функции, которые могут понадобиться в процессе. Собственно, с самого начала пользования сетью, еще на заре века, я участвовала в разного рода распределенных проектах, где незнакомые друг с другом в реале люди делают какое-то общее дело, объединившись вокруг общей идеи.

— *Женские чтения — нонсенс или интересное явление?*

— Вполне интересное и имеющее право на жизнь явление. Не хуже и не лучше других форматов.

— *Участвовали ли вы в каких-нибудь подобных инициативах ранее?*

— Вообще в чтениях — да, но в чисто женских проектах нет.

— *Сохранить рукописи современных поэтесс — хорошая идея?*

— Отличная идея. Ценность повышается по мере удаления от точки производства рукописи.

— *Есть ли женские поэтические фестивали, литературные объединения, издательства или книжные магазины в Китае?*

— Честно говоря, не знаю. Но совсем недавно я была на поэтическом саммите в Линьгао (Хайнань) и спросила там у поэтессы Ай Цзы, что она думает о том, что в китайских мероприятиях подобного рода большинство участвующих — мужчины и совсем мало женщин? И она ответила так:

в возрасте до 35 лет женщин совсем не мало, но потом начинается рождение детей, быт и прочие дела среднего возраста, становится не до поездок, успевать бы писать, хотя бы и меньше, чем в более молодом возрасте. Многие и вовсе перестают писать. У мужчин в этом смысле больше мотивированности и ресурса.

— *Как выглядит гендерное неравенство в Китае?*

— По-разному. Цифрами я не владею, даже не знаю, где такие цифры можно получить. В издательстве, в котором я работаю, генеральный директор женщина. И из 55 сотрудников — хорошо, если десяток мужчин наберется, в холдинге женщины явно преобладают. Но среди руководства подавляющее большинство — мужчины. Нужно быть очень мотивированной в карьере, очень стрессоустойчивой и необремененной домашними делами и воспитанием детей, чтобы делать карьеру именно в высоком руководстве. Но такие женщины есть. И даже процент их как бы заложен в партитуру. Я бы сказала, что люди старше сорока воспринимают это положение, как нормальное, как сложившийся статус-кво. Более молодым это не нравится. Но и страты в целом отличаются. В каждой стране приняты свои модели поведения. Бизнес очень отличается от академической среды, производство от мелкой самозанятости. Зарплаты обычно ставятся на вакансию, есть вакансии, никак не привязанные к полу соискателя, а есть привязанные. Как правило, это не вызывает в обществе большого обсуждения. Если не нравится, можно поискать рядом. Но мне встречались женщины директора стеклолитейного предприятия, отрасли, в которой женщины большая редкость, а также женщины наверху крупных корпораций, женщины-финансисты, женщина директор вертолетно-ремонтной компании. То есть при желании можно добиться успеха практически в любом деле. Современный Китай таков, что под любую реализацию можно найти страту, где принято то или иное поведение.

— *Ваша огромная библиотека — как она создавалась и сколько в ней книг, написанных женщинами?*

— Она не такая уж огромная, могла бы быть и больше, если бы не перевод книг в электронный архив. У меня есть книги, привезенные с собой в Китай еще в 93-м году. И при каждой поездке куда бы то ни было, особенно в Россию, привожу с собой несколько килограммов книг. Из России за четыре поездки в 18-м и 19-м году я присылала себе от 10 до 15 килограммов книг за раз. Как правило, это сборники научных статей, поэзия, проза, критика, книги по искусству, разные редкие книги, купленные у букинистов. Плюс периодика — журналы. Пять значимых для меня писательниц: Астрид Линдгрэн, и соответственно Лилиана Лунгина — две в одном, Агния Барто, Рената Муха, Жорж Санд. Но я никогда не делю литературу на женскую и мужскую.

— *Приходилось ли вам участвовать в книжных ярмарках?*

— Да. Работа в издательстве способствует. Я участвовала в Пекинской книжной ярмарке, в Московской и в ряде региональных — в Астане, в Шанхае и так далее. В принципе, они все так или иначе похожи. Только китайские обычно открывают вход для обычных посетителей в последний день, а в первые дни там бывают те, кто аккредитован для участия. Почти всегда есть возможность сбежать со своего стенда и поучаствовать в других интересных мероприятиях. А так — показываешь другим, рассказываешь об издательстве, проводишь переговоры, презентации, знакомишься и завязываешь связи. И, конечно, книги — встречи с писателями, автографы, новые знакомства, встречи с коллегами. Это очень продуктивные дни.

— *Как вы думаете, меняет ли литература мир?*

— Все меняет мир. Мир меняется каждую секунду. И книги тоже меняют. Но все зависит от того, насколько много читателей у этой книги. Кино, вероятно, меняет в большей степени. Но в основе кино лежит история, сценарий.

— *Как вы считаете, нужно ли создавать музеи женщин-поэтов? В каком бы вы с удовольствием поработали экскурсоводом?*

— Я не разделяю на мужские и женские. Да, музеи писателей нужны. Независимо от пола. Поработала бы экскурсоводом, допустим, в музее Ли Цинчжао.

— *Вы преподаете русский язык иностранным студентам. Какие литературные произведения, написанные россиянками, они знают?*

— Они слышали про Ахматову и Цветаеву. Переведены они на китайский мужчинами. Современные студенты технических и инженерных специальностей не очень-то интересуются художественной литературой. Разве что читают развлекательные жанры.

— *На улице, названной в честь какой поэтессы, вы бы хотели жить?*

— Все равно. Лишь бы там были удобные дома, чистый воздух и хорошая инфраструктура. Но пусть это будет улица Нины Искренко.

— *Какие русскоговорящие поэтессы известны и переведены в вашей новой стране?*

— Ахматова, Цветаева, наверное, они известнее других. Но вообще о русскоязычной поэзии в Китае знают очень немного. Примерно так же мало, как и в России известно о китайской поэзии.

— *Расскажите, пожалуйста, вашу литературную историю.*

— Я сочиняю стихи с пяти лет, начала это раньше, чем, собственно, научилась писать. Первая публикация была в 99-м году. В сеть я залезла еще в 90-е, но только в 2000-м году у меня появилась возможность там общаться и публиковать свои тексты. Я пришла на «Самиздат» при библиотеке Мошкова. Потом, примерно с 2004 по 2016 год, я практически не сочиняла стихов и очень мало писала прозы, но все же больше, чем сейчас. Мои рассказы публиковались в альманахах и сборниках, составленных Максом Фраем. С 2016 года я снова вернулась к стихам. И у меня есть, помимо журнальных публикаций, небольшая книжка-визитка «...И ласточка мутирует к сове». Она была издана небольшим тиражом, практически весь он раздарен моим знакомым. В этом году, надеюсь, выйдет мой сборник «Из ненаписанных книг» в издательстве «Стеклограф». В следующем году будет еще одна книга, которая уже близится к завершению, возможно, эта книга будет двуязычной — на русском и на китайском языке, часть стихотворений из нее уже переведена на китайский и даже была отмечена в этом году победой в номинации «Поэт года» престижной китайской премии Боао.

— *Пять китайских поэтесс, которых можно почитать на русском?*

— Я выбрала пять стихотворений китайских поэтесс, которые переведены на русский также женщинами, и эти переводы мне нравятся. Там есть и мой перевод по причине, о которой стоит сказать отдельно. В процессе поиска стихов я достала все книги с китайской поэзией, которые у меня есть, хотелось выбрать тексты, публиковавшиеся именно на бумаге. Их оказалось семь или восемь томов — переводы классической поэзии и современной. Я стала выбирать, рассчитывая, что если в книге нет оригинала на китайском, то я смогу его найти или вспомню, чтобы удостовериться, что перевод не только красив, но и точен. Другая задача — чтобы переводчиком была непременно женщина (мне показалось, что это соответствует формату интервью и

будет интересной и несложной задачей, как бы не так!) Только одна из книг — двуязычная, и там легко проверить и пол автора (китайские имена обманчивы, не говоря уже о псевдонимах, которые у китайских поэтов и писателей в ходу были во все времена) и качество перевода. Женщин, как я уже говорила, среди сочинителей стихов в Китае не много. То есть должно совпасть: автор — женщина, переводчик — женщина, стихи переведены точно и мне нравятся. И так, проще всего было с Ли Цинчжао (средневековая поэтесса с мировой известностью, ее стихи переводились и классиками советского перевода — Эйдлином, Гитовичем, также есть несколько книг Алёны Алексеевой, и есть ее же двуязычные публикации в сети, я легко нашла стихотворение). Дальше я хотела выбрать что-то из более близкого к нам времени — у меня есть несколько книг переводов стихов XIX и XX века. Увы. Там нет возможности точно понять, автор женщина или мужчина, нет указания на китайское имя в иероглифах, а также переводчики сплошь мужчины, задача потерпела фиаско. Далее я приступила к двум самым близким к нашему времени сборникам китайской поэзии. Это «Азиатская медь», 2007 год, в нем я принимала участие как переводчик. Правда, «мои» поэты были мужчины, но в самой книге есть имена на китайском, портреты и справка о каждом авторе, а также есть возможность проследить оригинал, так как большинство стихов взяты из китайского сборника, который есть в сети. Оттуда я взяла стихи Фу Тянь-Линь и Шу Тин. Второй сборник — «Китайская поэзия сегодня», сборник двуязычный, там есть поэтессы, но, к сожалению, не так много женских стихов в хороших женских переводах. Мне очень нравится, как переводит с китайского Наталия Азарова, и я с удовольствием взяла оттуда стихотворение Мин Ди в ее переводе. Взяла бы и еще, но хотелось разных авторов и разных переводчиков. И тут я вспомнила, что переводила в 2016 году Лисо (псевдоним Ли Шу-Минь) и решила поставить в подборку текст, который пока не издан на бумаге. Таким образом, даже имея несколько томов с китайской поэзией, уверенно найти пять женских стихов, переведенных пятью переводчиками-женщинами, и с возможностью проследить оригинал на китайском, даже в наш век доступной информации оказалось не так-то просто. В очередной раз убедилась, что книги переводных стихов нужно издавать в двуязычном варианте с информацией об авторах, их портретами и хотя бы небольшим текстом о жизни и творчестве.

Ли Цинчжао — Чаша из яшмы с янтарным вином
перевод Алёны Алексеевой

Чаша из яшмы с янтарным вином
наполовину полна.
Только все мысли смешались и так,

словно пьяна без вина.
Звон колокольный вернул ветерок
в сумерках издалека...
Словно куренье рассеялись грезы,
радостны и горячи.
Шпилька упала с волос золотая,
узел ослабив слегка.
Грусть охватила... Но вспыхнуло пламя
вдруг заискрившей свечи...

Шу Тин — Дубу
перевод Г. Климовой

Если я тебя люблю, —
То не как лиана ползучая,
Возмнив о себе по случаю
в вышине твоих веток;
Если я тебя люблю, —
То не песенной страстью птицы,
Тенью кроны твоей успевшей прельститься.
И уж вовсе не так, как родник,
Утешные воды с прохладцей несущий
сквозь годы,
И уж вовсе не так, как скалистый пик,
Утверждавший себя как величье природы,
Но взамен он возьмет твой внушительный вид.
Если люблю, то совсем —
как солнечный полдень,
как дождик, который весну удивит.
Но нет, мне и этого мало!
Я бы пушинкой над тобой летала
или рядом встала — почти близнец.
Корни твои глубоко в земле,
А листья просятся в облака.
Но если злой ветер издалека, —
пусть побоится биения наших сердец.
И никто-никто из людей
еще не разбирает наши слова.
Твои — из железа — ветки очень крепки,
они — как меч или — как нож,
они — как клевец боевой, их не трожь.
А мои цветы крупные, красные,
похожи на вздохи разные
и на факельные огни.
Мы выстоим бури, зимы и грозы,
Мы выпьем на равных горчайшие росы,
ветра мед и радуги семицвет.
Мы навечно одни
И друг другу опора до конца наших лет.
Это и есть — величайшая в жизни любовь,
это я твердо знаю:
Любовь —

не только твой образ великий и имя,
но и место твое, та земля,
в которую до смерти ты
корнями вцепился своими.

Мин Ди — Морской лист
перевод Наталии Азаровой

от моря смотрю — море дерево
его листья рыбы разобраны ветром
мама — ты с ним в воде и ветре не вместе: ты
относишься к небу
а он, как ты говоришь, к земле; ты веруешь, а он ведь
нет
оттуда откуда я мне неизвестно что это веровать
но когда ты уходишь я каждую ночь смотрю в небо
я смотрю в него уже двадцать пять лет
множество рыб взлетает на небо; эти падают те
остаются их плавники
в молитвенном жесте
и самые твердые, группа непоколебимых, они
превращаются
в большую медведицу
посмотри вниз мне в глаза там еще больше звезд
уместилось в моей
сетчатке
точки роста боли и дерева

Фу Тянь-Линь — Любовь
перевод Е. Исаевой

Ветру вслед она идет, вслед течению воды,
Забывая тут же все, что осталось позади.
На спине ее — дитя.
Неразрывно, навсегда, крепко связаны они.
За спиной — то смех звучит,
То надрывный слышен плач.
Нежной ткани полоса прижимается к спине,
И крест-накрест — на груди —
словно бабочка сидит.

А она идет-идет.
Материнская любовь — бесконечная любовь —
Как в бамбуковой корзине дорогие семена.
И ребенок на плечах,
будто саженец, растет,
А как осень подойдет —
Вдруг она услышит голос дорогого колоска.
Только бабочка-завязка вьется-вьется на ветру.
Мать с ребенком навсегда —
вместе — связаны они.
Нет у отдыха завязкам день и ночь.
Нет у отдыха завязкам даже в сильную грозу.
Вот когда ребенок сам, наконец, пойдет пешком —
Бабочка ослабит крылья и спокойно отдохнет.
Ветру вслед она идет, вслед течению воды,
И не знает, что ее взял художник в свой пейзаж.
И не знает, что она
У него на полотне навсегда уходит вдаль —
Вечная святая мать.

Ли Шу-Минь (Лисо) — Пустой дом
перевод И. Чудновой

и вот нужно создать комнату
запереть себя изнутри
и там, среди разлитой темноты,
раз за разом слушать, как ворочается тело
как сами собой стремительно бегут мысли,
изматывая стыдом и сомнениями,
чтобы колоссальным сдвигом
безгранично приблизить измеримое одиночество:
одиночество, начавшееся с торговли временем —
вся поверхность покрыта рывками
одиночество такой глубины, что вдвое больше секса
когда разбегаешься на четыре стороны и восемь
направлений
и возвращаешься, втягивая себя обратно,
разум и есть эта комната,
огранивающая ясность мысли
я заперта внутри

Татьяна Данильянц: Путь независимого деятеля культуры

— Татьяна, Вы интересуетесь взаимодействием искусств — все ваши фильмы, инсталляции, фотографии, стихи пересекают установленные границы. Зачем?

— Я бы не сказала, что они сознательно пересекают границы, просто все эти создания происходят из одного источника (меня), поэтому совершенно естественна эта внутренняя диффузия. Скажем, фильмы «Фрески снов» (2006) и «Сад, который скрыт» (2008) совершенно точно можно назвать «поэтическим кинематографом», чтобы это ни значило. Лично для меня это значит особое «плетение», «заплетание» истории, особое обращение с паузой, с темпоритмом. Другой воздух киноматерии, если хотите. В стихах каким-то образом проступает (об этом мне говорят читатели, критики подчеркивают) фильмическое, кинематографическое.

— Видите ли вы разницу женского и мужского искусства? В чем она проявляется?

— Я никогда прицельно не выявляла мужской или женский компонент в искусстве, хотя уверена, что если задаться такой целью, то выявить возможно. К сожалению, в кино, в искусстве, авторов-женщин на виду не так-то и много. Если женщина очень заметна, но не играет по мужским правилам, то часто в дело запускается механизм травли, открытой или скрытой, включающей в себя, например, обесценивание, замалчивание. Не каждая может это вытерпеть и не отступить в тень, если не исчезнуть вообще. Особенно это заметно там, где крутятся приличные деньги или внимание широкой публики, что часто — одно и то же.

— Несколько лет во время «Месяца женской истории», который проводится в марте, мы делали проект о женском кино. Не так-то просто найти 31 фильм о женщинах, снятых женщинами, да еще с феминистской точки зрения, интересный и в открытом доступе. При этом мы знаем, что существует огромное количество женских кинофестивалей. Как вы считаете, почему игровое и документальное женское кино так плохо доходит до зрителей, которые никогда не попадут на фестивали или на закрытые показы (да даже на платные показы). Даже если знаешь название, максимум, что ты найдешь — это трейлер.

— У женщин-режиссеров, как правило, не бывает больших бюджетов, а без них сложно делать пиар или рекламную кампанию. Чтобы фильмы дошли до зрителя, вне зависимости от пола, надо прикладывать большие усилия и вкладывать деньги. Еще это связано с тем, что женщины-режиссеры не слишком большую роль отводят тому, что называется самопиаром. Женщины,

если вы присмотритесь, гораздо меньше «рекламируют» себя и свой труд. К сожалению. Женщинам в целом важнее участие, чем борьба за призовое место, известность. Проекты, снятые женщинами-режиссерами, часто сняты «на коленке», без большой поддержки разных структур, а иногда и без всякой поддержки. Как я уже сказала, работа по донесению фильмов зрителю — отдельная работа, трудная, умная, требующая квалифицированных специалистов. Часто такой работы не проводится.

— В Барселоне проходила выставка о женщинах в кино «Dones cineastes. Rebels amb causa». Огромное количество русских имен, особенно на заре синемаатографа, очень удивило меня. Женщины владели киностудиями. Как обстоят дела сейчас, кто управляет кино в наши дни?

— Да, совершенно согласна. Похожая история была и в Северной Америке в первой трети XX века. Когда-то меня поразила энциклопедия женщин-кинодеятелей Канады и США: огромный увесистый том с несколькими сотнями, как минимум, имен! В России сейчас у киноруля — мужчины. Из руководителей больших киностудий знаю только несколько женских имен, они уместятся на пальцах обеих рук.

— Вопрос снова об истории синемаатографа. Расскажите о похожих проектах, которые встречались вам — если встречались. Попытки сохранить память и прописать в истории кино женские имена.

— За двадцать лет работы в кинематографе ничего подобного не встречала, увы.

— Как часто в ваших собственных работах вы обращаетесь к женской проблематике?

Планируете ли вы делать такое кино?

— Сказать, что специально обращалась и обращаюсь, — не могу. Есть один только фильм, уже упомянутые «Фрески снов», короткометражный, игровой, без слов, с итальянской звездой Чечилией Дацци. И отчасти фильм «U», где Александр Гордон сыграл одинокого поэта, бредущего по Москве на рубеже тысячелетий.

— Что насчет 100% женской съемочной группы — это реальность?

— Да, конечно. Я никогда не работала в такой группе, но знаю, что существует много женских съемочных групп. Прямо сейчас принимаю участие в одном арт-проекте, в выставке, где весь менеджмент проекта — женщины.

— Легко ли вам работается под начальством мужчин, если такое происходит? В Барселоне много говорят о том, что обучение и работа в женском коллективе — без снисходительного обращения, навязывания точки зрения, конкуренции, газлайтинга, приставаний — интереснее и продуктивнее.

— Я долго проработала в разных офисах, в ситуациях, где моими начальниками были мужчины. Отношения складывались самые разные, и в них случалось все вышеперечисленное. Теперь, когда я оказываюсь в ситуации, где мои коллеги — исключительно мужчины, я начинаю испытывать сомнение, стоит ли мне пребывать в таком коллективе. Что касается съемок, съемочной группы, то тут, как правило, исключительно мужская компания проблем не создает.

— Какие женщины — в политике, культуре — оказали на ваше становление самое большое влияние? В честь кого вы бы хотели назвать улицы городов? На какой улице вы сами хотели бы жить?

— В кино — французский режиссер и фотограф Аньес Варда. Именно после ее фильмов и пресс-конференции с ней я поняла, что хочу стать режиссером. Мне близок ее путь, хотя он и непростой. Сама она не раз упоминала о том, как ее «срезали», относились к ней настороженно в кругу кино. Тогда она придумала свой собственный путь, путь независимого деятеля культуры. В долгосрочной перспективе этот план сработал: становясь старше, она становилась все более известной. Что до улицы... я бы хотела жить на улице Цветов. Но было бы интересно жить на улице Джорджии О'Кифф, например.

— Есть такой творческий метод — поездки по маршрутам женщин-путешественниц. Например, так поступает бристольская писательница Jacki Hill-Murphy. Она прошла по сибирским следам авантюристки Кейт Марсден, изучила жизнь британской натуралистки Изабель Бёрд... Еще у нее есть общая книга «Adventuresses». Интересно ли вам делать что-то подобное? Кино как путешествие в женскую историю.

— Это интересный тренд. Так отчасти устроена книга моей любимой современной английской писательницы Оливии Лэнг «К реке». Да, интересно, почему нет?

— В завершение вопроса про женские пространства... Радикальные чтения, фестивали, кафе, музеи, издательства, книжные магазины — нужны ли они?

— Я думаю, что такие инициативы нужны: ведь женщины, в исторической перспективе, занимали положение, похожее на положение разного рода меньшинств, и так — вплоть до середины XX века. Решение многих правовых и социальных вопросов определяли за них мужчины, право

голосовать, например. В России все выглядело несколько иначе, а вот в Канаде, Америке, Европе, в той же Армении, например, да. И вот это обретение голоса, в полном смысле слова, может происходить при помощи взаимодействия с другими женщинами и с женскими инициативами.

Бессонный разговор
(заклинание)

поговори со мной
на языке птиц
на языке сна
на языке забвения
на языке забытого языка
на языке пергамента и карфагена
поговори со мной
на языке сверчка
во мраке неразличимого
стань для меня хлебом/вином/водой
чечевицей/порохом/огнем
стань для меня
кожей земной
кожей/кровью/костью
преображения
плотью для пере-
воплощения
поговори со мной
поговори со мной
стань моим
источником света

Ирина Машинская: Пусть завтра конец света, но сегодня ты делаешь все, что обычно

— Ирина, изучаете ли вы женскую семейную историю, думаете ли о судьбе мамы, бабушек, прабабушек?

О ролевых моделях, которые вам передались?

— Обо всем не расскажешь, но давайте я расскажу о двух женщинах, сестрах. Многие мои знакомые здесь, в Америке, и друзья, оставшиеся в России, знают, что моим очень близким другом до самой своей смерти в 106-летнем возрасте была моя бабушка по отцу Александра Елисеевна Машинская (Марголина). Я давно заметила, что женщины Александры — очень стойкие, и хотя по еврейской традиции не принято называть ребенка именем живого родственника, я это правило правдами и неправдами обошла и так назвала свою дочь. Сама бабушка избежала лагеря и ссылки, но ее муж, мой дед, арестовывался дважды — в 1928 и 1948, и жизнь семьи была соответствующая. Поразительное поведение и самоощущение бабушки эти долгие годы несчастий — особая тема. Ее сестры, самая старшая и самая младшая, сами попали в ту мясорубку, их судьба была еще трагичнее, и вышли они из этого опыта с той же ироничной, но мягкой, немного наивной улыбкой и теми же доброжелательными голубыми глазами. Совсем без того, что по-английски называется *bitterness* — без угрюмой или мстительной горечи. Это вообще была замечательная семья, эти шестеро, воспитанные в самом начале века довольно необыкновенной парой — моим прадедом и прабабушкой: там все было построено на достоинстве, независимости, необычном, особенно в российской традиции, уважении к пространству человека — и при этом было огромное искреннее и несентиментальное тепло по отношению друг к другу. Самая младшая, Зиночка (р. 1908), в детстве часто болела, была слабой и застенчивой, у нее был вялотекущий туберкулез, тогда довольно распространенный. Но, как и все дети Марголины, она была решительна и независима: выросшая уже при Советской власти, она отказалась от высшего образования, заявила, что хочет быть с народом, и пошла работать на суконную фабрику. В 28-м ее арестовывают и высылают за участие в политической деятельности. Ее муж Василий Варгузов рабочий-оппозиционер, тоже арестован. Мать Василия невестку-еврейку не принимает. В 36-м они снова репрессированы. Василия расстреливают, а маленькая, болезненная Зина попадает не куда-нибудь, а в самое страшное, в Тайшет, на лесоповал, на 10 лет. Свекровь с маленьким сыном Зины, Сашей, выслана в узбекский поселок Муйнак, тогда это был остров в Аральском море. Через 10 лет срок Зины заканчивается, она едет в Узбекистан к сыну, но ей его не отдают. В 47-м ее снова берут и ссылают в Красноярский край. Выросший Саша, студент и комсомолец, отказывается

иметь с ней дело. После института он оказывается в Киргизии, женится на своей студентке, а о матери говорит, что она давно умерла. Но вот его жена узнает о существовании Зины и ее судьбе, настаивает на воссоединении матери и сына, приглашает. Зина, экипированная силами всей семьи, едет в Киргизию, возвращается счастливой, обретшей сразу сына, невестку и внука. А через год Саша погибает в горах в автокатастрофе. Я помню ее уже, разумеется, после реабилитации, в Москве, где она работала почтальоном, курила папиросы «Север». У нее было отличное чувство юмора, и говорила она таким чудесным хриплым голосом — в отрочестве я думала, что именно так говорят все бывшие лагерники. Я не помню Зину без улыбки — такая чуть ироничная и совсем не сентиментальная, очень определенная улыбка-смешок.

И старшая их сестра, Лия (которую всю жизнь звали Лизой, р. 1898), тоже поступила по-своему. В юности она предмет обожания и восхищения, вокруг нее постоянно разные замечательные люди. Есть чудесный портрет ее работы Лансере. Лев Пеньковский, впоследствии переводчик, посвящает ей известный романс «Мы только знакомы». И так далее. Но она выходит за большевика Сергея Горного (там тоже довольно удивительная история еще со времен гимназии), тот становится Генеральным консулом СССР в Мерсине, она едет с ним в Турцию. Горный сблизается слевой оппозицией Сапронова; в 1928 он арестован и выслан, а потом в 1937 арестован снова и после долгого следствия и пыток расстрелян на Лубянке. Мой непартийный и вообще ненавидящий все это дед, театральным художником и архитектором, арестовывается дважды именно по делу Горного — как родственник. Лиза получает 8 лет как «жена изменника Родины», попадает в лагерь АЛЖИР под Акмолинском. Есть там и дочери изменников старше 15 лет. При аресте присутствует специальный сотрудник, чтобы забрать детей, но в конце концов сыновей отдают родителям Лизы — аресты идут потоком, и детей некуда девать. Со старшим мальчиком, Юрой, у Лизы глубочайшая духовная и эмоциональная связь: стихи, спектакли, споры, кто первый поведет младшего Диму в театр. До войны Юра успевает съездить к ней в Акмолинск ради 20-минутного свидания. В самом начале войны, несмотря на броню, 17-летний Юра идет добровольцем, отчасти и с мыслью, что это как-то поможет матери. И погибает в первом же бою. Лиза об этом узнает только после войны. В 1946 заканчивается ее срок. Младший сын Дима, воспитанный бабушкой, приезжает за матерью в концлагерь, чтобы помочь ей перебраться в ссылку. Ее долго не выпускают, он еще месяц живет с ней в общем бараке. За этот месяц

тесного контакта не получается, но Лиза наслаждается ролью матери. Дарит ему мундштук, чтобы не брал в рот чужую сигарету. Мечтает о восстановлении близости. Наконец ее выпускают, и она селится в Савелове, за чертой в 101 километр. Вдвоем с Евгенией Эммануиловной Весник, матерью актера, снимает комнату в крестьянской избе, преподает английский на заводе, как-то полуофициально, так как ссыльным не положено. В 1948 ее в 24 часа выселяют из Савелова, она перебирается в Калязин. Сын приезжает к ней, и Лиза — тайно, нарушая режим — тоже приезжает к нему в Москву. В один из таких приездов они бегут в театр и перебегают дорогу в неполюженном месте. Свисток милиционера, Лиза падает в обморок (буквально). В 1956 году обеих сестер реабилитируют, они возвращаются в Москву. Близости с сыном у Лизы так и не получается. Двое сыновей Димы, мои прекрасные троюродные братья, Сережа и Саша, умирают 27 и 20 лет от роду.

Вот эти женщины, прошедшие лучшие годы в лагерях и ссылках (18 и 20 лет), потерявшие мужей, так или иначе — сыновей, а одна из них — и обоих внуков, но не утратившие доброжелательности, чувства юмора и трудно представимой веры в силу жизни — вот о них я и думаю. Много из этого есть в книге «Моя семья. XX век», которую написала (как текст для своих правнуков, но получилась книга и не только для нас) моя бабушка.

Мама. Мама любила поэзию — но какой филфак в 1950-х для еврейской девочки, даже с отличием закончившей школу? Еще ей нравились математика и популярная в те годы химия. Еще она была очень женственна и любила всякие колечки — и вообще хотела бы заниматься драгоценными минералами, был такой факультет. Но хотя она замечательно сдала экзамены в доступный для нее институт тонких химических технологий, ее засунули на факультет с неприличным названием «Резина». Поэтому есть какое-то количество чрезвычайно интересовавших меня в детстве фотографий (потому что я это период пропустила) — на практике, на заводе, потом с ретортами в лаборатории. Завод — калошный, кажется, «Красный треугольник», и она там стоит с каким-то прямо молотком. А потом мама оказалась научным редактором в маленьком издательстве «Химия», занимающем этаж на Стромынке, в доме в глубине двора, с невероятным количеством табличек на двери подъезда. И осталась там на всю рабочую жизнь — она вообще не любила перемены. Но там было, хоть и тесно, но очень здорово. Главным редактором был Владимир Аркадьевич Абрамов, отец актрисы Людмилы Абрамовой, жены Высоцкого — очень достойный и симпатичный человек, которого я помню с детства. В издательстве работали почти исключительно женщины. Многие были разведенными или незамужними,

стойкими и отважными, какими обыкновенно были российские женщины. В коридорах было весело: дымно и довольно матерно. Там мама выучилась курить и еще всяким словам (впрочем, я думаю, что обучение словам началось раньше, на заводе).

Закончившая факультет резины мама была, соответственно, химик-органик и в издательстве занималась книгами по синтетическим волокнам — их уважительно называли тонкие волокна, а мамина специальность называлась «волоконщик». Она, если нужно было определить, из чего кофточка, подносила спичку к материалу и сразу могла сказать, что это за синтетика. Подростком я тоже знала эти палеонтологические по длине названия — всякие полиамиды, потому что помогала делать указатель, когда она для заработка брала такую работу. Она называлась «халтурка» или просто «указатель». Впрочем, это уже отдельная тема. «Указательные» деньги были необходимы на разное, конечно, но не в последнюю очередь — на путешествия. Дело в том, что работники издательства, то есть, главным образом, работницы, постоянно (как, по крайней мере, казалось бабушке, маминной маме) ездили в эти короткие недорогие поездки «от издательства». Так мама объездила огромную часть страны, благодаря этому и мне перепало. Мы, конечно, ездили с ней и отдельно. Однажды в Закарпатье наш автобус попал в аварию на дороге вдоль Тиссы, прямо на границе с Румынией — столкнулся с выехавшим навстречу другим автобусом. Мы сидели слева, а справа вдоль берега тянулось тонкое проволочное ограждение. Наш автобус накренился, встал на два колеса, постоял немного и вернулся на все четыре. Мне было 11 лет, и я, конечно, как все, напугалась, и вполуха слушала, как все обсуждали шофера и защищали его от приехавшей милиции. И еще долго потом прокручивала в голове эти накренившиеся секунды, но в моем испуге постоянно присутствовало и другое, довольно странное соображение: что вот если бы автобус упал, и, прорвав тонкое ограждение, свалился в узкую Тиссу, я бы перекувырнулась таким образом через границу и оказалась бы в другой стране. Я тогда маме про это не сказала, и сегодня уже год как не могу сказать, но сейчас думаю, что отчасти это увлечение переходом границ у меня от нее. Ее звали Наталья Исааковна Машинская (Юдович).

— *Духовно важные для вас писательницы, правозащитницы, исследовательницы?*

— Таких немало, но назову здесь одно имя. Я не могу не восхищаться Натальей Горбаневской, о которой я написала эссе, опубликованное на Кольте. Оно называлось «Без сантиментов». Много, о чем я пишу там в связи с Наташей, и есть совокупность самого для меня

привлекательного в людях: вот эта без сантиментов деятельная доброта, спартанство, и то, что называлось раньше «работностью». Прямота. И, конечно, отвага, негибкость, умение не носиться с собой и, в частности, со всем тобой сделанным и с тобой произошедшим. Еще умение чувствовать людей, bullshit в них, и доверять своей интуиции. Я-то все думаю, что, может, почудилось, и довольно долго пытаюсь не замечать, а у Наташи был очень точный, быстрый, резкий взгляд на человека, как и у моей мамы, с которой у нее не случайно были одно имя и общие друзья, какая-то заочная взаимная теплота и уважение. И переубедить Наташу было невозможно. И она в конце концов оказывалась всегда права.

— *Любимый книжный женский персонаж в детстве, любимая ролевая модель?*

— У меня есть любимый женский персонаж, то есть такой персонаж, в котором женское важно: это Лужина в романе Набокова. У нее нет даже имени, а фамилия мужнина. Но мне кажется, это один из самых привлекательных, определенных характеров в русской литературе. Ее женское дается не прямо, а тем, что в фотографии называется рисующим светом, и очень лаконично. Но я, конечно, не могу сказать, что это моя «ролевая модель». Я вообще думаю, что у меня такой не было даже в детстве: к добру или худу, но мне не свойственно формировать модели.

— *Школьное время — учителя, подруги...*

— У меня были учителя мышления, и многие из них были мужчинами, так уж сложилось. И были учителя поведения, скажем, достоинства и стойкости: например, моя мама, бабушка и ее сестры, но не только. И среди них были и женщины, и мужчины, так что не знаю, можно ли говорить о каком-то именно женском влиянии. Но, конечно, на переднем плане, вблизи: мама, бабушки, сестры одной из них. Моим первым другом, лет с четырех, была девочка. Ее звали Наташа С. Мы с ней были однолетки, и дни рождения у нас были совсем рядом, в начале апреля, когда таял последний снег у нас во дворе. Она жила в другом подъезде, как бы с другого края. Наши родители дружили, моим Наташа ужасно нравилась — и не даром. Она была то, что сейчас назвали бы tomboy, а тогда я не знала, как это называется. Наташа была такой, какой я хотела бы быть: светловолосая, с короткой стрижкой, легкая и отважная. Я следовала за ней и повторяла все ее подвиги, только она была отчаянна от природы, а я задумчива и физически боязлива. У меня все эти караб-канья и прыжки получались не так ладно, как у нее. У нас во дворе был сгоревший флигель. Мы влезали на то, что оставалось от крыши, и прыгали в глубокий снег: это было страшно и, думаю, опасно, прогоревшая крыша

могла запросто провалиться, и мне приходилось внутренне готовиться, преодолевать страх и загодя воображаемое поражение, а Наташа сигала вниз, не задумываясь. Однажды я прыгнула в сугроб и там, в снегу, безвозвратно потеряла валенок, пришла домой в одном. Так все и выяснилось, и на этом наши прыжки закончились — я теперь думаю, к моему большому облегчению. Потом мы поступили в одну французскую школу, но к осени оказались в разных, а через два года совсем расстались, когда мы переехали с Проспекта Мира на окраину. А через много лет я увидела Наташу в очереди на выставку на Малой Грузинской — вернее, она меня увидела и сразу узнала, а я ее нет. Это была прелестная девушка с длинной косой, очень женственная. Мы осторожно задали друг другу пару вопросов, связанных с выставкой и другим, как бы нащупывая основание, и сразу убедились, что по-прежнему свои. Оказалось, что она учится в Медицинском, вокруг нее рыцарски стояли ее друзья, какие-то тоже очень славные, студенты-медики.

А в 10 классе я сблизилась со своей одноклассницей Катей И., с которой мы вместе ездили через весь город готовиться по математике в университет. Катя оказала на меня влияние, которое объяснить труднее, но которое в чем-то напоминало влияние Наташи С. в раннем детстве. Только тут было с моей стороны уже почти сознательное понимание: она была совсем другой, и любила другое, чем я, и отзывалась на все — на книги, скажем, — по-другому; была бесшабашной, по-хорошему — как-то весело — кокетливой, не принимала все так серьезно (занудно), как я. Мне вот этой легкости не доставало, умения не заморачиваться — а я заморачивалась, задумывалась и запутывалась; я инстинктивно училась у нее легкости отношения к жизни и здоровой небрежности, уж не знаю, насколько успешно. Мои родители заметили это и говорили, что у меня теперь волосы так же неаккуратно торчат, как у Катки, у которой острые пряди вечно вываливались из знаменитой соломенной косы. Мы обе поступили, она — на физфак, и стала классным физиком, профессором МГУ, и в мой первый приезд в Москву, после первых 10 лет эмиграции, пришла на мой вечер, совершенно не изменившись.

Я думаю, что эти две девочки, как и другая моя школьная подруга с 7-го класса, с которой мы остались ближайшими друзьями на все эти годы, обладали вот этими замечательными качествами, их естественным сочетанием: отвагой, стойкостью, неумением жалеть себя, вообще — неумением носиться с собой; хорошим логическим умом, определенностью, независимостью, достоинством, самостоятельностью — и щедростью. И — обязательно! — той надежностью, о которой раньше смешно, но точно говорили,

что «с ним можно в разведку» (я-то говорю: в окоп или в экспедицию, потому что я географ и у меня был вот этот особенный опыт). Эти качества, по крайней мере, некоторые из них, не звучат как черты именно женственности, но мне кажется, в женщинах эти свойства, если есть, проявляются особенно интересно, определенно и ярко. И мне страшно повезло, что такие люди у меня были и среди друзей, и в семье.

— *Встречались ли вы с дискриминацией в профессиональной жизни?*

— В России найти работу по профессии так и не получилось, все двери были закрыты, хоть я и закончила МГУ с красным дипломом (то есть больше, чем просто с отличием), а потом и аспирантуру так же. Но на работу по профессии, или хотя бы в какой-либо степени близко к ней, меня никуда не брали — то есть вообще никуда. Но не потому, что я была женщина, а просто по моему еврейству. В одной организации мне так и сказал чиновник в отделе кадров, вначале очень ласковый, пока не заглянул в мой паспорт и не рассмеялся: «А мы таких, как вы, не берем!» Поэтому, какую роль в моих неудачах в этом смысле сыграл мой биологический род, я не знаю, это было явно вторичное обстоятельство. Но вот то, что у нас на геофаке на кафедру океанологии девочек никогда не брали, это точно. А я бы очень хотела, и курсовую на третьем курсе писала по физике океана. Были какие-то странные обоснования, и самое удивительное, что никто с этим порядком не спорил — всем нам это казалось естественным. Вот моя дочь, выросшая в Америке, так легко не согласилась бы и вообще страшно удивилась бы приводимым резонам.

Так что до отъезда я работала кем попало, и никак это с моим образованием связано не было. А в Америке... Вначале я работала эмигрантом, то есть опять занималась, чем придется. Например, одно время я была продавцом в маленькой аптеке в Нью-Джерси. В Америке аптека — это просто маленький магазин и там продается всякая всячина. Передо мной постоянно проходили люди из нашей бедной и довольно неблагополучной округи, люди и их обстоятельства, и быстро материализовался совсем не тот мир, который я себе воображала, когда ехала в Америку. Я об этом написала эссе «Автобус №1», на днях вышедшее в «Знамени». Там я говорю о том, как все это парадоксальным образом утешало: в этой стране оказалось столько идиотизма, уродства и глупости, столько несовершенства — я поняла, что в таком мире я смогу жить! Потому что мир этот был реальный, а в любую реальность можно войти. Нельзя войти в схему. И, мне кажется, примерно то же самое произошло у меня тогда с реальным английским языком. Оказалась важна его обнаружившаяся случайность,

свобода, незакономерность, в которой и заключалась реальность. В этой случайности и незакономерности я начала прорастать.

Карьеры я никакой и в Америке не построила. Двенадцать лет я работала школьным учителем в старших классах, преподавала, в основном, математику, и иногда — естествознание. Девять из них я провела в школе для подростков с разными психологическими проблемами. Преподавала и в университетах, но только в незначительной роли адъюнкт-профессора (это звучит намного важнее того, чем является). Я думаю, моя так и не состоявшаяся по-настоящему профессиональная судьба в той или иной области — естественнонаучной, или, скажем, связанной с литературой — результат не столько «стеклянного потолка» и чинимых мне препятствий, сколько отсутствия какой-то программы действий с мой стороны, целенаправленных усилий. Просто мне слишком многое было интересно. На стыке ведь вообще жить всегда интересней. Мне никогда не хотелось принадлежать чему-то единственному. Переход границы дает ощущение, возможно, иллюзорное, но — свободы. Когда я ехала сюда со своим стоическим пониманием, что вот буду жить себе, например, на Среднем Западе, среди обычных людей, вдаль от российского иерархического сознания — эта идея мне очень нравилась, хотя я ее, конечно, сильно романтизировала. Тем не менее кое-что от этой романтической идеи состоялось: появилась возможность посмотреть на все со стороны и даже оглянуться назад, если это вообще возможно. Но это уже другая тема.

— *Эмиграция — новая среда...*

— У меня есть одно стихотворение, которое называется «Москва удаляется» (раньше оно называлось «Двум поэтам»). В нем айсберг откалывается и отплывает, удаляется от Москвы, от ее разломившегося макового пирога, из которого — на лед — вываливается мак. Там есть тоска по оставшимся в Москве людям и по самому городу, этому большому караваю. А заканчивается оно такой строчкой: «горячо ему, осколку, в черной воде». Здесь речь идет о физических категориях: у айсберга температура 0 градусов, и у воды 0 градусов, как мы знаем из физики. Но на самом деле психологически тебе, осколку, горячо в этой новой черной ледяной воде. И в этом ощущении есть определенный восторг. Это я к тому, что осколком вообще-то быть не так плохо. Хотя не всем в русской литературе это позволялось. Пушкин очень хотел быть осколком, но ему не дали. И Маяковскому под конец не дали. Поэтому я не нахожу в этом состоянии ничего трагического.

Драматизированный, романтизированный, литературный взгляд эмигранта на свою жизнь до сих пор, как ни странно, существует. Но есть внутреннее развитие мастера, если он, конечно, мастер. Жестянщик может гнуть свои жестянки где угодно. Мой прадед был жестянщик, правда, он-то как раз никогда не уезжал, в украинские степи приехал из Польши его отец. А его сын, мой дед, который провел долгие годы в тюрьме и ссылке, умудрялся работать и там. Кстати, он спроектировал большую часть Магадана, в том числе тот самый Дворец физкультуры и спорта, что часто красуется на магаданских открытках. Когда его выпустили из тюрьмы, он все время там что-то строил — точно так же, как в Москве строил до этого Проспект Мира. Человек строит всюду, где выпадет. И я считаю, что даже и для литератора, то есть человека, материалом которого является язык, это большой подарок судьбы — просто литератору им не так легко распорядиться.

— *Расскажите про ваши самые захватывающие путешествия.*

— Я географ, и поэтому ландшафт, путешествия для меня значат немного другое. В бытность свою студентом-географом я успела побывать в нескольких экспедициях, это особенный мир. Здесь самым значительным для меня было путешествие на Галапагосы — очень молодые вулканические острова в основном голые, суровые, монохромные. Пересечение экватора в шторм. Об этом (об экваторе и стихах Пастернака) я написала в своей англоязычной книге стихов и прозы «Голый мир» (The Naked World), которая должна выйти в Нью-Йорке в конце 2021 года. То есть опять возникает эта тема: переход границ. Как-то еще студенткой со своей кафедрой палеогеографии я ездила в Польшу по обмену с Лодзинским университетом. И вот нас привозят на разрез на границе Польши и Чехословакии. И я, неожиданно для себя самой, сбегаю от группы и с замиранием сердца перебираюсь в Чехословакию. Пересечь эту границу было очень легко — никто там с собаками не стоял. Какой-то склон, редколесье. Тишина. Но мысль о том, что я зашла аж на целых 200 метров вглубь другой страны, вызвала во мне необычайный восторг. В нормальном мире такого ощущения возникать не должно. Когда в 89-м году в самолете в Америку пилот объявил, что мы пролетаем над Швецией и я увидела эти леса, ледниковые озера... Или мне только теперь кажется, что это были леса. Может быть, только облака, но я знала, что там внизу леса — так или иначе, это было невероятно сильное чувство. Тут, наверное, было важно и то, что рядом была Норвегия, а я с детства увлекалась полярными исследователями. Вообще, один из главных героев моей жизни — Роберт Скотт, несчастный первооткрыватель Южного полюса, и его спутники. И Амундсен, конечно, первооткрыватель, погибший при

спасении своего врага, Нобиле. Это очень важные в моей жизни люди. Видите, как далеко я удалилась от женской темы. Или не очень?

— *Кто помогал вам на литературном поприще в эмиграции?*

— Вопрос об эмиграции и литературе в эмиграции, конечно, закономерный, но сейчас уже не очень актуальный, мне кажется. Но отвечу на главные позиции: моими первыми знакомыми литераторами были Александр Сумеркин и Марина Темкина. Мы вместе работали переводчиками в знаменитом нью-йоркском агентстве NYANA. Эта организация была создана после войны для помощи перемещенным лицам; в 90-е поток приезжих был в основном из России, вот мы там все и оказались. Там, как в газете «Гудок», или, как предпочитал говорить Саша Сумеркин, как в Академии Платона, сошлась масса интересных людей, в том числе литераторов. Сумеркин стал моим близким другом. Потом возникли и другие знакомства: с Володей Гандельсманом, с Игорем Ефимовым и его семьей, с критиком Лилей Панны и ее мужем, замечательным математиком и любителем стихов Виктором Паном. Постепенно этот круг расширялся. Хотя многие легендарные места наших встреч и вечеров ушли в небытие — кафе «Дядя Ваня», «Книжный магазин №21» — но это по-прежнему достаточно тесный и, мне кажется, очень доброжелательный и теплый круг.

— *Американская тема попала в ваши тексты?*

— Что касается города Нью-Йорка, страны в целом — то у меня есть такое стихотворение, «Конец света». Я его, как ни странно, написала 7 сентября 2001, то есть за четыре дня до теракта в башнях-близнецах, причем в течение одного или двух дней, что со мной не часто бывает. Вообще-то в этом тексте я имела в виду совершенно конкретную вещь, а именно, один рассказ Брэдли. В том рассказе, который я неточно, со сдвигом, помнила с детства, пожилая пара живет на краю шоссе, это шоссе переносят, и они оказываются в стороне от всего. И вот они узнают по радио, что завтра наступит конец света. И в рассказе описан их последний перед концом света день. В детстве этот рассказ произвел на меня необыкновенное впечатление. Так вот, когда я писала это стихотворение, во мне звучала вот эта нота: пусть завтра конец света, но сегодня ты делаешь все, что обычно делаешь; ложишься спать, желаешь спокойной ночи, и хотя знаешь, что завтра уже не наступит, не меняешь своего образа жизни и взгляда на нее. Конечно, я не знала, что произойдет через четыре дня. И почему я стала его сочинять именно тогда, не знаю. Я думаю, такие вещи, такие трагедии сшивают тебя с местом. Если ты еще не был к нему пришит, ты с ним сразу становишься одно. В моем случае это случилось

еще раньше, через 2 года после приезда, в 1993 году, когда эти же башни бомбили в первый раз. Наша NYANA находилась рядом. И когда в тот ранний вечер я возвращалась домой, шла на станцию, расположенную как раз в здании Торгового центра, еще не закончили эвакуировать людей. Над этой улицей, старой и довольно узкой, Троицкой по-нашему, стоял дым. И я стояла со всеми на противоположной стороне, рядом со мной стояли незнакомые мне люди, многие плакали. А сверху по очень узким пожарным лестницам, совершенно не приспособленным для эвакуации, выносили на плечах инвалидов, которые работали на верхних этажах (там, наверху, размещались страховые компании, где почему-то работало много людей, использующих инвалидные коляски). Тогда погибло, если я правильно помню, только шесть человек, очень многих спасли. И вот это возникшее острое чувство родства с местом было очень сильным. До этого я так чувствовала только один раз: в Москве, во время августовского путча, два дня. Это чувство вернулось в Америке, в тот день. И, в общем, больше не уходило, несмотря ни на что. И примерно в то же время было написано мое первое стихотворение в Америке.

— *Женищины-поэты, которые вам интересны — пять из США и пять из России.*

— Carol Frost, Jean Valentine, Joyce Carol Oates, а еще двое из совсем недавно ушедшего поколения: замечательные Maxine Kumin и Nina Cassian. Последняя была родом из Румынии, но писала по-английски. В середине 80-х, еще при Чаушеску, она приехала в США преподавать в Нью-Йоркском университете, в это время в Румынии арестовали ее близких друзей, и она осталась здесь. Я была с ней немного знакома, уже в последние ее годы, и публиковала ее стихи в нашем журнале Cardinal Points. Нина была совершенно замечательная, о ней надо рассказывать особо. Пила днем виски и писала потрясающе музыкальные, живые и энергичные стихи, когда ей было уже за 90. Она, как и Maxine Kumin (когда-то подруга и соавтор Энн Секстон), обладала точным пронзительным зрением. Максин я тоже немного знала и даже участвовала пару раз в ее семинаре. До глубокой старости она плавала в ледяном озере в Новой Англии и сломала шейку бедра, катаясь на лошади, когда ей было уже за 80. О ней тоже надо говорить особо, такой это был прекрасный и необыкновенный человек.

Русских поэтов мне назвать сложнее, потому что трудно уместить все мне интересное всего в пять имен. И обидеть никого не хочется. Мне интересно то, что на меня меньше всего похоже, конечно, но при этом то, в чем я нахожу какое-то родство поиска, какие-то важные для меня узлы. Ну например, так: Евгения Риц, Елена Михайлик, Мария

Степанова, Полина Барскова, Юлия Немировская. Но, конечно, еще много, много других, в том числе уж совсем других и непохожих, как Мария Малиновская, Елена Сунцова, Кира Фрегер, Екатерина Симонова, Хельга Ольшванг; а с другой стороны, например, Ирина Ермакова, Ирина Евса, Марина Гарбер, Катя Капович... И еще ко многим, многим я очень тепло и с интересом отношусь, к их творчеству, но вот я уже перешла границу пяти.

— *Расскажите о ваших книгах.*

— Моя первая книжка «Потому что мы здесь» вышла в 95-м, то есть через три года после приезда. Это было, как ни странно, двуязычное издание, потому что вдруг нашедший меня и позвонивший издатель был американец, по-русски не читал, а знал только несколько моих текстов по-английски, напечатанных в каком-то журнальчике. Это было какое-то чудо, конечно. Это совсем маленькая книжечка, chapbook. Пару текстов в ней мы перевели совместно с Александром Сумеркиным. Сама я не то чтобы переводила, а скорее переписывала свои стихи по-английски заново. Сейчас появилось довольно много переводов моих стихов: Бориса Дралюка, Марии Блоштейн, Тони Бринкли, английской переводчицы Анжелы Ливингстон — у нее есть великолепные переводы Цветаевой и Пастернака, кстати, если кому интересно. Впрочем, все эти переводчики — блестящие мастера. Иногда это происходит так: я даю экспликацию, где показываю разные точки и узлы в стихотворении: то, чем нельзя пожертвовать, и то, что можно спокойно «потерять», то есть то, что может уйти совсем или измениться. В любом случае я всегда поощряю переводчиков менять текст и не быть слишком уж верными оригиналу. И the liberties I take [вольностей, на которые иду] значительно больше. Появляется первый вариант, текст начинает ходить туда-сюда, пока мы окончательно не поймем, что одна из возможных ипостасей исходного русского текста, одна из возможных форм его в другом языке уже зажила своей жизнью. Главное здесь — понять, что это один из возможных вариантов. Примерно как в джазе, вообще в музыке — тема и вариации.

Книги. "Потому что мы здесь / Because we are here" Нью-Йорк: Lunar Offensive Press, 1995; "После эпитафии" Нью-Йорк: Слово/Word, 1996; "Простые времена" Tenafly: Hermitage Publishers, 2000; "Стихотворения" Москва: Издание Е.Пахомовой (ЛИА Р.Элинина), 2001; "Путнику снится" Москва: ОГИ, 2004; "Разночинец первый снег и другие стихотворения" Нью-Йорк: Stosvet Press, 2008; "Волк. Избранные стихотворения" Москва: НЛЮ, 2009; "Офелия и мастерок" Нью-Йорк: Ailuros Publishing, 2013; "Делавер" М.: АРГО-РИСК, 2017; Перевод. Крэг Чури. "Параллельное течение" С.Пб: Петрополь, 1999

Художница Ирина Коноп: Никогда не поздно попробовать что-то новое

— *Ирина, что искренковский проект значит лично для вас?*

— Это возможность рассказать сложную историю Нины простыми образами. Изначально этот проект рассчитан на детей, и мне было важно показать через иллюстрации, что быть другой, думать и действовать не как все и не так, как от тебя этого ждут, — нормально.

— *Расскажите про другие ваши работы.*

— Из уже сделанного я люблю свою серию про московские дома, для которой я сама готовила и текст, и иллюстрации.

В этой серии я попыталась максимально отдалиться от типичных скучных оборотов вроде «дом был построен в таком-то году таким-то архитектором в таком-то стиле» и рассказать что-то реально интересное и цепляющее.

Эта книга нарисована, но пока не издана. Сейчас у меня в работе проект, где мы с автором текста рассказываем детям о важности каждого человека, о том, как научиться разбираться в собственных эмоциях и ценить их.

В будущем хочу поработать с тихими книгами, то есть с такими, где нет текста. Мне кажется интересным попробовать выразить идею только через визуальную составляющую.

— *Какие техники вы предпочитаете?*

— Графика. В основном это тушь, маркеры, карандаши, немного диджитала.

— *Расскажите о своем взрослении, влиянии бабушек, мам, учительниц, других женщин.*

— Трудно оценить, чье именно влияние сделало меня такой, какая я есть. Женщин в моем окружении всегда было достаточно много, я старалась брать что-то примечательное от каждой. Безусловно, на первом месте моя мама. Привычка идти вперед, ни на кого не оглядываясь, сосредоточиться на своей цели и двигаться к ней, не жалуясь, не жалея себя — это все от нее. Собака лает, караван идет. Не важно, что люди скажут, важно, как ты сама себя чувствуешь. Это все мамины установки, за которые я очень ей благодарна.

Из маминых ритуалов, думаю, самый полезный — ритуал восстановления после какого-нибудь неприятного события. Если случилось что-то плохое, гадкое, оставившее осадок на сердце, надо сходить в душ. Это отличная перезагрузка для всего организма в целом и мозга в частности.

— *Какое у вас образование?*

— У меня два высших образования, экономическое и логистическое.

— *Были ли в вузе преподавательницы, оказавшие на вас сильное влияние?*

— В университете половина преподавательского состава были женщины. Я не могу сказать, что кто-то конкретный из них повлиял на меня особенным образом, скорее, в совокупности они нормализовали присутствие женщины в профессиональной среде. Впоследствии этот факт очень помог мне не чувствовать себя чужой в профессии.

— *Сталкивались ли вы с гендерной дискриминацией во время учебы или работы?*

— В целом за все годы учебы я не припомню каких-то случаев дискриминации, кроме одного. Поэтому он, наверно, мне и запомнился. Когда я пришла на свою кафедру поговорить с преподавателями о поступлении в аспирантуру, мне совершенно прямым текстом сказали, что лучше этого не делать, потому что предпочтение все равно будет отдаваться мальчишкам, «им аспирантура нужнее, их от армии надо спасать».

— *Какие женщины-художницы прошлого и настоящего интересны вам? Почему? В честь кого вы бы открыли музей, назвали площадь, улицу, кому поставили памятник.*

— Памятник надо ставить, безусловно, каждой женщине, которая не боится быть собой и не стесняется проявлять себя. Из иллюстраторов-женщин сразу на ум приходит Беатрикс Поттер, автор совершенно живых и эмоциональных книг про животных, она же одна из первых экоактивисток Англии. Из наших современников меня вдохновляет Яей Кусамы, и я говорю не только о ее творчестве, но и о всем ее жизненном пути.

— *Когда вы обучались рисованию, использовали ли вы руководства или ролики, сделанные женщинами?*

— Я не знаю, насколько это типичная ситуация, но из всех моих преподавателей рисования только один был мужчиной. Что касается каких-то неструктурированных знаний, условных роликов на ютьюбе, там мужчин побольше, но все равно преобладают женщины.

— *Есть ли у вас советы для женщин, которые хотели бы начать рисовать в зрелом возрасте?*

— Не бояться. Не бояться себя, не бояться своего внутреннего мира, не бояться возраста, не бояться мнения окружающих. Просто делать то, что нравится, идти вперед и не бояться. Это касается не только рисования, но и вообще любого начинания. Никогда не поздно попробовать что-то новое, сменить хобби, профессию, окружение, все что угодно. Главное — внутренний комфорт и уверенность в правильности собственного выбора.

— *Как дойти до высокой техничности рисунка, как найти время, как понять свою технику?*

— Техничность рисунка достигается исключительно практикой. Естественно, для этого нужно время. Я сторонник идеи, что время можно найти всегда, но для этого надо грамотно его спланировать. Убрать из поля зрения все пожиратели времени (обычно это гаджеты), четко расписать свой день, расставить приоритеты, обязательно позволить себе не только хорошо поработать, но и хорошо отдохнуть. Что касается понимания своей техники, у меня рецепт один — перепробовать все, что интересно. Чем больше пробуешь, тем больше понимаешь себя и свои желания.

— *Отличает ли вы женский и мужской рисунок?*

— Нет, у меня не получается отличить, мужской или женский рисунок передо мной.

— *Идеальное рабочее место?*

— Чистый стол с хорошей лампой и удобным стулом. На столе должны быть только те материалы, которыми я работаю в данный момент. Те, которые сейчас мне не нужны, я собираю в отдельную коробку и прячу в шкаф. Этим я заканчиваю каждый свой проект — собираю со стола все ненужное, протираю поверхность от пыли, обнуляю рабочее пространство.

— *Существует ли проблема видимости женщин в искусстве?*

— Конечно существует. Мир искусства исторически определяет женщине роль музы, а не творца. Сейчас есть тенденция к уравниванию количества творцов-мужчин и творцов-женщин, но перекос в сторону мужчин все еще более чем очевиден. Женщине все еще приходится воевать за право быть признанной равноправным творцом, за право быть не только красивой фигуркой на картине, но и писать эту картину.

— *Самая интересная женская выставка из тех, на которых вы бывали?*

— Из запомнившихся выставок я бы выделила ретроспективу работ Наталии Гончаровой «Между Востоком и Западом» в Третьяковке на Крымском валу в, если не ошибаюсь, 2013 году. Я вообще люблю авангардистов, эта выставка была очень сильной и яркой. Можно найти и посмотреть виртуальный тур.

— *Какие женщины-литераторы и политики прошлого и настоящего интересны вам? В честь кого вы бы открыли музей, назвали площадь, улицу, кому поставили памятник?*

— Я бесконечно люблю книги Лауры Эскивель, в них круто намешаны магический реализм, лингвистика, связь женщин

рода, история Мексики и кулинария. Мое личное открытие прошлого года — Чимаманда Нгози Адиче, писательница из Нигерии, прямолинейная и откровенная. В этом году я запоем прочитала все книги Аллы Хемлин, у нее какой-то совершенно особый язык, настоящая машина времени.

Прямо сейчас я читаю «The story of my tits» Jennifer Hayden, это комикс про женщину, переживающую рак груди. Мне кажется, на русскоязычном издательском рынке пока что трудно представить в одном предложении слова «комикс» и «рак груди», но, надеюсь, у нас его тоже издадут.

— *Любимые стихотворение и картина, созданные женщинами.*

— Я люблю хулиганские стихи Маши Рупасовой. Она мне кажется современным Хармсом. Не могу выбрать что-то одно, но пусть будет «С неба падали старушки». Из картин — что угодно Анны Мозес как символ того, что можно добиться желаемого в любом возрасте, надо лишь не бояться и заниматься любимым делом.

— *Какие феминистские идеи жизненно важны для вас?*

— Равноправие на деле, а не на словах. Равные возможности в обычной жизни. Уверенность в том, что при приеме на работу ни одна женщина не услышит «вы нам подходите, но мы вас не возьмем, потому что вы завтра родите, а нам что делать». Чувство безопасности при обращении за медицинской помощью. Пока женщину могут оскорбить, унижить, покалечить и убить только за то, что она женщина, гражданского общества не существует.

— *Зачем нужны женские музеи, Московский женский музей, женское историческое движение, проект против фемицида в России?*

— Все феминистские проекты нужны для того, чтобы стало нормальным быть женщиной.

— *Участвуете ли вы в каких-то политических протестах на улице и в сети?*

— Конечно, я стараюсь поддерживать феминистские проекты в силу своих возможностей. Например, на волонтерских началах я перевожу статьи для Московского женского музея. Серия «Женская история для детей», частью которой является книга про Нину Искренко, для которой я рисовала иллюстрации — феминистский проект про альтернативные ролевые модели для девочек.

— *Расскажите о ситуации с правами женщин в Италии.*

— Не могу сказать, что на бытовательском уровне ситуация сильно отличается от российской. В чем-то хуже, в чем-то лучше, но в среднем все примерно так же. Право на развод здесь получили только в 60-х годах, право голосования для женщин — в конце 40-х, уже после войны. Что интересно,

до сих пор женщины и мужчины стоят в избирательных участках в разных очередях. Мне никто не смог объяснить сакральный смысл этого, но есть очередь для женщин, есть очередь для мужчин. Избирательные списки тоже разделены по половому признаку. Не похоже, что это сделано для защиты от приставаний или что-то подобное. Скорее, как добавили для первого голосования отдельный список с женщинами, так потом и не заморачивались с изменением системы. Из того, к чему я никогда не привыкну: в Италии считается нормой пожелание беременной женщине родить сына. То есть ценность мальчика очевиднее с самого рождения. При этом я пыталась спросить местных, не видят ли они что-либо странного в этом пожелании. Нет, говорят, что здесь такого, это же просто пожелание, мы ничего не имеем в виду, конечно, девочка — это тоже хорошо. Тоже. Я знаю, что феминистское движение здесь очень активное, да и работы непочатый край. Из интересного — женский

музей в Мерано, где с 1988 года показывают быт, культуру, историю именно с точки зрения женщины. Это один из центров Всемирной сети женских музеев IAWM. Еще, помню, меня поразила стена кукол в Милане. Это натурально стена, к которой прикреплены куколки в честь женщин, жертв фемцида. Там же фотографии и имена женщин, жертв домашнего насилия. Очень сильный в своей наглядности проект. Особенно цепляет то, что большая часть этих женщин — эмигрантки. По очевидным причинам это одна из самых слабо защищенных категорий населения. Итальянская ассоциация UDAR специализируется на помощи русскоязычным иммигранткам. Если женщина находится в трудной ситуации, то всегда может обратиться именно сюда.

Портфолио Ирины Коноп: [instagram.com/konoparte/](https://www.instagram.com/konoparte/)

Надя Делаланд: Биография Нины Искренко должна отзываться в каждом детском сердце

В издательском проекте «Женская история для детей» вышла пятая книга — о Нине Искренко (1951 – 1995); написала ее Надя Делаланд — кандидат филологических наук, автор 14 поэтических книг, преподаватель «Школы литературного мастерства на Воздвиженке», сотрудник интернет-магазина Book24. Что между ними общего?

Нина Искренко, сопровождаемая, по словам Евгения Бунимовича, вечным «непониманием и разладом с читателем, слушателем, неизменными записками из зала: “Вы думаете, что это поэзия?!”; небрежением и невниманием критики, оставшей, как ей и положено, от развития литературы лет на 20–30...»; и Надя Делаланд, безмерно любимая читателями и критиками, поэт тонкой филологической игры, но в целом конвенциональный и далекий от видимого эпатажа, свойственного Искренко...

Как две поэтессы, ставшие значительными явлениями разных поэтических эпох, обрели друг друга сквозь время и пространство? Об этом, а также о работе над книгой Надя Делаланд рассказала в интервью «Формаслову».

— Надя, как родилась идея книги о Нине Искренко? Почему именно на этом поэте Вы остановили выбор?

— Написать книгу о Нине Искренко мне предложила Любава Малышева. В Женском музее возникла идея выпустить серию книг «Женская история для детей», в которой изначально запланировано 6 книг. 4 книги уже вышли («Папуша», «Наталя Горбаневская», «Галина Кожевникова», «Ефросинья Керсановская»), Нина Искренко — пятая. О ком будет шестая — пока тайна. Мне было очень интересно ближе познакомиться с поэзией Нины Искренко, и особенно — узнать из первых рук те факты

из ее биографии, которых не найти в интернете. Вообще, о Нине непросто найти мало информации. Надеюсь, эта книга послужит хорошим началом и стимулом работать в этом направлении. Особенно пока живы люди, близко ее знавшие.

— А на детей какого возраста рассчитана Ваша книга?

— Возраст у детей — старший дошкольный и младший школьный. Но можно сказать, что эта книга для чтения с родителями, хотя мы старались прояснять сложные для детского восприятия места и даже привлекали детских экспертов. Главное в книге, на мой взгляд, великолепные иллюстрации. Их нарисовала художница Ирина Коноп, которая живет в Италии. Я восхищаюсь ей и немного ревную, потому что лучшие игровые куски текста были даны как раз на откуп картинкам. Самого текста в книге почти что нет, но для нашей целевой аудитории это самое то.

— В Вашей книге биографические факты о довольно непростом для понимания поэте изложены простым, рассчитанным на детей языком. Как в этом контексте Вы представляете идеального маленького читателя Вашей книги? Должен ли он заинтересоваться творчеством Искренко исходя из этих биографических фактов, что именно в этом случае способно его заинтересовать, — либо целью было все-таки первичное ознакомление с биографией поэтессы?

— Дети вообще идеальные читатели: они очень честно реагируют. Где скучно — начинают отвлекаться и позевывать, где весело — смеются, когда интересно — замирают. Так я себе их и представляю. Конечно, книга, в первую

очередь, призвана познакомить детей с именем поэтессы, сделать его присутствие в их жизни чем-то естественным. Чтобы потом, когда придет время, им легко было обратиться к ее стихам. Кроме этого, Нина была сама всю жизнь, что называется, большим ребенком. Ее бесконечные перфомансы — это же вариант игры, а дети — это такие люди, основная работа которых и состоит в том, чтобы играть. Так что биография Нины Искренко словно создана для того, чтобы отзываться в каждом детском сердце. Ну и, наконец, сверхзадача серии «Женская история для детей» — с детства приучать людей к мысли о том, что женщина на многое способна, что среди женщин есть талантливые люди и что, если ты родилась девочкой, то тоже сможешь многого добиться сама — как это, например, сделали замечательные героини нашей серии.

— *В книге не приведено ни одной цитаты из творчества поэтессы. Вы сознательно обошли вниманием творческую манеру Искренко (за исключением упоминания о «полистилистике») и ее разбор?*

— Поэзия Нины Искренко, как Вы совершенно справедливо заметили выше, не рассчитана на детей, поэтому в книге как таковых стихов нет, хотя несколько цитат незаметно вплетены в ткань текста (например, на первой странице «придуманная кем-то для людей», «ты эхом ответишь» на с. 30 и др.). Но и цель была другая. И с ее учетом сложился формат книг во всей серии. Поэтому даже там, где можно было бы найти стихи, подходящие для детей этого возраста — например, у Папуши «Полюбил меня лес», — их включали по минимуму. Изначально тексту отведено очень скромное место в книгах, мне едва удалось вместить самое необходимое. Хотя что там — не удалось. Многое осталось за кадром. Со временем я доведу до ума интервью с Киной Искренко, младшей сестрой Нины, и с Евгением Бунимовичем, близким другом Нины, тогда можно будет всем прочесть то, что не попало в книгу.

— *Как продвигалась работа над книгой? Расскажите, пожалуйста, о Ваших респондентах и сборе материала.*

— Работа продвигалась медленно, и в каком-то смысле она была для меня непосильной, потому что все это происходило на фоне моей обычной перегруженности. Я понимала, что поступаю безответственно, когда радостно соглашалась, но все-таки недооценила того, насколько нет в доступе информации о Нине. Мне приходилось не только работать с доступными источниками, но списываться, созваниваться и встречаться с подчас еще более занятыми людьми. Например, Евгения Бунимовича я застала в самый разгар избирательной кампании, и, не имея другой возможности, он рассказывал мне о Нине в машине, пока мы ездил в разные точки встреч с избирателями. Интервью получилось многочасовым,

расшифровка в основном делалась ночами. Я безумно благодарна Евгению Абрамовичу за то, что он моментально откликнулся и сделал все, что от него зависело, чтобы книга получилась. Вообще, он удивительно славный человек — умный, порядочный, деликатный. Он потом еще помог в самом конце крауда закрыть его недостающей суммой. О детстве Нины я говорила с ее сестрой Киной, мы не встречались, а созванивались по телефону несколько раз. Потом Кира присылала фотографии Нины и разные дополнения. Кира Юрьевна очень теплый, отзывчивый и доброжелательный человек. Я много слышала разных историй о том, как тяжело бывает общаться с родственниками писателей, как не всегда они понимают ценность и важность писателя, как не дают добро на публикацию и т.д. Слава Богу, это был совершенно не наш случай — Кира Юрьевна очень помогла, и было приятно, что в итоге книга ей понравилась, она была нам благодарна. Мне кажется, благодарность — это очень надежное свидетельство какой-то человеческой доброкачественности, что ли, и мне очень приятно, что сестра Нины оказалась именно такой.

— *В книге Вы отмечаете «сочетание несочетаемого» (полистилистику) как черту стиля Искренко. Вы — поэт гораздо более традиционной (внешне) манеры, но тем не менее таящий мощные суггестивные пласты за внешне спокойным обликом стихотворения; все это кажется довольно далеким от искренковской взрывчатости. Эпатажность сценического поведения, о которой пишет Евгений Бунимович («Она затевала литературные акции невесть где, в совершенно безумных местах – на кольцевой линии метро, в очереди в свежееоткрытый «Макдональдс», среди птеродактилических скелетов палеонтологического музея, в электричке Москва – Петушки, на катке Патриарших прудов...») тоже Вам не свойственна. Почувствовали ли Вы какую-то созвучность стиля Искренко и ее поведенческой манеры самой себе? Если да, что именно показалось Вам родственным?*

— Когда я училась в университете, мне тоже хотелось что-нибудь такое отчебучить, но университетская среда все же совсем другая, и у меня не хватало смелости. А потом я остепенилась. Но и теперь мне радостно хотя бы читать о том, что Нина делала. Мне все это симпатично и близко, я ощущаю это не столько как эпатаж, сколько как игру. В эпатаже я вижу агрессию и попытку справиться с травмой, а в игре — раскрепощенность, открытость, чистоту, естественность. Судить о том, насколько родственна мне поэтическая манера Нины Искренко, изнутри сложно, но очевидно, что Нина была чрезвычайно одарена как поэт, и совершенно независимо от системы координат, в которой она существовала, это дорого мне и очень интересно.

— *Надя, а Вы можете вспомнить первый момент знакомства с творчеством Искренко? Как это было и что Вы почувствовали?*

— Отлично помню первое стихотворение Искренко, которое я прочла: "она поцеловала его в подушку". Что я почувствовала? Я почувствовала, что это стихотворение, с одной стороны, прочно вписано в русскую поэзию — как минимум, оно замешано на ахматовском «Зачем притворяешься ты/ То ветром, то камнем, то птицей?», а с другой стороны, оно очень новое. И пантеистическая растворенность в мире возлюбленного обыгрывается на уровне языковых валентностей и объективных границ человеческого тела. Можно поцеловать человека в лоб, в щеку, в губы, в плечо — в то, что является частью его тела. Когда же она целует его в подушку и т.д., тело разрастается до размеров окружающего мира, мир оказывается телесен и расположен к проявлениям любви и нежности. В таком мироощущении есть что-то утробное, околплодное, когда твой мир еще рай и твоя мать — еще ты. Вы не разделены, едины и счастливы.

— *Нина Искренко входила в литературу с поколением, которое, по воспоминаниям Евгения Бунимовича, называли «гражданами ночи»: московским андерграундом — при этом в него входили эстетически и поведенчески различные поэты, такие, как Иван Жданов, Алексей Парщиков, Дмитрий Пригов. В чем общность Искренко с перечисленными*

Кира Искренко: Нина была очень непослушным ребенком

— *Кира Юрьевна, спасибо вам огромное, что согласились поговорить. Никто, кроме вас, не может пролить свет на детство Нины. Нина родилась в старинном российском городке Петровске в Саратовской области. Кем были ваши родители?*

— Мама — врач-хирург, у отца инженерное образование, он закончил Институт связи, но работал в Министерстве электронной промышленности, главным инженером главка.

— *Расскажите о детстве Нины.*

— В детстве Нина была очень непослушным ребенком. В отличие от меня, младшей сестры. Мама приходила в магазин и говорила: «Ниночка, постой в углу. Я быстро куплю». Оборачивалась — Ниночки уже нет. Но если я где-то что-то набедокурила — а я была довольно послушным ребенком — и родители в гневе приводили меня домой, Нина сразу прятала ремень, чтобы, не дай бог, мне не попало. Но делала это потихоньку.

— *А что Нина любила делать, во что любила играть?*

— Играла в куклы до первого курса университета.

поэтами, а в чем — ее индивидуальность?

— Ой, я так с кондачка едва ли смогу ответить. Они были объединены временем — в каком-то другом случае это могло бы почти ничего не означать, но в данном случае, мне кажется, важным; объединены клубом «Поэзия»; объединены одаренностью и стремлением к новаторству. Разделены гендерной принадлежностью. Обычно я предпочитаю думать вслед за Бродским, что женская поэзия отличается от мужской только окончаниями глагола в прошедшем времени, но опять же в данном случае Нина — женщина, а Жданов, Парщиков и Пригов — мужчины. Дальше можно просто развить эту мысль. И об отношении Нины к гендеру есть исследования. Кроме этого, на мой взгляд, Жданов, Парщиков и Пригов — работали, а Нина — играла. Это, наверное, уже не мужское vs женское, а взрослое vs детское.

— *Представляли ли Вы свое личное знакомство с Ниной Искренко? Если да, то что бы Вы сказали ей, о чем бы поговорили?*

— Ну это уже какой-то прустовско-познеровский вопрос. Познер обычно в финале своей программы спрашивает: «Что вы скажете Богу, когда перед ним предстанете?». Нет, я не представляла нашу встречу с Ниной. Но, думаю, если бы мы встретились, я бы, наверное, попросила ее почитать мне стихи, а то я так и не слышала, как она их сама читает.

— *А какая у нее была любимая кукла?*

— Я уже сейчас не помню, как она ее называла, но она с ней спала. Знаете, раньше такие были целлулоидные?

— *А у вас с ней как складывались отношения? Вы дружили?*

— Она говорила: «Мама, я с Кирой больше в консерваторию ходить не буду, потому что как перерыв, так она зовет меня в буфет идти». Мы учились в музыкальной школе, и меня, как младшую, приставляли к ней, и у нас были обязательные уроки в консерватории.

— *На каком инструменте вы учились играть в музыкальной школе?*

— На фортепьяно.

— *Что интересного происходило в школе?*

— Всех принимали в комсомол. А ее не принимали.

По каким-то идейным соображениям. Да она туда и не хотела, не рвалась. Но потом ее заставили вступить в комсомол, и она сразу стала секретарем комсомольской

организации всей школы. Когда она заканчивала школу, у нее должна была быть золотая медаль. Учительница по литературе сказала, что Нина неправильно раскрыла тему — как это ни парадоксально, именно по литературе. Короче говоря, учительница была вредная, Нина ей нагубила — поставили 4, вместо золотой дали серебряную. Она была очень своенравная, а училась идеально, на одни пятерки. При этом взглядами отличалась нестандартными.

Все должны были стоять в строю, вовремя отдавать салют и т.д. Она как-то не очень это любила. Но, в принципе, к ней никогда не было претензий именно потому, что она очень хорошо училась, была отличным организатором. Я не так хорошо училась — у меня и четверки были, и я была на 4 года младше. На уроке по физике я не могла решить какую-то задачку, а учитель меня спросил. Раз моя сестра Нина Искренко могла решить любую задачу, то и я должна. Я упала в обморок от стыда, потому что я не знала, как решить ее.

— *Когда она начала писать стихи?*

— В школе, примерно тогда, когда начались первые романтические отношения, состояние влюбленности. Тогда и начались стихи.

— *А она делилась с преподавателями, показывала кому-то?*

— Ой, нет, с преподавателями точно нет.

— *Что было после школы?*

— Училась на физфаке в университете, участвовала во всяческих КСП, писала песни.

— *А почему Нина пошла именно на физфак?*

— Потому что у нас была школа с физико-математическим уклоном. Тогда это было редкостью. Она там училась хорошо и пошла на физфак в университет.

— *То есть не потому, что она как-то особенно любила физику, а просто так естественно сложилось?*

— Да.

— *И не работала она физиком потом именно из-за того, что у нее особенной склонности к этому не было?*

— Да. Когда она уже училась в университете на физфаке, пыталась какие-то свои работы показать людям, которые имели отношение к литературному институту. И она в литературный поступать пыталась дважды, и ничего из этого не вышло.

— *Когда Нина выучила иностранные языки и как стала переводчиком?*

— Она переводила для журналов. Кроме школы мы еще занимались с преподавателем, и у нее были друзья из

Америки. Она познакомилась с Джоном Хаем, это такой американский поэт, и как-то пообщалась с ним — он плохо говорил по-русски, она плохо говорила по-английски, а потом, когда они стали дружить и общаться, оба выучили иностранный язык. И Нина стала говорить по-английски, съездила в Америку.

— *Как случилась первая публикация?*

— В 1987 году в «Юности» №4, «Фуга» и «Говорил своей хохлатке», на одной странице с Паршиковым. Там же в рубрике «Испытательный стенд» были напечатаны Немировская, Жданов, Бунимович и другие. Нина восприняла публикацию как должное, потому что столько со своими стихами пыталась прорваться. Это был довольно длительный и мучительный для нее период. Она всем вроде нравилась — что она пишет, как она пишет, но никто ничего не печатал. И тут, наконец, в «Юности» в числе других поэтов.

— *Она легко делилась?*

— Если речь о материальных ценностях, то — конечно. Это легко. У нас всегда так было — засыхает последнее яблоко или последнее безе портится. Нас так родители воспитывали, мы были по отношению друг к другу, да и к другим не жадными. У нас всегда полон дом был народу, и родители всегда радовались, когда мы, две девочки росли, и у нас друзья. Мы праздники отмечали у нас дома по очереди. Потому что сразу всех приглашать — очень много получится, а вот один праздник ее, а второй — мои гости приходили. Так что в материальном плане она делилась всем и всегда.

— *Можете рассказать, как она читала, какое у вас было впечатление?*

— У нее был особый дар чтения. Отличные артистические данные, дикция, голос хорошо поставлен, она очень хорошо читала.

— *А публика ее как воспринимала?*

— По-разному. Некоторые люди считали, что это не стихи, не поэзия. Вот Пушкин — это поэзия, а ее — нет. Но, тем не менее, ее слушали, она выступала, а потом уже стали публиковать ее стихи.

Евгений Бунимович: Она была абсолютно открыта миру — и в этом абсолютно беззащитна

— Давайте начнем с конца. Поговорим о посмертных изданиях, росте известности, памяти о Нине.

— С Ниной и в этом история уникальная. Мы-то, те, кто был рядом, ощущали и силу ее дарования, и масштаб, но при жизни широкого отзвука не было. И вот сейчас, 25 лет спустя, Нина Искренко, кажется, услышана, ее тексты находят отклик, они актуальны, значимы, живы. Я вижу, как их обнаруживают, читают со сцены, слушают совсем разные люди: люди литературы, театра, музыки, молодые и не очень, известные и не очень. Нина многое предчувствовала, предугадала. Не потому, что она вот так сидела и гадала, а потому что это было в ней, внутри. Она начинала, кажется, с бардовской песни. Но это было до того, как мы познакомились. Она ездила на фестивали бардовской песни, там свои традиции, каноны, рамки, но в том и была ее сущность — она не терпела рамок. Я никогда не видел эти тексты, да и она сама никогда к ним не возвращалась. И вот наступил совсем другой период — она пришла к нам в легендарную теперь студию Кирилла Ковальджи, где уже были Парщиков, Аристов, Еременко, Жданов, Шатуновский, Арабов, много кто еще. Потом — клуб «Поэзия», наши акции, перформансы. Ее знаменитая полистилистика жила ведь не только в стихах, но и во всем вокруг. Ей было тесно оставаться и внутри чисто литературных рамок. Обратите внимание — наши перформансы тех лет практически не документированы. Я ведь участвовал и совсем в других перформансах, тех, которые сейчас рассматриваются как классика постмодерна. Там все иначе, все документировано, сфотографировано. В каноническом описании это лихо, радикально, концептуально. Но, честно говоря, внутри самого действия это было довольно скучно. Нинины же перформансы были очень живые, с драйвом, с импровизацией — в очереди в первый московский «Макдональдс», на катке Патриарших прудов, в Палеонтологическом музее... Поэты обычно достаточно замкнуты — каждый в своем мире, откуда трудно выходить на контакт с другими. Пружина туго завинчена внутрь, в себя. Нина была вся наоборот — мощно раскручивающейся пружиной, вся распахнута миру. Не существовало еще интернета, бесконечных возможностей современных коммуникаций, были только телефонные звонки и встречи. «Вот, сегодня ночью написала, послушай». Ей нужен был отзвук, и этого ей всегда не хватало. Мне кажется, что все эти современные интернет-возможности — они для Нины. Разместить, зачеркнуть, добавить вслед, ответить, тексты, комменты, картинки, фото, аудио, видео... Но ей бы и этого было мало. Помню перформанс, с которым был связан скандал на открытии первого фестиваля авангарда в тихом патриархальном Смоленске. Нина Искренко читала в паре с нашим

другом, американским поэтом Джоном Хаем. У нее были очень женские стихи, она читала, естественно, по-русски; Джон читал свои стихи по-английски, бесконечно при этом откупоривал банки с пивом, глотал... Дело в том и не в том, что они читали на разных языках, не только этим создавалось ощущение, что они понимают и не понимают друг друга и что отношения мужчины и женщины — это разные языки, разные миры...

— А как реагировали слушатели, когда она читала стихи?

— Реагировали. Еще как. Вот такой эпизод. Первый цветаевский праздник поэзии в городе Александрове, где возник тогда первый цветаевский музей. И первый негосударственный музей вообще. Нас с Ниной позвали выступить. У нас практически не было тогда публикаций. Это было интересное время, когда тебя знали, твои стихи знали, даже если в официальной печати не публиковали. Мы стоим за сценой, видим этот вроде как цветаевский праздник. На сцене рояль, друг друга сменяют плюшевые, бархатные певицы, гипюровые дебелые дамы, которые исполняют романсы на стихи Цветаевой — анемичные, абсолютно антицветаевские. Зал внимал торжественно — именно так они и представляли себе поэтические акции. И тут Нина — маленькая, в джинсах, упершись руками в карманы, выходит на сцену и, раскачиваясь на каблуках, читает свои стихи. Она бросает их в зал, и зал совершенно не может это воспринять. Самое цветаевское из всего, что там происходило. Помните: «Я слишком сама любила смеяться, когда нельзя...». И когда читала Нина, был шумок, потом ропот в зале, пришла записка: «Вы думаете, что это стихи?». Нина потом поместила эту записку как иллюстрацию в свою вышедшую книгу. Закрыла гештальт. Но она очень переживала. Она была абсолютно открыта миру — и в этом абсолютно беззащитна. Без кожи. В одном из писем она писала примерно следующее: «Ты из десяти стихотворений, которые пишешь, выдаешь людям только одно, а я все эти десять и еще сто недописанных, не могу иначе». В этом смысле она была близка как раз Цветаевой. Помните, Марина Цветаева в одной своей книжке напечатала все свои стихи за один год, кажется, 1918. Там рядом с невероятными текстами есть невнятные, почти черновики. И Нина была такая же. То, что в этот момент было в ее голове, она и читала. И ты сам уплывал, не понимал вообще, куда ее понесло. На нас нацепили значки, на которых была нарисована Цветаева, а вокруг написано: «Цветаевский праздник поэзии». Мы стояли за сценой, что-то пили-ели за столиком. Нина переживала и ропот зала, и записки. Я взял со стола картонную одноразовую тарелочку и на ней по центру набросал

Нинину растрепанную физиономию, написал вокруг «Искренковский праздник поэзии, 2000 год». Она любила развешивать всякие такие штучки у себя дома, и эта тарелочка висела у нее над кроватью, когда она уже не вставала. Потом уже Сережа мне ее вернул — на память. А в 2001 году (на год ошибся!) мне позвонили ребята, молодые поэты из Ивановской, кажется, области: мы хотим проводить Искренковский праздник поэзии...

— *Расскажите про болезнь Нины — как она началась?*

— Это случилось сразу после Смоленска, после фестиваля, о котором я упоминал. На фестивале у Нины был такой перформанс. У нее есть стихи с рефреном «Я открываю двери», она вышла и, читая его, стала расстегивать кофточку на груди. Под ней оказалась следующая, она расстегивала и ее, потом еще, повторяя «Я открываю двери», и, когда уже почти ничего не осталось, и зал растерянно замер, она произнесла: «Я закрываю двери» — и, продолжая читать свой текст, принялась последовательно застегивать все свои кофточки. Это было здорово. Но там, в Смоленске, впервые сошлись перестроечная «прогрессивная» журналистика и авангардная культура. Сошлись — и не поняли друг друга. Перестроечные журналисты-прогрессисты ждали шумной публицистики и фрондерства в стиле шестидесятников, а увидели и услышали абсолютно непривычное, совсем другое, совсем про другое. И эта нестыковка вырвалась на страницы газет, появились мутные статьи, в том числе оскорбительная в «МК» по отношению к Нине — не столько про стихи, сколько про вялую грудь. Нина очень переживала. Мы даже напечатали ответное письмо в ее поддержку там же — редчайший случай в истории «МК». И как раз после Смоленска она пошла на рядовое обследование в поликлинику по женской части, и там был обнаружен рак груди, и он был уже в очень активной стадии. И что бы мы там ни делали — лекарства доставали, благотворительные вечера проводили, деньги собирали — не помогло. Нина была еще молода, рак очень быстро развился, все было очень плохо. Она много писала в это время и разобрала весь свой архив, свои тексты разного времени. Отсюда серия посмертных книг — у нее же оставалось много рукописей, и это все потом стало издаваться.

— *Получается — посмертных изданий много?*

— Да, много. Она собрала все в тетради, все сделала, все подготовила. Так и печатали, по-моему.

— *А избранное печаталось?*

— В общем, нет, и это плохо. Тимур Кибиров на радио «Культура» вел передачу, когда поэты читали стихи ушедших поэтов. И когда он мне позвонил, предложил, спросил, кого буду читать, я ответил: Ходасевича. Ходасевича я и правда люблю, но потом подумал, что его

и без меня прочитают, — и, когда пришел в студию, сказал Тимуре: передумал, буду читать Нину Искренко. Он, конечно, знал Нину, не так близко, может быть, но знал, а после передачи сказал мне: слушай, какие тексты! Их было много у нее, разных текстов, и, может, самые сильные, пронзительные не добрались до читателя, как не добрались до Кибирова, потерялись среди других, проходных...

— *А выступления у нее были с таким «Избранным»?*

— Пожалуй, только однажды. Мы ехали вместе на фестиваль в Ростов-на-Дону. Он забавно назывался — «Ростовское метро», хотя в Ростове, как известно, нет метро. Но вот такой был фестиваль с прикольным названием.

— *А когда это было?*

— Начало девяностых. Последние Нинины годы. Диагноз уже был, но еще была надежда. Там выступали барды и поэты вместе. Первая премия — путевка в санаторий у моря. Странно звучит по нынешним временам, но денег тогда не было никаких, только натуральный обмен. И нам очень было важно — мне, Игорю Иртеневу, Веронике Долиной (мы вчетвером в купе тогда заселились в поезде), — чтобы Нина взяла эту первую премию, поехала отдохнуть, окрепла чуть. И мы с Игорем стали ей составлять такую подборку стихов, самые такие ее хиты, которые любой зал должен восторженно проглотить. И получилось. Зал был в экстазе, первая премия. Кстати, вот вспомнил, мне тоже дали там премию... керамический сервиз. Такое было нищее, веселое время. Что было с ним делать, с этим сервизом, — непонятно. В Ростове в гостинице оставить было неловко, привез домой. У нас маленькая совсем была квартирка, а он был такой большой, важный, со всякими кувшинами, чайниками, кружками и тарелками расписными, мы потом его кому-то быстро подарили. Но вернусь в Ростов. Она ушла со сцены под овации, прочитав так, как мы с Игорем все составили. Я выступал сразу после Нины, стоял за кулисами. Она увидела меня, а мне нужно было уже выходить, объявили. И она вдруг как-то зло спросила: «Ну что — этого ты хотел?» И я ей честно ответил: «Знаешь, Нина, наверное, все правильно мы сделали, даже уверен. Но мне не хватало того момента, когда я сам перестаю понимать, куда тебя унесло». Когда все отработано, четко просчитано, зал взят — это не ее ситуация. Мое поэтическое самолюбие было все-таки в том, чтобы зал завоевать, а ей не это было нужно. Но в нашем кругу магнитное поле Нины Искренко ощущалось всегда. Даже когда ее акции, хеппенинги совсем перестали казаться нам чем-то важным, необходимым. Где она их только не устраивала...

— *А вы помните, как Нина появилась в студии Ковальджи?*

— Студия Ковальджи возникла по тому неловкому поводу, что ЦК партии решил молодую бродячую массу поэтов как-то организовать, приручить. Открыли десяток студий, устроили конкурс-отбор. Про остальные студии едва ли кто сегодня вспоминает. Исключение — семинар Ковальджи. Кирилл собрал его не как другие, совершенно антидемократическим путем, сказал: «Нет, мне не нужен ваш никакой конкурс, моя студия будет такой: Иван Жданов, Александр Еременко, Виктор Коркия, староста — Евгений Бунимович», — еще несколько имен назвал. Мы привели остальных. А потом уже начали сами приходить. И Нина была одной из первых, которая услышала что-то и пришла. Так мы познакомились. Она не была «отцом-основателем», но она и не пришла, а ворвалась. Она была совсем невысокая, взъерошенная, но у нее было свойство заполнять все пространство. И в студии Ковальджи Нина Искренко очень быстро стала одной из ключевых фигур. Уже несколько лет пытаются издать сборник легендарной студии Ковальджи, и он до сих пор зависает, в том числе и потому что слишком много имен, интересных поэтов в этой студии было. Столько, что уже не влезает в один том, и непонятно, что делать. И все равно Нина в силу своих и поэтических, и человеческих качеств оказалась сразу в центре и в студии Ковальджи тоже.

— *Расскажите о выступлении в музее Маяковского — это было какое-то отдельное Нинино выступление?*

— Музей Маяковского был одной из самых дружественных нам площадок. И сама фигура Маяковского, сам музей, сделанный в таком «крутом» тогда стиле, — они соответствовали Нине, ее сущности. Она ведь опубликовала и статью «Вернемся к Вознесенскому», которая была довольно скептически принята в нашей среде. Но мы собрались на вечер вокруг Нины, есть известная фотография. Мы не только читали там какие-то стихи, но и участвовали во всяких штуках, придуманных ею на ходу. Многие идеи возникали спонтанно. У меня сохранилась фотография из Троицка, научного городка, куда нас двоих с Ниной пригласили выступить. И она нашла там за сценой штандарт какой-то, и мы с ней как рабочий и колхозница вышли на сцену, неся впереди этот штандарт — пыльный, плюшевый, багровый, с золотой бахромой. Это не было придумыванием специальным, нет, это было просто частью нашей жизни. Конечно, не все акции предлагала Нина, придумывал Тучков, Володя Аристов, да и я грешил, но она всегда была центральной. Нина умудрялась всех держать в своем магнитном поле. Я преподавал в школе математику и, помню, был в Барнауле на одной математической конференции. И вдруг на рассвете в номере гостиницы я слышу Нинин голос. Откуда? А в Москве организовывалась очередная акция, меня ждали, и тут ее голос. В Барнауле. Думаю — ну все, белая горячка.

Пытаюсь анализировать — откуда «мне голос был»?

Я уже вроде не сплю. А номер гостиничный был весьма облезлый, но там было очень много деревянного, с резьбой ручной работы: люстра, дверцы шкафа... В комнате от этой люстры были повсюду блики, кружились над головой. И голос Нины. И она как раз про меня говорит: «Вот мы сейчас будем... вот Женя Бунимович...» Думаю: радио. Наверное, радио. Успокаиваю себя — ну конечно, радио. Но не вижу радио, нет нигде! В общем, радио оказалось зачем-то спрятанным в шкафу за этой резной дверцей. Вот так преследовал Нинин голос. Я помню, как я уезжал во Францию на презентацию, у меня там вышла книга стихов. Я знал, что в Москве будет очередная Ниной инспирированная акция, и уже в поезде дописывал какой-то текст, чтобы отправить в Москву. Казалось бы, у тебя вышла первая книжка, да еще в Париже, ты вообще первый раз в жизни едешь за границу, а ты все равно с головой в тех московских поэтических чтениях, которые — увы — пройдут на этот раз без тебя. Потому что центр Земли все равно оставался там, в Москве, здесь, в Москве, — на чьей-то кухне, в чьей-то мастерской, в студийной комнатке на Маяковке. Нина была мотором, пружиной. Потом нам этот праздник стал уже не так нужен, не так праздничен. Нина приглашала, звала, иногда мы шли, но мы уже матерели, бурели, в отличие от нее. А Нине все это было необходимо. И на следующий фестиваль в Смоленск она поехала уже с другими молодыми ребятами-поэтами.

— *Расскажите про Нину в клубе «Поэзия».*

— Клуб «Поэзия» — это не придуманная, не формальная, не стилистическая, а атмосферная история. Были литературные студии Волгина, Ковальджи, собрания и встречи на квартирах, в мастерских, и тут пришла перестройка, какие-то иные, не очень еще понятные возможности. В это время один чудаковатый молодой человек, его звали Леня Жуков, зарегистрировал литературный клуб на окраине Москвы — такое тоже стало возможным. И неожиданно для всех (и для Лени) вокруг этого клуба началась кристаллизация всего, что было в нашем поколении самого яркого, интересного, разного. Семинар Ковальджи составил костяк клуба. Туда пришли многие — Гандлевский, Кибиров, Пригов, Рубинштейн, еще много кто, бессмысленно перечислять. Естественно, мы и до того почти все знали друг друга, но тут все сошлось. Потом и внутри клуба стали делиться на группы, объединения, а в начале были бесконечные чтения, знаменитый вечер в ДК «Дукат». Согласно легенде, любителей стихов разгоняла конная милиция. Был тогда внутри, в фойе, что там на улице — не видел. Но то, что рвались, то, что там была давка, били стекла дверей, чтобы войти, потом в зале забили все проходы, буквально висели на люстрах, — это правда. Я вел этот легендарный вечер

в ДК «Дукат», и это был первый выход в свет клуба «Поэзия». Афишу помню смешную, и там тоже многое придумала Нина: «аукцион выдающихся вещей», еще куча всякой хренотени.

— *А что значит «аукцион выдающихся вещей»?*

— А ничего не значит. Я уже не помню. Помню, что «вещи выдаются незамедлительно». Наверное, Нина или кто другой придумал на ходу, игра. На меня был намек на той же афише: «иронический прудизм». Я любил и много писал про Патриаршие пруды. «И» на афише было зачеркнуто, а сверху написано «Х», получился «хронический прудизм». Это ведь тоже Нинина фишка — зачеркивания, которых сейчас полно в интернете, смысловое зачеркивание. Не то что придумала, а сделала это своим приемом. И на самом деле точкой, когда закончился клуб «Поэзия», была Нинина смерть. Здесь не нужно было формальных точек. Мотором была Нина, и, когда ее сердце остановилось, закончилась наша молодость. И клуб.

— *Давайте поговорим о том, как появилась полистилистика — что Нина вкладывала в это понятие?*

— Миша Эпштейн, Константин Кедров наводили теоретический блеск, появились метаметафористы, они же метареалисты, Жданов — Парщиков — Еременко, еще Аристов, Кутик, Арабов, Шатуновский, ну и, конечно, московский концептуализм, Пригов — Рубинштейн. Понятие полистилистики уже существовало в это время в музыке. Может, и в литературе существовало, но нам было о том неизвестно. Как писал о том времени Арабов, мы были стихийные постмодернисты и такого слова не знали. Был в студии Ковальджи Юлий Хоменко, он поэт и, кроме всего прочего, прекрасный оперный певец, сейчас живет в Вене. Он и заметил: то, что Нина делает в стихах, во многом близко к тому, что в музыке именуется полисти-

листикой. И Нина, которая реагировала как спичка, сразу загорелась этим. И тогда же появилось ее стихотворение, одно из моих любимых, «Гимн полистилистике».

— *Как вам казалось, Нина сама ощущала себя большим поэтом?*

— Да. Это нормальная история для поэта — одновременно страшная уязвимость, когда ей казалось, что ничего не получается, все не то, все рушится, и в то же время у нее было ощущение своего масштаба, предназначения.

— *И она считала стихи главным делом своей жизни?*

— Да, это точно. Она была полностью с этим слита, связана напрямую. Я это особенно в ней чувствовал, потому что у меня такого не было, у меня почти всегда была еще какая-то другая сторона жизни. У нее на стихи все было завязано. Она сама оформляла свои книжки, афишей одного из вечеров была дверь на ее даче, которую она расписала. Она шире, конечно, была, но это было главным.

— *Могли бы вы назвать ее самые сильные и самые слабые стороны?*

— Мне кажется, что самая сильная сторона — это внутренняя свобода. Она ничем не ограничивала себя, только своим поэтическим чутьем. Никаких условностей. Она обрела эту свободу, особенно в последние годы. Что касается слабой стороны, не знаю, но был такой момент, который мне не очень, наверное, близок, — я бы не назвал это эстрадностью, но этакое эффектное внешнее звучание стиха, лихость, игра, которая мне иногда казалась поверхностной. Но это была Нина, и я ее так и такой воспринимал. Я был пристрастен, мы все были пристрастны друг к другу. Так что про слабые стороны лучше спросите других.

Любава Малышева про Искренковские чтения – 2020

Предыстория

Литературные мероприятия, связанные с памятью Нины Искренко, многократно проводились раньше, что подробно задокументировано хроникой vavilon.ru и некоторыми другими сайтами. На вечерах памяти, организованных друзьями-поэтами, всегда звучали стихи и проза, воспроизводились придуманные Ниной перформансы, ежегодно презентовались 1 – 2 новые книги Нины Искренко:

«The Right to Err», Русский ПЕН-центр, 12.2.1997

«Интерпретация момента», Георгиевский клуб, 14.2.1997

«Непосредственно жизнь», Георгиевский клуб, 13.2.1998

«О главном (Из дневника Н.И.)», Музей Маяковского,

17.3.1998

«Рассказы о любви и смерти: Житие Лысого и Вермишели»,
16.2.1999

«Стихи о Родине», 14.2.1999

В 1999 году по инициативе Союза российских писателей и Центра творчества молодых литераторов и при поддержке городской администрации Костромы проводился литконкурс имени Нины Искренко. Участвовали прозаики и поэты Владимирской, Вологодской, Ивановской, Кировской, Костромской, Нижегородской и Ярославской областей, которым было от 16 до 35 лет. Далее появились книги:

«Гости», Проект О.Г.И., 14.2.2000

«Избранное», 19.11.2001

«Знаки внимания», Классики XXI века, 16.5.2002

29 апреля 1995 в клубе «Скарабей» состоялся первый «Праздник рифмы», он был посвящен памяти Нины Искренко.

20 мая 1997 состоялся перформанс: «На фоне своей картины с изображением двух обнимающихся женщин Света Литвак читала за двоих, поочередно — свои тексты и тексты Искренко».

Чтения проводились 15.2.1996 и 17.2.1997 (в Музее Маяковского), также 20.10.2001, потом хроника приходит в упадок, но известно, что чтения шли своим чередом.

Дальнейшие издания:

«У нас и у них. Январь – август 1990», М.: АРГО-РИСК;
Тверь: KOLONNA Publications, 2003

«Все! Июль – декабрь 1989», М.: АРГО-РИСК;
Тверь: KOLONNA Publications, 2005

«Вещи, с которыми нужно смириться. Первая половина 1989», М.: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2006

«Нулевая Твердь. Стихи 1988 года», М.: АРГО-РИСК;
Тверь: KOLONNA Publications, 2009

6 октября 2011 года на московском поэтическом фестивале, VII биеннале поэтов на Мясницкой, снова устроили вечер памяти Искренко.

Книга «Некоторые соображения, впоследствии зачеркнутые» (М.: Книжное обозрение) датируется 2015 годом.

Знали ли стихи Нины за рамками близкого литературного круга? Несомненно. Их включали в программу множества поэтических вечеров и в состав сборников. Одной из впечатляющих площадок, на которой длилась память о Искренко, был известный московский театр. В МХТ им. Чехова по инициативе режиссера Марины Брусникиной более двадцати лет проводился «Круг чтения» — поэтические произведения исполняли профессиональные актеры. С 2013 года с Основной сцены зазвучали стихи современных поэтов, в том числе — произведения Нины Искренко. На ютубе можно найти видеоролики, где Паулина Андреева, Ольга Воронина и другие актрисы МХТ читают тексты Искренко (съемка 2016 года). Во время пандемии 27 марта 2020 года, в Международный день театра, чтения прошли в видеоформате — здесь Светлана Колпакова представила стихотворение Искренко «Он обнимает меня».

Как минимум дважды стихи Искренко размещались в городском пространстве так, чтобы это было задокументировано. В 2013 году объединение «Красный стул» прописало

ло белой краской на асфальте Пейзажной аллеи в Киеве: «Ты голоден / Вот остров светляков / колодцы трав прохладны / Вот шагов / орехи земляные / Вот вино / охоты в журавлиных стеблях / и черепаховые тени на песке...» Книга «Вещи, с которыми можно смириться» оказалась на ветке цветущего белого эвкалипта в моем собственном проекте «Урок литературы или ботаники #для_ветки_не_тяжесть» (2018): «В небе сражаются стаи газет / Солнце встает словно рота солдат / Дым закодирован воздух сжат / Моя свобода меня бережет».

Чтения стихов Искренко на улицах случались бесчисленное количество раз. Самое яркое из задокументированных на сегодняшний день выступлений — «Допрос» в исполнении Яны Иртеневой на Маяковских чтениях (у памятника) в 2011 году.

23 апреля 2019 года в LitClub «Личный взгляд» в Библиотеке № 2 имени Ю. В. Трифонова Людмила Вязмитинова прочитала лекцию «Уроки “женской” поэзии. Часть 6: “Нина Искренко — неотъемлемая часть московского андеграунда”». Про Нину рассказывали Ольга Ильницкая, Юлия Скородумова, Леонид Жуков, Николай Винник и др.

Хочется также напомнить, что память сохранялась не просто о какой-то знакомой поэтессе, а о женщине яркой, прожившей свою жизнь блестяще, окруженной понимающими меру ее таланта людьми. Искренко была душой клуба «Поэзия». И то, что кто-то не слышал ее стихов до Искренковских чтений, никак не характеризует саму Нину, но, скорее, говорит о изумительной невнимательности некоторых потомков.

Хочу рассказать о некоторых особенностях этих чтений. Искренковские чтения 26 июля 2020 года, в 69-й день рождения Нины Искренко, которые мы проводили в Московском женском музее, создавали пространство женского высказывания. Стихи читали не профессиональные актрисы, не мужчины, а исключительно женщины, которые сами пишут стихи. Событие проводилось не в день смерти и не в какой-то другой день года, но в день рождения. Была представлена новая книга — не поэтическая, не документальная, не искусствоведческая — полистилистика про Искренко. Число участниц, лично не знакомых с Ниной, значительно превышало число знавших поэтессу. Нам это видится как новый шаг в сохранении памяти о поэтессе: когда воспоминания вышли за рамки дружеских посиделок. Началась метаморфоза памяти в сторону бронзы памятника и фотографий музейного стенда — причем подчиняясь современному желанию слышать женский голос без мужских коннотаций, управления, окружения.

Евгений Бунимович отметил, что фестиваль проходил «в zoom, в модном формате. Нина очень любила такие фишки, новые форматы, новые идеи. И zoom-формат огромного поэтического фестиваля — это очень здорово, очень по ней».

Большой вопрос, почему путь памяти совершался именно так — сначала в интернациональное пространство, потом в область внутренней работы, затем — в зал театрального переосмысления. Теперь — формула волшебной сказки и радикально современная форма: женское высказывание, интернациональный zoom. Имели ли акторы возможность действовать в другой последовательности, или же пазл культуры складывается не из личных мотивов, а при помощи других исторических механизмов?

Московский женский музей

Изначально интуитивная инициатива, которая много лет шла с фонарем в абсолютной темноте, теперь — участник Всемирной сети женских музеев. Коллекция хранится по домам, бывают временные выставки, помещение ищем. Некоторые волонтеры работают постоянно, некоторые приходят на один проект. Сейчас сайт музея выглядит как продуманная структура, как нечто, сделанное по плану. Он наполнен интернациональными и локальными женскими вопросами, уникальными материалами, охватывает широкий спектр правовых вопросов. Но к этому мы шли десятилетия. Сначала заинтересовались женским историческим движением, помноженным на урбанистику — то есть появлением женщин в пространстве города, культуры и истории. Это, в частности, про некогда норвежскую, а теперь международную акцию Женская историческая ночь — начиная с 2006 года каждое 8 мая улицы, площади и памятники переименовываются в честь женщин-гуманисток. Затем узнали, что существует всемирная сеть женских музеев IAWM, март — месяц женской истории, феминистская литература для детей, Всеобщая женская забастовка 8 марта, феминистские календари, мировое антифеминистское движение. С удивлением обнаружили, что российские власти феминизм скрывают, а российские феминистки не считают первостепенным делом гражданский контроль феминизма, борьбу с ним как с системным явлением. Начали российский антифеминистский проект *femicid.net*. В 2020 году подали представление о феминизме в России в ООН. Так появились первая статистика, достигшая мирового уровня видимости, и первая открытая база феминизма в России.

Новая интернациональная тема, которую мы поддержали, — это биология реальности, всемирное женское лобби, противостоящее уничтожению понятия пола на уровне

Конституции и других законов. Замена категории «пол» словом «гендер», возможность выбора «пола» в документах на практике приводит к уничтожению медицинской и юридической статистики, к уничтожению мейл-фри зон во всех областях жизни. Но женские права держатся на возведении границ, и сейчас феминистки всего мира пытаются спасти эти границы, написана «Декларация прав женщин на основании пола», каждую субботу проходят всемирные вебинары, женщины делятся опытом противостояния транс-политике и ищут общие решения. Возможно, до вас докатилась волна гендерно-критичной информации в виде новостей о травле Джоан Роулинг.

Женская история для детей

Искренковские чтения были приурочены к выходу новой книги в серии Московского женского музея «Женская история для детей».

Книги о новых, непатриархальных ролевых моделях для девочек, написанные женщинами и для женщин — целое направление современной мировой литературы. Таких книг написано уже десятки тысяч. Важно, чтобы биография героини рассказывалась не через биографии мужчин (не мать такого-то, дочь такого-то, жена такого-то), чтобы подчеркивались иные (непатриархальные, женские) ценности, аспекты и проблемы, предлагались новые решения конфликтов. Разумеется, такой текст строится по другим принципам. Существует целая наука, феминистская критика. И про то, чем феминистский текст отличается от патриархального, написаны целые библиотеки исследований.

В нашей московской серии мы показываем местных героинь — тогда как иные издательства предпочитают издавать иностранные бестселлеры о женской истории, подходя к выбору и производству без минимальной критики. Рынок заполняют странные тиражи о союзниках патриархата — милитаристках, сторонницах диктатуры и тому подобное — под видом новой просветительской литературы. Даже эти переводы подвергаются цензуре, старательно убирается критика российских властей, хроника протестов, слово «лесбиянки», феминистская теория, сексуальное просвещение. Сложившаяся ситуация с цензурой и попытки заработать деньги, искажая идеи — дикость. Мы считаем важным называть местные имена для того, чтобы у девочек было представление не только о далеких исторически-географически-ситуационно-культурно персонажах. Чтобы они могли поверить в реальность перемен прямо здесь, а не где-то далеко и не с нами — не благодаря супермощным героиням западных стран. Мы говорим о истории бабушек и мам, чтобы восстановить

понимание о значимости женского вклада в развитие общества. Местная и семейная женская история важны.

Деньги на издание мы собираем на «Планете» — люди делают предзаказ книг и пожертвования. У нас есть постоянный меценат Лена Грунтова. На печать книги про Искренко передал деньги и Евгений Бунимович. Также мы использовали личные деньги во время форс-мажоров. В серии «Женская история для детей» уже вышли книги про Евфросинию Керсновскую (2017), Наталью Горбаневскую (2018), Галину Кожевникову (2019).

Поскольку презентации первых изданий превращались в политические события, сказка про цыганскую поэтессу Папушу (2019, Лилит Мазикина, Нюся Красовицкая) уже намеренно создавалась как площадка для диалога о правах цыган в современной России и в мире, а волшебная биография Кожевниковой писалась для того, чтобы говорить о ксенофобии в современной России.

Все наши книги тепло принимались читателями и обретали неожиданную для авторского коллектива видимость. Про серию рассказывали литературный критик Ольга Бухина и книжный обозреватель Дмитрий Гасин. Первая же книга — о Евфросинии Керсновской — получила «Приз книжного сообщества» non/fictio № – 2018 в номинации «Выбор независимых книжных магазинов». Протестуя против современной российской цензуры и конформности литсообщества, мы поблагодарили людей, которые оценили нашу работу, но от приза отказались. Книга о Наталье Горбаневской вошла в международный каталог детской литературы мюнхенской Internationale Jugendbibliothek «The White Ravens», который был представлен на международной книжной выставке во Франкфурте в 2019 году. Работая над книгой о Папуше, мы узнали, что цыганская литература до сих пор числится в изгоях, что библиотек и даже полок в библиотеках для нее в мире почти не существует. Не говоря уже о детской литературе на цыганскую тему — сложно найти недискриминационный текст. С удивлением узнали, что стихи Папуши на русский не переводились. Под руководством Илоны Махотиной, которая отвечает в нашем музее за ромское направление, мы напечатали мультилингвальный diu-сборник оригиналов и переводов Папуши, который презентовали параллельно с книжкой о детской истории.

Подготавливая книги к печати, мы всегда стараемся работать с хранителями наследия. Так, книгу о Керсновской помогали создавать Игорь Чапковский и Галина Аتماшкина, книгу о Горбаневской рисовала внучка правозащитницы Нюся Красовицкая. Автор книги о Папуше — поэтесса и писательница цыганского происхождения Лилит Мазикина, мы также консультировались с храните-

лями наследия из музея в Годжуве-Великопольском.

В работе над книгой об исследовательнице национализма и ксенофобии Галине Кожевниковой принимали участие ее друзья и коллеги из центра «Сова» — Александр Верховский и Ольга Сибирёва. Кстати, иллюстрации для книги о Кожевниковой сделала Татьяна Зеленская, известная в Кыргызстане своим политическими художественными высказываниями против ксенофобии и патриархата. Так что для нас не было удивительно, что Искренковские чтения – 2020 прошли в итоге как радикальное феминистское мероприятие, хотя такой глобальной задачи мы перед собой не ставили.

Сама детская книжка про Искренко не содержит ничего, кроме сказки о поэтессе, никакой феминистской идеологии. Участницы чтений не делали громких заявлений о проблемах женщин, у большинства стихи были не о женской проблематике. Несколько экспертов сказали о том, что Нина Искренко действительно по форме своего жизненного действия и творчества отличалась от покорных и бессловесных патриархальных женщин, но и только.

И даже несмотря на то, что статья Светланы Василенко о московском женском самиздате восьмидесятых, о женском сборнике «Новые Амазонки» (1991), где был опубликован «Фиванский цикл» Искренко, — это манифест радикального феминизма своего времени, мы особенного акцента на феминизме во время чтений не ставили. Однако любое радикальное женское пространство — это политическое действие, которое крушит патриархальные принципы, представления о том, как все должно/ может быть устроено в литературе и в жизни. Так что неожиданно для себя мы все-таки снова оказались не в тихом женском кругу, а на площади, где слышались женские голоса-крики, политическое высказывание — по форме. И под градусом патриархальных оскорблений, необоснованных обвинений, нелепой критики, неомачистских требований. Собака лает, караван идет.

Детская книга про Искренко

Текст сказки создавала известный московский поэт Надя Делаланд. Но не в одиночестве. Ей помогали хранители наследия: Кира Искренко и Евгений Бунимович, а также эксперты-дети. Дети — очень объективные критики, и мы относимся к их мнению с большим вниманием. Во всех книгах серии мы переписываем текст до тех пор, пока и шестилетние, и десятилетние, и пятнадцатилетние не скажут, что им история понятна. В чем могут быть проблемы? Дети не знают, что такое СССР, ГУЛАГ, ксенофобия, полистистика, репрессии, депортация, милитаризм, диктатура, права человека... Есть два способа преодолеть этот барьер — вообще не говорить с малышами на сложные темы или же искать способы понятного высказывания.

Надя Делаланд проделала очень большую работу, собирая и изучая интервью. Хотя мы писали сказку, и формат позволял нам включать фантазийные элементы (альтер-эго: черная овечка, путешествия по небесам), в основе истории — реальная биография. Предмет нашей особенной гордости — иллюстрации, сделанные Ириной Коноп. Рисование пришлось на сложный период, Болонья была в центре пандемии, семья художницы оказалась в карантине в маленьком итальянском городке неподалеку. Помимо эмоционального напряжения из-за самого творческого процесса были проблемы с доступностью материалов, много технических и бытовых проблем. Но Ирина организовала свой рабочий процесс очень рационально (она немного рассказала об этом на презентации), книга была создана стремительно, и первоначальные наброски почти без изменений вошли в финальную версию. Если вы видели издание, вы заметите, как сильно иллюстрации соотносятся со стихами Искренко и с каким вниманием к биографическим деталям они сделаны. За кадром проекта находится много волонтеров, много скрытой трудной работы по корректуре, подготовке иллюстраций к печати, изготовлению макета, самому процессу печати, доставке книг заказчикам. Благодарность маленьких читательниц — их единственная награда — помимо осознания того, что они принимают участие в уникальном проекте, способствуют эмансипации россиянок.

Участница чтений Юлия Немировская: «...главное, чтобы у каждой девочки была уверенность в себе, уверенность, что она может выбрать свой путь. Вы, наверное, знаете, что такое «стеклянный потолок» — невидимые препятствия. От мальчика в первые годы ждут, что он будет смешным, рискованным, любопытным. А от девочки — что она будет послушной, миленькой и помощницей. Мы все любим нравиться и стараемся соответствовать ожиданиям взрослых, даже если это нам не по нутру. Этот ранний, молочный опыт должен быть другим. Мальчик и девочка должны нравиться взрослым такими, какие они есть, им нельзя ничего навязывать — пусть свободно изучают мир».

Почему мы делали сказку, а не, скажем, полное собрание сочинений, биографический справочник, сборник мемуарной прозы? Потому что есть предостаточно близких Нине людей, которые лучше справятся с этой задачей. И коварный план состоит в том, чтобы напомнить, что в следующем году Искренко исполняется 70 лет, это повод для того, чтобы уже сейчас начать подготовку. Надо переиздавать, делать крупный фестиваль, стенды в музеях, исследовательские работы, видеоарт, видеофильмы, новые формасловы. Но это задача для друзей и родственников, для

хранителей наследия, для академических исследовательниц. Для феминисток тоже есть поле деятельности — вышеупомянутая фемурбанистика. Имя Нины Искренко появляется на плакатах Женской исторической ночи — это про то, чтобы в городе появилась улица Нины Искренко, памятник, библиотека, музей.

О формате фестиваля Искренковские чтения – 2020

Все планировалось задолго до короны. Фестиваль хотели делать в помещении, огромное количество желающих участвовать нас не смущало: нашли хорошее место, все поэтессы-москвички точно успели бы добраться и прочитать в течение дня, остальных мы бы транслировали на экране. Хотели сделать видео-фото-документацию, собрать рукописи, сформировать из них книгу. Но когда все пришлось перевести в зум-формат — мы поняли, что технически будет очень сложно провести десять часов в зуме, преодолевая стресс участниц из-за трудностей с подключением, проблемы звука-видео — было решено затребовать от всех ролики и смонтировать фильм. Сбор рукописей также провели по почте. Так у нас в коллекции Московского женского музея оказались голоса и почерки поэтесс, ролики с чтением одного своего и одного искренковского стихотворения. Мы сознательно отказались от того, чтобы пригласить только профессиональных чтецов. Вклад актрис очень важен (чтобы напомнить про это — открытие фестиваля было в руках актрисы), но в этот день мы хотели послушать поэтесс.

Евгения Джен Баранова: «Мне всегда будет читающая поэтесса интереснее. Только автор может целиком передать свой текст интонационно. Конечно, у чтения профессиональных актрис есть свои плюсы: поставленный голос, умение держать паузу. Но когда женщина-поэт выходит на сцену, она превращается в песок, ветер, реку — ты видишь, как глаза загораются и гаснут, как жилка на горле подрагивает в особенно личных местах... Волшебство».

Фестиваль состоял из трех частей. Первая: презентация книги с участием Нади Делаланд, Ирины Коноп, Киры Искренко, Евгения Бунимовича, Светы Литвак, Юлии Скородумовой, Людмилы Вязмитиновой, Марины Тёмкиной. Хранитель коллекции книг Нины Искренко, издатель некоторых ее книг Николай Винник говорил о существующих изданиях. Вторая часть: собственно чтения (45 участниц) и афтерпати (третья) были исключительно женскими.

Марина Тёмкина: «Такие пространства помогают, потому что женщины социализируются горизонтально, им не

нужна вертикальная иерархия, капитан команды, лидер, начальник. Женщины организуются по другому принципу, это другая форма отношений, более демократическая. В женских группах лучше принимают, поддерживают, кооперируются, понимают соавторство как преимущество. В среде мужчин начинается конкуренция, которая женщинам часто мешает проявиться и состояться».

Выбор текстов

Хотя многие видят некую интригу в выборе стихотворений, на самом деле выбор был только у первых участниц, затем уже начинались сложности. Если бы это пустили на само-тек, пришлось бы многократно слушать «В России всегда было можно стрелнуть сигарету» — после малоизвестного «Фиванского цикла» это самая яркая гражданская лирика у Искренко. Видимо, атмосфера времени требует гражданской лирики.

Феминистская лирика — гражданская по определению, но в чтениях почти не участвовали поэты, вовлеченные в акции борьбы за женские права, за права человека в целом. И мы не ставили задачу приглашать исключительно людей с яркой политической позицией: во-первых, они сами прекрасно делают свои радикальные площадки, не имеют проблемы видимости/представленности творчества в женском кругу; во-вторых, хотелось зайти с темой в литературное сообщество, сделать его менее патриархальным. Были и другие соображения, которые определяли наш выбор участниц. Но, как мы неоднократно говорили и писали, если бы мы пригласили всех знакомых нам женщин-поэтов, всех, кого бы мы хотели позвать, чтения продолжались бы неделю и круглосуточно. И если кто-то грустит или обижается из-за невключенности в Искренковские чтения – 2020, сделайте собственное мероприятие. Нет никакой монополии на женские поэтические чтения. Делайте еще один фестиваль!

Открытия

Открытие самих чтений было в руках у Яны Иргеньвой, актрисы, дочери друга Искренко Игоря Иргеньева. Выбранное Яной стихотворение «Телеграмма: я могу начать с любого слова» определило всю концепцию. Дальше открытия совершались на многих уровнях. Прежде всего поэтессы открывали для себя творчество Искренко, искали внутренние связи с собственным видением мира. Публика узнавала новые имена. Участницы узнавали о ресурсах друга и немедленно начинали новые совместные проекты.

Анна Седая пишет: «Я сохранила, добавила в друзья или подписалась на участниц фестиваля. Почти все они

для меня новые. Я стараюсь познакомиться с их творчеством сейчас».

Некоторые впервые прочли собственное стихотворение на публике, некоторые впервые в жизни прочли стихотворение Искренко, кто-то впервые участвовал в женском фестивале, в поэтическом фестивале, кто-то впервые представал в качестве поэта.

Алтын Капалова, создательница Феминнале в Бишкеке и по совместительству известная художница, поэтесса и писательница: «Это мое первое участие в интернациональном фестивале женской поэзии, и у меня никогда не было опыта чтения на родном языке. С одной стороны, это было странно, но с другой — так естественно и приятно. Я не пишу поэтические тексты на русском или другом языке, только на кыргызском, поэтому это было безумно приятно иметь возможность читать на языке, который мне близок, как литературный прежде всего».

Московская оперная певица Жанна Бадалян: «Стихи я пишу редко — многое поэтическое, что во мне есть, воплощается в пении. Но бывает, что есть излишек творческой энергии, тогда появляется стихотворение. Я никому их не показываю. На фестивале, мне кажется, я впервые прочла свое стихотворение вслух».

Организаторы открывали пределы собственных возможностей (если бы не своевременное появление опытного зумера Ирины Чудновой — мероприятие бы, безусловно, провалилось в техническую пропасть) и новые неожиданные плоскости проекта. Например, мы поняли, что надо дать возможность участникам сказать больше.

Интервью

Было решено, что все высказывания экспертов, а также рукописи войдут в сборник чтений. Вопросы, которые задаются участницам Искренковских чтений – 2020, касаются тем, важных для Женского музея, такое типичное women's studies. Большинство поэтесс никогда не высказывались публично на эти темы. Интервью мы делаем, чтобы остановить мгновение, зафиксировать взгляды и мнения участниц в настоящее время. Показать, какой спектр женских вопросов волновал поэтесс в 2020 году. Нас интересует история бабушек и мам, а также имена других духовно важных женщин, оказавших влияние на становление — в творчестве, работе, повседневной жизни. Это обычно звучит как вопрос «в честь кого вы бы назвали улицу». Если есть возможность узнать о дискриминации женщин вне литературы (о литературе спрашиваем издательниц и критиков), мы обязательно

задаем такие вопросы. Так, Жанна Бадалян рассказывает о дискриминации женщин в музыкальной сфере, хирург Ирина Котова — в медицине. Среди участниц множество женщин-переводчиц, женщин, мыслящих сцениграфически или исторически, мы стараемся подчеркнуть этот крайне важный опыт.

Ирина Котова: «Даже если женщина не пишет диссертаций и не представляет никакой угрозы в плане захвата сфер влияния, ее пускают только до определенного уровня. Мужчины никогда не воспринимают женщин-хирургов как равных себе. Исключения — одержимые хирургией женщины с очень жестким, непробиваемым характером и женщины с мощной мужской поддержкой (например, жена или любовница главного врача). В науке поначалу я не сталкивалась ни с какой дискриминацией, но со временем, дабы сделать меня никем, новый начальник удалил мою тему из научных планов отделения. У меня было двое аспирантов. Теперь уже никогда не будет и, соответственно, профессором я никогда не стану. ... Если бы я вдруг начала пробиваться в академики, гендерная проблема встала бы передо мной стеной».

Зачем нужны женские пространства, понимают не все участницы. Но свободные от мужских интерпретаций, давления, управления коллективы действуют иначе, в иной атмосфере, и приходят к иным результатам, отражают женские задачи и интересы. Возможно, это не всегда очевидно.

Особенной удачей мы считаем идею фотографироваться с собственными книгами (фотографии размещены на сайте Московского женского музея, иллюстрируя вью), выпросить у авторов про все изданные книги и про возможности их покупки — не секрет, что продать книгу женских стихов, донести текст до публики в современном мире и выйти хотя бы в ноль по затратам на типографию — трудно решаемая задача. Некоторые участницы фотографируются с женской литературой, созданной другими поэтессами-писательницами, так как число собственных книг невелико. Это прекрасная идея высвечивает улучшение ситуации с представленностью женщин: да, пусть у меня вышла всего одна книга — вот сто книг, изданных другими женщинами, я буду продвигать их наравне со своей собственной, и если поодиночке мы бессильны против патриархального литкруга, вместе мы займем достойные места на книжной полке. Некоторые женщины-поэты настолько плодовиты, что приходится делать коллаж, размещая все издания. Вообще идея показать женские книги на полках библиотек и магазинов, обнажить дискриминацию на уровне печати и продажи не нова. Так сделали в книжном магазине Loganberry Books в США, в штате Огайо. Во время месяца женской истории продавщицы развернули корешками внутрь все книги, написанные мужчинами. Женских книг оказалось очень мало. Этот простой эксперимент мы всегда упоминаем, рассказывая о мотивах создания нашей книжной серии для детей. Было много исторических причин, исключаящих женщин из литературы. Многие из них действуют и сейчас. Настало время изменить это и услышать женский голос.

Алёна Асенчик

С Якова на фредота

Взросе жизни и возраст обочко приходит вмести;
такой вот коктейль, в котором и дар, и грех...
Нас время стирает, как буквы на пишмашесте,
и новый текст записывает поверх.

Меняет стилистику. В сторону нарратива.
Рисует штампы, шепта: "сокровенный шур!"
Да лишь бы герил подольше ему хватило...
Хотел... А если бы бы иной расклад?

Представь, что мы начинаем отскит с конца,
с морщин и пятен старческого лица,
с дрожащих рук, выстрелов в полемице.
Стою, что кто-то всё нам уже сказал,
и хоть неверно шаге и мутно глаза,
но вскоре им начертано прояснитвал...

И опыт будет таять, но пока ты знаешь,
кого обретишь; кого, увы, потеряешь.

И какой-то день, многослойной, что канале,
ты будешь на шпанки наизовать и т. п.
Не братъ у дней ты будешь, а возмощать им.
Вернутся зубы, волосы. А в конце
они исчезнут снова. И на миче
младенческом отразится немое счастье...

Ведь жизнь, она, говорит, не кончается; Яковъ
переходит, как та котка, с фредота на Якова.
А потом, я смыхала, как знающий говорим
кто-то,
обнуляется и снова — с Якова на фредота...

Араман ак дууштар
Теле кайып кыздар.
Шордуан пиларан
Тилерин ташын аякун
Казе шез кушун кайып
алар.

Дурн 30. Дурн 20. Дурн 40
Тиле беш ден
Тилеке айыктын кыздар

Тиле тарнап
Тилеке таан айыктын
Араман ак дууштар
Теле кайып кыздар.

Тилеке Ташаева
2016 м

Белый танец

Танцуешь будто
С пятки на носок
Вальсируешь ты жежеле будто
Такая телень не рабей восток
Целуй
Смотри я подставляю губы

Целуй всего лишь боюсь впереди
Но времени всегда которого мало
Ах бабько жаспривал впереди
Будет всегда смерти мало
Попредуй белее это и не кровь
Садим мертвал красная помаде
Танцуйт белы ридануйт белес пловь
Так надо

Дай руку паруря паруруря
Я превращаюсь в тень смотри
смотри же
А музика кровотокащей сераи
Невозьт ии выговатъ
Ни желать тише

А. Фламиньо

Анна Аркатова

* * *

Попробуй так - возьми им в склад им в ряд
допустили слышу манго виноград
А к ним с какой-то радостью - фгдсепь!
В дохлательней материи консоли
им замок, что держит антресоль
им антресолью сброшенный корсакурь...
открыты скобки вертятся спектакль
предметы пошлуют не мотыём -
так взаимоотношения путём

Удобника засохшего раздел.
А ты возьми как ты меня раздел
и им лжши етлетие вне стиха -
некурственные тратятся мехо
и ничего...

а тут вдруг слыва манго
и виноград и сразу входит мамма
и скобки закрываются как шкаф
нас не узнав.

Анна

Анна Толубкова

* * *

Никогда я не стеснивалась
с карандашом утешенши
думала она
поднявшись в шесть утра без будильника
и раскладывая на столе книгу Белева
которое некогдамо полагали
то это вообще за слово такое ревер
то за пошлость дурацкое
думала она в шесть сорок пять
принимала за приготовление завтрака
как вообще можно думать может
по поводу признаку
ведь все там же разные
прозрачные, резюмирует она
в семье писательстве
отправив в вагону
своих спорающихся детей
и приступая к маленькой задаче
пробуждения супруга
она прозрела, резюмирует
о карандашном утешении
собирая в вагоне детей
и вывешивая для света на тельнях
светлую красную вышитую сорочку
она прозрела, резюмирует
о карандашном утешении
стала у реверанса и переживала
оставившая после завтрака носу
она прозрела, резюмирует
о карандашном утешении
животными быстротой звенения
какоем ланком
кашлявая тонкие колготки
уныло неудачно коды
и пухом на высокой каблуке
она все еще думала
о карандашном утешении
включившая в переплетенной автостраде
и замирая поужасно ахнула к стене
тотда кинто не боя
убавить ее за загнутой
и прикрывала спереди
непродуман портфелем
против телодвижен елишкам тесно прижаться
своим утренним потным оранжерею
и все когда за окном замедлялись
привольные серые пейзажи
и люди вокруг погружались
в раз сотово оцененные
она наконец смогла немного расслабиться
и пришла к охотничьиному
выводу о том
то некогда в своей жизни
не встречала и даже просто
не могла встретить
этого самого карандашного
(слова то какое симпатичное!)

утешении

Анна Маркина

вместо солнца льняного такой оги-
то ни лом ни ^{гальки} лед, ни взрыв ни сверление ни
и не вскрыло ^{дерево} его ^{поверхностное} тепло
воспитал мороз порозовые стекло
но потом распустился авет потом
в шблом царстве ^{появилась} гы езерной мерзлоте
закапался мир на цепочках гвнх
разошелся ^{шагов} звон вышине во 961
и салеышине ^{из берегов} стали от боли боль-
о тебе ^{моей} раздвинулись ^{окрест} словно о волторез
разломалось все ^{запечатанные} с
лучше бы покоилось ^{трудом} тело льдом

Анна Седая
(Варшава)

Для боли какой подойдёт
сосуд

Суть - не суть
выношу на суд
проломат в мат
душат тишиной
обернута спиной
моей виной

чьё плечо вымечит позвоночник
чьё объятие вправит в суставы
прогмиваю прогме́ваю
напрягаю нервы
чтобы шлопать чтобы шёпотом
чтобы что потом?
перетоксикоз теканом мьял - токсикоз
как мильницу губку отжать ды мозг
выжать мшнее чтобы близким
было легче
многословие из раны хлещет
получатель собствен но не при чем
не каждый умеет бить плечом
мечом легче бить чем врагом
вро чем вам это всё - зачем?

Для боли какой подойдёт сосуд
когда никак тебя не слышат
когда сама надрубает сук
где сидишь и ждешь погоды у моря
алого паруса попутного ветра
мануального терапевта
ответа в ватсапе
ночь какого-нибудь куда!
Прогмиваю набираю сообщения
прогмеваю получателя охотчательно
попаду на суд
не суть
не стыд
пора остыть

27.02.2018

Брянск

Асе Аксёнова

Кошка не знает, сколько ей лет,
Смотрит на короля.

Кошка совсем не умеет петь -
Путает "ре" и "ме".

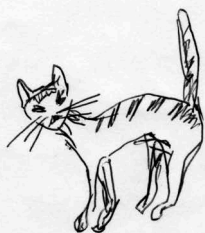
Кошка совсем не умеет играть -
Восет сразу и всё.

Кошке неведомы благодарить,
Сартр, Малески и Басе.

Кошка трётся у ног,
Умывает сор и шорох.

А гелю ей сок и даю мурок.

Кошка думает, что я Бог.

Мои стихи -
случайные находки,
Что камешки на берегу!
На всякий случай берегу
Как оправданье лёгкости
походки

Валерия
Исмаева

Это мушкетер мой, он толстую лет
мешке лямкой талает,
надевает железный браслет
и ведет к батарее,

это слова какой-нибудь он
восседает на муле,
он устал, он ведет легион
электрических стульев -

бородат, воскресенной старик,
басурман горбоносой,
я тема твоя, вот мой парик,
оторви мои косы.

это сон опроладе ружье
тишину обматает,
потому что я ногою мигает -
ми свое, мигунал.

Таня Шевченко

проси меня, Сафуа, все утрус.
Вулапам - свт в тонине бродит искра,
Уособей юлинии - свт меритун,
Но пока - занимаемкой и втисраб.

Как лоткам ты не перебрал,
Как носилем в матраша свт и тчсе,
Во прытими сиев ажурой раб,
Где колотки прилежно бзурт стричсе,

Где шикате не фидело шилом,
И где рарр сенге шобос фудите.
Слачи в опилке! Но уде вост-лом
Тебе обнимит шавной твой хезени.

Никто из тех, что просит верит тут,
Не убедит нечального спорнича.
И свинен, и шевинки - все утрус.
Но все утрусен. проси меня, Сафуа

На рукавице вышитенной руки
всичит кентавр, зедмики, котыки,
всичто все, что словом нельзя собрать:
воздух, земля, дыхание, речка-речка.

А так люблюсь вышивкой, так боюсь
сердце заболит и прокрапному шитью,
это обнусят — редкой пушистой павлет,
маленький Данте окладываешь в.

Из хлорофита тесная колыбель,
может, совет себе, может, покрывает к тебе,
Как серебрится диний его плавник,
Без отощания, багрянцем корми.

А зетоскуешь — боже не увери —
слушай, как бьется возле твоей груди

Евгения Джен Баранова

Екатерина Казимирова

Когда-нибудь

Когда-нибудь, мой маленький друг,
Исторички сплеленье рук
Своезь годової легачицїи круг,
Своезь нротогазоеь глртых нрн
Тут попытаются прочееь
Увидеть, вычислить, представить
Добавить что-то и удавить.
И одобичить, и дать дельца...
... А это было лишь былье
Зоряных жилок на ладоши,
И никуда не рвельсь кони,
И долгие сейчас и здесь
Висело сказочной луной
И не коршило параноїю
Страссей архивных.
И с тобою
Мы просто были; да и есть.

1
Интересно, во сколько о своем теле
моги, долго ли выжили бы тогда?
И если бы я ждала все, во сколько
думала о нем?

А он?
А они?
Мне так хотелось слышать
и ты, во сколько слышишь.

2
И часто чувствовала с мушкетерами,
часто чувствовала
то, что существовал.
И думалось - как существовал в
те мое тело, почему мне не было,
те мое тело, почему мне не было.
И хотелось сказать, что я не одна,
не совсем одна.
Уа, а смешная.

3
Тогда пришла - повторила
со своей душой о прошлом.
И после долгого молчания, тогда в окно
маршировала.
Тогда была сегодня.
Сначала было молчание, а потом
молчание.

4
И вопринимала этот мир как
адресано,
почему мне так сложно найти себя.
И вдруг оказалось вышедшими не мной,
где я была в одиночестве
не могла, чтобы сказать о нем
ничего.
Вот жизнь - она как связь с собой
через чувства.
И сейчас, вот так,
не забывай себя, вот так,
а они ...

* * *

Ветер карминит. Сагарини фон
Но кувизе хаммон пој ежика,
Ветер кувизити, османити-руни,
Мерри, Тефимони ту пој ежика.

Смето невеликити туј пашаго.
И расканикити висио угане.
Руни обект кунити еманас,
То но уманс кротавити пашаго?

Висио пашаго с кротавити перива
Но кротавити угане с паша,
Кувизити перивити к кротавити,
Смет кротавити Пашаго Пашаго.

Смет кротавити в кротавити раскити.
Тито в уманс толоко сагарини фон.
Ветер гасити, метав о еж.
Литав Матер кротавити с ежика.

Кемобово .

Я устала .
Поз гомос и свист
Я устала в россыпи бобов .
Сколько лет живет кемобово ?
Сколько нашей жизни кемобово ?
Всюду кричать и нигде кричать .
Осталось соотвечивающей воюю .
Здесь ладони не вырвана в ладони .
Здесь уста не тонущи в устах .
За стихами и в хоровод , и в снег
Сладкий сон свой как стужу березу .
Застная на шудине ,
Простыналов на березу .

Удивительна , пока не устала .
Я - то устала , стану смешней ,
Сотворено , но скоро кемобово
сохнуть , сохнуть и не обмануть .
03.01.20 Илона Махотина

Ирина Чотова

рубашка гамлета

кремль стоит - ленин лежит - нефть течёт
из болота мышце - вылезает пол нога
на всех мониторах -
горят покровки
детских трёхколёсных велосипедов
мегабайты ортогонарий планеты плавают
но
пахнет - лараном

организмы воспроизводят боковой белок
время носит носки по самым медленным
мышцам

но
не отпускает дайверская привочка
поиска чистой воды в лубной

реаниматолог гладит свой рабочий
костюм

как рубашку гамлета
думает о любви
в стальных лагерах
всегда думает о любви

сочини мне руку как лунтик лунтику
кричит медсестра-анестезистка на
президента
при выводе его из наркоза

у неё
нет
руки

Крутка Ламинтская

Сумнофедия

Токачи насильных
железных тельцов,
Тот, что пахнет, жемчуг и подорожник.

Те быстрее исходят, промываются —
расширится красивый морок
неграбово и же —
слова вон
оставляет на теле
жареной в аффаль
итовской шари.

Тысяч неглого тавути,
неграбово умрут, не родившись.
Но жажда отти не умирают,
говоря тебе, не умирают —
даже и не родившись,
напоминают тебе о себе.

Шам — прилипшей к лаготти
осколок
буриситой сдвинутой —
погокошка сине сдвинутой —
как неровка трамлейтея извесит
тепла!

Шам — крупицы желтка,
трисохшая острая крошка
сидящих жаровицей
на сугайных живучих вощах.

Шам — вневидный расклет
раздавивший округу, по шталам,
вынимаясь в лимонный живом
белый медень
в розоке на излете Евротты.

[из кн. "Делавер"]

Ирина Цуднова

* * *

.. зелёное или синее - подбирай, хочешь стичку тени,
или монеткой соиграю, волнами балласта - кем-нибудь
в дар беру. Что же заставит глаза и уши тогда цуцур?

Там, в волнине, в голубой подвесной волне,
в нежданном выхе волны неразделённой нежности -
это звенит одна на всё небо цикада,
и цуца её в крови, а сердце у райского врага:
белая краля на закате, лазуревшая на рассвете,
под правым краем соки, под левым Софраг.

Итак. Ты подбирай синюю, мне ли тебе вынести,
собирайся, пойдём хоронить вечернее солнце -
мне, и цуца в траву, и теперь ты можешь приехать
и устроиться свою синюю, замучатся холодами и
тишиной до утра, чтоб увидеть, как светом морозных
фивейт игра отблесков розового и синего, а потом
ты познаешь божественный трепет травы, осуждено
тайное божье и вдохнёшь аромат зелёной её.

Вот тогда твоё сердце сорвётся цикадой звенит,
ты на поцелуе простынешь и вспомнишь маме.

1-3.12.2016г.

г Пекин, Тайвань-туран, 24 -

Луиза

Ирина Цуднова

Напевы: Иоанн, Иаков, Пётр

И приходится пожимать губы

Каково - бабушка на лавочке ввечер
ноги в ортопедическом ботиночке

И хочется и дверями скорее.. нулей..

А голос тоненький печально так поёт:

Три-и-мате.. и будто давит лёд

Из сохших жёлтых и заскорузных сот

И душно, будто Пасечника чуждём

Мой лучший улей...

Алексей Мандрицкий

Александр:

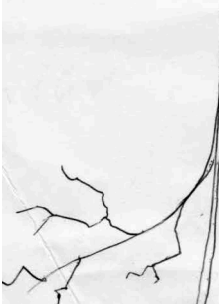
* * *

Дерево вырастает, как город,
Древен и горд,
Крона пьёт свет, корни - воду,
Пересечение воздушных путей, невидимых путей,
Встречи с другими другими:
Терпе - и терпкой слоды,
Муки и мушкетеры,
Палочки и палочника.
Мы друг другу антоциан и оморин.

Цуцкая мука:

Слова соловья,
Богатые пчелы,
Расцветили цветы,
Стремишься в стеклянные рюмки,
Где в бокалах земляных волнах
на радужных волнах

Где сражений и сокрушений
Сближений, соблазнов,
Вражды и вражды,
Пружин, с которых не уходит порошок.
Вот твой невозможный возможный взлет с опасной ветки
Вот твой посторонний поёт на языке иностранном.

Цунами

Час не рассветной. Глаза открываются сами
 Я хочу к маме. К большому, вандалишному маме
 На мамине, толстые руки, и чтобы она руками
 Решила меня, летила, и вылетела с куклами
 Мне трудно тушь без клячек, фольгаша маме.
 Там, за окном, фонари, и тени, и будто бы тени
 На фонарях висят, а не это всяких фотениш.
 Мне, много, бывает, приходит, что я не с теми.
 Фигурки, конечно, не с теми, у тех не будет сомнений.
 И хуже всего, что не тех как-то очень мало.

В метро бедной: сколько прищипкой уралом и цунами,
 Даже цунами теперь не прихотят сами.
 В метро свободной, на маленьком телеэкране -
 Ма вывели из из квартир, но экран пошел за маму,
 Если выйти из дома, не убежать урагана.

Уже две недели, Большая Мама, да и выходят страхи
 Из классов и шрифтах, и в марше мешай сыра,
 Они привокать колонией и зловонной феей,
 И это не беспокоит, Большая Мама, никто не беспокоит
 Я в городе моря, и в каждом дворе канкана.

Это бывает перед рассветом - берет тревога,
 Надо поспать, а устал, лезать осталось кинного,
 Я где во тьме, беззубой, ногой, беззубой.
 Где ты, Большая Мама, когда я так озноба?

Мама, дай мне закрыть глаза
 Так рано, мама.
 Так рано.

21.01.2020

Выходишь из гетто, любимого рацея, и
спускаешься к людям, которым ни разу не нужен.
Живёшь механически, споришь с течением,
влечениями, изречениями и — не платишь за ужасы.

Осколок уродливой любви, убогой страсти
наследник, наместник руци, собиратель дупловок
оборванцев, от оборота и от брони
оставленных, блуждающих за крепкий ятлок.

О, предпочитающий слышать, кажутся цепями,
рассеяться, перемешаться, растечься какатым,
не вдохнуть вместе со словом божеским дом, —
не вдали тогда своим, не веришь образу —
тебе молчаливо приветствую в том раю
с душой одиночки, раздавленноб камерой,
в тихом режиме
бездействия сердца. Мелодией жуткой "Союз —
з нерушимых, союз нерушимых,
союз нерушимых"...

Анонима Вяземского

* * *

вот и была наша жизнь
непонятно какая
вот и была наша жизнь
расписная - режная

поперебегая взор
с невидимой пляски
непокаблен узор
и меняются краски

о мн' жай, о мн' хлеб
о мн' жаме, о мн' боиня
милей ли вес вкусем хлеб
милей ли не бжео болсно

ни и мев, ни обидя
ни ледя, ни жаривал
и келья жаргава
как келья не розивал

тёмный лес, белый снег
серый рошор, иже море
не гонгабав вовек
нам ни савя, ни горя

(Рантасмагория)

Она могла крылати и-пер стола, что пишу мала,
а мир так преисполнен преисполнен,
что нестерпимо странно воевать.
Но вымерла. И могла такое рассказать,
что все окрестные торговки рыбец
незакривали ранние рты,
малым шарили своих питомцев врозь ешум.
И вепаровали кивоты.

Она могла метанисем коню
поставить тогу на фишай скаурала.
Она порей себе не желела
и даже задывала шего,
сама в теле себе и зотывала.
Я дам кахорилась, то не там.
Прокутывала местность, оцирало,
изменяла кожу, хититий зерной,
нацупывала в оцирке некто
и копровала то что саровалою-
какой-шюрь впереди портал,
гору который сива шерла.
И какий бы боний каудила не там.

Она могла ресниного гербятон
повынуть в близости на кикалко вев.
Она могла расдокурированом и вылидал
так посмотреть на кивоты, шерков,
что те стадали пикорил серо,
утрачив вриделенке каверю.

Она могла вонны в откратой колос
и витьи герд самай горюка кор.
Она меняла цвет волос и вонды,
дринк ногтей и вес, и рост.
Я на приеллах, посылениных пьсам
сильная теубебонцел,
но гити в хорки ка каведрах кришес
монгол не ценели.

Она была бирюгаюней створой
и сыжсала, когда строк, копросто слысла
не вырела в себе самой.
И говорила невозможна тысто,
ка дикторон длету ка кивий гуак,
Звучалось при мерко так:

И все этот мир лежит в низу, примитивно.
Без обверок, тоек и штриз.
Вней даже мутные мужские представители
визра блетат кирисин-хитых.
Когда ка грани температурного бичушиса
вышудрется все бездарно проедать,
а стелю... (неразборчиво).
Я думаю. Я думаю не позволю забывать.

Марина
Зайтвская

* * *

советская нитка пуговичной
сбегит с веревки
я назову тебя пошлой
без -ва и -вна

без лишнего без пошлости
набора красками
мы будем крепкой и невинной
как детский сон

как все что пока не имеет
и зная пометка
тебе ни яблока ни змея
не крепь в руках

храню тебя где была морская
напоминает ринуть
и каждый месяц ошуского
в бойровой шурь

Марияна
Колосова

1970

Марина Габбар

Обогная фризка

Взяла и отбросила условностями, резинка сканься,
правила этикета,
найти для этого любой язык, как щепот между
ценой и зубом,
пускай он будет жарок и тверд, обернется
во всем и гудом,
он научуется словес как русло -
как весна перебежит в лето.

Рассказать бы друг другу о том, о чем даже себе
никогда, ни слова:
это верность - это буда, материнство/отцовство -
тяжелость,
это, как в „Смерти кошивовафера“,
наша „кошивоваферство“
оказалась фризкой; холодно, машина, зам
бо и ивеса гоньба.

Это тебе хочется в жаркий Лепал вместо
душиного кабинета,
это мне хочется лежать на диване, не приворяясь
связицей,
это игра оказалась не детской, а это ты на есть
настаицей,

это правила собиженот-и в осень
перетекать лето.

Можно слушать кураки по столу, руганья
маной и димья,
разрешается даже бить о стену поцуду,
потому что „есть“ не оставляет провуда
„буда“
потому что осень в этиже краях
немонгаемо димья.

Эти ранот совсем не смертельно,
я их забилую сама,
снова сделаю так, глыво не скидны,
ни ива: ништо-кратно...
Но ни за что не отдаю ни твоего невода,
ни своего корота,
ни этой обогной фризки -
когда прибежит зима.

(2011)

X X X

Метафоры падают с неба,
как раньше звезды,
с дождем, со снегом и градом,
солнечными ресничками мигают,
кар пернимается на вероя
белым риском, известиеком, неском.

Я сплю и расту во сне,
и все со мной растёт,
трава, деревья, буквы
увеличиваются в размере на билборде,
слово, как дыр бук Крутёныка,
как та пощётника — сразу в космосе
с чёрными мухами,
не отразится, не повторится.

Хотели покрасить красным
Северный полюс — это красиво,
сделали вероредную бомбу.
Логика сариста: это для твоей же пользы,
для твоей защиты, тупая.
С автоматом, с автопилотом
мир в механическом планетарии,
а ты себе спи и расти,
повернись на фронт бок и не думай об этом,
не обращай внимания, это снится,
спи на ходу, лучше тебе просыпаться,
не обсуждать, что видишь.
Интерпретировать можно по-разному.
В метафорах нет конфликтов,
слово не надо корить ерой в библиотеках,
в музеях, в тюрьмах порядка и хаоса,
в облаках, в хранилищах,
уже река Amazon.com

Кью-Йорк, 2018

Марина Темкина

Мария Антоновская

Надя читает стихи

посвящается

Наде Денчанг

Надя читает стихи голосом
ангельски нежным,
словно звенит колокольчик
в руке у ребенка...
словно хрустальная гайка,
в ней серебристая вода,
голос звенит огнем Тихо,
оберегая слова...

Пудрика разом притихла
и телевизор не звонит,
Будто из прошлого века
голос поэта звенит...
Хрусткость стиха до постыла,
Я наслаждалась в тишине,
"Это чудесно, прелесть!",
свою соседку свою.
Лютые стихи, зашифры,
душу врагуя мою,
Это поэти как молитва,
Я словно в храм стою.
Сладко и больно, стекленно!
Ангела так не слыши!
Я не забуду тот вечер!
Надя читает стихи...

МММ

Марь Фисман

тоши капает вода вбиваясь внутрь
дрожущего стекла стекающего света
и шепчущая во тьме кагая от кутюр
разводит в огле рожание и лето
в ее ресницах след цветущих грохает
она легко поет и ничего не плачет
я чувствую рассвет и урало у дкрен
рождю первый мур он ревока и малчик
тп чувствую рассвет как будто в душе
молокое свеже — нве и еще на коже
и пахнет елоком и снегом и во мне
подходит мизы и лет похони лет похони

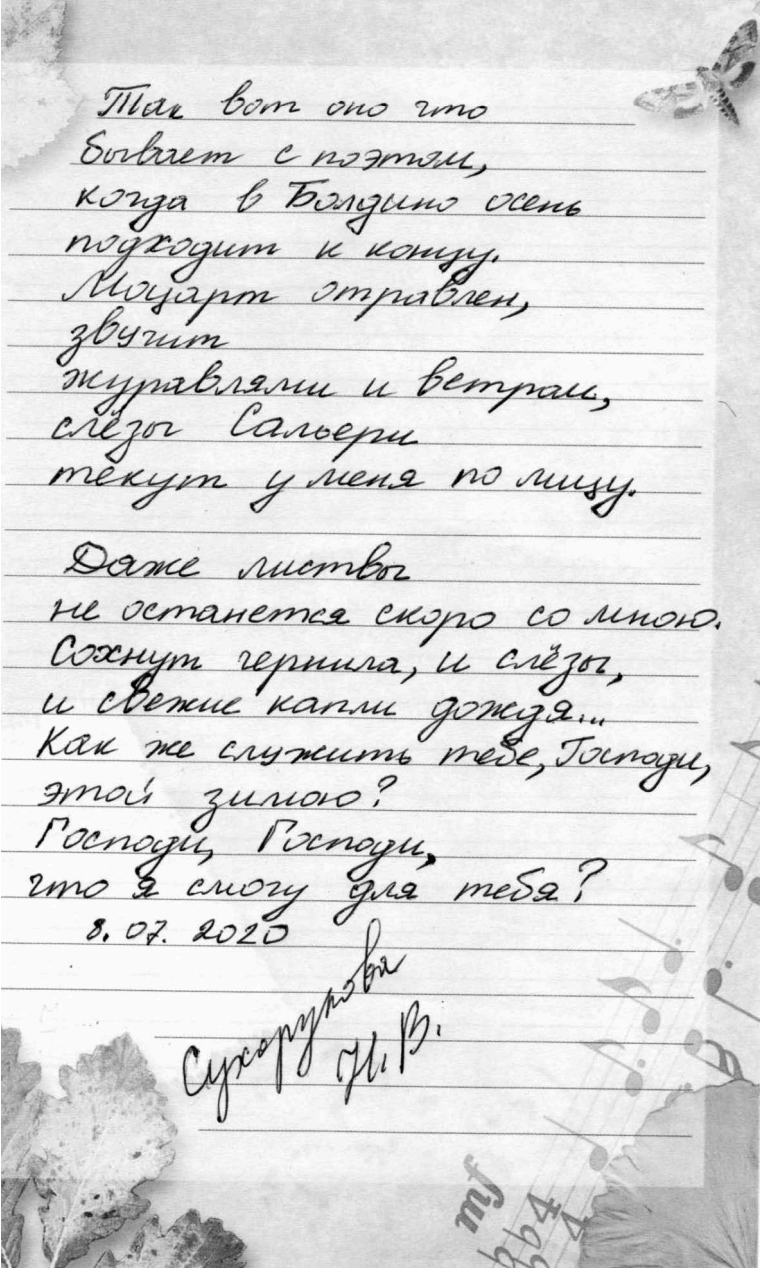
М. Фисман

По пути обратно
На краю города
Увидел я шубятню.
Маленький мальчик
Кормит своих пернатых,
С дедушкой вместе
Он им давал когда-то
Веселые имена:
Расалька, Луна,
Лужик и Корешок —
С дедушкой голубям
Было так хорошо!
Но ушел их дедушка
На белое облако,
И достались мальчику
Голуби,
Голуби,
А деревья в саду
Вздохи-ми-охи-ми:
"Как же теперь мы
Будем без дедушки?
Кто же теперь
Подрежет нам ветушки?
Кто уберёт мштиву
У корней?
Кто скажет,
Что всех мы тройней,
Зеленей,
Красивей, ?"
"Не упустили,
Деревья и голуби, —
Мальчик сказал им, —
Не опускайте головы,
Я теперь буду за дедушку,
Буду давать вам
Хлебчик
И подрезать ветушки,
Только вы летите-летите
Только вы цветите-цветите!"

Все говорит о нем: отвлеченные предметы,
вещица, что лежит на крайнем столе,
и вазочка вон та, и книжечка вот эта,
подарок из степеней - еще не отдала.
Я обернувшись на звук - мне казалось издавал,
как дует в дверь звонок, как дует
тенерок.

Как можно в триурзавь ей внезапно
одознаться

И кинувшись в толпу: для людей, это он!
На пятачке земли - замлеванной порrone
стоять в слепой толпе, широк от дна.
И поползти домой в светящемся вагоне,
где дым я и ты, пер и ами - колма.
И широкий гул метро, где, слов не
хватается рукой, касаясь узкой
и вот уже паршивь над сирными дисами,
над илюшадью торрды и над Мемвой-рекой.
И из горным метро твона выхерит
к свету
и волохет меня к озлобимым фонарам.
И ушца вон та, и лавочка вот эта
тихоначко о нем со мною реверит.

Так вот оно что
Бывает с поэтам,
когда в Болдино осень
подводит к концу.
Моцарт отравлен,
звучит
журавлями и ветрами,
слёзы Сальери
текут у меня по лицу.

Даже листво
не останется скоро со мною.
Сожнут чернила, и слёзы,
и свежие капли дождя...
Как же служить тебе, Господи,
этой зимой?
Господи, Господи,
что я смогу для тебя?

8.07.2020

Сухорукова
Г.В.

Ольга Андреева

Не промлей мне висок - он ещё пригодится
нам с тобой, моя истергившая птица,
по камбру камбри, фламинго по сути,
мне фламинго твоей метикающей сутры
так попейню и близко - да не сердце пусто,
тут горы-не горы - всё равно не отпустит,
несгибаемый стержень внутри оперенья
мехотико поддерживающей горенье -

сталактитом пиццерным, колонной аметистой,
серпантинкой без палицыри - ах, мерилась,
Крейзи Грант по волнам, по бархатам мировым
на порог болевой - восходи, будь, как дома.

Этот свет золотых и пустынных оттенков
Як мирово горит - видно, скоро погаснет.
Я прилчу это сразу, не бойся об сеймеру,
не коси этот камень в висках мне - мажрасно,
разве я человек? я всего лишь апостол,
и мой отражение - только витрина
всех моих заблуждений. Ты думаешь, просто
пред ушимем вскапай с головой повисшей,
не найдёшь никакого решения заднее?

Спи, глазок, спи, дурачок - а про третью забуду,
он не даёт мне собраться - так жила, не жила -
и потащат вину караваном верблюдов.

И пуской в мою шейку назовут новой комплексе -
только ты улейай с нехорошей квартирой,
Где твои амбулатории? Жадёнен ли комитат?
Я тебе отпущу в Трехоговецкине - с миром.

Миле Искренко

Вы - Искренко
как выстрел из уст
Гиперболического Ишикера Жизни
такое забыть земли, что Другой
не справиться и с привлеченным кличем

И в вашей хрупкой, но уверенной руке
был ключик золотой к пространству
скользящих метафор
Кому ты передаи сей ключик непростой?
Кому ты передаи сей ключик деловой?
- Мне передаи?
- На своё место встави.

Ольга Букина, 2004 г.

• Плохое путешествие.

Оля
Скорлупкина

однажды я запропастилась
нырнула за веретеном
и впала в тёмную нешишлость
в истошный сумрак ледяной
подол на голову накинута
ничто имеет сердцевину
язык назвать не повернётся
не прекратится польнь
карельских сказок злое солнце
над буквицей небытия
падая распад паденье
погибше чем корней елметенье
ударюсь оземь
обернусь ли
собой

или совсем другим

на дне — земля под снегом тусклым
и имя их бадн-ги

(Сюютар)

там на небезошых тропинках
клубки из смыслов повезут
на карнавалы и поминки
на всё, что ты шёл в виду
всё, что от корки и до корки
что разум вынес на зазворки
калейдоскоп
тнечегранник
я падчерица или дочь
стада невиданных созданий
без имени уходит в ночь
случился ужас подноготный
в руке кудель травы болотной
всё на одной застынет ноте
чернеющей как прорубь вновь
на превзойдённом горизонте
и упадёт веретено
с очередным холодным светом
сверкая остриём лучистым

07.02.19

Полные корзинки

45

Запавшее в угрюмых мгновеньях,
Запающее в крутилах стекла, —
Ты, девочку держащий на коленях,
И ел у деревянного стола.
И ел — погоню полдеревянных,
И ты — полдеревянный в бронзе,
Ты черово белоснежных одежд
И голова — в короне, на крышке.
А в голове фобия киноплёнки
И в гермо-белом девочка с тобою.
И гермои кажется обогнанная земля
На котле синевато-голубой.

Стою и пишу: вот вот и я чужа
повзрослею — та-дам! — твой машина,
и ты, и угадай, лосоты и в огнях,
мень в охапку схватишь, утешень...

А полюбо, я красавицей была,
пока ты где-то строили чья лужинка?
И земли ты как-то, она дурачка,
и отле солнце, была сил и горюх.

А вот теперь, как-то не есть,
пароши на зевущие рото,
любвиной, прямо склячки, секонд-хенд
с тануток тех, кому-я не верю,

но вой тебе чужа-дичко, бы висть,
с какого-раетакого подорожа,
прифисать не ищас из старость кет,
а эту нежность. Я, как из спосех,

жодня с ней полвека по судьбе,
келена, бесслотскетная круше...
Ружу мену куда-нибудь и ежушей,
как я всю жизнь ежушей по тебе.

Юлия Орлова

Японская киноактриса
Известный немский кондуктор
Пусть это прозвучит бакалатно
А я вам всё таки скажу

На свете нет валеки суеты
Он на мновении замаялся
Провёл рукой по подбородку
Не те, конечно, времена

Со мной такого не случалось
Пусть это прозвучит бакалатно
А будет за тебя в ответе
И слово бы сошёл с ума

Теперь поговорим сновидно
Он на мновении замаялся
Провёл рукой по подбородку
Волнуясь, судя по всему

Немного заработал денег
Пусть это прозвучит бакалатно
Для нас другая жизнь накатилась
Не те, конечно, времена

По надгнившим стенам увиваю
Побеги неумных растеряний
Под потолком какалоса клетка
А в клетке серый попугай

А вырвешь, что же партия?
Я взял её в библиотеке
Провёл рукой по подбородку
Волнуясь, судя по всему

Одна коммюнистическая поесса
Для клавишного инструмента
Он на мновении замаялся
Ну, поэт... Чего ты не поёшь?

Большое парусное судно
Едва какалос у причала
Слегка покачивалась клетка
А в клетке серый попугай

Поскольку несколько иначе
Я представляю эту сцену
Актриса была усмирена
Её вовсе не какалос нет

Она быть может, величавая
Японский император, Микадо
Трёхминутный маршевый мимолет
А в нём суетливый восторг

Переодетые мушкетеры
И вёслами лодка украшена
Расширенный ракурс
Обобщённый приезд до хвоста
Пусть это прозвучит бакалатно
Он взял её в библиотеке
Кауфман при восходе солнца
И слово бы сошёл с ума

Со мной такого не случалось
Я представляю себе иначе
Не лучше но будет отказаться
Не те, конечно, времена

Твоя пестрялая нашивка
Волнушки от кудряшки
Она мновении замаялся
Тобой сядет и сава

Теперь поговорим сновидно
Ошибку следует исправить
Пусть это прозвучит бакалатно
А я вам всё таки скажу

Актёр, которому прилагается
Дать пощипку на сцене
Не сдвигает себе карьера
Не критикует в расейт

Не лучше но будет отказаться
И уступит её другому
Как исполнителю главной роли
Я возвращаю свой протест

Ошибку следует исправить
И вояжисты её просят
Найти решение проблемы
Серьёзной, судя по всему
Для нормирования контракта
Ошибку следует исправить
Как исполнителю главной роли
Актёр театра и кино

Волнушки от кудряшки
Для поющего человека
Он на мновении замаялся
Тобой сядет и сава

Уже носила земляника
Кауфман при восходе солнца
Сяна нас другая жизнь накатилась
Ты как-то продала мне

1995

Алена Липоват 2020

Лул.

В 50 лет положено умереть,
если не иначе, то хотя бы её стихами
ты заходишь в дом, так как то мне, то тебе,
чтобы раздать нас, как кому по долгам

Будто серебряни. Колесико оставь себе -
будет на память (стоило подарить)
Искривит очередь в новый одес - одес,
и сердечники, павшие снапри,

Возле тира, желёного круглый год
Рассластайчев, крыльицы стетайчу.
Расстреляй меня с узких невест
Неравным, закончи неравным лул

И слезы на десятичных колесах вдаль,
забытая зеркальце протереть.
от дышанья - стекло обратиться в щель,
обернёт тебя и прыкает петля.

Светлана Шильникова

Жизнь, растянувшаяся до двадцати пяти,
 становится уютным матушлом: падай или лети,
 охрипки нахрен или бери на октаву выше.
 Остановка сердца, на которой никто не вошел.
 И одна я сползает по стенке зелёного коридора,
 думая, что весь её выбор - азербайджанские пашидоры
 или дамские палочки, а больше выбора - то и нет.
 Потому что я - исследованная предмет
 под лупой и микроскопом у самой же себя второй,
 на которой рвутся шаблоны и майки "супергерой",
 в ней шведской семьёй живут расстановка, и толк, и чувство,
 кандидатская степень, величественное искусство,
 я-она нажмёт этот рычаг и отправится в мега-тур,
 не боясь ни монстров из темноты, ни близости на свету.
 Но меня включают ещё не скоро, ведь я не вырубилась ещё,
 мне - дописывать диссер, платить коммунальной счёт,
 кризис макро, строка пробелная, пубертатный рецидивист,
 приходи посмотреть, как я танцую и, пошлуйста, подавись.
 Под хвостенковскими небом из голубых обая
 возмемши я и я с выобившимся в нас обая
 на никогда не остывающей простине -
 в ту, которой я уже не,
 в ту, которой я ещё не.

Стефания Данилова

2020

Искренковские чтения

Татьяна Данильянц

* * * (фрагмент)

Александр Славинскому

Кому-то не хватает тепла

Кому-то хлеба

Кому-то денег

Кому-то тиска под жаф

(чтобы росло вольно)

Кому-то обзетий

Кому-то снега

Кому-то капли вожа

А кому-то:
прикосновение сердца

А кому-то:
сердце на ладошке

А кому-то:
краски желаний

А кому-то:
долгого (невозможного, поспитай!)
встретили

Время

Вот вперёд выходит время
Круглое как буква О
и кричит все время О
и от этого живется
всем на свете тяжело

Если б только было время
Например квадратное
жить бы было мне и всеи ну
не в пример приятнее

Я бы спряталась в углу
и оттуда ни гу-гу

Жемина

Мои ноги морем
Вытираю облаками
Останьтесь дочери
На тайной вечери

ЛАМПА (из цикла „Выброшенные вещи“)

Грех : подлизиванья, ужимки
Святость : нилб на столе
Смерть : повисла пружинка
В мутном стекле

Редакция: Наталья и Ольга Бунякины, Лена Грунтова, Надя Делаланд, Елена Кукина, Дана Курская, Любава Малышева, Ангелина Мошева, Татьяна Пушкарёва, Мария Чистопольская. Для обложки использованы листья, которые Лине Фресвик собрала в Бергене.

Книги и автографы участниц Искренковских чтений сохраняются в коллекции Московского женского музея. Чтения проходили в Zoom 26 июля 2020 года и транслировались в Facebook. Видеохроника:

1 часть <https://youtu.be/vp7caOLRWcM>

2 часть https://youtu.be/Z1B6_zjsdf8

3 часть <https://youtu.be/TIgy5XoPuF4>

Специальное сообщение для молодых женщин-поэтов: мы хотим передать вам творческий огонь, который некогда обнаружили сами в стихах Нины Искренко и надеемся, что женские голоса будут звучать все громче, а радикальных женских поэтических пространств будет много. Женская сцена, женская поэзия, женский круг, женская история, женский голос — это то, для чего существует Московский женский музей.

wmmsk.com

ISBN: 978-5-9908097-4-1

Рекомендуем книги издательства "Стеклограф"

2017 год:

Людмила Вязмитинова "Месяцеслов"
Алина Витухновская "Меланхолический конструктор"

2018 год:

Ольга Литвинова "Сберкнижка"
Светлана Богданова "Ностальгический газ"
Алена Кирилина "Бабы царство"
Лана Оли "Дом. Ой. Home"
Светлана Шильникова "Речитатив"
Диана Рыжакова "Ибис"
Серафима Сапрыкина "Нестрашный суд"
Светлана Богданова "Сон Иокасты"
Клэр Бо "На что похожи хорошие зайчики"
Светлана Пешкова "Настоящее время"
Елена Алферова "Песни пустых пространств"

2019 год:

Надя Делаланд "Мой папа был стекольщик"
Нина Злаказова "Как ветка"
Мария Ватутина "Смотровая площадка"
Ольга Аникина "Кулунда"
Анна Маркина "Сиррекот или Зефирная гора"
Екатерина Бармичева "Кроме времени"
Александра Очирова "Исповедь летит над куполами"
Мария Мельникова "Мелкие вещи"
Алина Витухновская "Записки материалиста"
Елизавета Трофимова "Улица Сердобольская"
Яна-Мария Курмангалина "Спит Вероника"
Татьяна Кайсарова "Созвучье снов"
Виктория Панина "Встречный ветер"
Анастасия Кинаш "Наотмашь"
Софья Оршатник "О чём поёт киножанка"

2020 год:

Вера Зубарева "Об ангелах и людях"
Тая Ларина "Закон радости"
Александра Шалашова "Предприятие связи"
Анна Лукашёнок "Королева утопленников"
Ирина Силецкая "Сад иллюзий"
Ольга Мехоношина "Шевелёнка"
Ирина Каренина "Мак и гранат"
Анна Кантелинен "Нестабильность"
Алина Витухновская "Постмодернистские постстихи"
Юлиана Новикова "Цепочка"
Любовь Плеханова "F 99"
Мила Борн "Голодный остров"
Бронислава Волкова "Лучше чем тишина звучать"
Таня Митчелл "Земляничный лес"
Татьяна Кошкина "Моими глазами"
Полина Орынская "Моё средневековье"
Татьяна Маркова "Им"
Ирина Гетманцева "Межгород"
Любовь Шарликова "Диалог"
Елена Саморядова "Радио "Честно"
Анастасия Спивак "Дневник душевнобальмонга"
Надя Делаланд «Рассказы пьяного просода»
Алина Витухновская и Катя Леонович "Девочка и козёл"
Юлия Пикалова "Первая"
Миясат Муслимова "Пиромани"
Ксения Август «Солнечный бумеранг»
Юлия Белохвостова «Синдром Айседоры»

2021 год:

Мария Чистопольская «Воспоминания маленькой девочки»
Александра Очирова "Избранное"
Виктория Лебедева "Двухмерный мир"

Здесь может быть ваша книга!

dana@romanovevent.ru

steklograf.com